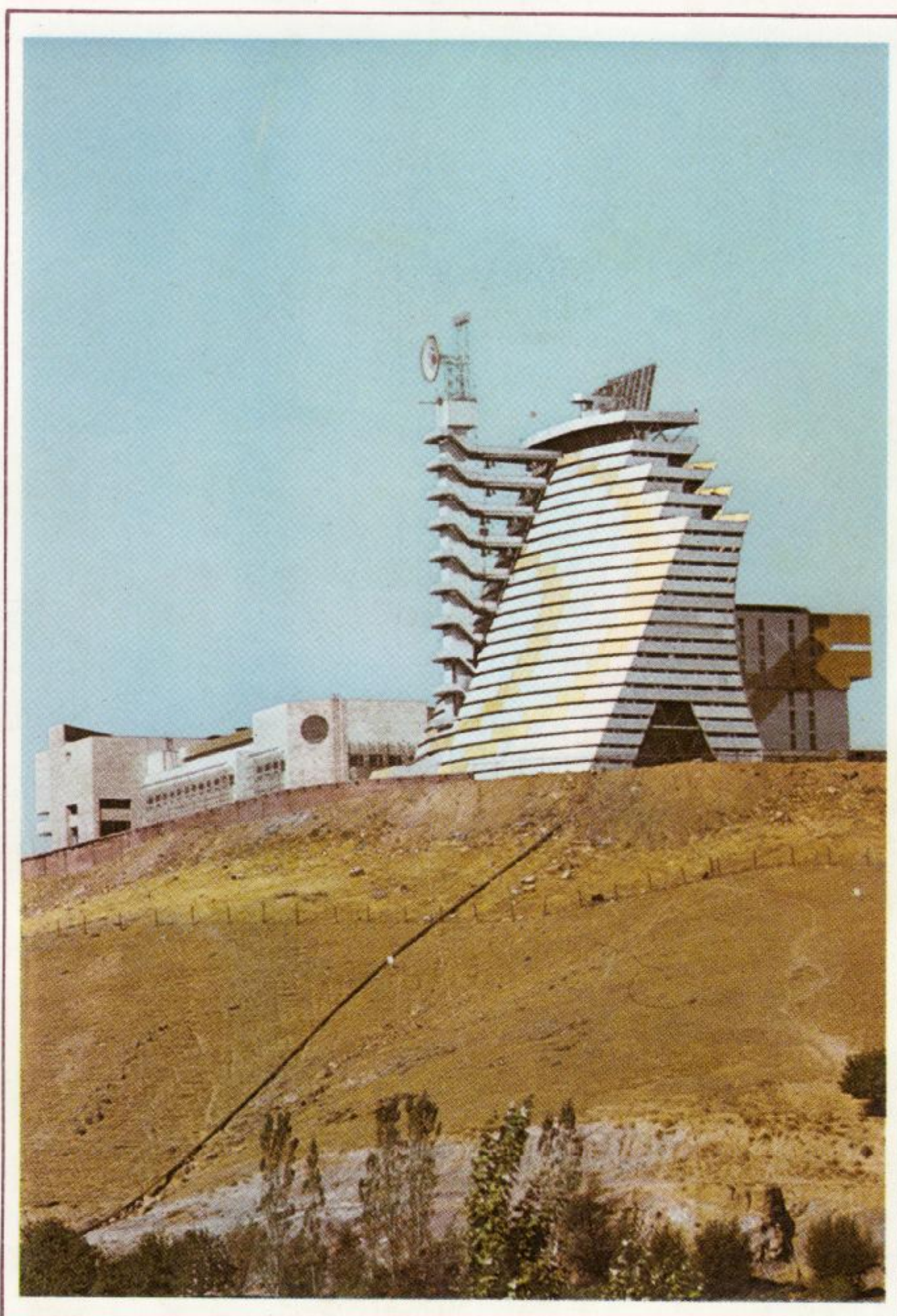

АРХ2

ISSN 0004-1939

АРХИТЕКТУРА СССР

март-апрель

УСКОРЕНИЕ

Промышленная архитектура —
вчера, сегодня и завтра

Издаётся с июля 1933 г.

март-апрель 1988

Редакционная коллегия:

В. С. Тихонов
(главный редактор),

Д. Н. Авдотьин,
М. А. Аникст,
А. Н. Белоконов,
В. В. Блохин,
Л. В. Вавакин,
В. Д. Глазычев,
Ю. П. Гнедовский,
Ю. А. Дыховичный,
С. Г. Змеул,
Н. Я. Кордо,
А. П. Кудрявцев,
В. В. Лебедев,
Б. А. Маханько,
В. М. Овчинников
(зам. главного редактора),
В. П. Постнов,
О. И. Пруцын,
Д. Г. Тонский,
Д. Г. Ходжаев,
О. А. Швидковский

Макет А. Гозака
Обложка Ю. Аввакумова,
Ю. Кузина

На 1—2-й стр. обложки:
Концентратор солнечной энергии

Ответственный за номер
М. Евсеева
Художественный редактор
Г. Ядрышникова
Корректоры
Г. Г. Морозовская,
М. Е. Шабалина

Сдано в набор 24.11.87.
Подписано в печ. 29.01.88. Т-04212
Формат 60×90¹/₈. Высокая печать
Усл. печ. л. 16. Усл. кр.-отт. 5
Экз.-мод. л. 21,52. Тираж 24 320. Заказ 4513

Адрес редакции: 103001, Москва, К-1,
ул. Шусева, 7, комн. 60
Телефоны: 203-77-37 и 203-71-19

Московская типография № 5
Специализированная при Государственном
комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
103003, Москва, Мало-Московская, 21

© Стройиздат, 1988

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛИТЕРАТУРЫ
ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ

МОСКВА

От редактора

2

Панорама

4

Творческие проблемы

- 16 В. Блохин
ПРОМАРХИТЕКТУРА: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ
22 АРХИТЕКТУРА АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ
28 В. Теренин
40 ЛЕТ СОЗИДАНИЯ

Проекты и реализация

- 37 ГЕЛИОКОМПЛЕКС «СОЛНЦЕ»
44 ДВА УНИВЕРМАГА В БРАТИСЛАВЕ

Творческая лаборатория

- 48 АВРААМ МИЛЕЦКИЙ

Новые имена

- 58 МОЛОДЫЕ АРХИТЕКТОРЫ АРМЕНИИ

Творческие проблемы

- 64 ИНДУСТРИАЛЬНОЕ — ЗНАЧИТ КРУПНОПАНЕЛЬНОЕ?
69 Е. Николаев
ОТ ТИПОВОГО ДОМА — К КВАРТИРЕ НА ЗАКАЗ

Полемика

- 74 «ЕСТЬ ЛИ У АРХИТЕКТУРЫ БУДУЩЕЕ?»

Архитектура и наука

- 78 Н. Павлов
МОСКВА: ЦИКЛЫ ПУЛЬСАЦИИ

Архитектура и технология

- 82 Ю. Галустьян
АРХИТЕКТУРНО-КОНСТРУКТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ

Мастера

- 86 И. П. МАШКОВ

Наследие

- 95 В. Самогоров
ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЧАСТИ
КУЙБЫШЕВА
100 Л. Холодова
ЗАВОДЫ УРАЛА

За рубежом

- 108 С. Суетин
ЖИЛИЩА ДЛЯ МИЛЛИОНОВ
116 С. Казаков
РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ЗАСТРОЙКИ ВО ФРАНЦИИ

Интерпанорама

Критика и библиография

Хроника

Рефераты

Машина, внедрившаяся в нашу жизнь глубоко, дала тот тон, то направление, которое совершенно преобразило формы выявления строительных замыслов. Параллельно с этим следует установить, что экономика во всем мире, в свою очередь, жестоко продиктовала архитектуре некоторые условия. Индустриализация наложила свой отпечаток не только на промышленность, но и на обыденную жизнь.

Большинство архитектурных стилей, возникая в определенную эпоху в недрах определенной народности, приобретает впоследствии международное значение. Если в свое время такое международное значение приобрели классические стили: греческий, Ренессанс и другие, то есть основание ожидать «международной» роли и от той архитектуры, которая основана на общей всем цивилизованным странам механизации труда, производства, передвижения и пр.

Стиль современной архитектуры тяготеет в некоторой части к машинообразным формам, т. е. к формам простых и сложных геометрических тел. Нетрудно убедиться, что бесчисленные вариации геометрических форм дают богатейшие конструктивные и декоративные результаты.

Надо рассматривать машину не как мертвое механическое сооружение служебного порядка, а как нечто самодовлеющее и в известном смысле не чуждое искусству.

Настала пора, когда фабрично-заводские здания должны отвечать производственным принципам нашей эпохи. Под влиянием функциональной целесообразности, присущей машине, новый стиль в архитектуре приобретает свойства лаконизма, утилитарности, упрощения и четкость участвующих форм. Современный зодчий должен быть не только декоратором пространства в широком понимании этого слова, но еще непременно и организатором его.

Признавая за машиной ее положительные качества, надо все же сказать, что архитектурные сооружения, благодаря своему значению, демонстрируются всем людям в продолжение целых веков, чего нельзя сказать о машине. Сооружение «должно» быть красивым. Это не значит, что в ущерб всем остальным качествам здания мы будем стремиться только к созданию красивых сооружений. Красота, как таковая, ничем не измеряется. Это понятие невесомое, не-

Снова весна. Поневоле задумываешься, насколько условны слова, которыми мы с такой легкостью пользуемся. Мир природных явлений запечатлелся на всех языках в наименованиях времен года. Но ведь и мир людей, вторая — не менее важная для нас реальность, чем природа, наполняет слова своими человеческими и общественными смыслами. Поэтому мы, не задумываясь, говорим о «весне своей жизни», распространяя ее на многие годы и невесенние сезоны, прибегаем к торжественным гиперболам, подобным столь знакомой — «весне человечества».

С Апреля 1985 г. прошли три года. Трижды сменились времена года. И все же с полной убежденностью мы делили с вами одно ощущение — весны. Прожитый период жизни был далек от благодушия и весеннего легкомыслия: ведь настоящая весна всегда была нелегкой порой трудов, сева — начала тех дел, которые обеспечивают будущее. Это же время совпало с серьезными раздумьями о прошлом. Революционный рубеж в жизни советского общества потребовал оценить и взвесить прожитое в строгом и беспощадном свете правды. Она нам необходима, чтобы двигаться вперед. Здесь, как и на других переломных этапах нашей истории, партия Ленина выполняет свою роль мудрого, мужественного и принципиального авангарда советского общества. Исторический XXVII съезд КПСС, Пленумы ЦК КПСС убеждали нас в том, что советское общество переживает подлинную весну. Внутренняя и внешняя политика нашей партии позволили народам других стран почувствовать новое в мире. Не только слова «перестройка» и «гласность», но и деловое содержание этих емких понятий современности делят с нами передовые люди планеты.

Но и мы никогда не были так внимательны к мировым процессам и к передовому опыту других стран, прежде всего — социалистических, как это было в последние три года. Уходит в прошлое информационно-описательная манера изложения, заведомо отделявшая то, что «у нас», от того, что «за рубежом». Это справедливо и естественно, потому что отвечает принципам нового мышления, пониманию общечеловеческих приоритетов, без которых невозможно действенное осмысление своих собственных интересов. Вся история архитектуры и градостроительства подтверждает, что их развитие было диалектическим производным традиций и новаторства, местных архитектурных явлений и мировых процессов в зодчестве.

Архитектура и градостроительство всегда были связаны с социальной жизнью общества, с его культурой. Динамизм и размах современных общественных процессов требуют от архитектора глубиной и масштабной активизации этих связей — они образуют питательную почву нашего творчества. Новое время потребовало от архитектора творческого осмысления многих уникальных явлений. К ним вне всяких сомнений относятся научно-технический прогресс и индустриальное производство, ставшие неотъемлемой частью современной культуры.

Обидно и поучительно напомнить, как нерасчетливо мы распорядились с отечественными ярчайшими опытами осознания в архитектурном творчестве логики машинного времени — ведь уже в 1931 г. в Ленинграде вышла книга Я.Чернихова «Конструкция архитектурных и машинных форм». Совсем недавно, в 1986 г., эта книга массовым тиражом была переиздана в Лондоне. Эта книга, да и сама деятельность Чернихова были своеобразной впечатляющей панорамой нового мышления в архитектуре и дизайне, сохраняют такое значение до сих пор. И все же на многие десятилетия этот фундаментальный опыт оказался вне поля внимания архитекторов. Вот и сейчас книга переиздана не у нас. Но мы об этом заговорили, а значит, наступило время собирать и активизировать лучшее в нашем и зарубежном

зодчестве, в прошлом и настоящем. В этом номере журнала опубликован ряд композиций и фрагментов из упомянутой книги Я.Черникова, а на первом развороте журнала мы приводим мысли мастера, имеющие отношение к архитектуре в целом и, конечно, — к промышленной. В историческом и современном потенциале советского зодчества достаточно примеров, которые мы должны использовать как эталоны нового мышления и действия.

Думается, что особенно важно приоритетное внимание к промышленной архитектуре. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии советской архитектуры и градостроительства» уровень промышленной архитектуры признан недопустимо низким. Сейчас ответственность за архитектурные качества промышленного строительства сосредоточится в ведении Госкомархитектуры при Госстрое СССР, что уже само по себе будет служить укреплению территориальных принципов в градостроительной политике, ограничит всевластие отраслевого и ведомственного подходов.

В новых условиях промышленность должна выступить социальной силой формирования и преобразования городов. Социально-культурные учреждения, выстроенные предприятиями за свой счет, собственными силами и на своей территории, возводимые в составе общественных центров городов, в микрорайонах и жилых образованиях, должны активно формировать городское пространство, влиять на культуру нашей жизни. Вот задача для зодчего.

В этом году постановление «О дальнейшем развитии советской архитектуры и градостроительства» мы связываем воедино и с вступившим в силу Законом о государственном предприятии (объединении), и с другими принятыми решениями по трудовому законодательству. Производству придан принципиально новый социальный статус, которому полноценно должно отвечать промышленное зодчество. Более тридцати лет мы искали «утраченную архитектуру» в самой архитектуре, в содержании и формах нашей внутрипрофессиональной деятельности. Пришло время «собирать камни» — увидеть в архитектуре сущностную форму жизни людей. Революционные перемены в жизни нашего общества должны быть архитектурно обеспечены.

Мы обязаны вернуть архитектуре промышленных комплексов и сооружений значение базисного элемента формирования среды. В духе нового мышления любое предприятие предстает перед нами и как социальное единение тружеников. К 2000 году мы должны решить жилищную проблему. Каждая первичная ячейка общества — семья — должна быть обеспечена своим полноценным архитектурным эквивалентом — квартирой. Первичный архитектурный эквивалент среды производственной — рабочее пространство бригады. Очевидно, что создание средовых эквивалентов трудовым социальным единствам станет для проектировщиков одной из важнейших задач. Человек, трудовые коллективы могут и должны стать не формальной, а содержательной точкой отсчета для формирования производственной среды на основе человеческого масштаба.

Конечно, невозможно назвать сейчас все важнейшие и проблемные направления архитектурной деятельности в условиях всенародной перестройки. Но у нас есть надежный фундамент и для того, чтобы перестраивать, и для того, чтобы строить — постановление «О дальнейшем развитии советской архитектуры и градостроительства». Это постановление не освобождает нас от собственной инициативы и творческого поиска, от необходимости мыслить и действовать по-новому — обязывает к этому. Мы, советские архитекторы, в полной мере причастны к нелегкой, но такой обнадеживающей весенней поре в жизни нашей страны.

осозательное, невычисляемое. Отнять это чувство у человека, которому свойственно от природы обладать таковым, есть бессмысленная и ничем не оправдываемая затея тех, кто стремится центр внимания сосредоточить на чем-то другом. Функциональность, рациональность, целевая установка, конструктивность и целесообразность суть понятия в высшей степени необходимые в известные моменты их применения, но замена понятия красоты этими понятиями — невозможна.

Не отрицая того, что все целесообразное и конструктивное может быть и красивым, изящным, надо признать, что противники эстетизма в этом случае не лишены способности осознать красоту. Нужно только дополнить понятия рациональности, конструктивизма и пр. утверждением, что и они в конечном результате принимают облик «красивого творческого достижения».

Некоторые двигатели и машинные установки поражают нас мощностью своей устремленности, это впечатление обусловлено нашей уверенностью в рациональности их конструктивного сочленения. Недаром многие в гуле машин, в их взаимном сочетании и работе слышат особую «музыку времени». Взаимное сочетание конструктивных начал и движение в самой машине создает могучее чувство, невольно охватывающее каждого из нас, нас покоряет эта «машинная одушевленность» и мы невольно воспеваем ее.

При сочетании подлинной величественности и устремленности в каком-нибудь творческом создании человека и при наличии в нем функциональных движений мы получаем определенную «мелодию», отличную от других конструктивных мелодий.

Интересно установить несомненный факт изменения «чувства красоты» в современном человечестве под влиянием новых форм жизни и быта, под влиянием все более возрастающей механизации трудовых процессов. Сентиментализм, идеализм и бесцельное «украшательство» изгоняются самой жизнью, отходят в прошлое. На смену появилась новая романтика — трезвая, деловая, будничная — она-то и породила новое чувство красоты, не исключаящее абстрактных исканий, но связывающее их с потребностями жизни.

Я. Черников

В. Т.

Редакция благодарит архитектора Андрея Черникова за любезно предоставленные им материалы из книги Я. Черникова «Конструкция архитектурных и машинных форм», а также за его статью о жизни и творчестве Я. Черникова в № 1 нашего журнала за прошлый год.

ОТ РЕДАКТОРА

В наступившем году, как читатели уже заметили по № 1 нашего журнала, в рубрике «Панорама» мы предоставляем слово критикам, теоретикам архитектуры, но надеемся услышать мнение о публикуемых нами объектах и ведущих практиков. Такой жанр подачи материала, на наш взгляд, позволяет достаточно объективно и в то же время глубоко лично осмыслить явления нашей архитектуры. Профессиональная специализация привлекаемых нами комментаторов гарантирует конструктивный характер анализа, и личностная окраска мнений в полной мере отвечает личному характеру восприятия архитектуры. Не все мнения, высказываемые здесь, совпадают с оценками редакции, а некоторые из них могут вызвать возражения авторов и читателей. В этом случае мы готовы предоставить и им слово на страницах журнала. И все же мы уверены, что такой подход к построению рубрики более плодотворен, поскольку нацелен на живой читательский отклик. На этот раз девять объектов «Панорамы» комментирует теоретик и критик А. Раппапорт.

Тиволи — маленький городок в 24 километрах к северо-востоку от Рима, знаменитый своими древностями, но более всего — виллой кардинала Ипполито д'Эсте, выстроенной знаменитым зодчим эпохи Возрождения Пирро Лагорио. Не знаю, почему название этого городка сделалось обычным для увеселительных заведений на рубеже XIX—XX вв. Так вот и в 1913 г., переделав бывшее фабричное здание в Сокольниках под небольшой театр, ему было присвоено это нежное имя. 7 ноября 1920 г. в этом здании с речью, посвященной третьей годовщине Октябрьской революции, на пленуме Сокольнического районного Совета с участием представителей фабрично-заводских комитетов выступил В.И. Ленин.

Всякому ясно, что здание стало предметом забот ВООПИК благодаря этому выступлению Ленина и что только как историко-революционный памятник оно было изъято из ведения дирекции международных и иностранных выставок и переоборудовано в помещение Университета марксизма-ленинизма. В 1978 г. было решено полностью реконструировать здание, превратив его в историко-революционный памятник Сокольнического района города Москвы. Проект предусматривал максимальное сохранение внешнего вида главного фасада бывшего театра «Тиволи», что в какой-то мере удалось. Но вот что касается интерьеров, то здесь, видимо, все усилия архитекторов и строителей свелись к тому, что официально называется «созданием комфортных условий». Спору нет, комфортные условия нужны любому учреждению, в том числе и Университету марксизма-ленинизма. Но ведь их можно создавать по-разному, с той или иной мерой стилистической опреде-

Реконструкция памятника истории и культуры — Б. театр «Тиволи», Москва

Авторы: архитектор В. Рудков, инженер А. Сивачев, В. Сивачев
ГИПРОПРОС Госстроя РСФСР

Проектирование: 1977—1979 гг.
Строительство: 1980—1987 гг.

**Реконструкция ансамбля
«Лазаревского института»,
Москва**

Авторы: архитекторы И. Рубен, Г. Васильева, А. Воскресенский, Т. Ильина, инженеры Т. Титовская, Л. Мелконян

Моспроект-2 (мастерская 13),
Армпроект
Исследовательские и проектные работы 1976—1983 гг.
Реставрация 1979—1986 гг.

ленности. В данном случае перед нами интерьеры стилистически столь же невыразительные, сколь и достойные определения — «сделано холодными руками». Пусть решения о реконструкции не затрагивали проблем интерьера, но ведь это же своего рода нонсенс. Ленин выступал в самом здании, а не перед ним. Да если бы и не это формальное соображение, разве можно сооружение, предназначенное быть памятником эпохи, делать столь безликим в интерьере. Вот уж где обнаруживается непонимание архитектурной целостности образа: с лица одно, а подкладка совсем другая. А жаль. Можно было бы придать всему сооружению аромат эпохи в гораздо большей степени. Но для этого нужно любовное отношение к объекту, который должен делаться весь — от фасада до мебели и оборудования в едином ключе. Проект, выполненный на общественных началах, оказался компромиссным. Получилось нечто среднее. Едва ли театр «Тиволи» был похож на нынешнее здание университета, едва ли именно такое здание видел Ленин в 1923 г. В итоге — вместо очарования исторической достоверности — дух казенного благочиния, ничего общего не имеющий с «золотой серединой».

Другое здание — также продукт реставрационных работ — памятник архитектуры XVII—XIX вв., ансамбль Лазаревского института — один из лучших образцов архитектуры Москвы эпохи русского классицизма. Основные здания ансамбля построены после пожара, в 1813—1823 гг., по заказу Николая Лазаревича Лазарева для Армянского народного училища — первого учебного заведения России, где преподавание велось на армянском языке. В связи с передачей здания ансамбля Постоянному представительству Армянской ССР в 1979—1986 гг. были выполнены работы по реставрации и реконструкции всех его сооружений: главного дома, двух флигелей, ограды с воротами, обелиска и конюшен, а также пристройки XVII в.

Эти работы потребовали немалых трудов. Была восстановлена на основе архивных планов и аналогов предмаршевая парадная лестница, существовавшая в первой четверти XIX столетия, интерьер аванзала. К счастью, многое в здании сохранилось, так что потребовались только частичка, укрепление декоративной лепнины и восполнение утрат по сохранившимся образцам.

Восточный фасад палат XVII в., выходящий в Армянский переулок, также отреставрирован в виде, который он приобрел к первой четверти XIX в., но северный и западный фасады, выходящие во двор владения, и южный фасад, частично закрытый пристройкой, реставрируются на рубеже XVII в., с восстановлением окон, наличников и декора фасадов по сохранившимся фрагментам. Восстанавливается планировочная структура здания с реставрацией сохранившихся и восстановлением утраченных помещений первого этажа. Планировка второго этажа, ввиду от-

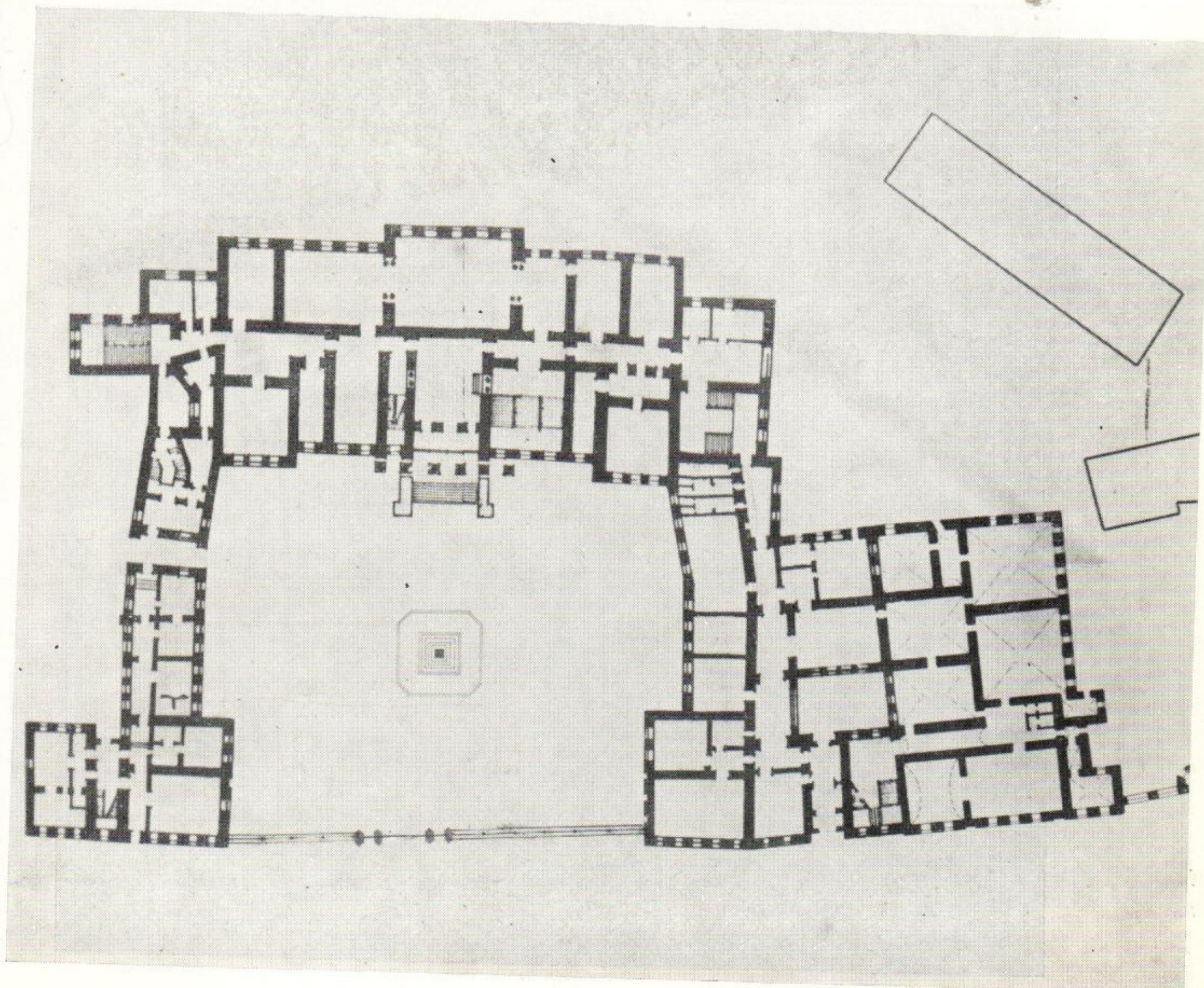

фото В. Яворского

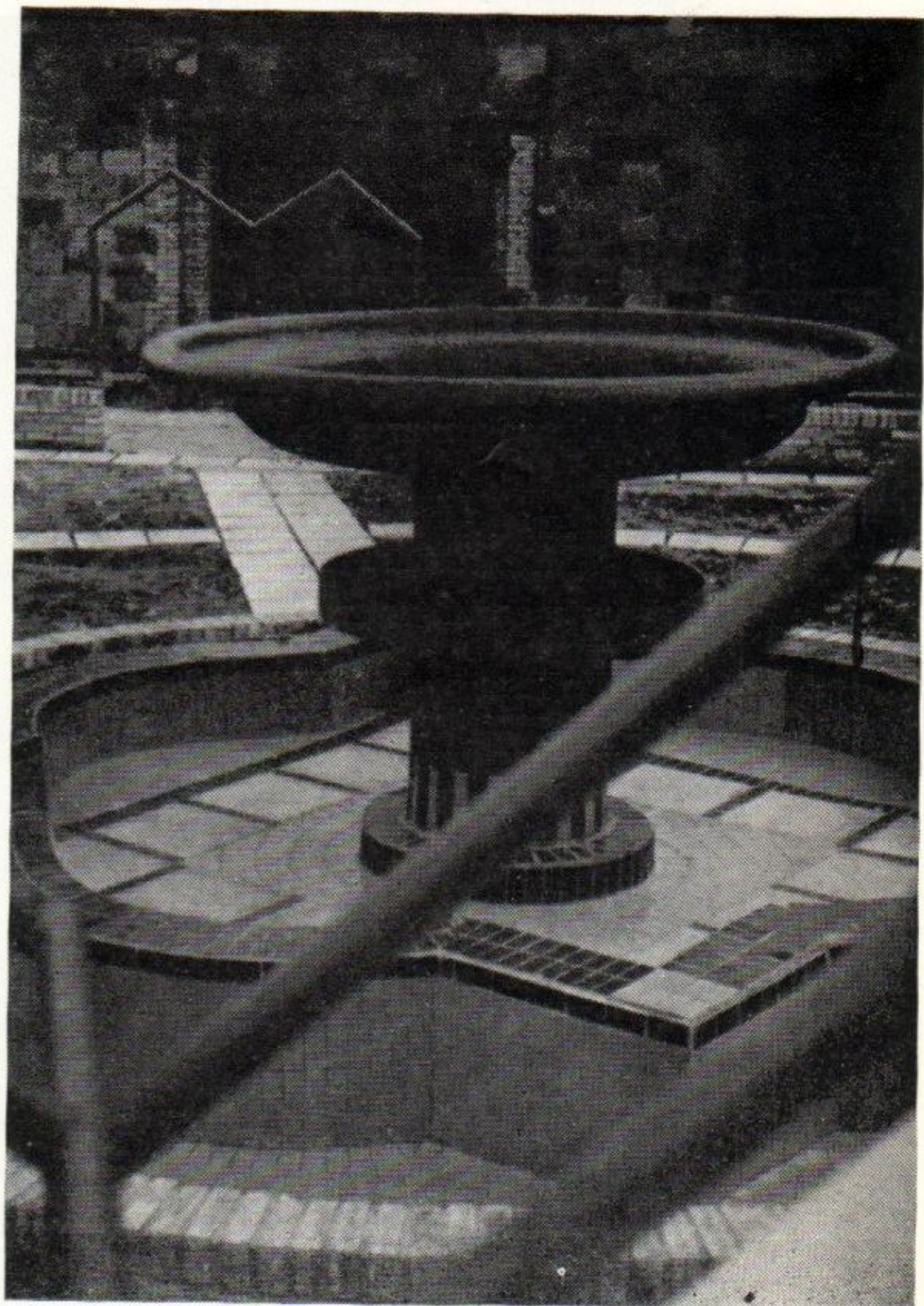
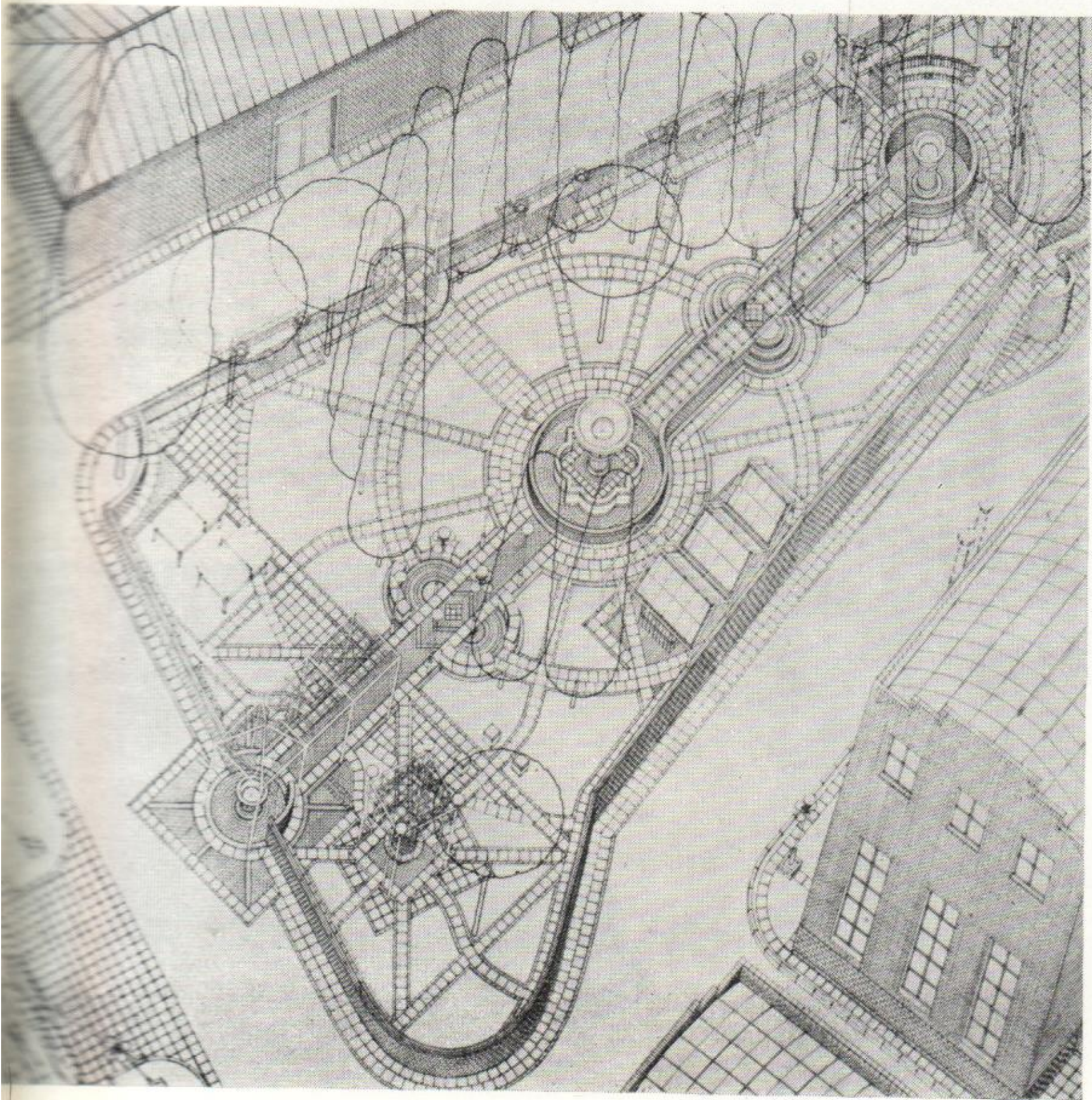
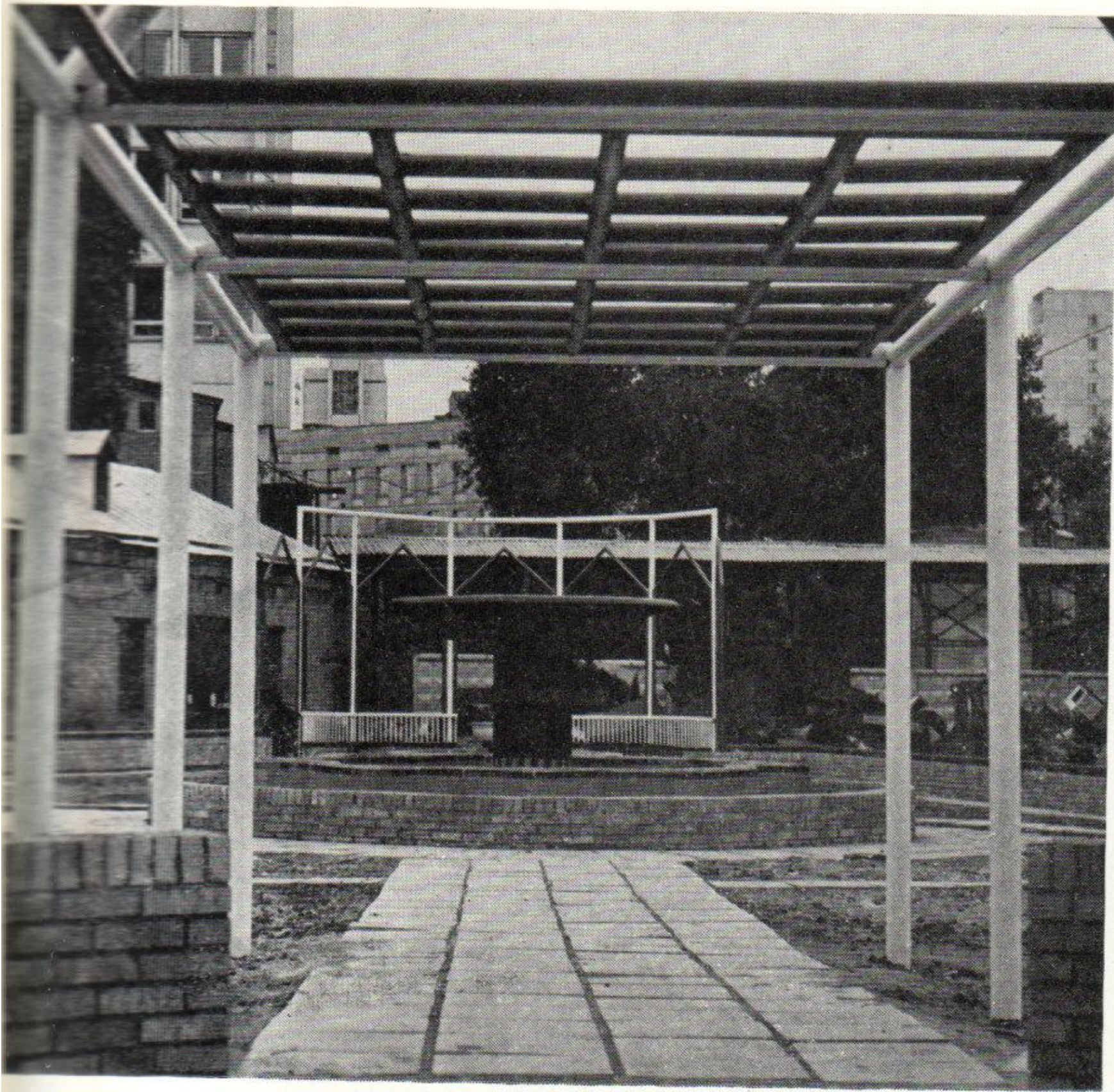
сутствия достаточных данных, сохраняется в более позднем состоянии. Реставрирована также ажурная ограда с воротами и обелиск. Внешне здание выглядит очень неплохо. Нужно надеяться, что и интерьеры будут не хуже. Трудно судить, насколько меблировка будет соответствовать стилю и вообще характеру как здания, так и учреждения, которое в нем будет жить и функционировать. Не исключено, что несоответствующее оформление интерьеров сильно испортит результаты усилий реставраторов. За этой проблемой встает и другая, чрезвычайно острая — о характере и способах эксплуатации исторических и архитектурных памятников. Если таковые становятся музеями — дело более или менее ясное, но если в них располагаются учреждения, то эти вопросы исторической достоверности повисают в воздухе к огорчению любителей старины. Не стану описывать кошмаров современного состояния интерьеров некоторых московских и ленинградских зданий, являющихся отличнейшими памятниками архитектуры. Возникает вопрос — как устранить условия, из-за которых приличное содержание интерьеров исторических зданий невозможно. Кто должен нести ответственность за их сохранность, стилистическое соответствие мебели и всех видов оборудования архитектуре сооружения, откуда брать оборудование, как осуществлять контроль за текущими ремонтами и, наконец, как гарантировать доступность внутренних помещений для тех, кто хотел бы посетить эти здания не для служебных надобностей. В Ленинграде, где в центре пропадают сотни зданий, способных стать ценнейшими образцами интерьеров XIX в., эти вопросы оказываются столь же волнующими, сколь и неразрешимыми. Во всяком случае — на сегодняшний день.

Но вот пример совершенно иного рода: не реставрации исторического памятника, хотя сооружение погружено в исторический контекст. Зона отдыха «Фонтан» московского завода «Водоприбор». На очень небольшом внутреннем участке, имеющем форму вытянутого треугольника, на стыке двух цехов, пятиэтажного административно-бытового корпуса и склада готового литья, вдруг возникает некий фонтанный парадиз для отдыха трудящегося человека.

Я не бывал на заводе «Водоприбор», не знаю, каковы условия работы в его цехах и, следовательно, какова мера нужды его рабочих в таком специфическом рекреационном сооружении, как этот необычный «сад фонтанов». Трудно сказать, что имел в виду автор — иронический намек или действительное место отдыха «среди шума заводского». Строгая осевая композиция, декоративные пропилеи, сами чаши фонтанов, поднятые на столбах, богато оформленная чаша-цветник — все это по замыслу автора должно быть средством «психологической перестройки от трудового состояния к отдыху». Так это или нет, по фотографиям судить трудно.

Производственная зона
отдыха «Фонтан», Москва

Автор архитектор В. Дунаев
Проектирование 1986 г.
Строительство 1987 г.

Дом отдыха «Румянцево», Московская обл.

Авторы: архитекторы Л. Соловьев, Б. Сухарев, П. Орлик, инженеры Б. Гурьевич, Е. Владимиров
Проектирование 1977—1980 гг.
Строительство 1980—1986 гг.

Быть может, никакой «зоны» действительного отдыха не получится, но если она хотя бы вызовет улыбку у уставшего работника завода, то и тем будет содействовать его «психологической перестройке».

Важно, однако, что в шутку или всерьез, но здесь темой архитектурного замысла становится человек, а не декоративное оформление фасада или территории. Как бы ни оценивать геометрический орнамент мощения — как наивное искусство или как удачную стилизацию под общее архитектурное решение завода, построенного в конце XIX в., этот проект безусловно вызывает симпатии.

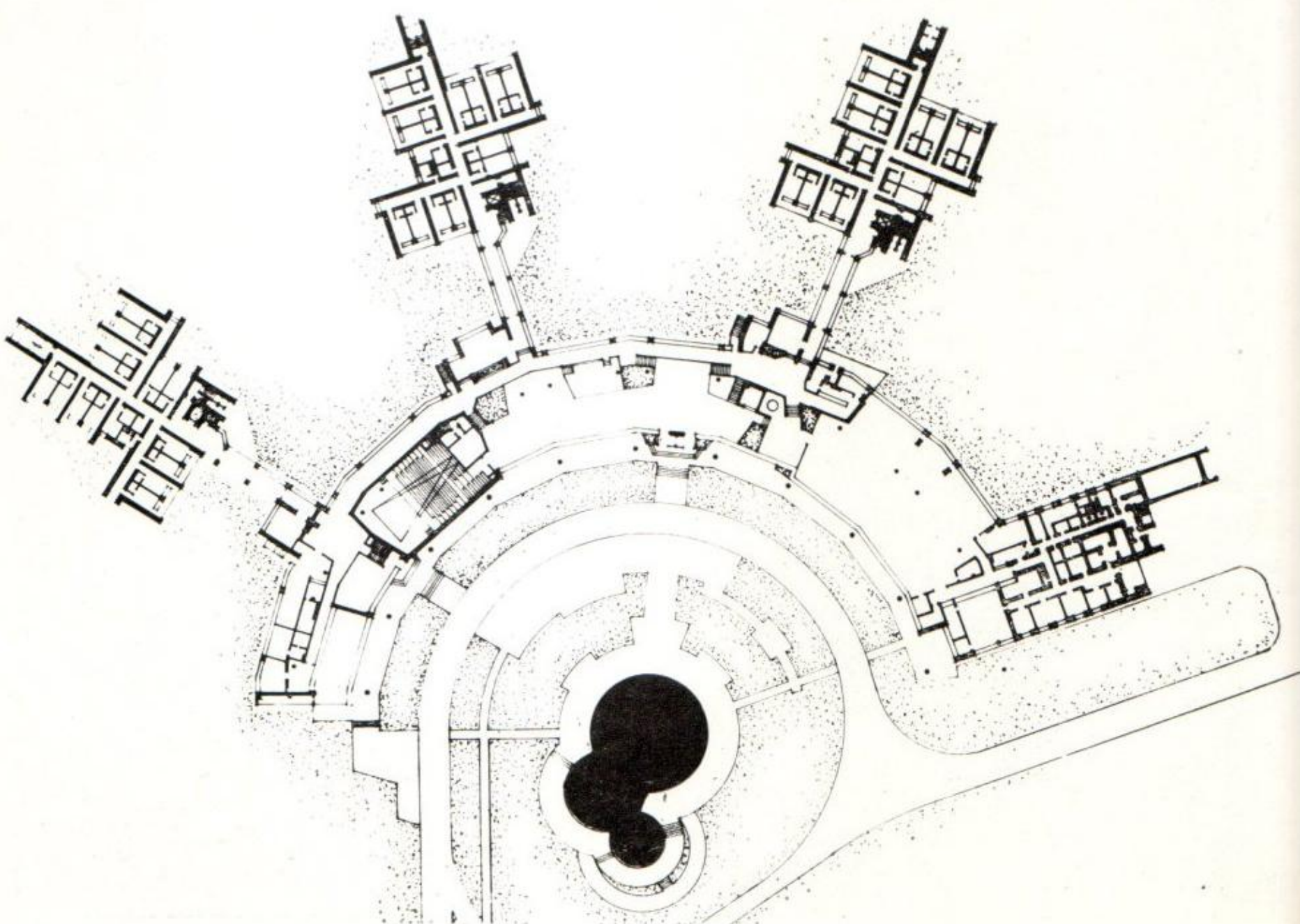
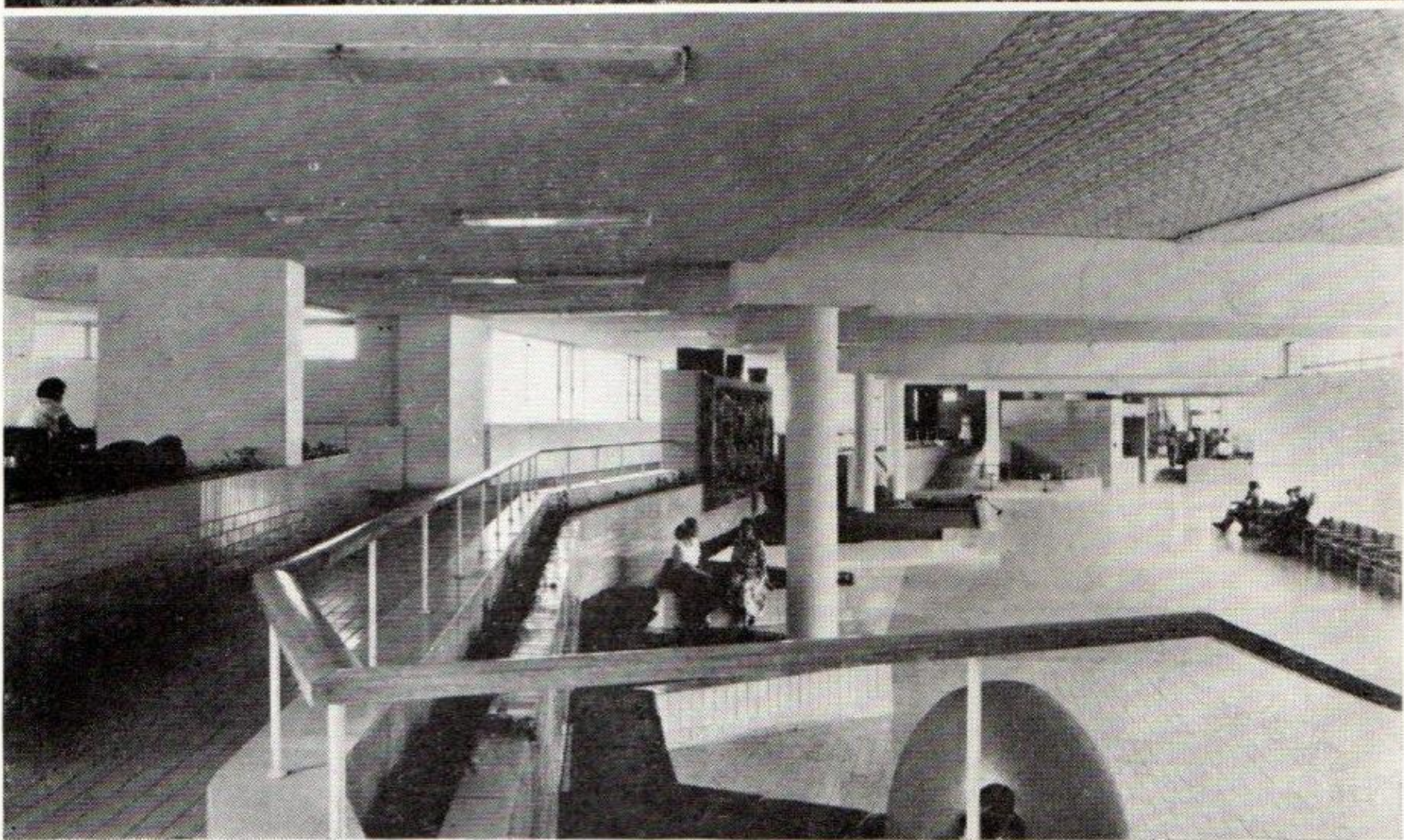
На аксонометрическом рисунке показаны ныне не существующие высокие деревья, которые скроют орнаментальное мощение двора. Быть может, они и не нужны. А вот нужно ли убрать металлолом, живописно раскинувшийся за пределами участка, я не знаю. Быть может, лучше оставить его в назидание потомству и для контраста. Ведь если расчистить весь двор и привести в порядок фасады выходящих во двор корпусов — исчезнет неземной, утопический мир этого сада фонтанных грез. Сам я чрезвычайно высоко ценю всяческие фонтаны и мне необычайно отраднo видеть их сразу несколько, хотя бы даже и в таком сокровенном месте города Москвы.

Даже наоборот, пожалуй, такой сокровенный фонтанарий мне кажется куда симпатичнее парадных фонтанов, сиротливо торчащих в центре огромных городских площадей. Люблю я и тихие фонтаны, чье одинокое журчание ничуть не хуже, а может быть даже и лучше бесконечного строя струй, коллективно мечущих ввысь то убывающие, то вновь вздымающиеся каскады влаги. Эстетика фонтанов только начинает просыпаться в архитектурном сердце, иссушенном типовыми привязками и транспортными развязками. Поэтому как бы ни судить фонтанный двор «Водоприбора», в нем — намек на более гуманную среду и более человеческую архитектуру.

*

Если уж речь зашла о человеке и о любви к нему, выражаемой архитектурными средствами, то дом отдыха «Румянцево» — самый подходящий объект для размышлений. Здесь мы тоже видим некий геометрический плац, разделенный кругами, правда, в куда более внушительных масштабах. И выходят на этот рекреационный центр не корпуса старых фабричных зданий, а совсем наоборот — новенькие спальные корпуса дома отдыха, расположенного отнюдь не в черте города, а в весьма живописном лесу.

Тем не менее, лишь сами спальные корпуса в какой-то мере содержат в себе то качество, без которого не должен обходиться ни один дом отдыха — качество, которое можно назвать очень коротким словом: уют. Зачем дому отдыха парадность круглой площади, охваченной довольно удачно решенным в функциональном отношении корпусом. Лес виден где-то

**Магазин «Детский мир», Троицк,
Московская обл.**

Авторы: архитекторы В. Лотов, Г. Булатова, инженеры В. Десятин, В. Захаров
Проектирование 1983 г.
Строительство 1987 г.

поодаль, но где же деревья? Зачем нет их перед окнами всех этих спальных корпусов, между зданиями, перед входом?

Огромная площадь, образовавшаяся перед входом, подойдет в качестве центральной — какой-нибудь небольшой столице. Спрашивается, зачем она отдыхающим? Напрашивается ответ — чтобы служить напоминанием о крупных городах, от которых временно отдыхающим пришлось оторваться. Интерьер основного корпуса, где размещен зрительный зал, кулуары, столовая и т. п., сделан тщательно, но напоминает фойе какого-нибудь морского вокзала или аэропорта. Что делать в нем? Сесть разве на один из сорока стульев? А ведь вместо всего этого светлого великолепия мог бы здесь возникнуть по-настоящему уютный, быть может, даже немного загадочный интерьер с игрой света двух остекленных фасадов. Хорошо ли, что вместо дежурных пальм на радость отдыхающим, а еще более художникам, выполнявшим его, в центре красуется некое монументальное изделие, обозначающее своим присутствием синтез искусств и «влетевшее в копеечку» заказчикам. Когда видишь такое использование масс и пространств, такую их организацию, начинаешь понимать, почему в нашей архитектуре так редко встречается высказанность в прорисовке форм. Ведь она может появиться только при достаточно конкретном представлении о стиле и человеческих свойствах того или иного пространства. Если же проект рисуется в стилистическом и человеческом вакууме, то и прорисовка его получается какой-то усредненно всеобщей, а в общем-то случайной.

Весь этот серповидный корпус покрыт плоской крышей, предстоящей взору отдыхающих с верхних этажей спальных корпусов. Увы, эта картина далека от очарования. Бесконечный, безлюдный ковер из не слишком привлекательного рубероида, кое-где оживленного лишенными художественной ценности вентиляционными отростками. А ведь можно было бы устроить здесь если не сад фонтанов, то хоть что-нибудь приличное. Так бывает, когда, надкусив затейливо украшенный кремом торт, найдешь

Жилые дома, Ленинград

Авторы: архитекторы Г. Булдаков, Я. Майзелис, М. Сарри, В. Щербин, Ю. Песоцкий, инженеры Н. Матовников, М. Врачева
ЛенНИИпроект

Проектирование 1979—1983 гг.
Строительство 1982—1987 гг.

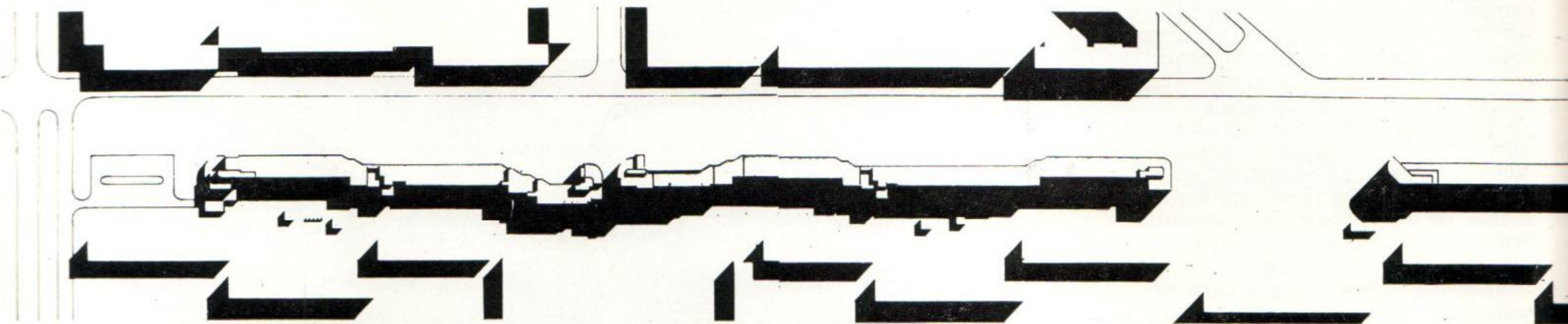
внутри невеста как попавшую сюда спичку или конфетную обертку. Авторы просто забыли, что этот неприглядный вид крыши не только открывается с высоты, но и закрывает самым досадным образом нарисованную ими же центральную площадь.

Сами корпуса, напротив, уютны и интересны по планировке. Как выросли они на столь чужеродном для них здании общественных помещений — остается загадкой.

*

Менее загадочно здание универмага «Детский мир» в подмосковном научном городке Троицке. Здесь композиция из двухэтажных объемных кубов уже самой своей формой говорит о «кубиках». Однако эта метафора нигде не проводится с поп-артистской назойливостью. В интерьерах и на фасадах разыгрывается тема кирпичных аркад. Здание как раз достаточно уютно и соответствует масштабу той небольшой площади, ансамбль которой, по замыслу авторов, должно завершать. Игровая площадка соразмерна основным параметрам сооружения и легко вписывается в общую композицию.

Простой неглубокий портик дает нужную фасаду и людям тень, керамические солнечные часы на тонкой мачте игриво противопоставлены массивным корпусам прилегающих к

площади жилых домов, аркады первых этажей этих домов вторят аркадам универмага, наклонные крыши фонарей верхнего света смягчают общий кубизм форм. Правда, кажется, что эти кубики могли бы быть чуть игривее или изящнее, а нижний этаж — более прозрачным. Скульптурное панно в виде круглой брошки кажется загадочным промахом. Однако загадка исчезнет, если из круга изъять скульптурное заполнение. Тогда окажется, что сам по себе круг на фоне кубиков — распространенный элемент формального языка кирпичных зданий последних десятилетий, а скульптура, как бабочка, села на это место по ошибке — ей нужно было бы распо-

Пригородный железнодорожный комплекс, Новосибирск

Авторы: архитектор В. Авксентюк, инженеры В. Велигнанин, М. Песляк, М. Чернинский, художник Ю. Катаев
Сибгипротранс

Проектирование 1976 г.
Строительство 1980—1983 гг.

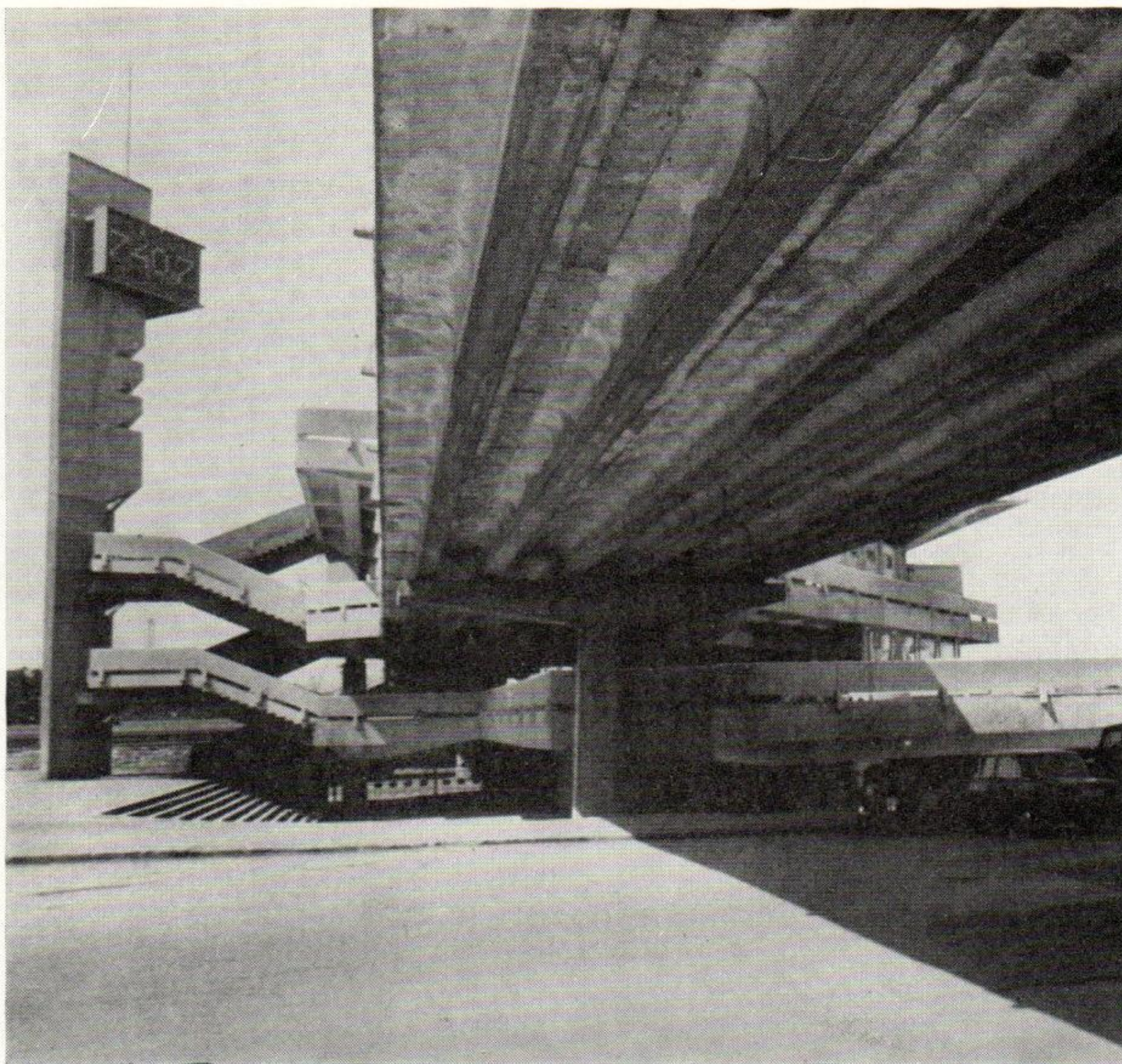
ложиться рядом, на нейтральной глади стены. Авторы прекрасно понимали, что «ощущение спокойствия и уюта» — это и есть тот архитектурный язык, на котором надо говорить с людьми.

Жилые дома на Варшавской улице в Ленинграде облицованы керамической плиткой, очень похожей на облицовку универмага в Троицке. Но весь характер этих домов совершенно иной, иной и их масштаб. Едва ли здесь можно говорить об уюте. Скорее эти дома производят впечатление композиционной торжественности и монументальной динамики. Вся эта, в целом весьма изысканно нарисованная композиция напоминает не столько жилую среду, сколько некий линкор или крейсер. Мощные башни, узкие щели лоджий, вообще какой-то бронированный вид поверхности стен — все это образно, выразительно, решительно и не вполне понятно. Зачем жилым домам столько драгоценной суровости, которая могла бы быть с пользой израсходована на какой-нибудь военный музей или иной торжественный монумент. Я понимаю, что сентиментальность должна быть чужда великим художникам и что интересы композиции города в целом важнее интересов жителей какого-то конкретного дома по Варшавской улице.

И все же. Талантливый рисунок и очень точная пластика фасадов свидетельствуют о мастерстве, к которому хочется предъявить повышенные претензии. Тут не отговоришься простым: «а вот так захотелось», — хочется узнать, почему. Жителям Ленинграда повезло с суровым стилем. С октября по май погода дарит им все прелести, доступные только участникам арктических экспедиций. Что же, быть может, в декабрьский вечер, житель такого дома, глядя из окна на унылые заснеженные пространства, погружающиеся в длинную ночь, почувствует себя пассажиром арктического ледохода и ощутит великий смысл этих мирных жилых броненосцев, вышедших в открытое море. Но ведь город-то проигрывает от таких бастионов сопротивления, весь уют которых только внутри, под броней, в каютах интерьеров, мерцающих на ночном фасаде желтыми огоньками семейного счастья.

Пешеходов, однако, тоже надо любить. Современный герой «Медного всадника» может невзначай принять такой дом за настоящий корабль и спометью броситься от него, боясь быть раздавленным неумолимым дрейфом жилой застройки.

Город Новосибирск тоже не относится к числу южных курортов. Мне приходилось бывать там в такое время года, когда ветер, сырость и низкая температура заставляют людей двигаться по открытым местам спортивным шагом, неумолимо переходящим в бег. Я давно не был в Новосибирске и уже подзабыл, как выглядит его вокзал. Помню только огромный операционный зал, естественно становящийся недостаточным для возрастающих городских пассажиропотоков.

Физкультурно-оздоровительный комплекс, Москва

Авторы: архитекторы Ю. Галустян, Л. Грибова, И. Гунст, В. Уткина, инженеры Г. Коренцвит, Н. Макунина, Д. Маврин, В. Маргуля, А. Хайцер

Союзспортпроект, ЦНИИпроектлегконструкция
Проектирование 1986 г.
Строительство 1986—1987 гг.

Судить о том, насколько новое здание «дополняет» ансамбль и гармонирует со старым вокзалом, — крайне трудно. Тут нужно почувствовать все пространственные отношения, контрасты массы и прозрачности, линии человеческих движений и многое другое, что даже трудно себе заочно вообразить. Но что можно сказать по снимкам со всей определенностью — это то, что новое здание решено в откровенной стилистике брутализма. Мощнейшие бетонные опоры и пролеты, никак не скрытые облицовкой, висящие в воздухе скелеты лестничных маршей сами по себе производят весьма сильное впечатление. Если к нему добавить острые консоли повернутых друг относительно друга бетонных платформ второго, третьего и четвертого этажей, то можно уже говорить и о некоторой агрессивности образа. Я не хочу, чтобы в этом слове и в этом образе обязательно видели нечто плохое.

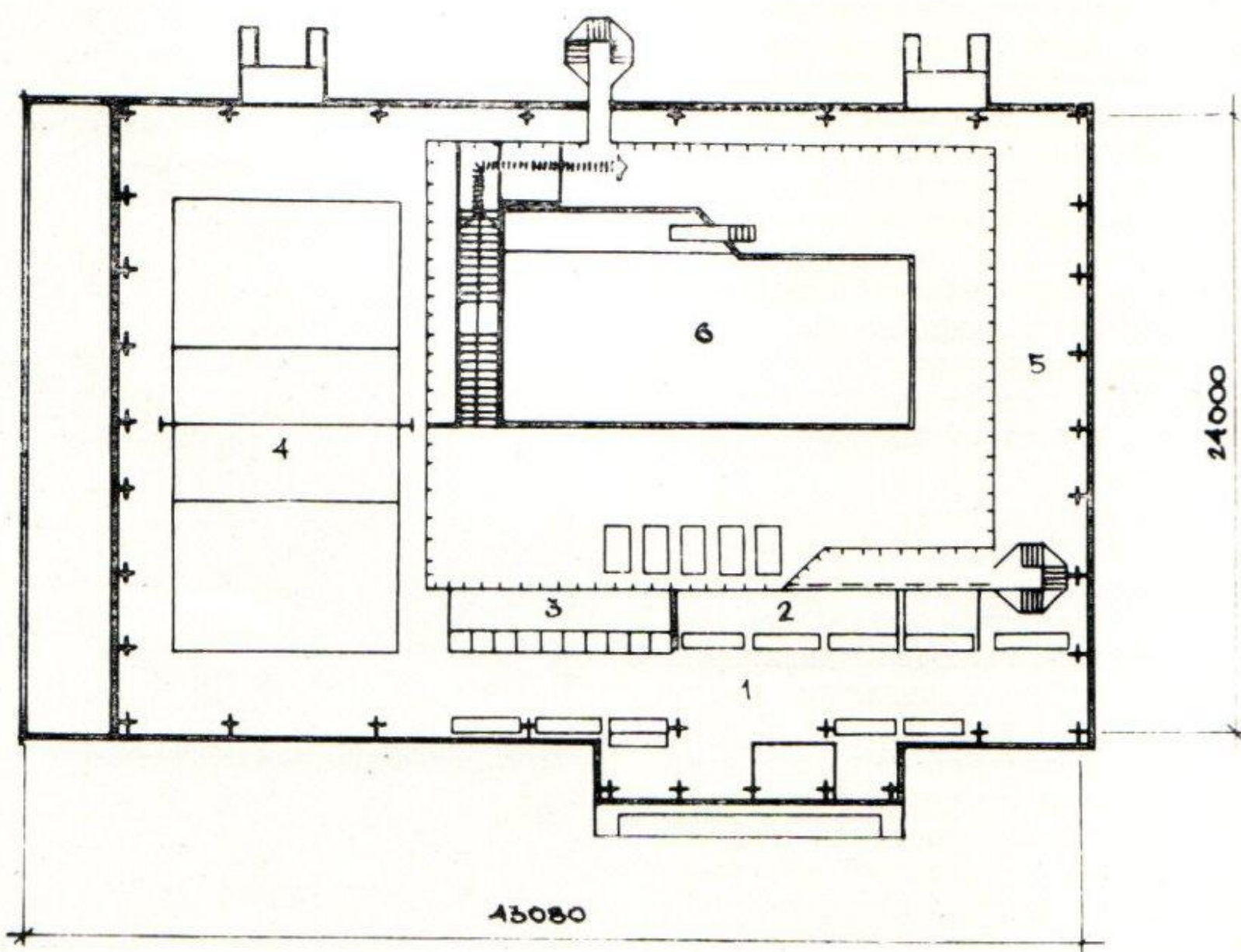
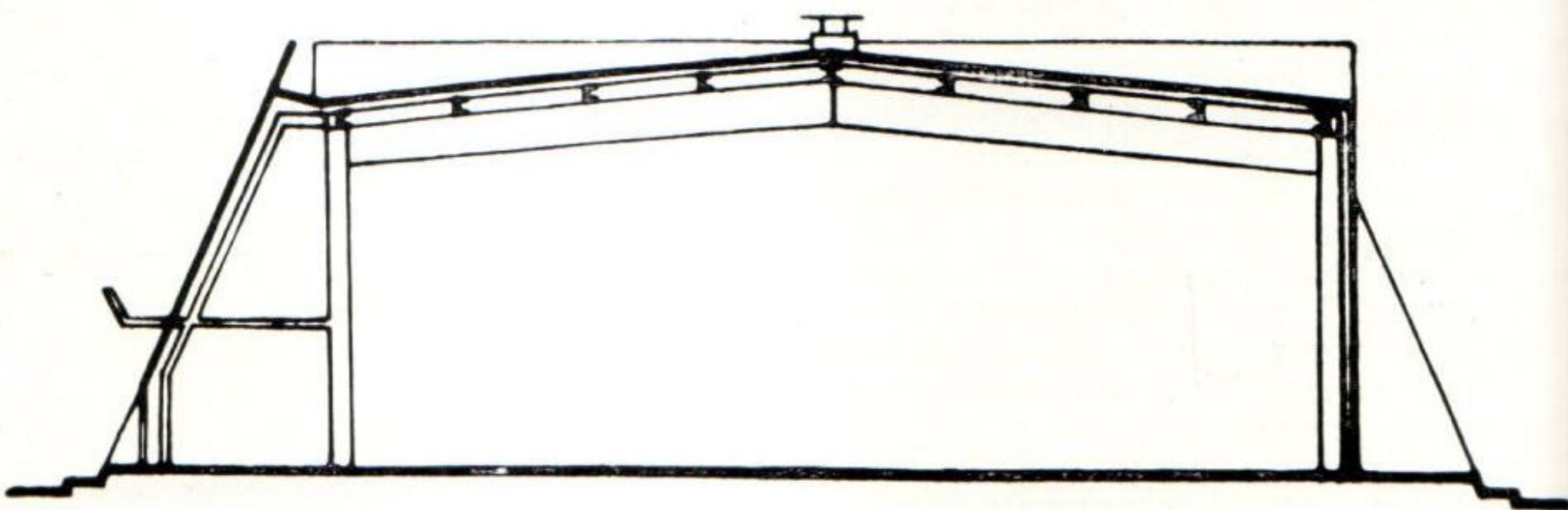
Архитектура — столь мирное по природе своей искусство, что испытывает своего рода естественную потребность в агрессивности, как в соли или пряной приправе, без которых она становится весьма пресным слоеным пирогом, очень часто, как мы знаем, весьма малосъедобным. Веселое чередование этих острых консолей и бруталистская откровенность бетона, вероятно, создает резкий контраст старому зданию вокзала и по своему оттеняет его архитектурные достоинства, принадлежащие и другому стилю, и другому типу архитектурного мышления. Если это получилось именно так, то можно считать замысел удачным и ансамбль состоявшимся. Ну а если нет, то эти здания должны отпасть друг от друга как чужеродные организмы с совершенной несовместимостью тканей. Такая опасность существует, и остается надеяться, что авторы преодолели ее композиционными средствами.

*

Здание физкультурно-оздоровительного комплекса из легких металлоконструкций в Кунцевском районе Москвы — тоже пример современного технического решения и открытого использования современных конструкций, хотя в совершенно другом масштабе. Это в общем-то небольшое, чуть ли не временное сборное сооружение, цель которого весьма гуманна — как-то компенсировать резкий дефицит спортивно-оздоровительных учреждений столицы.

Подобное сооружение чрезвычайно современно в том смысле, что оно дает пример быстрого реагирования на актуальную потребность населения. Вместо того, чтобы строить лет этак двадцать какой-нибудь спортивно-банный дворец, наподобие бесподобных терм Алма-Аты и Фрунзе, здесь мы видим очень практичное и совершенно не претендующее на место в истории искусств сооружение, в котором можно поиграть в мяч, выкупаться в бассейне и попариться в финской бане.

При всей скромности замысла это сооружение все же достаточно ве-

Музыкальная эстрада, Киев

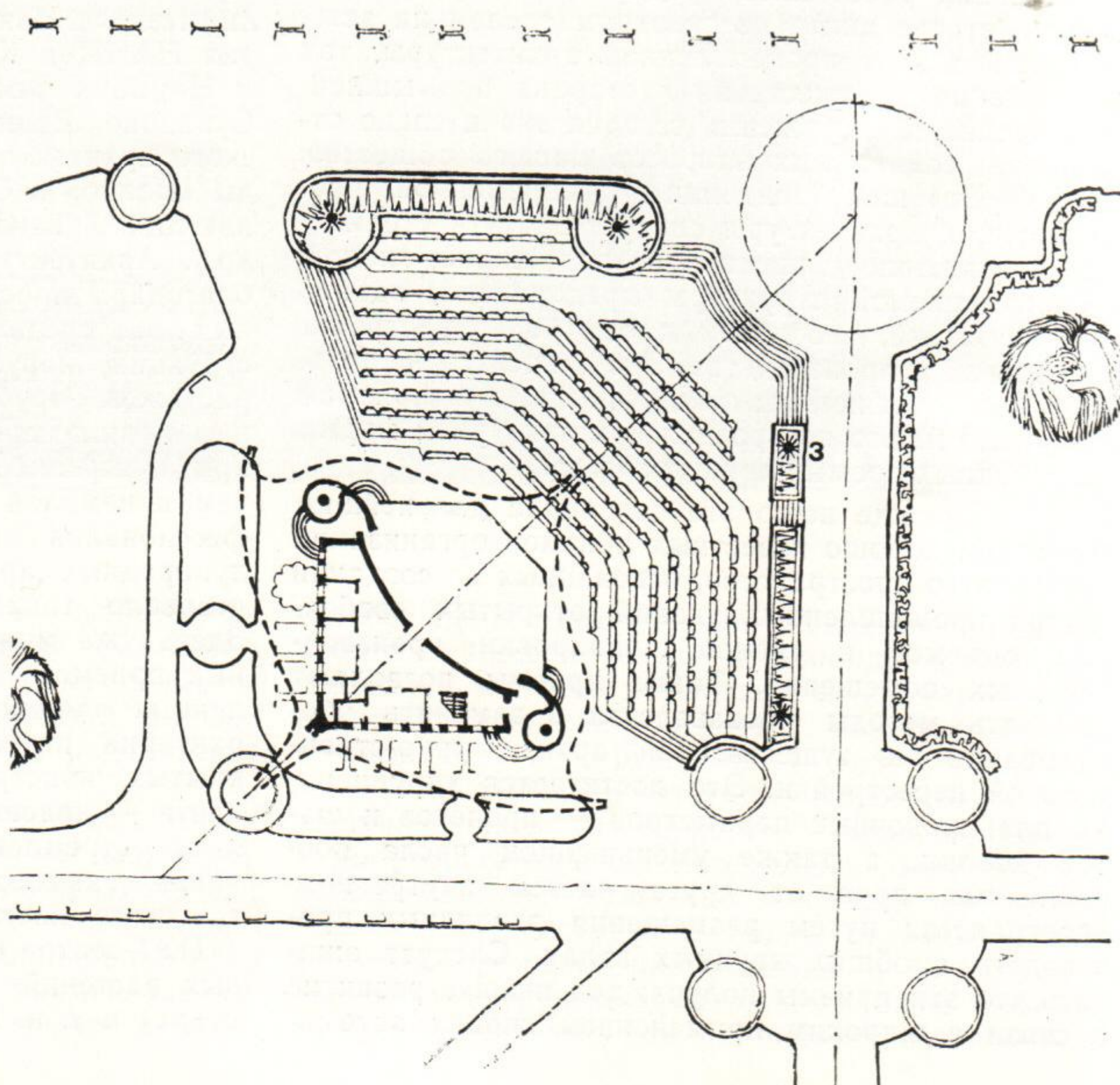
Авторы: архитектор Ю. Серегин, при участии А. Самоделькина, Л. Калусовой, Н. Шумейко, инженеры С. Ращман, В. Орлик, Ю. Индлин, Ю. Козлов

Укркурортпроект
Проектирование 1981 г.
Строительство 1982 г.

лико, чтобы обратить на себя внимание прохожих и не потеряться в громадах многоэтажной застройки. Мне нравится его непритязательный внешний вид, и если уж искать изъяны, то скорее всего — это организация территории вокруг сооружения. Вместо аккуратных подъездных путей, открытых спортплощадок и, может быть, каких-нибудь дизайнерских затей для детишек мы видим все те же недоделки, строительный мусор и т. п. Никакой ретушью все это со снимков не сотрешь. Неужели нельзя хоть в малом все довести до конца и, сделав последнее усилие, придать готовому зданию так сказать отполированный вид. Затраты на это — копеечные, а впечатление улучшилось бы по меньшей мере втрое.

Последний объект этой панорамы дает нам пример союза застывшей музыки с незастывшей — навес и амфитеатр музыкальной эстрады на одном из старейших днепровских склонов осуществлены к 1500-летию г. Киева. Амфитеатр склона раскинулся вокруг сцены среди старых лип, кленов и каштанов. Где-то внизу могучий Днепр вспоминает времена, когда Киева еще не существовало, и вслушивается в мелодии классической музыки, зазвучавшие через полторы тысячи лет после его основания. Эстрада, судя по всему, пользуется у киевлян популярностью, не меньшей, чем сами склоны днепровских берегов. Ее форма несколько непривычна. Вместо обычной концертной «раковины» мы видим что-то напоминающее лодку, птицу, лист или древнюю рептилию, под которой должно быть уютно музыкантам. Древесина и клинкерный кирпич хорошо сочетаются с зеленым окружением, а звуки, не стесненные закрытой раковиной, разносятся далеко по Днепру и, возможно, достигают даже другого берега, до которого, как мы все знаем, долетает не всякая птица.

Поэтому не стоит вдаваться в мелочи и сомневаться в уместности орнаментальных кронштейнов, расположенных под сиденьями, или башен со светильниками, решенных в несколько иной стилистике, нежели сама эстрада. Всякая оригинальная форма может вызвать недоумение, но без поисков оригинальных решений мы остались бы на месте и не сделали бы никаких шагов вперед, а такие шаги нужны и в больших сооружениях, и в малых, подобных этой изящной музыкальной эстраде.

ПРОМАРХИТЕКТУРА: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

В. Блохин

Ускорение социально-экономического и научно-технического прогресса сопровождается повышением требований к производственной среде и условиям труда в целом, а к архитектуре промышленных зданий в особенности. Это определяется прежде всего возрастанием роли человеческого фактора в развитии современного производства в свете задач, поставленных XXVII съездом КПСС. Существенна и идеологическая сторона архитектуры промышленных зданий, которая в нашей стране призвана отразить идеологию социалистического общества и оказывать постоянное воспитательное воздействие на трудящихся. Архитектура промышленных предприятий, зданий и сооружений должна воспитывать человека, формировать его духовный мир, идейные убеждения и коммунистическое отношение к труду.

Между тем в принятом ЦК КПСС и Советом Министров СССР постановлении «О дальнейшем развитии советской архитектуры и градостроительства» 1987 г. указывается: «Недопустимо низок уровень архитектуры большинства промышленных зданий и сооружений, что не способствует повышению культуры труда и отрицательно сказывается на результатах производства». Сложившееся положение требует внимательного анализа современного состояния промышленного зодчества с целью выявления прогрессивных тенденций, развитие которых способно решительно повысить качество архитектуры промышленных зданий и сооружений и создать благоприятные условия для производительного труда и социально-бытового обслуживания работников предприятий. При этом в данной статье акцент в основном сделан на эстетический аспект промышленной архитектуры, так как именно художественная сторона промышленных зданий и сооружений сегодня значительно отстает от социальных запросов нашего общества.

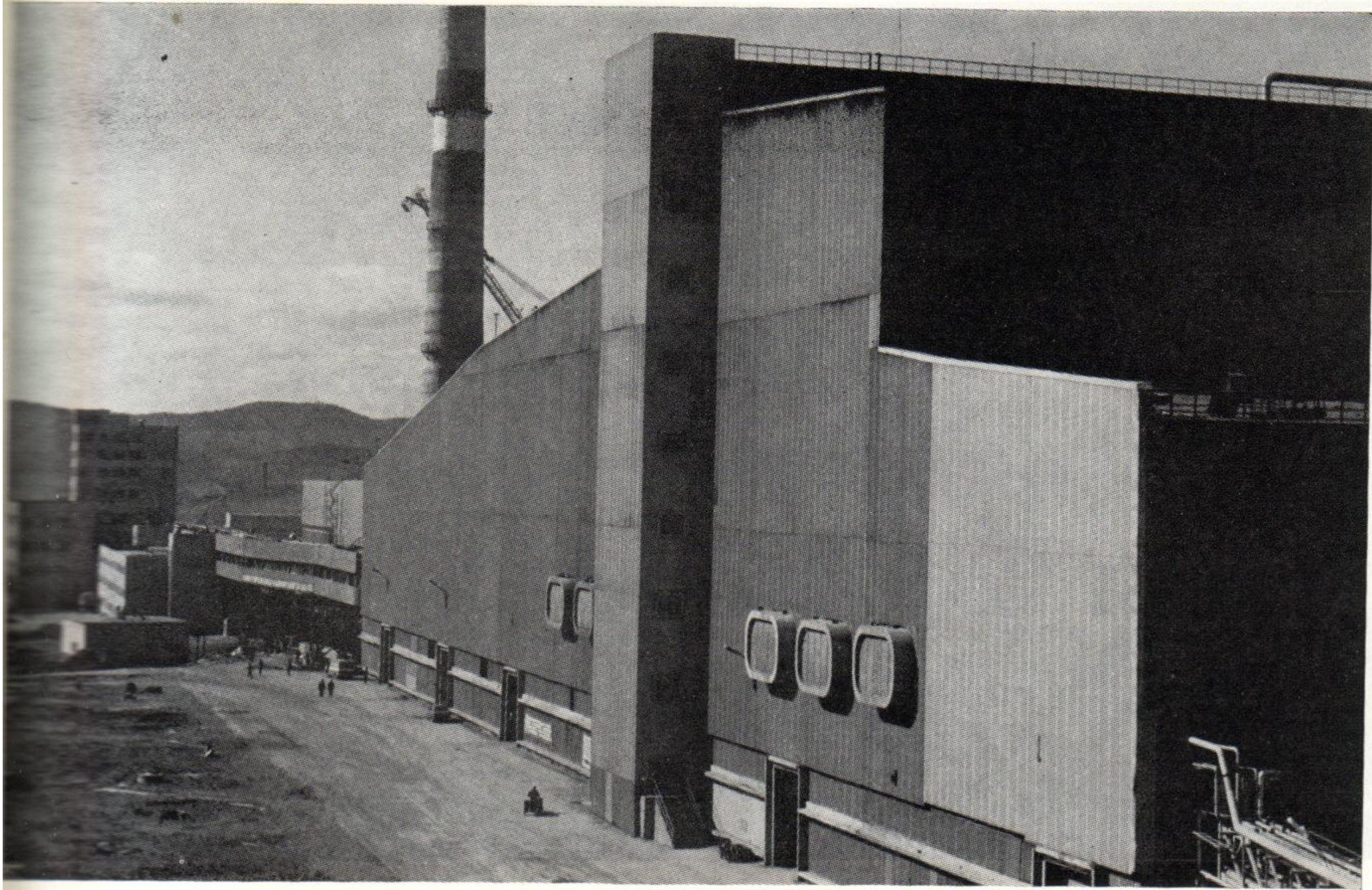
Ведущей тенденцией современной промышленной архитектуры следует считать стремление к созданию динамичной, подвижной, гибкой, легкоизменяемой структуры предприятий, зданий и сооружений, способной к быстрой перестройке технологии и производства. Это относится не только к чисто техническим задачам, но и к приемам композиционного построения архитектурной формы современных промышленных зданий.

Прежде всего это связано с дальнейшим развитием хорошо известных приемов организации внутреннего пространства, основанных на создании внутри промышленных зданий открытых свободных объемов и гибкой планировки производственных помещений. Такие приемы позволяют изменять методы производства и заменять оборудование без существенной архитектурно-строительной перестройки. Это достигается укрупнением планировочных параметров — пролетов и шагов колонн, а также уменьшением числа обособленных друг от друга частей внутреннего пространства путем размещения различных производств в общих крупных залах. Следует ожидать, что эти приемы получат дальнейшее развитие в связи с широким применением гибких автома-

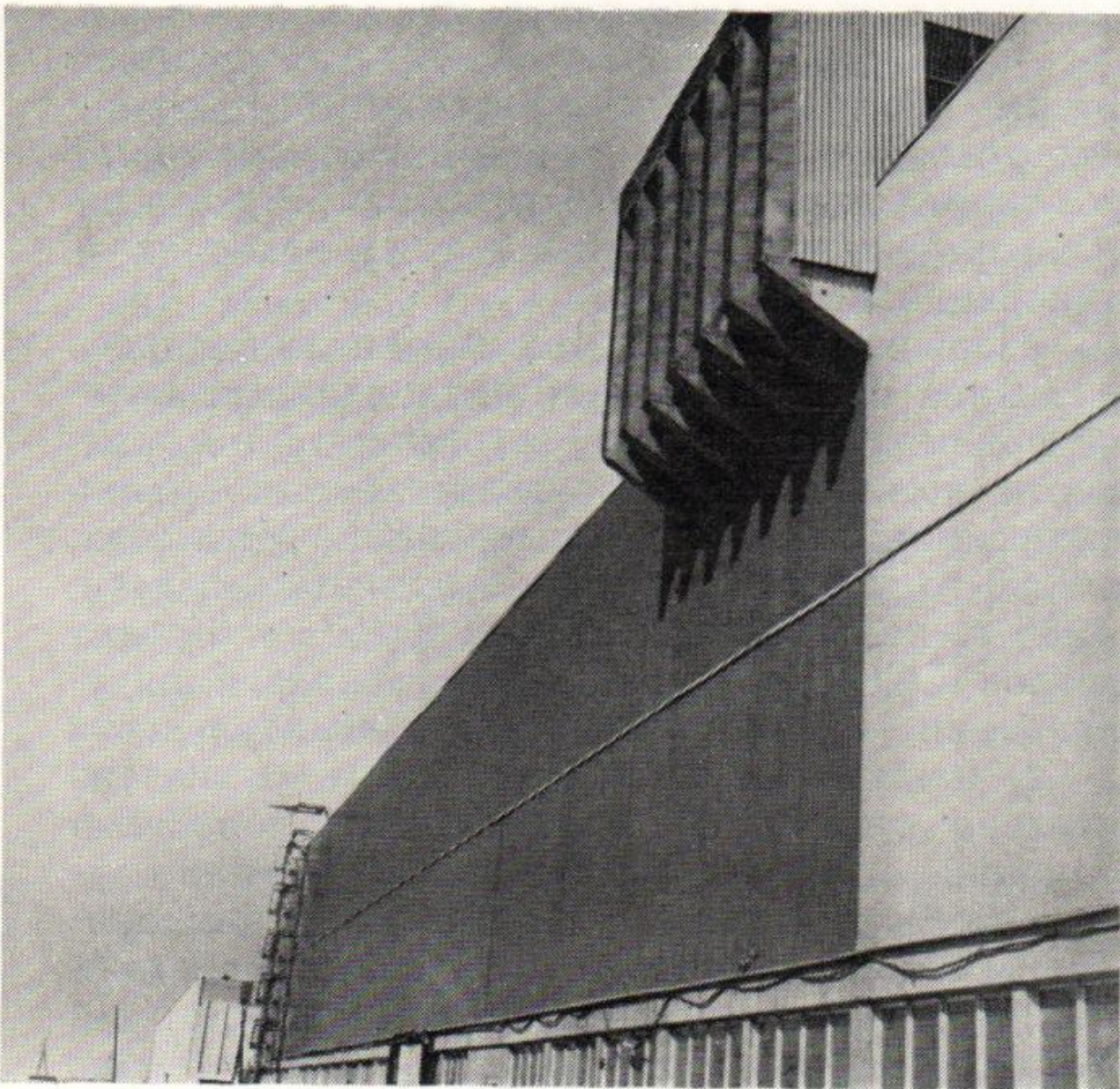
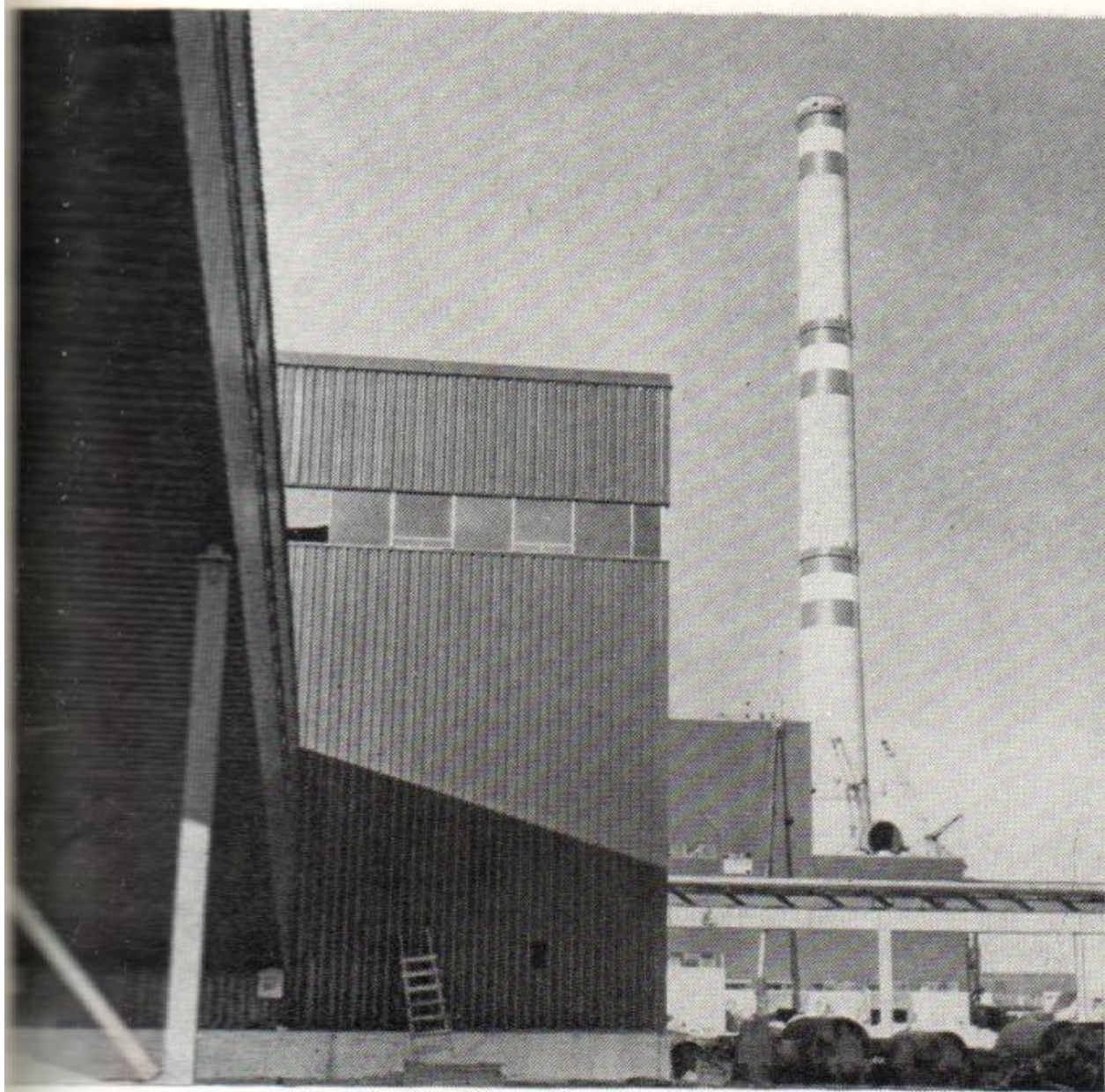
тизированных производств, связанных с внедрением управляемых ЭВМ центрами механообработки, роботов-манипуляторов и т. д., которые требуют свободных пространств для своего функционирования.

В современной зарубежной практике тенденция к созданию свободного, легко трансформируемого внутреннего пространства проявилась в возникновении в начале 1980-х годов новых приемов формообразования промышленных зданий. За основу был взят вынос из внутреннего объема несущих конструкций каркаса, инженерных коммуникаций и санитарно-технического оборудования. Такие решения освобождают интерьер от громоздких решетчатых стропильных ферм и лишних опор. А это, в свою очередь, повышает гибкость использования внутреннего пространства и способствует быстрой перестройке технологии, благодаря возможности замены и трансформации расположенных снаружи сетей трубопроводных коммуникаций без изменения конструкции здания. Следует подчеркнуть, что подобные решения получают стремительное распространение и популярность в архитектурной практике. С одной стороны, они хорошо учитывают потребности современного производства в развитии и изменении технологии, и с другой — способствуют созданию новой эстетики промышленных зданий.

Становление данной линии развития промышленной архитектуры, бесспорно, тесно связанной с эволюцией «хай-тека», прежде всего ассоциируется с творчеством известных британских архитекторов Ричарда Роджерса («ПЭТ-центр» в Принстоне, США; завод микропроцессоров «ИНМОС-лимитед» в Ньюпорте, Великобритания; лаборатория НАПП в Кембридже, Великобритания и др.) и Нормана Фостера (складской комплекс Рено в Суиндоне, Великобритания и др.), а также финского архитектора Матти Мяккинена (молокозаводы «Валио» в Оулу и Ювяскюля, склад молочных изделий в Тампере, маслозавод в Сейняйокки и др.). Архитектуре этих промышленных объектов благодаря пространственной активности вынесенных за пределы зданий ажурных металлоконструкций, наружных несущих пилонов, вантовых растяжек, трубопроводов и других конструктивных и инженерно-технических элементов, присущи яркая выразительность и необычность форм. При этом в немалой степени успеху этих работ у профессионалов (многие из них удостоены премий международных архитектурных организаций) способствовало также активное использование цвета. Здесь уже можно говорить о наличии определенных приемов цветового решения таких промышленных зданий. Так, для британской школы характерна интенсивная полихромная окраска открытых конструктивных элементов в локальные цвета — красный, желтый, зеленый и др. Заметно явное стремление создать причудливые ассоциативные композиции: например, впечатление «гигантского насекомого, приземлившегося на лугу» («ПЭТ-центр» Р. Роджерса), «плантации причудливых растений» (складской комплекс Рено Н. Фостера) и т. п. В то же время промышленным объ-

Передельный металлургический завод на Дальнем Востоке. Корпус электро-сталеплавильных цехов. Архитекторы В. Барсуков, Ким-Бон-Су

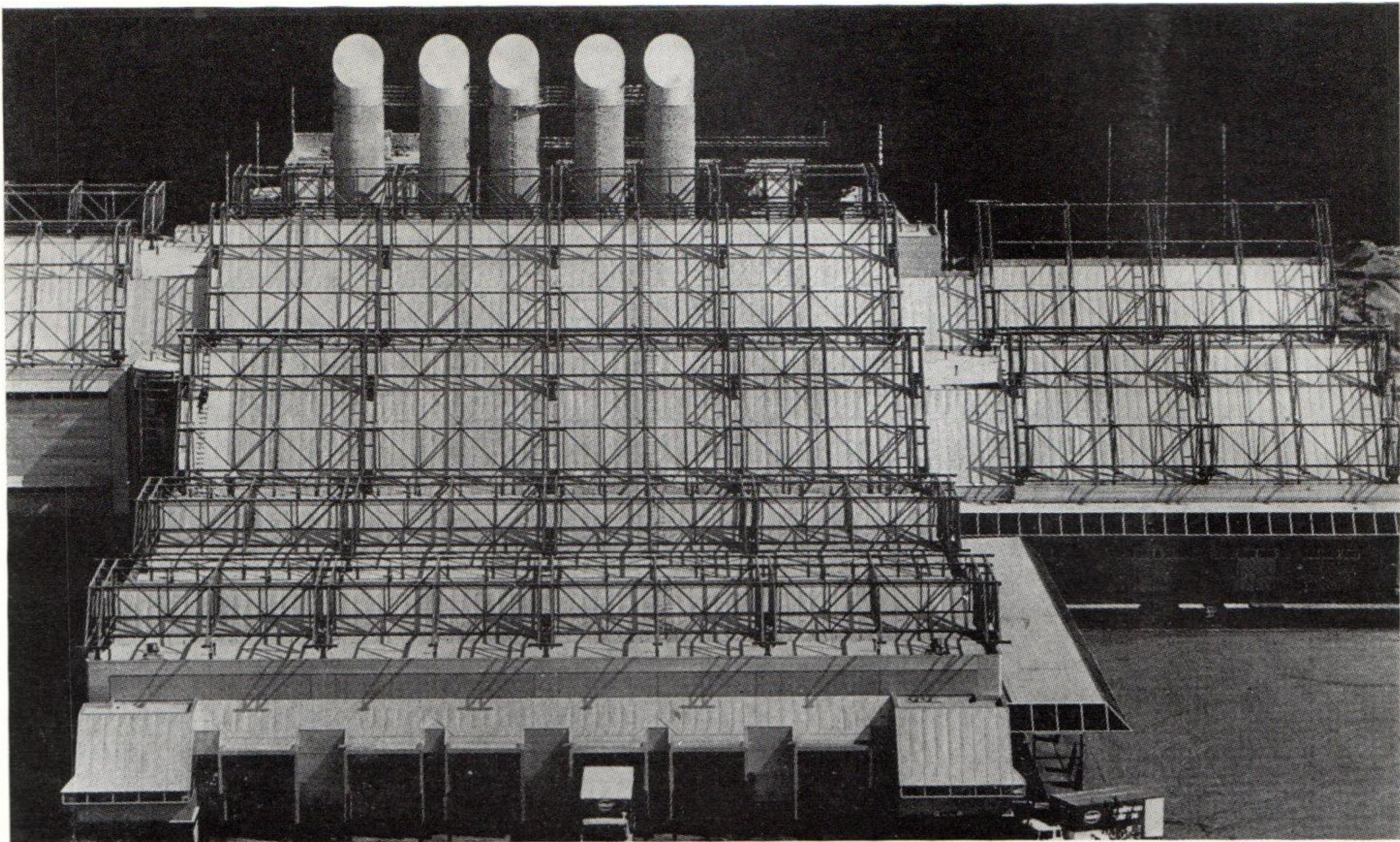
Костомукшский горно-обогатительный комбинат. Архитекторы И. Григорьева, Ф. Ретцеп, В. Близнцев, Г. Зверев, И. Евтеев. Перегрузочный узел фабрики окомкования

Красноярский завод тяжелых экскаваторов. Корпус механосборочных цехов. Архитекторы Л. Дятлов, А. Телегин; инженер В. Успенский и коллектив

ектам, построенным в Финляндии, свойственна сдержанность, нейтральность цветовой гаммы, основанной на сочетании светлой окраски объемов производственных корпусов и серебристой или золотистой цветовой отделки наружных решетчатых металлоконструкций.

Учитывая несомненные функциональные и эстетические достоинства новых приемов формирования промышленных зданий, целесообразно в самые короткие сроки провести необходимые исследования с целью определения принципиальной возможности и рациональной области применения их в наших условиях. С этой точки зрения особый

интерес представит изучение опыта строительства промышленных объектов в Финляндии, имеющей сходные с многими регионами нашей страны природно-климатические условия. Возможность использования конструкционных труб различного сечения из высококачественных марок стали, самозащищающихся от коррозии стальных сплавов, атмосферостойких и морозостойких лакокрасочных и пластмассовых защитных покрытий для наружных металлоконструкций делает реальным строительство промышленных зданий с вынесенными наружу конструктивными элементами и инженерными устройствами даже в районах с относитель-

но низкими зимними температурами.

Создание мобильной, легкоизменяемой структуры промышленных предприятий в современных условиях связано с развитием некоторых новых направлений индустриализации строительства, которые требуют решения ряда архитектурно-композиционных проблем.

Первая архитектурно-композиционная проблема связана с определением рациональных методов и приемов повышения эстетической выразительности комплексных производственных зданий из легких металлических конструкций. Учитывая, что к 2000 году в соответствии с принятым в августе 1985 г. постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии индустриализации и повышении производительности труда в капитальном строительстве», намечено значительно увеличить производство подобного типа зданий, они станут заметным, а в ряде случаев и преобладающим элементом застройки промышленных комплексов. Все это требует развития научных и проектно-экспериментальных работ, направленных на улучшение внешнего облика комплектных зданий из легких металлических ограждающих конструкций.

Прежде всего, необходимы поиски новых приемов формообразования промышленных зданий, отражающих тектонические особенности предельно тонкой и легкой стены-мембраны из профилированной листовой стали с эффективной теплоизоляцией, прикрепленной к несущему каркасу. Применение таких конструкций требует точно выраженной и освобожденной от случайных мелких пристроек, выступов и т. п. элементов формы архитектурных объемов. Это позволяет наиболее полно использовать главное свойство легких ограждений — способность создавать однородные нерасчлененные поверхности стен.

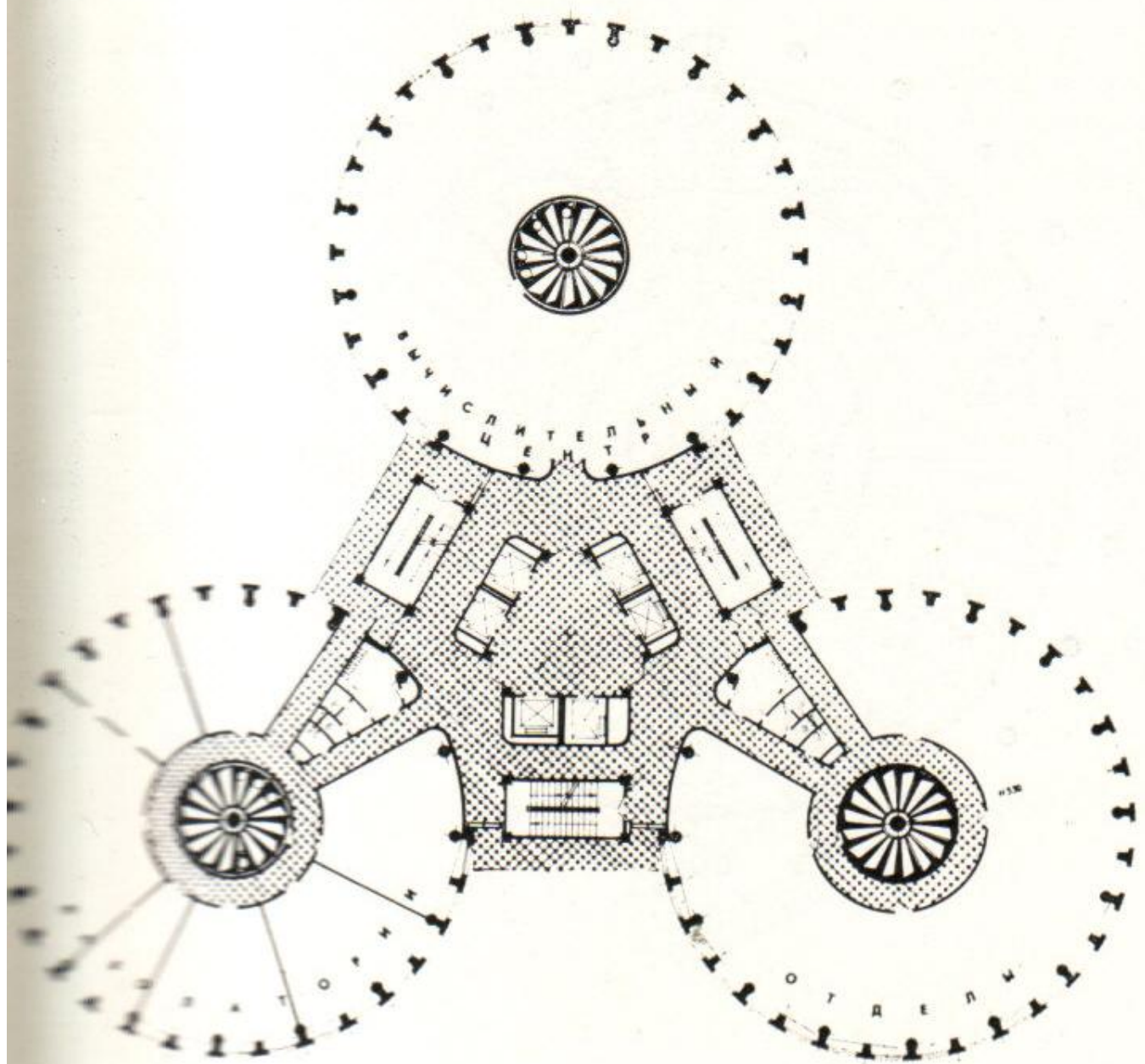
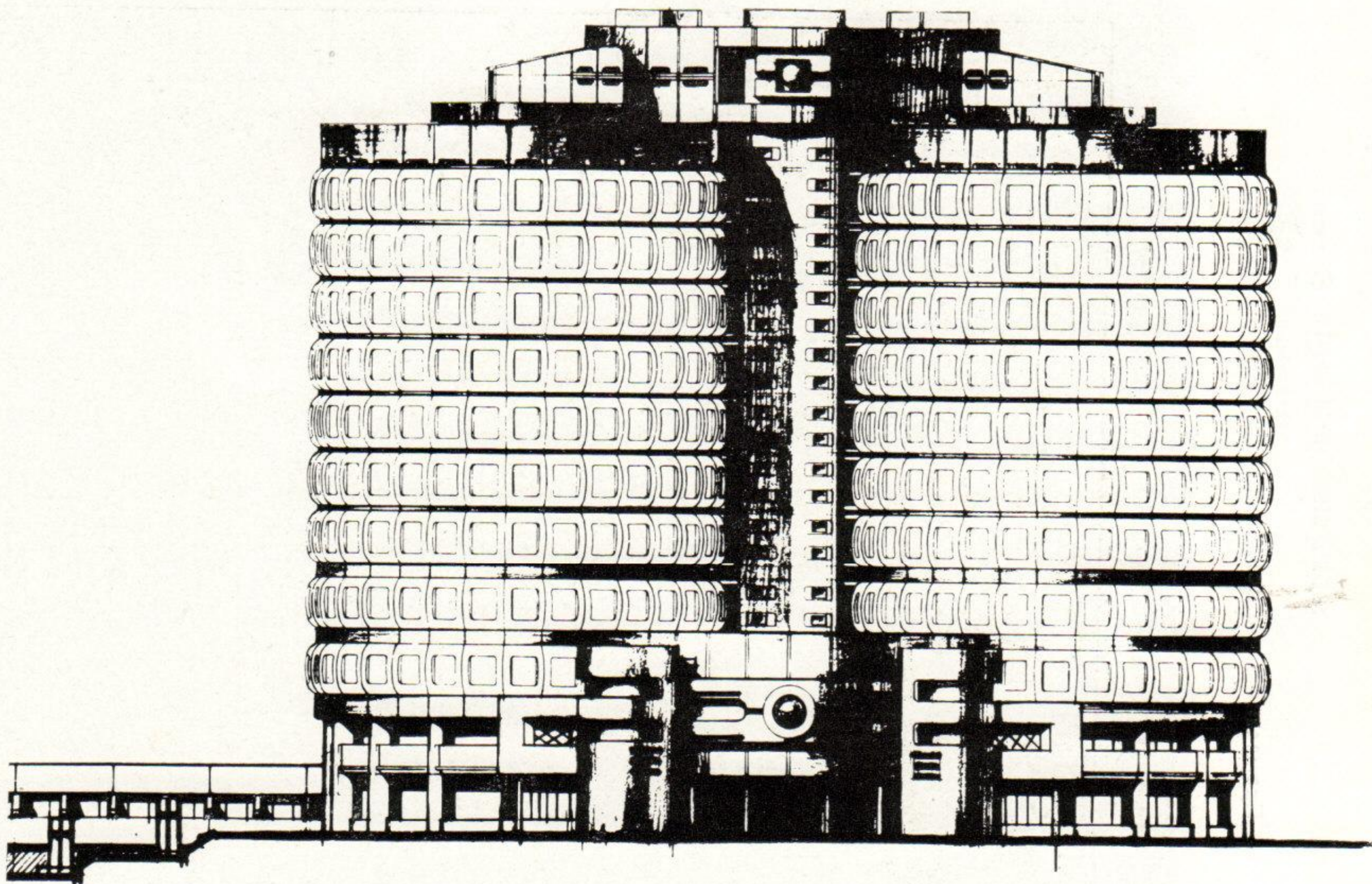
С этим связана еще одна задача, которая

заключается в поиске приемов цветовой отделки огромных непрерывных фасадных плоскостей производственных корпусов из легких металлических конструкций. Уже имеются примеры цветового решения крупных промышленных объектов, возведенных с применением легких стеновых ограждений. Так, на Светогорском целлюлозно-бумажном комбинате панели окрашивались в ярко-синий цвет, на Костомукшском горно-обогатительном комбинате — в насыщенный ярко-красный и на Белорусском металлургическом заводе в г. Жлобин — в белый цвет. Этот опыт показал, что монохромная цветовая отделка создает предпосылки для выяв-

Молокозавод «Валио» в Оулу, Финляндия, с наружным расположением несущих конструкций покрытия. Общий вид корпуса переработки молока. Архитектор М. Мякинен. Общий вид комплекса

Механический завод в Минске. Инженерный центр. Архитекторы И. Бовт, Е. Ковалевский, А. Малашко, Г. Чирвон; инженеры В. Осташевская, С. Смирнов и коллектив. а — фото с макета; б — главный фасад; в — план типового этажа

плектно-блочном исполнении и применение мобильных (инвентарных) зданий и сооружений. Оба направления реализуются на основе применения полностью оснащенных необходимым технологическим, санитарно-техническим, энергетическим и т. п. оборудованием на специализированных предприятиях объемных блоков полной заводской готовности, которые монтируются на месте. Новые методы строительства позволяют создавать гибкие, легко видоизменяемые, динамичные структуры промышленных предприятий, поэтому они быстро распространяются. Между тем задачи художественного осмысления новых методов строительства с точки зрения их воздействия на архитектуру промышленных предприятий не решены даже в самом первом приближении. С этой целью, как нам представляется, полезно поставить перед Госстроем СССР и Госкомархитектуры СССР вопрос о целесообразности проведения на конкурсной основе опытно-показательного строительства нескольких промышленных объектов в комплектно-блочном исполнении с четко сформулированной программой эксперимента. Это позволит практически отработать ряд технических и архитектурно-художественных аспектов, связанных с проектированием и строительством подобных комплексов. В частности, даст возможность определить наиболее рациональные объемно-планировочные решения блоков отраслевого (технологического) и межотраслевого применения; найти приемы и методы колористики промышленных комплексов, возводимых из блоков различного типа и назначения; а также выявить специфические особенности и архитектурные возможности легкотрансформируемых структур, формируемых из однородных блоков. Нет сомнений, что эти мероприятия позволят художественно осмыслить проектирование и строительство комплектно-блочных и мобильных зданий и сооружений, связанные с применением, и обогатят про-

ления образной характеристики строгих, лаконичных архитектурных объемов крупных производственных корпусов.

Не разработаны сегодня и методы цветовой отделки интерьеров комплектных зданий для обеспечения психологического дискомфорта в рабочих помещениях со стенами из металлических конструкций (так называемый эффект консервной банки).

Архитектурно-композиционной проблемой является художественное освоение таких современных направлений индустриализации строительства, как возведение промышленных объектов в ком-

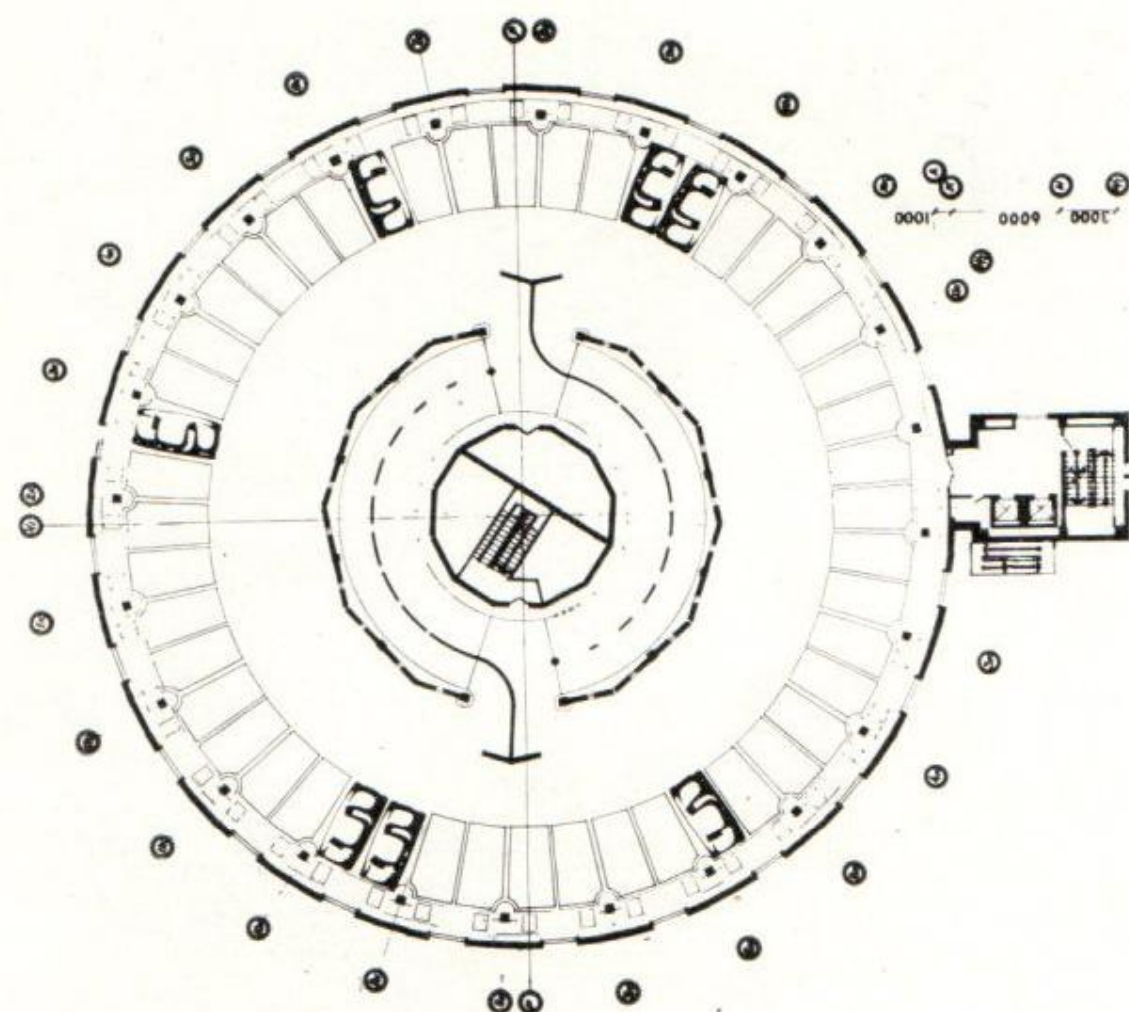
*распоряжение инженерных конструкций
напорной стирки здания, которое
было бы, но не для нас??*

мышленную архитектуру новыми средствами выразительности.

Следующая тенденция в промышленной архитектуре характеризуется стремлением к преодолению функционально-технического рационализма и примитивного геометризма промышленных зданий, возводимых из сборных железобетонных конструкций массового заводского изготовления.

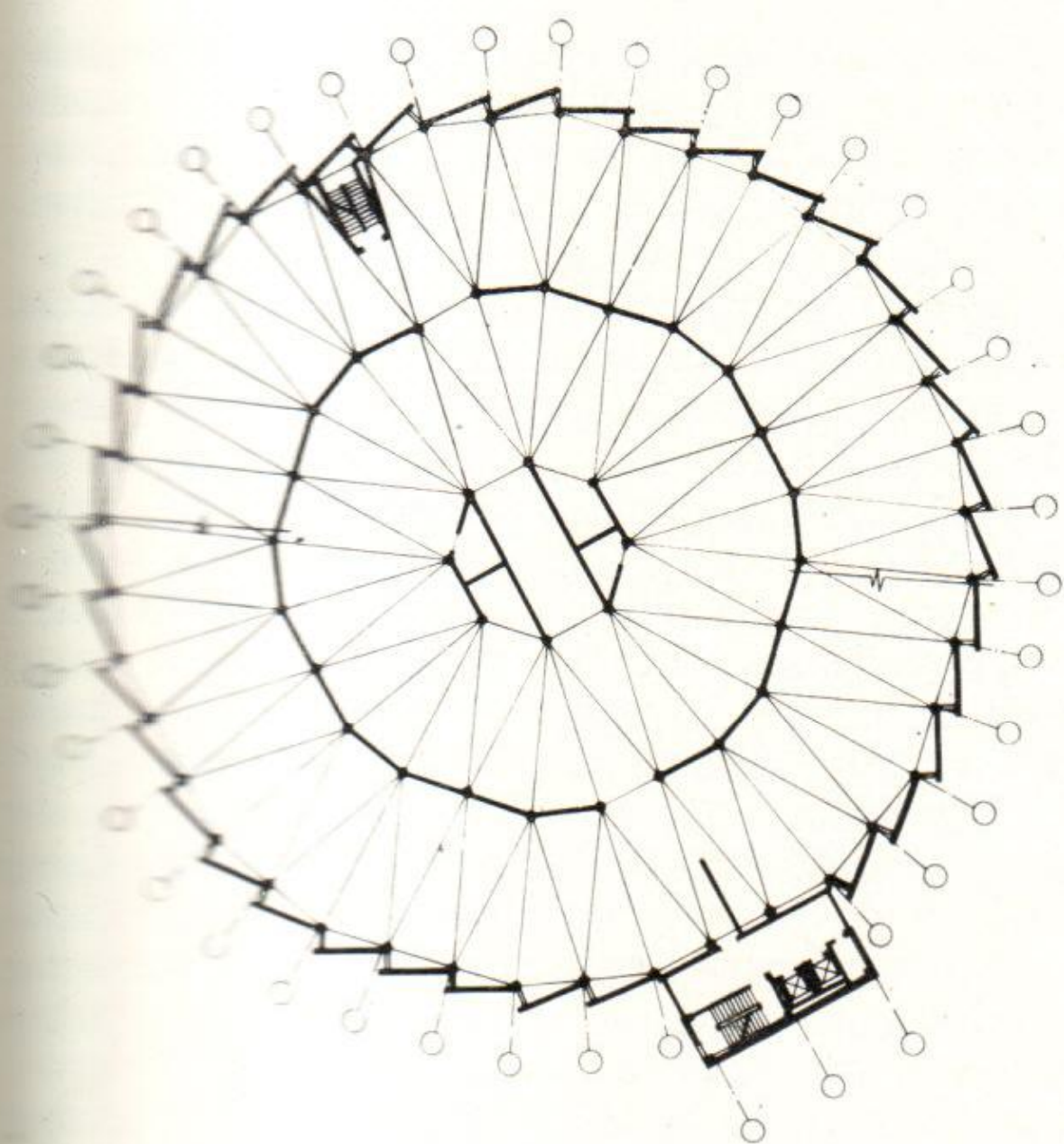
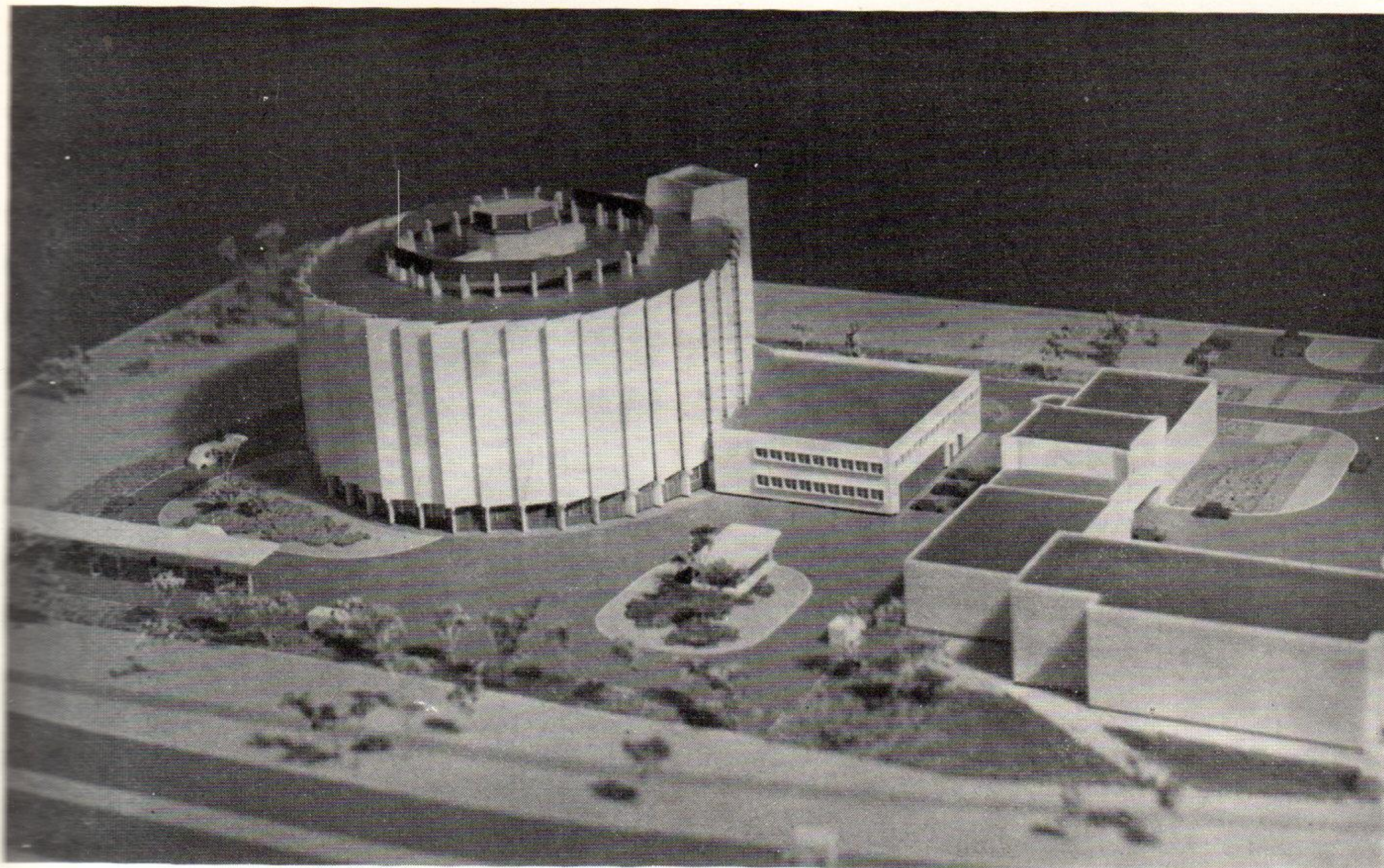
Поиски выразительности прежде всего связаны с обогащением пластики фасадов промышленных зданий. Существующая система производства стеновых конструкций пока не позволяет варьировать параметры и форму стеновых панелей из сборного железобетона, что приводит к однообразию застройки. Она связана также с долговременным выпуском ограниченного числа неизменных марок изделий. Повторяемость одинаковых панелей из сборного железобетона распространяется на всю страну, без учета места строительства, окружающей застройки, своеобразия сложившихся архитектурных традиций: предприятия стройиндустрии повсеместно тиражируют одинаковые изделия, при этом часто плохого качества. Между тем навесные конструкции стен, в наименьшей степени связанные со структурой здания, открывают возможности для разнообразных сочетаний элементов наружных ограждений, что в принципе позволяет для каждого крупного промышленного комплекса создать свой вариант решения фасадов. Для этого необходимы комплексные исследования по созданию гибкой технологии изготовления железобетонных конструкций в формах и агрегатах, позволяющих легко изменять параметры, форму и пластику лицевой поверхности стеновых панелей. Первые подходы к решению такой задачи связаны сегодня с применением для сборных железобетонных стеновых панелей матричных форм с эластичными легкоменяемыми вкладышами-матрицами из полиуретана или других полимерных материа-

Автотранспортное предприятие в Минске. Многоэтажная стоянка легковых автомобилей. Архитекторы И. Бовт, М. Гродников,

А. Малашко; инженеры А. Зушик, С. Смирнов, Н. Хмыль
а — общий вид; б — план типового этажа

лов. Благодаря этому можно будет выпускать оригинальные, своеобразные конструкции для крупных промышленных комплексов и различных регионов страны с учетом местных природно-климатических условий и традиций. При этом приоритет при выборе гибких технологических схем для изготовления стеновых конструкций для промышленных объектов должен быть, по-видимому, отдан производствам, выпускающим панели с максимально развитой пластикой лицевой поверхности, кото-

Автоцентр скорой и неотложной помощи в Минске.
Архитекторы И. Бовт,
А. Градников; инженеры

С. Смирнов, А. Мельничук,
В. Гладкий
а — фото с макета; б —
план междуэтажного перекрытия

Это придадут фасадам промышленных зданий большую скульптурность и объемность.

Однако, несмотря на всю важность обогащения пластики стеновых поверхностей, наиболее актуальной проблемой преодоления упрощенного геометризма промышленных зданий из сборного железобетона может быть решена только поиском новых приемов формирования их объемно-пространственной композиции. Причем разработка композиционных приемов формообразо-

вания в промышленном зодчестве, скорее всего, будет развиваться путем дальнейшего обогащения и живописности композиционных построений и придания большей скульптурности и активной пластики архитектурным объемам промышленных зданий.

Некоторые из этих приемов применены в современной практике сегодняшнего дня. Весьма симптоматичны в этом отношении некоторые работы белорусских зодчих, выполненные под руководством лидера промышленных архитекторов республики И. Бовта. Речь идет, в частности, о таких производственных объектах, как автотранспортное предприятие, инженерный центр механического завода и автоцентр скорой помощи в Минске. В архитектурной композиции этих сооружений активную роль играют круглые в плане многоэтажные башенные объемы. Следует подчеркнуть, что цилиндрические объемы этих предприятий возведены из унифицированных конструкций сборного железобетона с использованием треугольных плит-ригелей, опирающихся тремя углами на стойки каркаса. Такие конструкции, предложенные специалистами Белпромпроекта и освоенные строителями треста Минскстрой Минпромстроя БССР, позволяют свободно варьировать в плане форму здания, придавая ему практически любые — как прямолинейные, так и криволинейные — очертания. Круглые или криволинейные в плане здания по сравнению со зданиями, сформированными на основе прямоугольной сетки колонн, более органично вписываются в окружающую среду, в любую градостроительную ситуацию. Кроме того, новая конструктивная система позволяет создать интересный рисунок потолка при меньшей по сравнению с типовым стоечно-балочным перекрытием, расчлененностью его поверхности, что будет способствовать повышению эксплуатационных и

эстетических качеств интерьера производственных помещений.

Разумеется, поиски приемов создания активной пластики построения объемной композиции промышленных комплексов не ограничиваются только использованием криволинейных в плане архитектурных объемов. В частности, умелая, изобретательная компоновка прямоугольных объемов, например, под углом друг к другу, в свою очередь, может способствовать приданию архитектуре промышленных предприятий индивидуальных художественных черт. В качестве примера можно привести неординарную объемно-пространственную композицию комплекса филиала Минского тракторного завода в Сморгони, где административно-бытовые объекты поставлены под углом к главному корпусу.

Большие возможности с точки зрения поисков более пластичной, более выразительной объемной формы промышленных зданий из железобетона сулит также применение треугольной планировочной сетки, монолитного железобетона и некоторых других прогрессивных методов возведения зданий.

Еще одна тенденция связана с повышением интереса к гуманистическим ценностям архитектуры промышленных зданий и сооружений, в усилении ее обращенности к человеку. В основе этого явления лежат широкие социально-культурные причины и прежде всего — возрастание роли человеческого фактора в развитии современного производства и большая интеллектуализация труда в условиях современного научно-технического прогресса. Это обусловлено повышением требований к условиям труда и наличию благоприятного социально-психологического климата на предприятии.

Реализация тенденции к гуманизации искусственной среды, создаваемой внутри промышленных зданий, в наибольшей степени связана с развитием общей для всех видов современного зодчества идеи единства архитектуры и природы. Причем в промышленной архитектуре данный аспект формирования интерьера приобретает особое значение. Это определяется тем, что внутреннее пространство современных промышленных зданий насыщено и даже перенасыщено техническими элементами и устройствами: производственным оборудованием, техническими коммуникациями, инженерными устройствами технического обслуживания здания и т. п., как бы противостоящими формам естественной природы. Поэтому психологически оправдано стремление к тому, чтобы и в интерьере промышленного здания человек ощущал присутствие живой природы и непосредственный контакт с ней.

Наиболее распространенным приемом является архитектурно организованное размещение во внутреннем объеме промышленного здания участков искусственного ландшафта (с газонами, деревьями, водоемами и другими элементами, создающими впечатление присутствия естественной природной среды). Он основывается на идее создания внутри промышленных зданий зеленого оазиса, позволяющего использовать в интерьере характерные свойства естественной природной среды — иррациональность, случайность, неожиданность, живописность и т. п. Зелень, всегда связанная с представлением о свежести и чистом воздухе и открытом пространстве, оказывает благоприятное психологическое воздействие на работающих.

Включение озеленения в интерьер про-

Завод Мосремстроймаш в Москве. Интерьер зимнего сада. Дизайнеры М. Кондрашов, Г. Ганина, В. Михайлов и коллектив

мышленных зданий обычно связано с организацией мест отдыха внутри производственных помещений. Как правило, в композицию таких мест отдыха наряду с озеленением включают также декоративные бассейны и фонтаны и элементы, создающие впечатление присутствия естественной природной среды (стволы, ветви и корневища деревьев, необработанные глыбы камня, элементы наружного благоустройства и замощения, аквариумы с декоративными рыбами, клетки с птицами и т. п.). Это закономерно, так как в общении с природой заключается один из основных аспектов отдыха людей (еженедельный и ежегодный отдых) и в силу привычных ассоциаций наличие элементов живой природы в местах отдыха способствует снятию физического и нервного стресса. При этом зимние сады и озелененные холлы с фонтанами и т. п. «общественные пространства» служат не только для отдыха, но и для встреч и неформального общения людей, что несомненно, является следствием усиления демократизации общественной жизни трудовых коллективов. Известны и другие направления решения проблемы воссоздания в интерьерах промышленных зданий естественных природных условий: приближение световой среды цехов с постоянным искусственным освещением к условиям природного солнечного освещения, использование цветовых сочетаний, характерных для данного района и т. д.

Другой, пожалуй, не менее существенный аспект проявления тенденции к гуманизации внутренней среды промышленных зданий связан со стремлением вызвать у людей художественными средствами определенные эмоциональные ощущения. Причем речь идет не столько о создании стенических эмоций, повышающих общую жизнедеятельность организма, сколько о положительных эмоциях, вызывающих чувство радости, одухотворенности, эстетического наслаждения. Здесь важ-

● Армэлектрoзавoд в Ереване. Декoративный фонтан в интерьере механического цеха

ная роль, после организации пространства, принадлежит цвету и синтезу искусств, которые усиливают силу эмоционального и эстетического воздействия архитектуры.

Проблема создания в интерьерах промышленных зданий благоприятного цветового микроклимата достаточно подробно исследована и получает, хотя и в недостаточной пока широком масштабе реализацию в практике. Причем в последнее время наряду с решением функциональных задач в интерьерах промышленных зданий все большее значение придается эстетическим аспектам формирования цветовой среды. В частности, можно отметить стремление к повышению путем соответствующего подбора цветов общей эмоциональной атмосферы интерьера. С этой целью при помощи цветового решения стремятся создать внутри промышленных зданий впечатление простора и свободы, вызвать чувство бодрости, мажорности, оптимизма и т. п.

Не менее важную роль сегодня в формировании производственной среды приобретает художественное взаимодействие с монументально-декоративным искусством. Использование произведений изобразительного искусства в архитектуре промышленных зданий увеличивает силу ее эстетического воздействия, активно влияет на общественное сознание работающих и способствует формированию гармонически развитой личности. Об этом прямо указывается в известном постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию изобразительного искусства и повышению его роли в коммунистическом воспитании трудящихся». Произведения монументальной живописи и скульптуры приобретают сегодня особое значение в промышленной архитектуре и особенно в интерьерах производственных помещений, где человек находится в общении с изобразительным искусством длительное время.

При этом на промышленных предприятиях элементы монументально-изобразительного искусства можно использовать не только как средство повышения идейно-художественной выразительности архитектуры, но и как активный способ восстановления работоспособности людей. Один из возможных путей решения такой задачи предложен, в частности, в интерьере Олимпийского телерадиокомплекса в Москве (архитекторы Л. Баталов, С. Акинфиев, П. Бахарев и другие). Здесь композиция из смальтовой мозаики «Музыка времени» занимает полностью обе стены главной лестницы, одновременно служащей и рекреационной зоной здания. С учетом того, что это пространство используется для отдыха персонала, в основном занятого на работах в условиях яркого освещения телестудий или в студиях звукозаписи, связанных со слуховым напряжением, мозаичные панно выдержаны в неяркой гамме золотисто-желтых, розовых и голубоватых цветов и рассчитаны на постепенное их узнавание во времени в процессе отдыха. В данном случае эмоциональное воздействие монументальной живописи целенаправлено не только на достижение художественного эффекта, но и на реабилитацию трудоспособности персонала.

К сожалению, отсутствие теоретических основ применения монументального искусства в производственной среде на практике приводит к тому, что характер, форма, цвет и масштаб произведений монументально-изобразительного искусства в интерьерах промышленных зданий пока еще крайне редко учитывают особенности производства и общий архитектурный замысел. Поэтому перед архитектурной наукой стоят серьезные задачи по разработке новых методических подходов к синтезу промышленной архитектуры и монументального искусства с учетом специфики различных производств, национальных традиций и прочих факторов.

Таковы некоторые, на наш взгляд, наиболее характерные для современной промышленной архитектуры прогрессивные тенденции. С ними связаны важнейшие творческие проблемы, требующие для реализации более глубокой и всесторонней разработки в практике проектирования и строительства. Это ставит ряд неотложных задач и перед архитектурной наукой. При этом речь идет не только, вернее не столько о прикладных научно-исследовательских и экспериментальных работах, связанных с решением конкретных задач архитектурной практики, но и о фундаментальных исследованиях по ключевым проблемам теории промышленной архитектуры. Прежде всего здесь имеются в виду теоретические работы, направленные на поиски новых перспективных типов промышленных зданий, сочетающих в своей архитектуре преимущества современного социалистического общества с новейшими достижениями научно-технического прогресса, соединяющих гуманистическую направленность социалистического искусства с высшими достижениями техники. Возглавить и координировать эти исследования должен будущий всесоюзный научный центр — ВНИИ теории архитектуры и градостроительства в составе которого, по нашему мнению, обязательно должно быть создано специальное научное подразделение по проблемам промышленной архитектуры. Только совместными согласованными усилиями науки и практики можно повысить качество архитектуры промышленных зданий и сооружений.

□

АРХИТЕКТУРА АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Участники совещания секции архитектуры НТС Минэнерго СССР. Ю. Грушин, А. Першанин, Б. Ким, В. Шейнкман, А. Тарутин, Ю. Чистяков

В последнее время архитекторы начали работу по совершенствованию действующих унифицированных проектов АЭС и разработке нового поколения атомных электростанций с реакторами повышенной мощности.

Учитывая новизну проблем, стоящих сегодня перед проектировщиками атомных электростанций, необходимость определения направлений дальнейшего развития и совершенствования архитектуры АЭС, анализа уже проделанной работы, секция архитектуры Научно-технического Совета Минэнерго СССР провела совещание, на котором рассмотрела архитектурные решения АЭС, спроектированные «Атомтеплоэлектропроектом» и «Гидропроектом» им. С. Ф. Жука, а также предварительные проработки АЭС второго поколения.

Прежде чем перейти к сообщениям архитекторов, выступивших на этом совещании, сделаем небольшой ретроспективный анализ проектной практики. В нашей стране проблемы совершенствования проектирования и строительства атомных электростанций решаются на основе создания унифицированных проектов*. Архитектурно-композиционное решение унифицированного проекта АЭС с реакторами РБМК основано на выделении в комплексе зданий и сооружений объема главного корпуса, на сочетании простых геометрических объемов реакторных отделений и протяженного машинного зала. Вентиляционные трубы большого диаметра, поставленные на кровлю реакторных отделений, доминируют над всем комплексом сооружений АЭС и являются активным элементом архитектурной композиции. Широкое развитие в СССР получили атомные электростанции с водоводяными реакторами (ВВЭР). По техническим характеристикам они подразделяются на серийные АЭС с реакторами средней мощности ВВЭР-440 и АЭС большой мощности ВВЭР-1000.

Ряд атомных электростанций с водоводяными реакторами ВВЭР-440 и ВВЭР-1000 построен и строятся за рубежом при техническом содей-

ствии Советского Союза (Финляндия, Болгария, ГДР, Венгрия и др.).

Возросшие требования к охране окружающей среды и безопасной работе ядерной установки определили объемно-планировочное и конструктивное решение АЭС с реакторами большой мощности. Впервые в практике отечественного энергетического строительства на пятом блоке Нововоронежской АЭС оборудование реактора ВВЭР-1000 было размещено в герметичной оболочке.

Объемы планируемого строительства АЭС потребовали нового подхода к решению архитектурно-строительных задач. Унифицированный проект АЭС с реакторами ВВЭР-1000 представляет собой новый этап в строительстве атомных электростанций с водоводяными энергетическими реакторами. В основу архитектурно-планировочной структуры генерального плана унифицированного проекта положен принцип застройки промплощадки отдельными моноблоками. Унифицированный моноблок представляет собой сблокированные в одном объеме главного корпуса модули реакторного и машинного отделений. Это решение обеспечивает поточное строительство, позволяет осуществлять независимый ввод мощностей и иметь определенную архитектурную завершенность на каждом этапе строительства. По унифицированному проекту осуществляется строительство Запорожской, Балаковской, Ростовской, Хмельницкой, Крымской и других АЭС.

Для теплоэлектрообеспечения крупных городов взамен многочисленных котельных разработаны проекты атомных теплоэлектроцентралей (АТЭЦ) и атомных станций теплоснабжения (АСТ). В проекте АТЭЦ также принята моноблочная компоновка главных корпусов с сохранением модуля реакторного отделения унифицированного проекта АЭС. Учитывая важность объектов атомной энергетики, их архитектурно-художественную значимость, в отделке фасадов зданий и сооружений АЭС применены долговечные отделочные материалы, по фактуре и цвету увязанные с местными условиями. При этом особое внимание уделяется выделению цветом и фактурой основных объемов комплекса, зданий реакторных отделений, ограждающие стены которых выполняются в сборно-монолитных конструкциях.

Начата разработка нового поколения атомных электростанций с реакторами повышенной мощности. Основные тенденции новых архитектурных решений АЭС связаны с дальнейшим развитием принципа моноблочного строительства полностью автономными энергоблоками. Одним из перспективных компоновочных решений является идея блокировки основных и вспомогательных сооружений унифицированными строительными-технологическими модулями. Этот метод позволит обеспечить композиционную вариативность генерального плана, террасное размещение составляющих комплекс модулей на сложных рельефах, а также модернизацию отдельных частей АЭС без переделки всего проекта.

* В СССР промышленное освоение получили главным образом два типа энергетических реакторов: канальные большой мощности (РБМК) и водоводяные (ВВЭР).

На совещании секции архитектуры Научно-технического Совета Минэнерго СССР с сообщениями по работе над объектами атомной энергетики выступили архитекторы В. Шейнкман, П. Гришаев, (Москва), В. Сивко (Киев). В обсуждении приняли участие архитекторы С. Демидов, Ю. Дежнев, В. Блохин, Г. Борис, К. Афанасьев, Е. Першин, Н. Ким, В. Ковалев, В. Алексашина, Г. Агранович, И. Севастьянов, А. Тришин и др.

Открыл совещание председатель секции архитектуры НТС Минэнерго СССР, главный архитектор института «Атомтеплоэлектропроект» (Теплоэлектропроект) Ю. ГРУШИН:

«Архитектура атомной энергетики уже имеет свою более чем 30-летнюю историю. Правда, на первом этапе развития атомной энергетики появление новой технологии, нового вида топлива не послужило основой для создания новой и своеобразной темы в промышленной архитектуре. Развитие архитектуры атомных станций долгое время шло в русле традиционных, ранее сложившихся в энергетическом строительстве форм. Так архитектура первых четырех блоков Нововоронежской АЭС, Белоярской АЭС, Армянской АЭС не несла в себе характера новаторства. АЭС раннего периода были схожи с обычными тепловыми электростанциями. Этому можно найти и объективные и субъективные причины, но определенную роль в отсутствии поисков образного решения играла и пассивность архитекторов.

Переломным моментом в работе архитекторов института «Атомтеплоэлектропроект» можно считать создание 5-го блока Нововоронежской АЭС, где впервые был выявлен объем атомного реактора, была создана новая компоновка, отличающаяся автономностью и определенной пластичностью выразительностью комплекса.

Следующим шагом явилась работа по унификации компоновок, конструкций, создание унифицированного проекта АЭС. Глубокая унификация проектных решений с особой остротой поставила перед архитекторами задачу индивидуализации архитектуры каждой конкретной АЭС с учетом местных особенностей и условий строительства.

Назовем имена архитекторов, активно работавших над конкретными объектами атомной энергетики: москвичи Б. Ким, Б. Карташев и харьковчанин С. Фришман — по Запорожской АЭС; свердловчане В. Прокопенко, А. Тамплон — по Балаковской АЭС; Э. Стеценко, А. Неверов — по Башкирской АЭС; рижанка Р. Сипола — по Татарской АЭС; горьковчане Н. Горбачевская — по АТЭЦ и Воронежской АСТ; Р. Якорев, О. Гаврилов — по Ростовской АЭС, киевляне А. Гаврилов, В. Сивко, О. Стародубцева — по Хмельницкой АЭС; харьковчанин В. Мац — по Крымской АЭС; москвичи П. Гришаев, А. Соколовская — по Смоленской АЭС.

В новом унифицированном проекте АЭС с ВВЭР-1000 удачно решены проблемы безопасности, вопросы поточного строительства, но вопросы единого стиливого решения комплекса и его архитектурно-художественной выразительности требуют дальнейшего решения. Следует полнее выявить характерную и запоминающуюся форму здания реактора (будь то цилиндр или шар — это

ведь, пожалуй, самое отличительное в архитектуре АЭС). Идею моноблочности следует довести до определенной законченности, ликвидировав тяжелые эстакады большой протяженности и включив в главные корпуса (или пристроив к ним) спецпомещения, связанные с работой блока.

Заслуживают поддержки работы, которые ведут в этом направлении киевские и московские архитекторы института. Часть их новых предложений представлена на фотографиях.

Многое предстоит сделать и для получения гармоничного и экономичного генерального плана АЭС нового поколения.

С этой целью следует активнее использовать подземное пространство, шире внедрять многоэтажные, многоярусные компоновки, работать по замене железнодорожных путей на автодорожные, сокращать объем вспомогательных сооружений.

Архитекторы, занятые проектированием объектов атомной энергетики, должны мудро распорядиться тем, что им дарит новая технология и новые конструктивные решения, и создать выразительный образ промышленного предприятия нового типа».

В. ШЕЙНКМАН — главный специалист-архитектор «Атомтеплоэлектропроекта»:

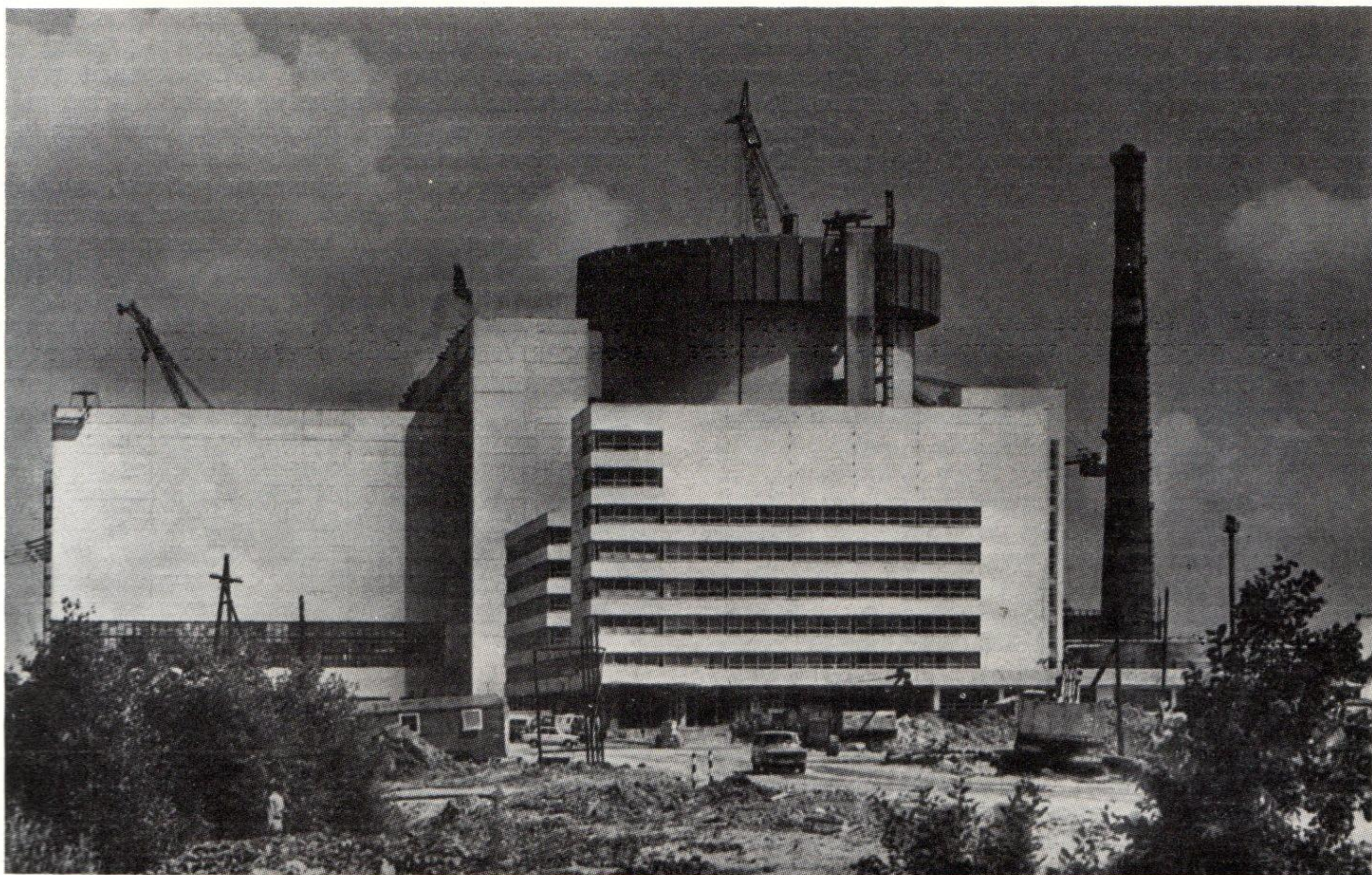
«Унифицированный проект АЭС с реакторами ВВЭР-1000 впервые в практике проектирования энергетических объектов разработан по принципу моноблочной компоновки главных корпусов. При этом компоновка основных зданий и сооружений выполнена в виде крупных блок-модулей, сблокированных по технологическому принципу в главные корпуса, спецкорпус, вспомогательные здания.

При формировании генерального плана комплекса зданий и сооружений АЭС важно было подчеркнуть и выявить главный стержень композиции с учетом визуального восприятия объекта. Эту роль выполняет ритм объемов реакторных отделений, своей формой и материалом ограждающих конструкций контрастно выделяясь в окружении каркасно-панельных зданий. Достоинством унифицированного проекта является удачно найденная простая кубическая форма модуля реакторного отделения, символизирующая надежность и устойчивость сооружения, скрывающего активную зону основного технологического процесса атомной электростанции.

Кроме того, проектировщикам удалось создать универсальное объемно-планировочное решение модуля реакторного отделения для атомных электростанций и атомных теплоэлектроцентралей с реакторами ВВЭР-1000, что позволяет сблокировать реакторное отделение с любым модулем машинного зала.

Недостатком унифицированного проекта является большое количество вспомогательных разнохарактерных зданий, протяженные транспортно-технологические коммуникации и эстакады трубопроводов. Перед архитекторами стоит задача найти средства архитектурно-пространственного решения генерального плана и отдельных зданий, чтобы создать достойную оправу доминантам комплекса — объемам реакторных отделений.

Индустриализация строительства, применение крупных унифицированных элементов и конструкций заводской готовности не исключают воз-

возможности декорирования фасадных серийных элементов и позволяют менять форму, цвет и фактуру с учетом местных отделочных материалов и возможностей стройиндустрии. Не изменяя основного планировочного и конструктивного решения унифицированного проекта, можно разработать несколько различных вариантов ограждающих конструкций зданий применительно к строительству в конкретных климатических районах.

Учитывая опыт проектирования, строительства и эксплуатации первых серийных АЭС, институт разрабатывает предложения для второго поколения АЭС с реакторами повышенной мощности на основе дальнейшего развития принципа моноблочности и с целью создания полностью автономного энергоблока. Технические усовершенствования, в частности размещение реакторной установки в двойной защитной оболочке сферической формы, позволят обеспечить более высокую степень защиты окружающей среды и будут способствовать повышению выразительности архитектуры АЭС».

В. БЛОХИН — доктор архитектуры, руководитель отдела ЦНИИпромзданий:

«Одна из ведущих творческих задач, стоящих перед зодчими, которые работают в области атомной энергетики,— поиск образной выразительности архитектуры АЭС.

Главным и наиболее характерным компонентом атомной электростанции, отличающим ее как тип сооружения от тепловых и гидравлических силовых установок, является ядерный реактор. В функционально-технологическом отношении это самое важное сооружение АЭС, ее суть и основа.

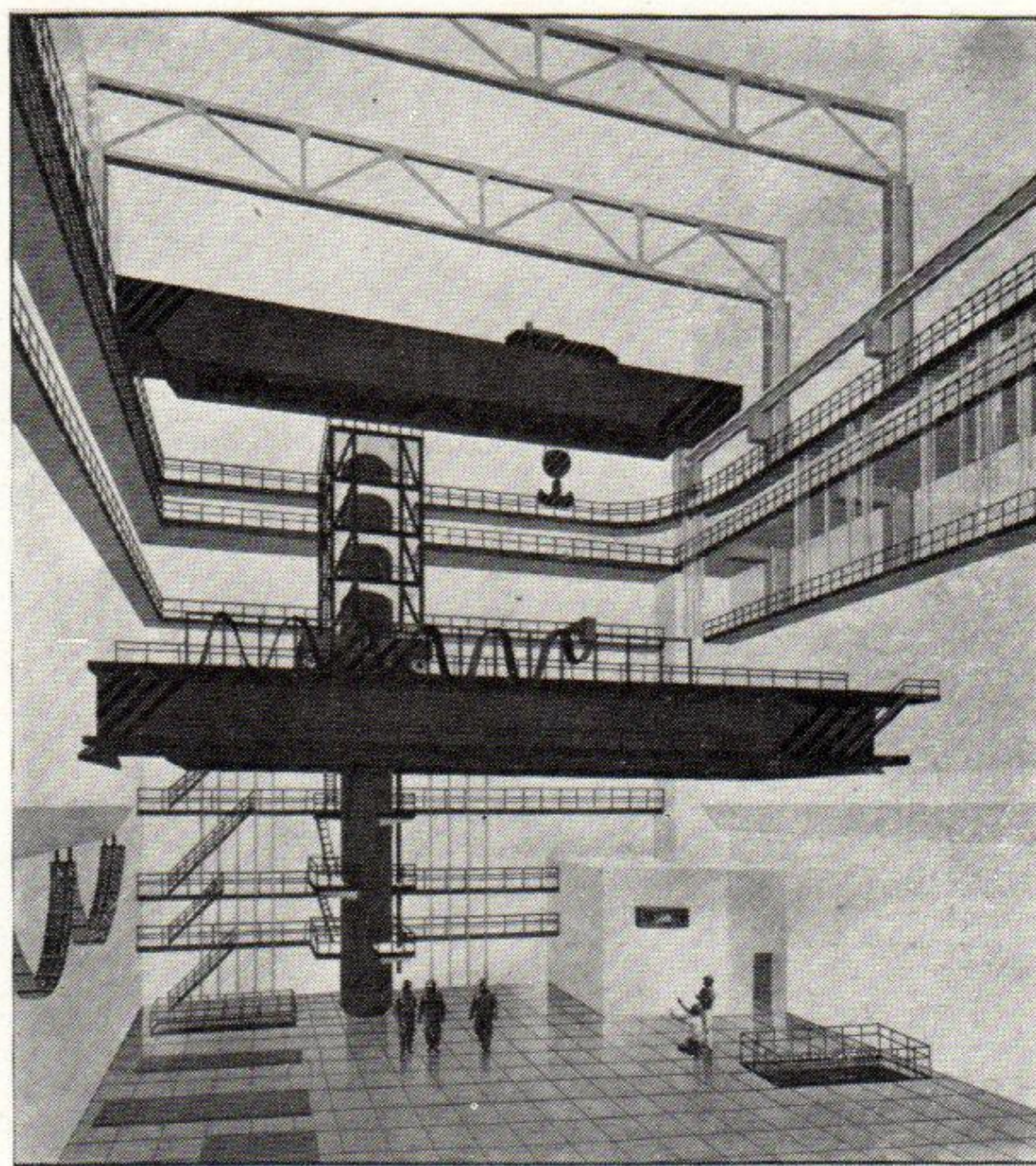
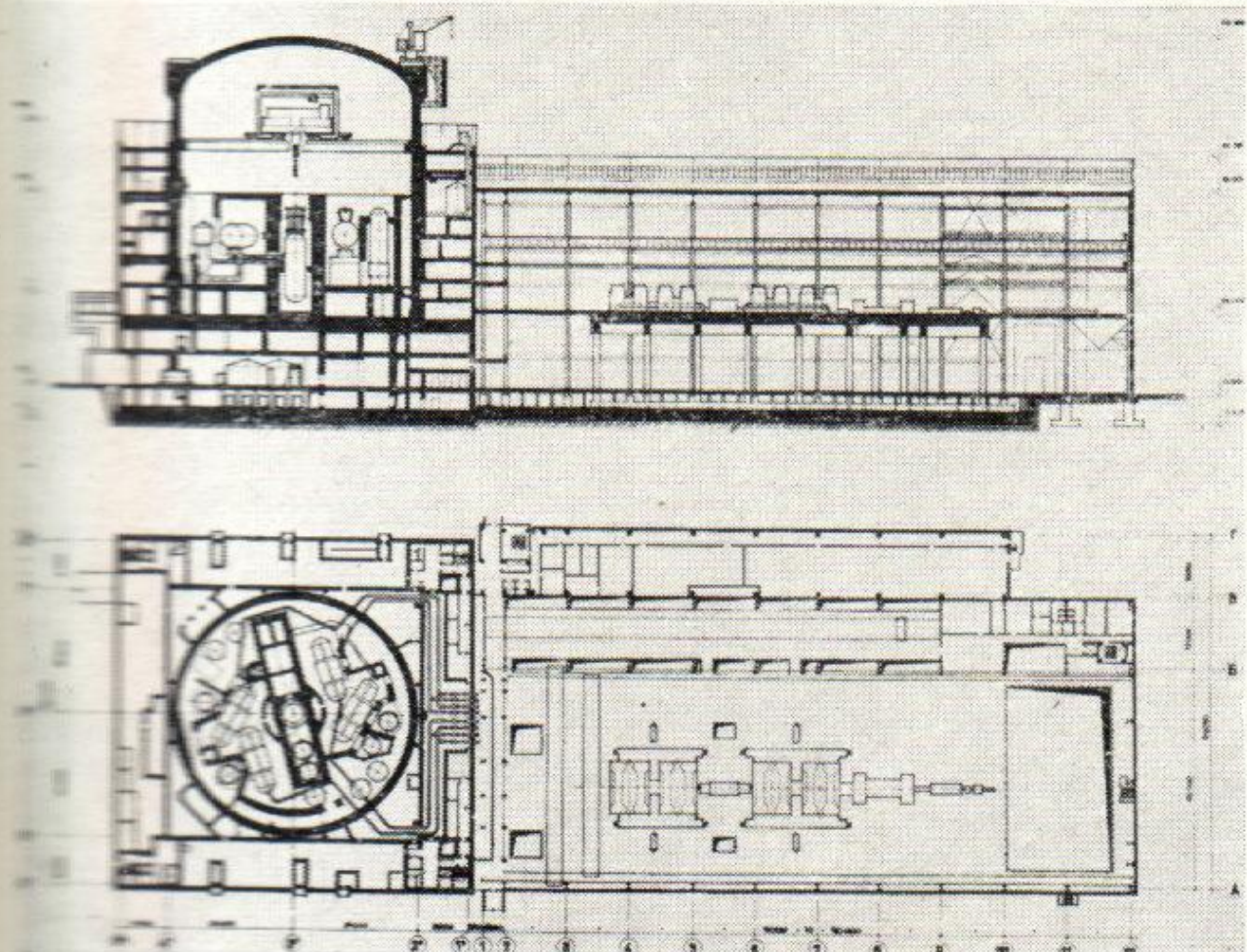
По этой причине логично сделать его и главным в композиционном отношении элементом общего комплекса сооружений. Это придаст архитектуре АЭС свои самобытные черты.

Если исходить из этого, то едва ли целесообразно стремиться к зрительной интеграции реактора с прочими объектами станции. Напротив, представляется более правильным пытаться выделить формой, цветом, фактурой реакторное отделение и сделать его доминирующим в композиционном отношении, особенно там, где есть возможность придать его защитной оболочке предельно простую и лаконичную форму шара, куба или цилиндра. Разумеется, сами по себе не приходят простота и чистота геометрической формы. Архитекторам для этого приходится вкладывать много творческих усилий. С этой точки зрения следует положительно оценить такие объекты, как 5-й блок Нововоронежской АЭС, Южно-Украинская АЭС, Запорожская АЭС, Крымская АЭС. Новая моноблочная компоновка атомных электростанций также дает широкие возможности для поисков оригинальных, выразительных архитектурных решений. И эти возможности обязательно следует реализовать.

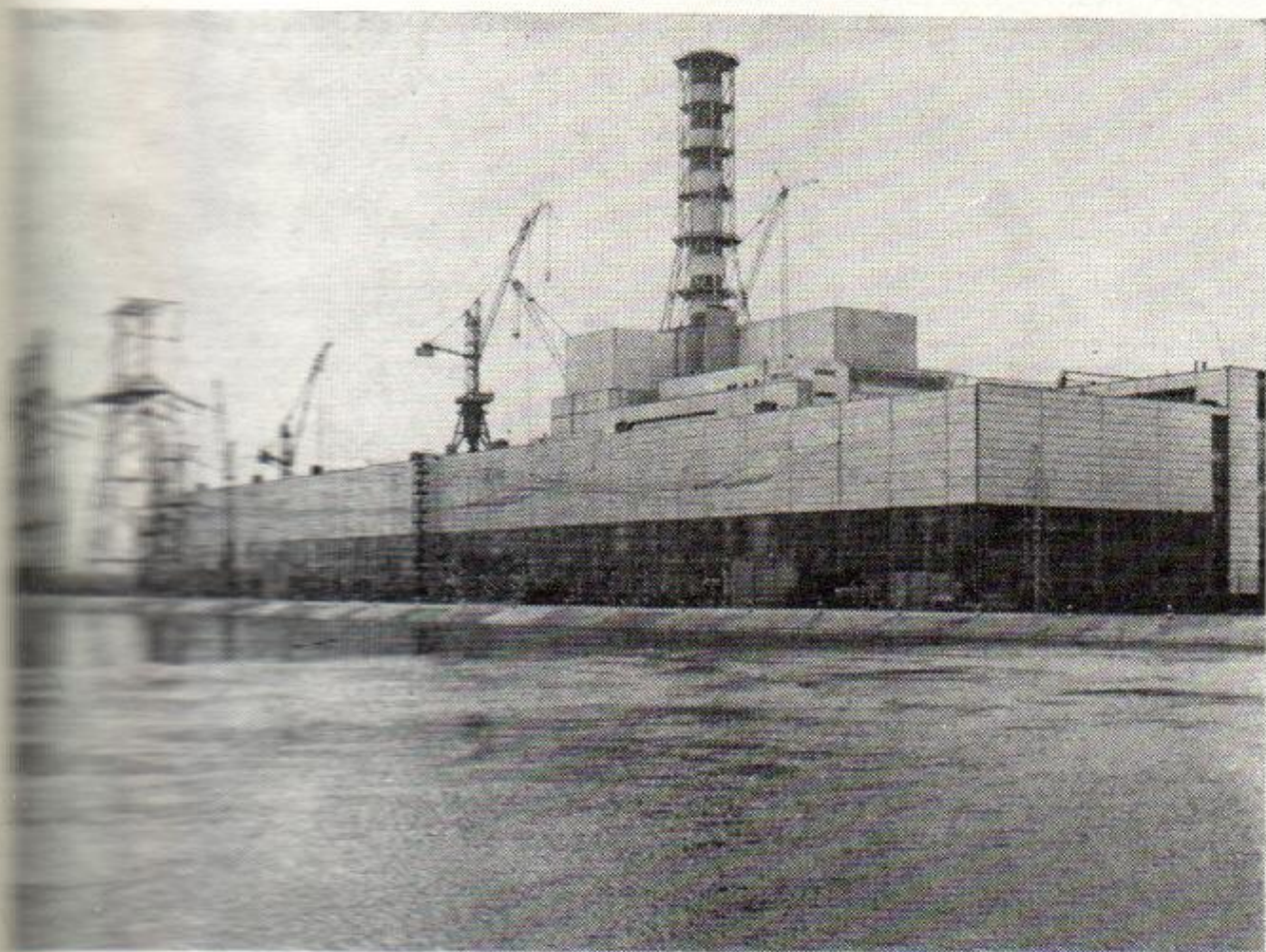
Особое значение для повышения выразительности архитектуры АЭС имеет ее цветовая отделка. Она должна способствовать выявлению общей концепции. Имеется в виду целенаправленное использование цвета для усиления доминирующей роли реакторного отделения в общей композиции станции. Не следует опасаться применения в наружной отделке защитной оболочки ярких, локальных, открытых цветов, которые способны усилить выразительность геометрической формы реактора. В ряде случаев возможна и так называемая вариантная окраска реакторных оболочек

Запорожская АЭС.
Разрез, план

Смоленская АЭС
Блочный щит
Реакторный зал

(т. е. окраска на одной станции каждого реактора в свой цвет). Работа над цветовой отделкой позволит приблизиться и к решению проблемы освоения национальных традиций в архитектуре энергетических сооружений».

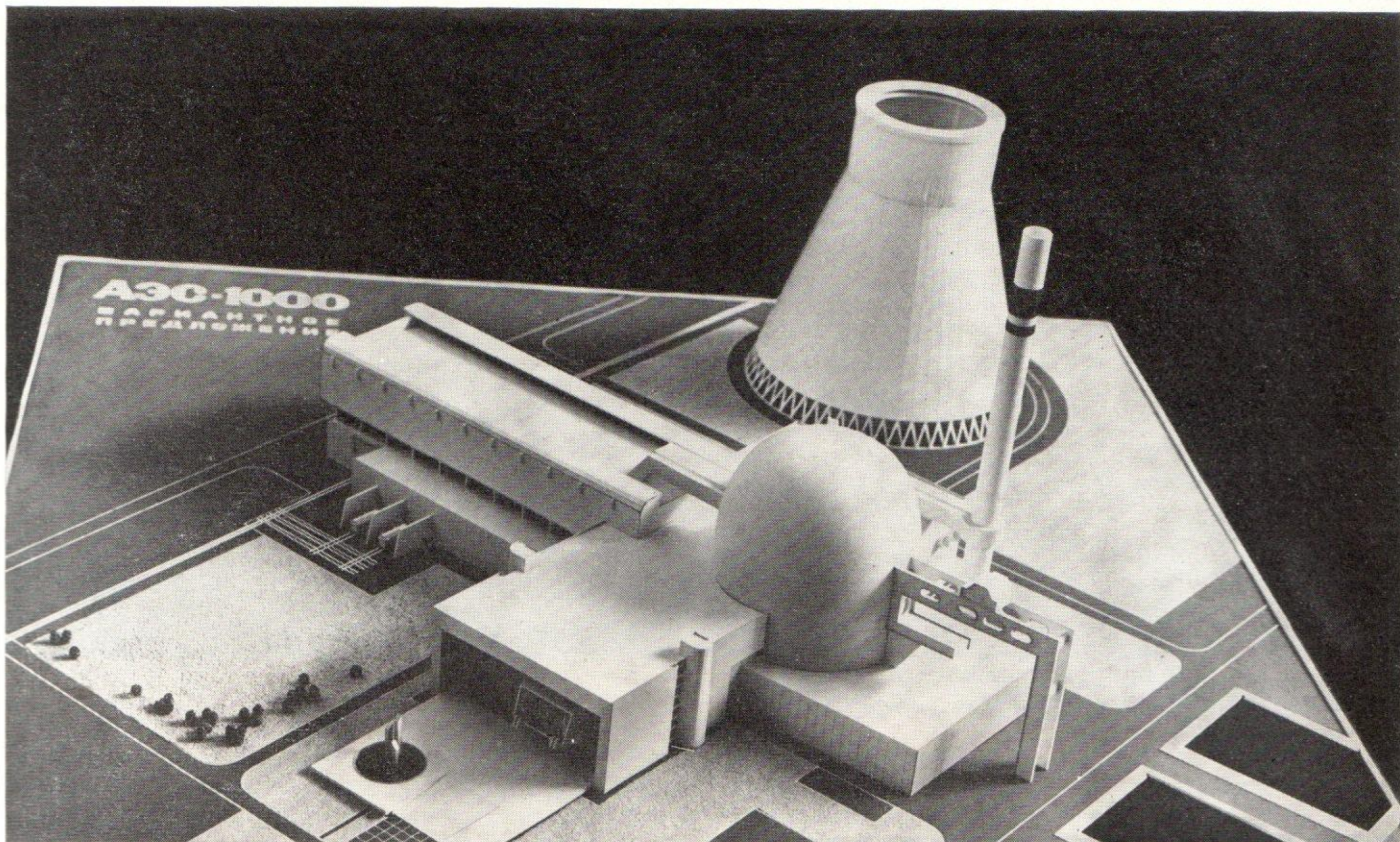
С. ДЕМИДОВ — профессор, заведующий кафедрой МАрХИ:

«Если оставить в стороне содержательную суть АЭС — непростые проблемы компоновки ее технологического хозяйства с учетом обеспечения радиационной безопасности, проблемы функционирования и эксплуатации, а рассматривать лишь вопросы формирования ее облика, то можно было бы остановиться на следующих проблемах.

Все компоненты АЭС — значение для народного хозяйства, характер технологии, специфика составляющих ее объектов, абсолютные размеры объемов, формы — как будто созданы для сочинения сооружений большой архитектурной значимости, силы, зрелищности — своеобразных промышленных «соборов». И мировая, и отечественная практика возведения станций подтверждает это. Подтверждает и опыт разработки этой проблематики в архитектурных вузах.

Своеобразие, остроту и неожиданность облику АЭС придают формы зданий реакторов независимо от их типов — шарообразные, цилиндрические со сферическими колпаками, граненые, куби-

ческие, призматические, глухие безоконные, белые, блестящие, красные, черные, синие. Словом, в руках архитектора имеется богатейший материал для творчества.

Анализ архитектурных решений АЭС показывает, что чем проще объемы реакторных зданий, чем активнее их роль в общей композиции станций, тем выразительнее их облик. Примером тому может служить 5-й блок Нововоронежской АЭС — работа «Атомтеплоэлектропроекта». И наоборот, проекты того же института — комплекс станций, где здания реакторов представляют собой, по моему мнению, откровенно неудачные сочетания кубических объемов с цилиндрическими завершениями. Усугубляет недостатки этого решения то, что примыкающие к реакторам объемы турбинных залов и обслуживающих устройств по форме и размерам почти подогнаны к формам и размерам реакторных зданий. Это сообщает композиции вялость и безжизненность.

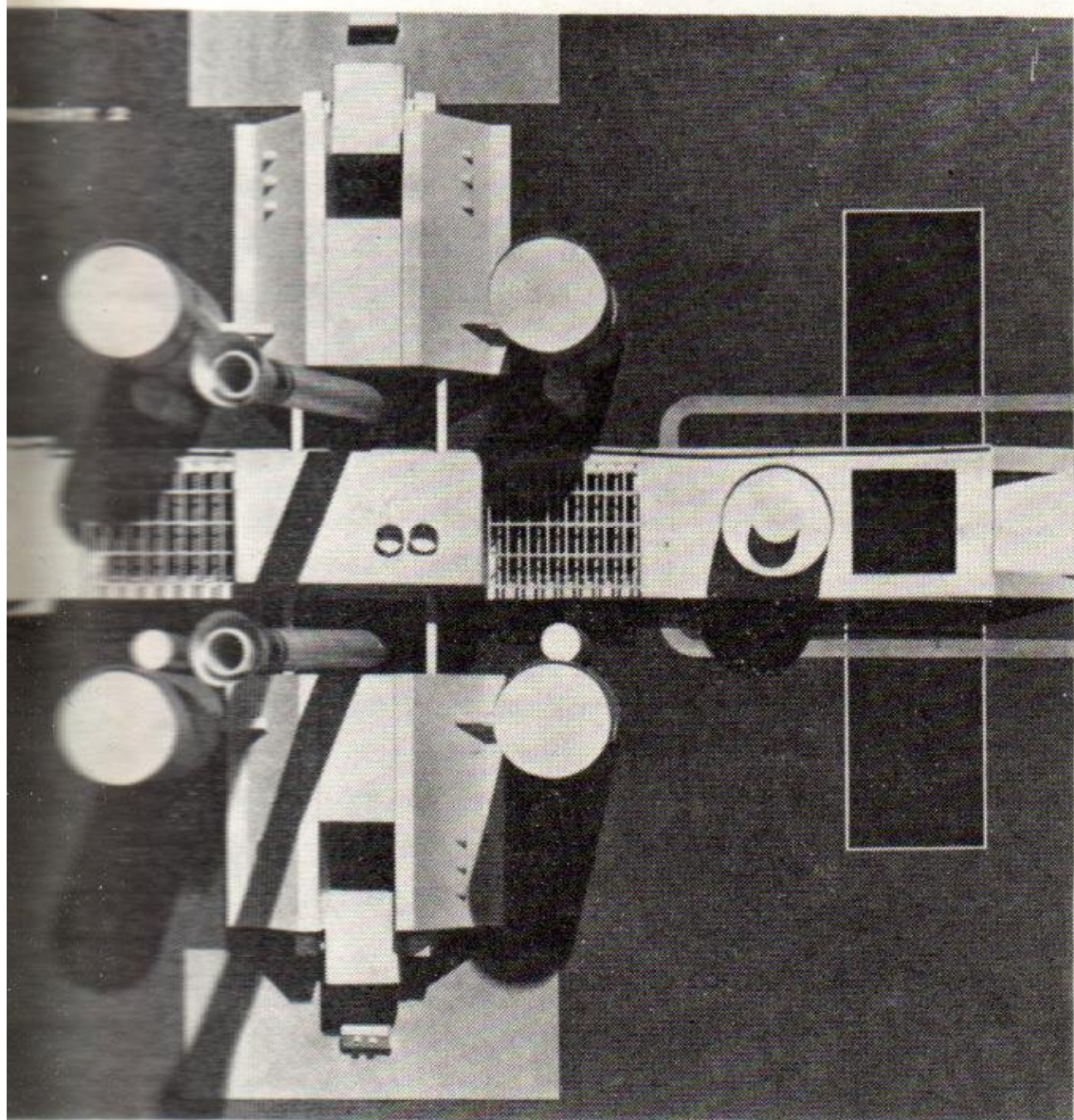
Опыт проектирования и строительства показывает, что выразительность облика АЭС возрастает при многократном повторении одинаковых объемов энергетических моноблоков, создающих мощную ритмику застройки территории станций, особенно в случае размещения отдельных моноблоков под углом к красной линии застройки.

Новые разработки «Атомтеплоэлектропроекта» пластически обогащенных композиций АЭС, в которых предпринимаются попытки стили-

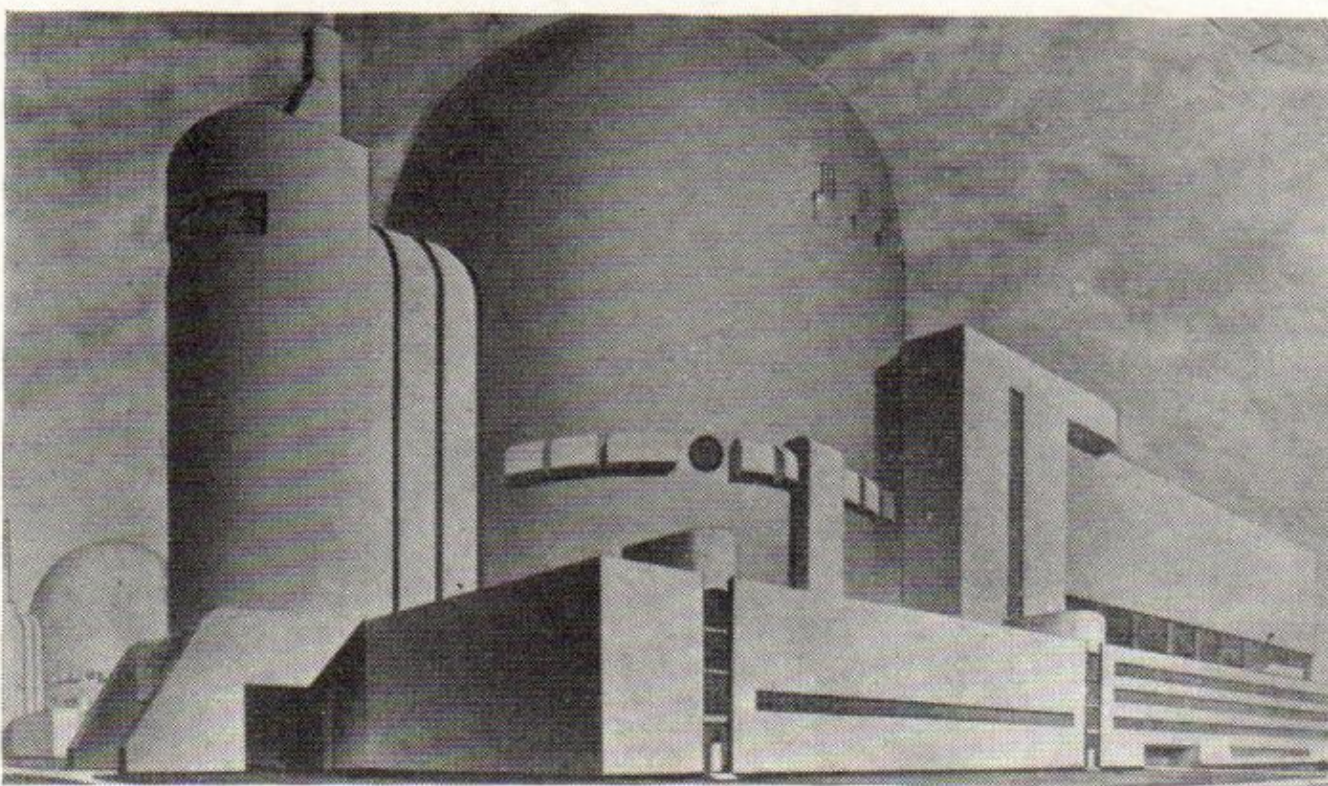
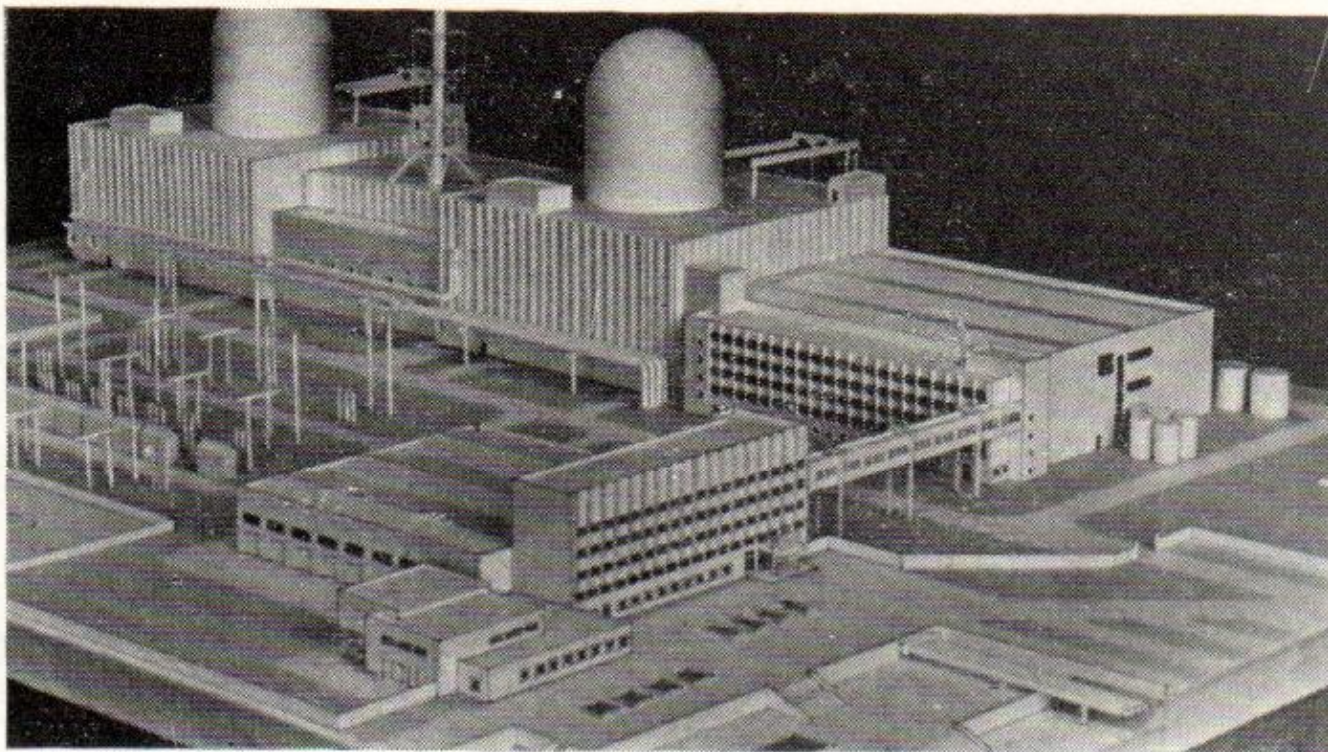
стического объединения всех составляющих застройки при сохранении господствующего положения реакторных объемов, являются многообещающими. Хотя возможны и другие пути, в частности создание композиций из чеканных призматических объемов с применением энергичных цветовых соотношений, встречающихся в работах «Гидропроекта». История строительства атомных электростанций коротка — немногим более 30 лет, развитие их технологии бурно, возможности архитектуры неисчерпаемы и заманчивы».

Главный архитектор института «Гидропроект» им. С. Я. Жука Е. Першанин и главный архитектор проекта П. Гришаев в своих выступлениях обратили внимание на то, что главный корпус АЭС, состоящий из двух блоков, является более уязвимым в аварийной ситуации, так как авария на одном блоке неизбежно отражается на работе второго блока. Соединение двух очередей в один корпус снижает их надежность в эксплуатации. Наиболее перспективным представляется моноблочный принцип компоновки главных корпусов как для АЭС с реакторами РБМК-1000, так и для АЭС с реакторами ВВЭР-1000.

Авария на ЧАЭС показала, что многие вспомогательные здания и сооружения, находящиеся на промплощадке, ставятся под удар в аварийной ситуации. Стоит вопрос о выводе ряда служб с территории промзоны, централизации и кооперировании ремонтных и обслуживающих под-

Варианты объемно-планировочного решения
АЭС с ВВЭР-1000

● Воронежская АЭС

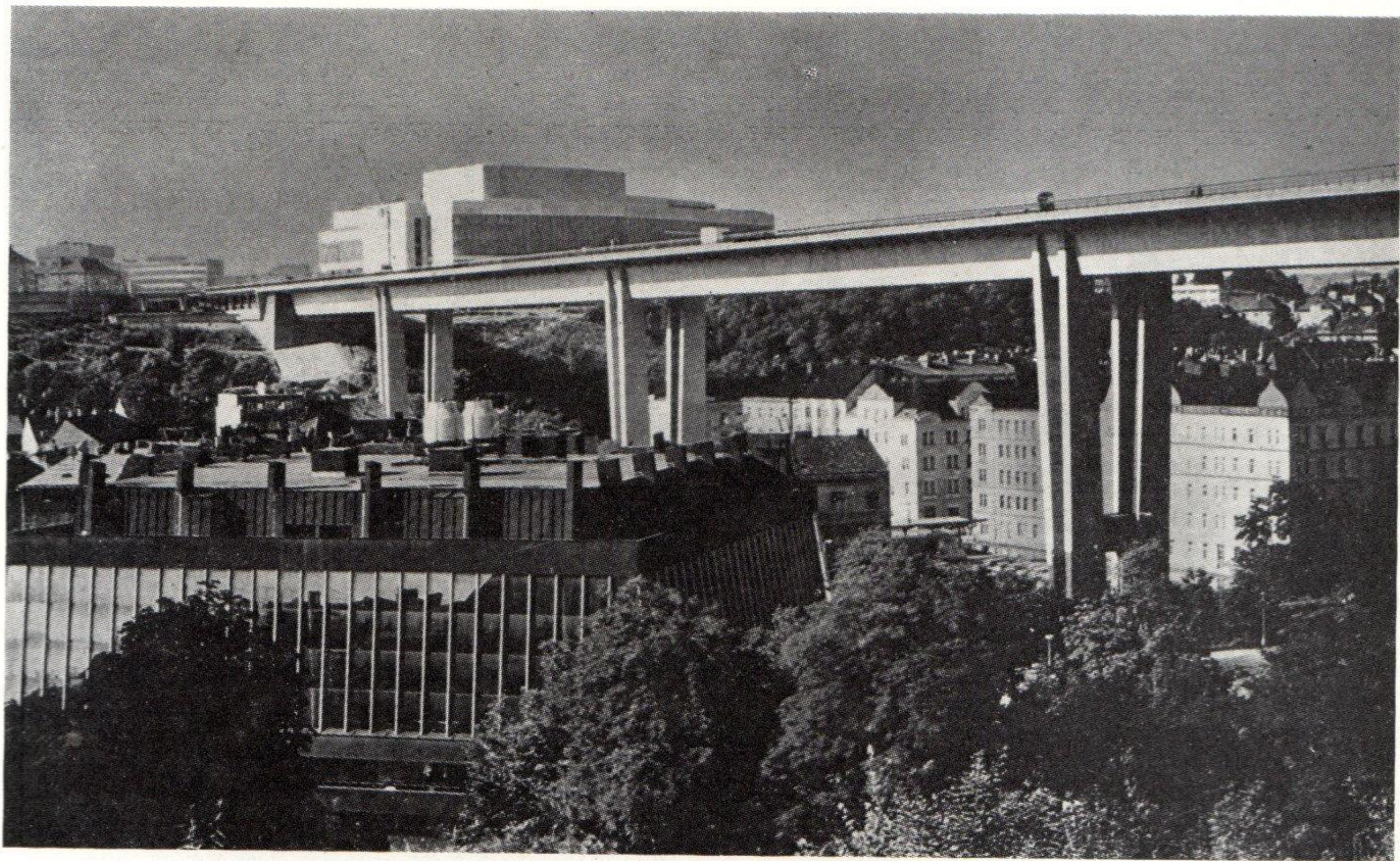
● АЭС с ВВЭР-1000. Вариант
объемно-планировочного
решения

разделений в масштабе промрайона или группы АЭС. Это позволит существенно сократить как количество вспомогательных объектов, так и персонала, работающего непосредственно на промплощадке, а также дорогостоящее подземное хозяйство, обеспечивающее их жизнедеятельность.

Актуальные проблемы архитектуры АЭС были затронуты и в выступлениях других специалистов. Обмен мнениями, активное обсуждение широкого круга вопросов поможет выработать дальнейшую программу, сделать определенные выводы и выделить ценное и перспективное для новых поисковых разработок. В этой связи рассмотрение основных унифицированных решений строящихся станций дало возможность провести определенный анализ и наметить пути дальнейшего совершенствования архитектуры АЭС.

Сегодня, когда для проектирования атомных станций образован институт «Атомэнергопроект», особенно важно в новых разработках учесть замечания и предложения, основанные на опыте отечественного и зарубежного строительства АЭС.

*Материалы подготовили Е. Мельников,
В. Шейнкман, Ю. Грушин*

В феврале 1948 г. рабочий класс Чехословакии под руководством коммунистов однозначно решил исход борьбы с реакцией в пользу социализма. В марте 1949 г. ЦК КПЧ принимает постановление об индустриализации строительства и новых формах проектирования. В стране создается сеть крупных организаций, силами которых была обеспечена беспрецедентная по масштабам и сложности программа жилищного и промышленного строительства в первые годы социалистических преобразований.

✓Путь, пройденный с тех пор за четыре десятилетия, был нелегким. В основных чертах он созвучен с тем, что прошла наша, советская архитектура, но отличия очевидны. Каждый этап был отмечен произведениями, обращавшими на себя внимание прогрессивностью постановки задач, оригинальностью и своеобразием их решения. Такие примеры остаются вехами, свидетельством упорных поисков своего пути к социалистической архитектуре. Так было в начале 50-х годов, когда острая жилищная проблема вызвала строительство крупных жилых массивов. В конце того же десятилетия на территории международной ярмарки в Брно был возведен павильон «Зет» с решетчатым сборным куполом из стальных труб, а чехословацкий павильон на брюссельской выставке ЭКСПО-58 поразил органичным совершенством пространственного, конструктивного и технического решения. Наконец, следует упомянуть о санаторных и гостиничных комплексах, возведенных в Высоких и Низких Татрах в 60-е годы, гармонично вписавшихся в их силуэт и неувовимо передающих

черты национальной архитектуры Словакии.

Период 80-х годов отмечен появлением новых ярких произведений, количество которых нарастает год от года. Для них характерны новизна концепции, смелость решений, высокий профессионализм, отменное качество строительных и отделочных работ. Но главное, они демонстрируют небывалое стилевое разнообразие, стремление утвердить определенное авторское кредо.

Ныне чешские архитекторы вновь заявляют о своей верности традициям функционализма. «Основные принципы международного стиля по-прежнему актуальны. Не правы те, кто предсказывал окончательный конец этому стилю. Практика последних лет доказывает, что и в наших условиях он достиг высокого звучания и при этом открыт для дальнейших новаций на основе достижений научно-технической мысли и великих идей современности»¹. Это утверждение год назад прозвучало в докладе на III съезде Союза чешских архитекторов.

Словацкие архитекторы в свою очередь, отдав должное чешским коллегам за их верность традициям и творческое новаторство, подчеркивают, что сильной стороной их архитектуры является «прогрессивная восприимчивость к внешним явлениям», причем эта восприимчивость настолько объемна, что позволила одному из местных критиков колко заметить: «...в Словакии нынче существуют практически бесконфликтно все основные побегии современной архитектуры. Модернисты, почти-модернисты, постмодернисты пребывают во взаимном приятельском непонимании»².

двором К. Готвальда
через Нуслинскую долину,
включивший пражские рай-
оны Винограды и Панкрац
Л. Михалека, С. Губичка,
1967—1973 гг.); внизу вбли-
зи — спортзал «Славия»

(И. Зигел, 1971—1977 гг.);
вдали — Дворец культуры
(И. Кралик, Я. Майер,
А. Ванек, В. Устогал,
1976—1981 гг.)

Внутренний двор нового
комплекса Национального
театра в Праге; справа —
объем здания «новой сце-
ны» (К. Прагер).
Реконструкция историче-

ского здания и расшире-
ние комплекса завершено
в 1983 г.

Как бы то ни было, но очевидно, что в чехословацкой архитектуре развивается интересный и плодотворный процесс творческих исканий, и результаты этого процесса не имеют аналогов. Они порождены социалистическим сознанием и подготовлены богатейшим культурным и творческим опытом своей страны.

Истоки

Освобожденная Чехословакия в 1945 г. приступила к послевоенному строительству. В это время в архитектурном сознании безраздельно господствовали концепции функционализма, которые еще в 30-е годы получили блестящее воплощение в творчестве архитекторов, составивших ядро ряда ведущих организаций культурного фронта. Их усилия и программные установки функционализма приобрели общественно-политическое звучание и социальную направленность на строительство объектов для широких слоев общества.

Сразу же после освобождения прогрессивные архитекторы выступили с обширной программой обновления и строительства в республике. В числе главных архитектурных задач были решение жилищной проблемы, перевод строительства на промышленную основу, развитие науки в области архитектуры и градостроительства, создание единой системы обучения архитектуре, создание единого союза архитекторов в рамках всей республики³. Однако реальные условия для воплощения в жизнь этой программы сложились только после февраля 1948 г.

К этому времени функционализм перерос рамки чисто творческого направления; он понимался скорее как образ мышления и располагал солидным теоретическим обоснованием, выводившим архитектурное сознание на уровень крупных градостроительных и средовых задач, претендовал на формирование стиля жизни. Однако, как любое сильное творческое течение, он не избежал механистических интерпретаций, которые сопровождали его еще в 30-е годы. Их накопление усиливало критическое отношение к функционализму в целом⁴. С другой стороны, насущные задачи первых послевоенных лет требовали новых эффективных форм организации проектно-строительного дела, существенно деформированного войной. Особую актуальность приобрели вопросы использования в строительстве индустриальных методов, что, в свою очередь, вело к радикализации взглядов и сопровождалось на практике развитием прагматического отношения к архитектуре как к отрасли чисто технической и экономической. Творческий поиск стал отходить на задний план. Складывалась ситуация, при которой под воздействием новых программных ориентиров прерывалась преемственность дальнейшего развития того положительного, что было создано в предыдущий период⁵.

Пятилетие, оценка значения которого меняется

Первая половина 50-х годов определяется всеми исследователями как период, отмеченный идейной концепцией социалистического реализма. В оценке его значения для чехословацкой архитектуры точки

Плавательный комплекс
в Либереце. П. Шванцер,
1978—1984 гг.
Вид со стороны входа

зрения расходятся. Сегодня обретает силу мнение, что обращение к историческому наследию и поиск форм идейной выразительности на этой основе действительно были «выходом из тупика прагматизма и для архитектуры, и для художественной культуры в целом»⁶. Однако примеры формального отношения и внешней атрибутики настолько превалировали над творческими находками, а сама мысль об украшателстве чистых функциональных форм была настолько чужда привычной логике архитектурного мышления, что прозвучавшее из Советского Союза осуждение «стиля излишеств» было воспринято с облегчением.

Тем не менее подход к архитектурному творчеству с позиций «историзма»⁷ сопровождался не только размежеванием с платформой функционализма и осуждением его механистических проявлений. Смена творческой направленности послужила импульсом к оживлению теоретической и научной деятельности. Малые исследовательские группы, созданные при проектных организациях, были объединены в специализированные научные учреждения. Получила развитие вузовская наука. Мировоззренческой базой был признан марксизм-ленинизм. Социопсихологическое отношение к богатейшему архитектурному наследию как к памятникам прошлого сменилось пониманием преемственности. Обращение к «корням» приобщило историю архитектуры к решению задач современности, послужило более широкому пониманию социалистической культуры. Были восстановлены в правах некоторые классические принципы формирования ансамбля и городских пространств, которые по сей день сохраняют свою жизненность в противовес жестким функционалистским схемам. Но особо отмечается, что в тот период были разработаны методы обновления архитектурных памятников, собраны обширные исторические дан-

ные, детально развита теория реконструкции и реставрации. Весь этот комплекс мер в скором времени обрел статус государственной политики.

Влияние НТР: достижения и издержки

Новая радикальная смена теоретических и концептуальных позиций в архитектуре и урбанизме, произошедшая в середине 50-х годов, не только вызвала сомнения в продуктивности метода социалистического реализма, но и привела к идейно-творческой неуверенности⁸. Вновь переоценивался опыт предвоенного и первоначального послевоенного периода, и снова надежные ориентиры выявились в индустриальной эстетике, ибо именно эта область несла в себе тенденции рациональности.

Курс на индустриализацию строительства, провозглашенный КПЧ еще в 1949 г., был дополнен требованием повысить технический уровень и экономичность решений. В эти годы разработаны первые проекты полносборных панельных и каркасно-панельных домов, ведутся эксперименты с монолитным бетоном в инвентарной опалубке, широко применяются кирпичные блоки. Центрами передовых методов строительства становятся Прага, Братислава, Пльзень, Готвальдов, Кошице, Острава. Застройка ведется крупными массивами.

Чехословакия выступает инициатором модульной координации параметров конструктивных решений, которая была принята за основу для разработки единой системы унификации во всех странах — членах СЭВ⁹. Ведутся работы по типизации крупноразмерных конструкций для промышленного строительства в связи с сооружением автомобильного завода в Млада Болеславе и Восточно-Словацкого металлургического комбината. Разрабатываются первые типовые проекты (точнее, планировочные схемы) общественных зданий, универсальных промышленных сооружений и вспомогательных объектов.

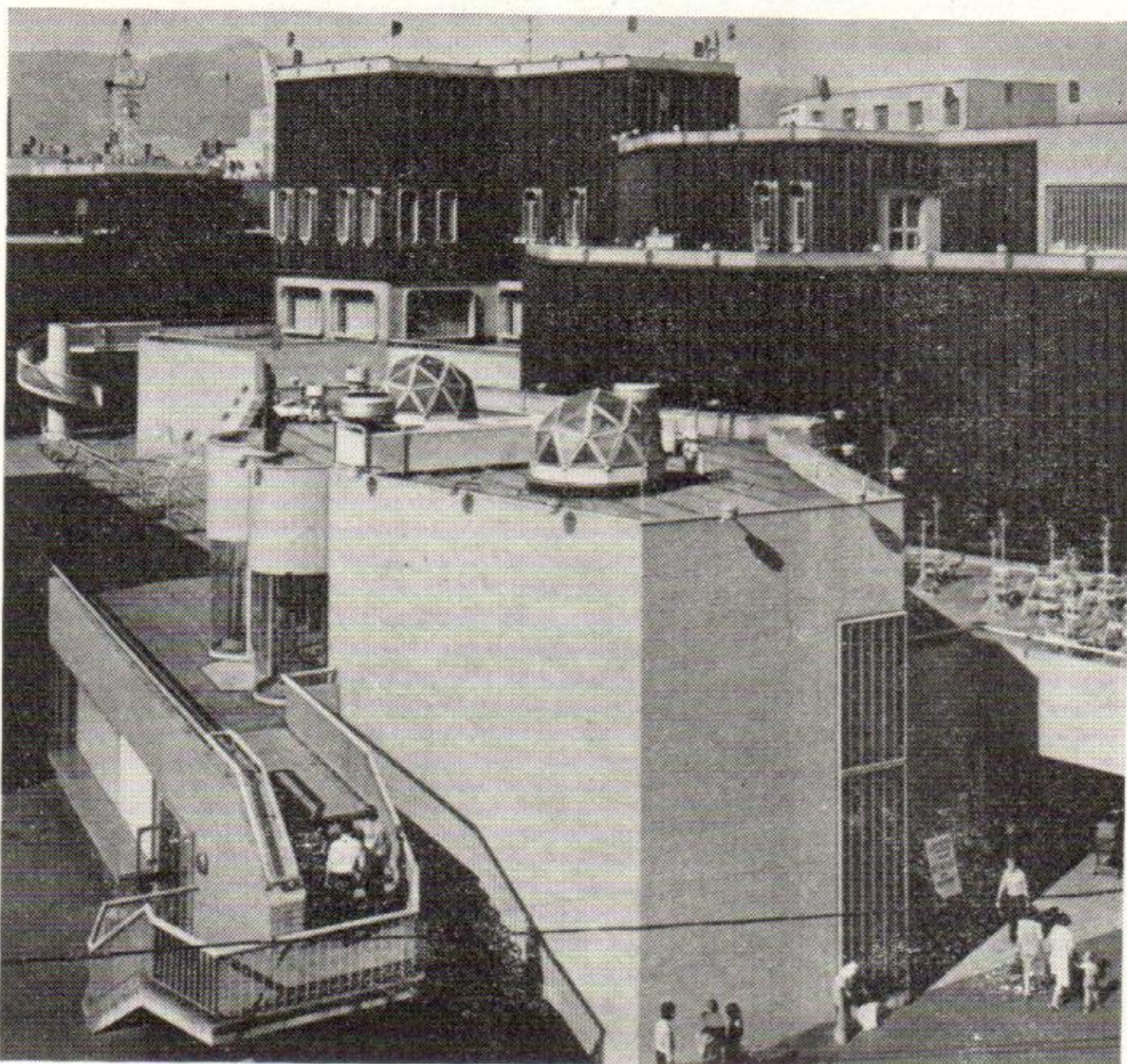
К сожалению, на практике совершенствование технического уровня решений недолго служило средством создания новой архитектуры. Вновь обнажилась закономерность, известная еще со времен функционализма: чем сильнее акцент на функциональные и материально-технические слагаемые архитектуры, тем более она сводима к упрощениям, стандартным формам и стереотипам. Обоснование реальности этого процесса было дано еще в 1946 г.: «...тенденции строительного производства вытесняют тенденции искусства», ибо произведение искусства всегда первично, оно возникает каждый раз заново, тогда как стройка стремится к «полному рационализму, объективному и точному воспроизводству»¹⁰. Следует, пожалуй, напомнить, что спор о рациональном и художественном началах в архитектуре, имевший место у истоков индустриализации, наиболее точно отражал поляризацию сил в среде архитекторов. Он получил принципиальное значение, так как отношение к прогрессу в строительстве было равнозначно отношению к укреплению и расширению социалистического сектора в проектном деле. Но уже в 60-е годы ситуация складывалась иначе. Совершенствованию индустриальных методов массового строительства, а вместе с ними и развитию новых архитектурных и градостроительных решений мешал голый практицизм строительного конвейера. Для поддержания престижа архитектуры внимание сосредотачивалось на крупных уникаль-

Административно-общественное здание ЧКД-ПРАГА. И. Шрамек, А. Шрамкова, 1976—1983 гг.

Общий вид со стороны Вацлавской площади
Композиция в застройке улицы

Торговый центр «Ештед» в Либереце. К. Губачек, 1973—1974 гг.

ных акциях, предполагавших участие зарубежных фирм, но обернувшихся перерасходом внутренних ресурсов. Все это вызывало справедливую критику, которая в конце 60-х годов была использована «справыми» для очернения и отрицания самих основ социалистического строительства в Чехословакии. К чести большинства архитекторов и градостроителей, которые чувствовали ответственность за решение долгосрочных программ развития общества, они сохранили и пронесли через весь кризисный период свою приверженность делу социализма в стране.

Что же касается архитектурных новаций того времени, то большинство последователей в стране сходится во мнении, что «время политического смятения и колебаний не принесло таких изменений, которые можно рассматривать как новый этап. Однако была попытка внести в облик некоторых сооружений стилевые и ценностные перемены западного толка, рассчитанные на то, чтобы ошеломить наблюдателя конструкциями, материалами и формами, не считаясь при этом с потребностями, целесообразностью либо необходимостью, продиктованными техническими и планировочными, наконец, общественными соображениями»¹¹.

Новые качественные критерии: что есть архитектура?

На рубеже 70-х годов происходит смена поколений в архитектуре. И хотя новые «молодые» были воспитаны в лучших традициях функционализма, они по-иному оценивали и опыт «историзма», и «вневременность» международного стиля. К тому же вирус технико-экономической эйфории круто пошел на убыль, оставив лишь глубокое разочарование. На это время падает массовое осознание

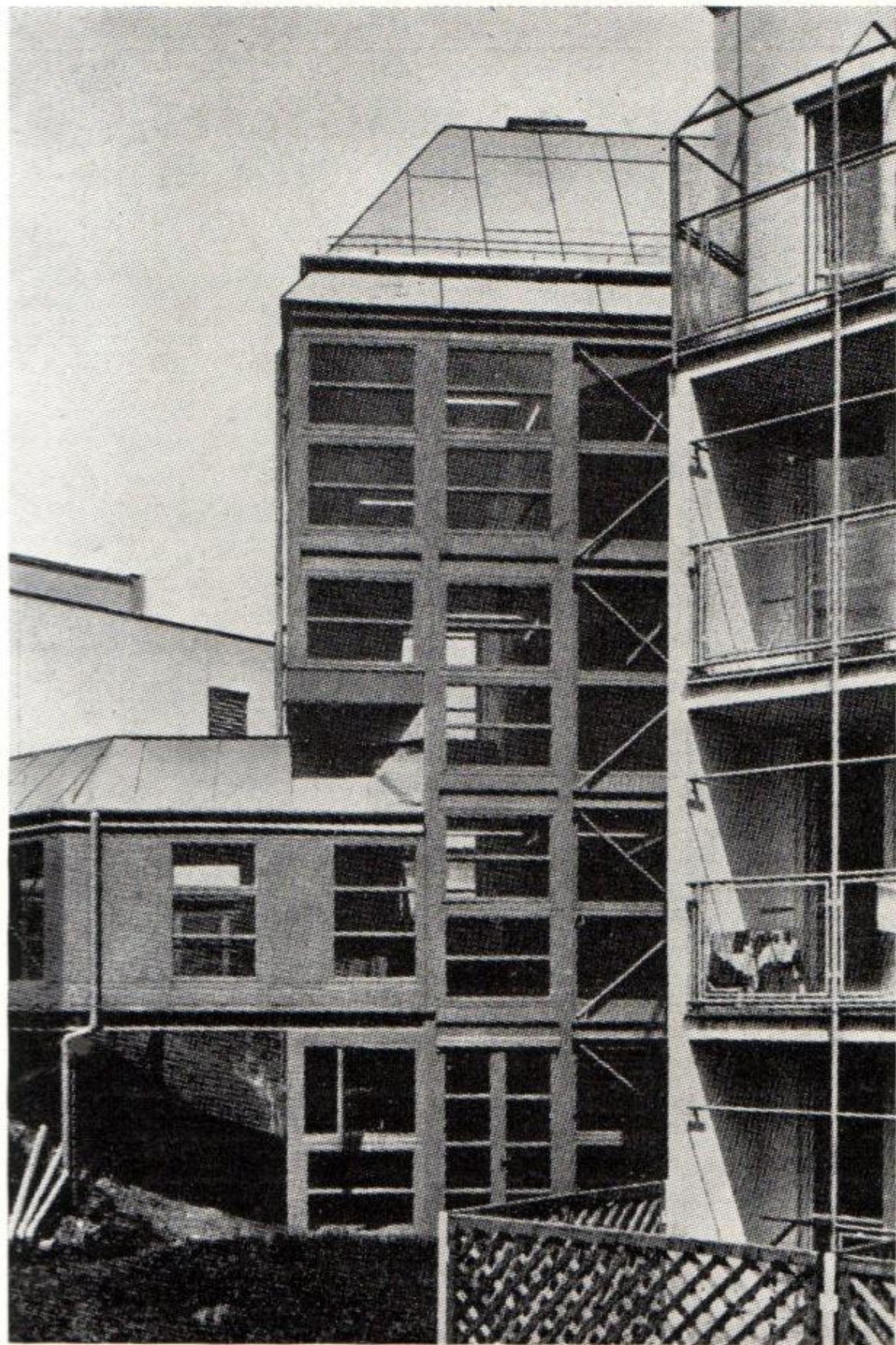
двух глобальных проблем: энергетической и экологической, которые для Чехословакии звучали особенно грозно. Таким образом, 70-е годы по сути стали периодом переосмысления традиционных представлений и выработки новых установок, в том числе творческих. Этот процесс начался с нового осознания самого понятия архитектуры.

К середине 60-х годов архитектурная деятельность расслоилась, ее направления существовали и развивались как бы сами по себе. Градостроители уходили все глубже в проблемы расселения, в решение транспортных, энергетических, материально-технических структур на уровне города в целом, агломерации. Урбанизм приобрел статус специализации, в которой было все меньше архитектуры и все больше хозяйственно-территориального планирования. Наименьшей единицей масштаба градостроительных задач стал микро-район.

Городской интерьер — т. е. некое средовое пространство, в пределах которого человек ощущал свою социально-групповую причастность к событиям, как бы перестал существовать, выпал из оценочных категорий и из области архитектурных интересов градостроителей-урбанистов. Но он не попал и в сферу интересов объемщиков, архитектурные амбиции которых концентрировались на объекте или комплексе как таковом. Вошел в обиход термин — проектировать «солитер». Внимание направлялось на поиск идеального воплощения заданной программы в пределах выделенных ассигнований. Была пережита своеобразная эволюция воззрений: философия дифференциации форм по функциональным признакам сменилась философией их концентрации в рамках единого целого. Конфронтация масштабов и функциональной значимости частей уступила место пространственной координации планировочных структур с сохранением

Дома для пенсионеров — обширная программа социального обеспечения в ЧССР. Вл. Милунич, И. Линек. Дом в пражском

районе Богнице. Фрагмент: лестнично-лифтовой блок и теплый переход между корпусами

их главных признаков внутри общего объема¹².

В этом русле шел интенсивный поиск архитектурного языка. Был создан ряд целостных произведений, содержащих элементы своеобразия, однако они в большинстве случаев лишь подтверждали универсальность приемов международного стиля. Богатое историческое наследие, постоянно подававшее примеры гармонии форм и законченности композиции, активно препятствовало контрастному внедрению новостроек в сложившуюся среду, заставляло учитывать, по меньшей мере, близлежащие объекты. Осознание многоплановых связей архитектуры с формированием среды обитания все более укреплялось. Принцип «солитера» стал уступать первенство более сложному комплексному пониманию задач архитектуры и градостроительства: во главу оценок был поставлен принцип «человек — природа — окружение — общество». В таком аспекте решающую роль стали играть общественные отношения, черты социалистического образа жизни. Произошло углубление связей с социологией, психологией, другими научными и техническими дисциплинами. Инициатива Чехословакии в разработке нового понимания задач архитектуры была поддержана IX Конгрессом МСА в 1967 г. в Праге.

Человеческий фактор

К чести чехословацких архитекторов следует отметить, что ни в один из периодов развития социалистической архитектуры они не забывали о главном, ради кого творят, — о человеке. Он порой отеснялся конъюнктурными «увлечениями», но всегда присутствовал. Именно заботе о человеке обязана чехословацкая архитектура высоким стандартом жилища, развитой социально-бытовой инфраструктурой, соразмерностью градостроительных решений, будь то село, микрорайон, город или агломерация. Именно он побуждал и побуждает к неудовлетворенности достигнутым, служит стимулом новых творческих исканий.

Дифференцировать «потребителя» архитектуры, вернее различать его состояние в разных средовых ситуациях, «подбрасывать» ему через архитектуру адекватные импульсы, добиваться соответствия стимулов среды его обыденному эмоциональному опыту или, наоборот, провоцировать новые интересы и запросы — таковы, пожалуй, ведущие черты лучших произведений.

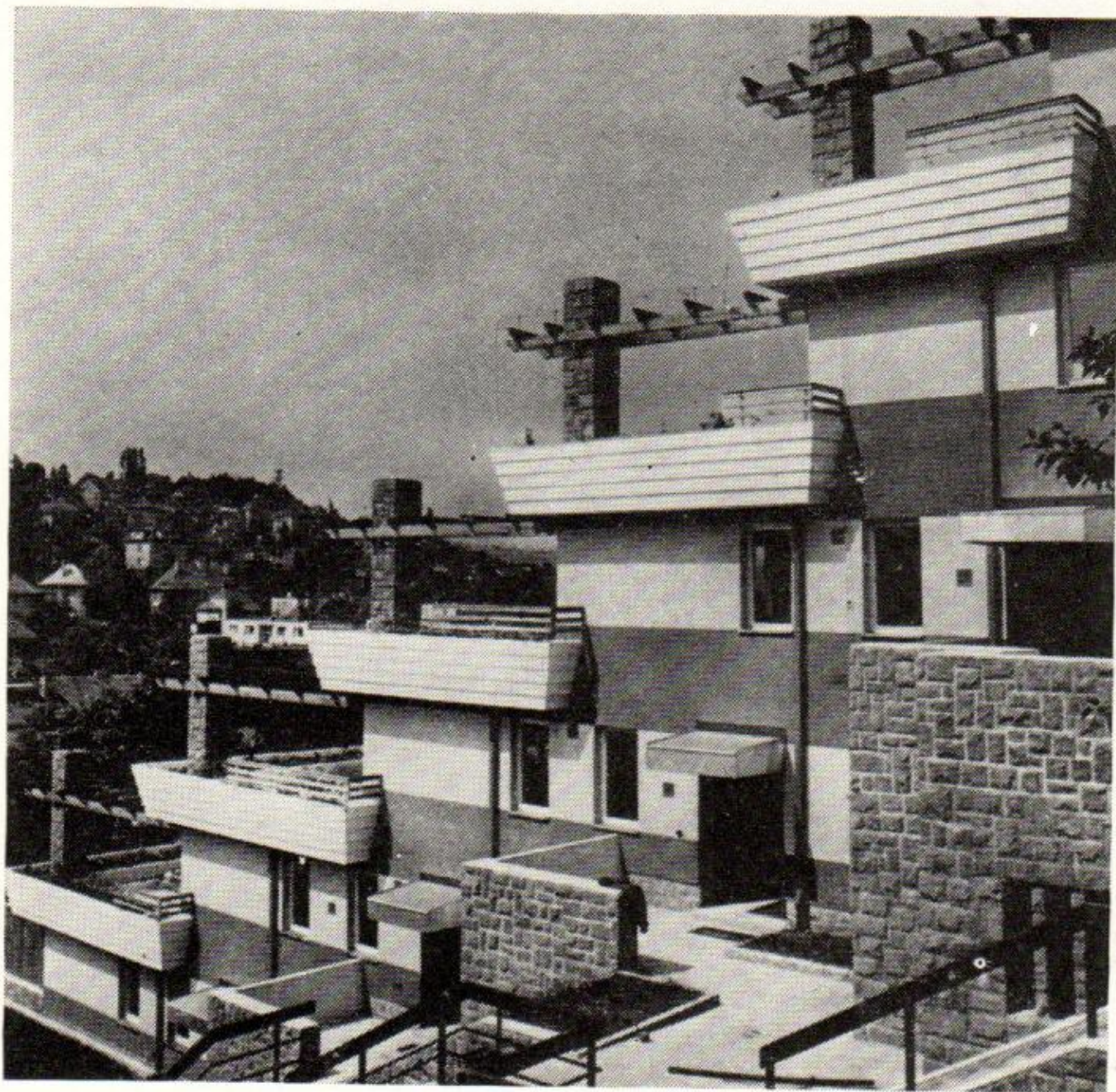
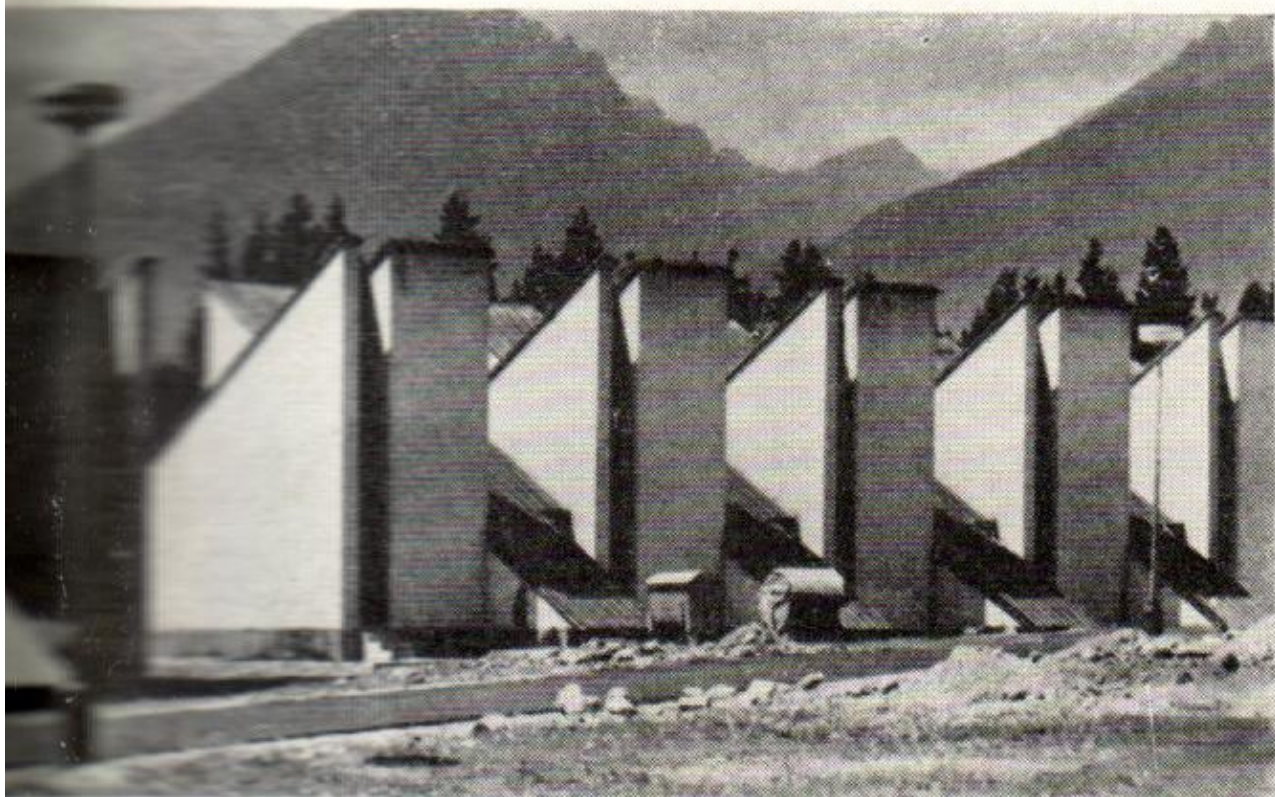
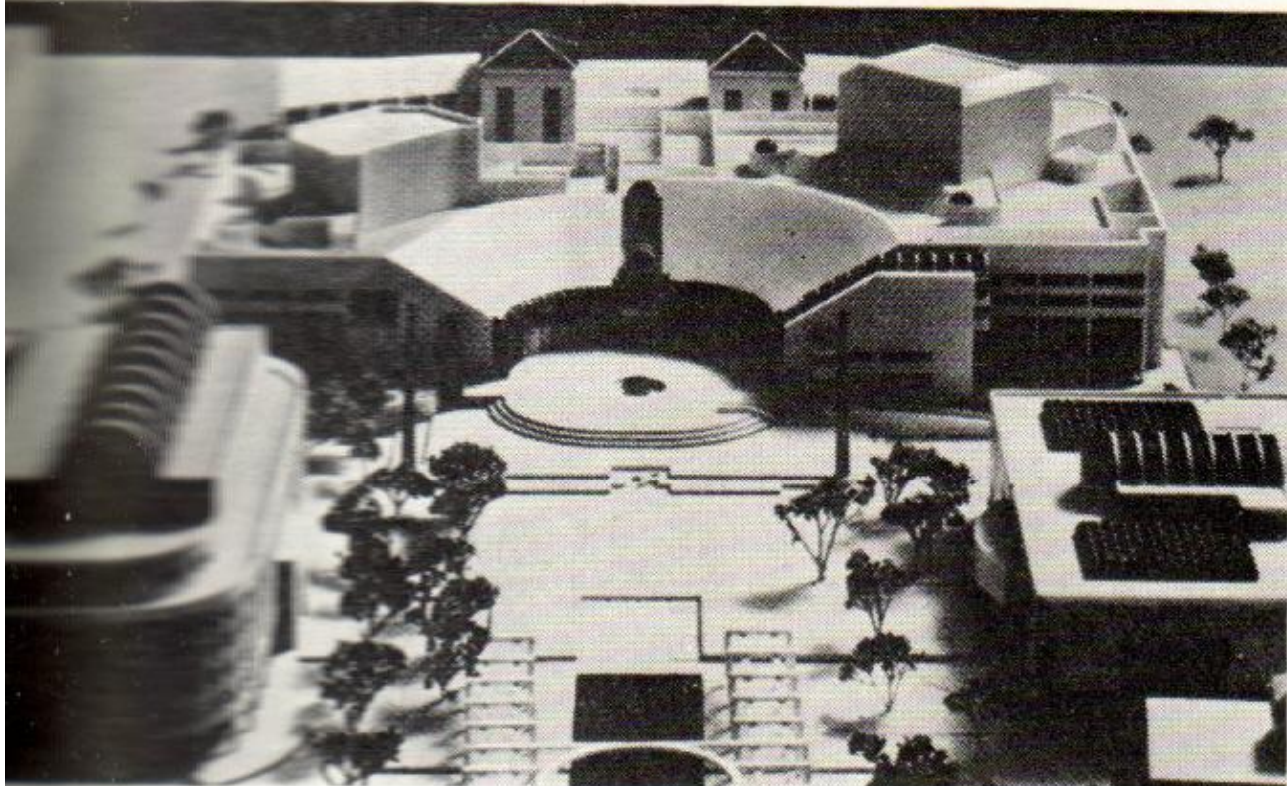
Следствием такого подхода стали два существенных факта: первый — общественная приемлемость различных стилевых проявлений и их реализация, второй — большое разнообразие решений на основе узкой номенклатуры типовых конструкций индустриального изготовления.

Новые условия и новые задачи

Совершенно новая ситуация, в которой оказалось человечество под воздействием изменений в природных условиях и в результате развития науки, техники и общества, заставила обратиться к оценке экологической целесообразности инвестиционных акций. В общественно-социальном плане стали рассматриваться вопросы экономии земли, энергии, вообще ресурсов, в том числе ценность живого труда, вложенного в уже созданные архитектурные и градостроительные комплексы. Наконец, универсальная проблема качества строительства была квалифицирована как неотъемлемая часть общей проблемы качества архитектуры и культуры в целом.

Новая ситуация была зафиксирована в специальных правительственных постановлениях¹³, определивших задачи и направления развития социалистической архитектуры и градостроительства в стране. Впервые в истории страны архитектурная проблематика была рассмотрена комплексно и всесторонне. Было подчеркнуто возрастание роли архитектуры и градостроительства по мере развития социалистического общества. Определено, что архитектура и градостроительство являются показателями качества материальной среды и тем самым призваны в согласии с экономическими возможностями и культурными запросами общества обеспечивать удовлетворение его возрастающих материальных, социальных и духовных (включая эстетические) требований, быть факторами активного идеологического воздействия на жизнь людей, их образ мышления, поведение и взаимоотношения. Для повышения уровня архитектуры и градостроительства необходимо оценивать не столько экономические показатели процесса строительства, но главное — общественную эффективность долговременного и многостороннего воздействия объектов и комплексов в период их службы обществу: этот критерий должен закла-

Новый комплекс Словацкого национального театра в Братиславе. П. Бауэр, М. Гусак, П. Паняк.

Автокемпинг в Татранске Ломнице. Зона «бунгало». Э. Крамер, А. Валентович, 1969—1976 гг.

Террасные дома в Праге-Подоли. В. Мулач, 1971—1974 гг.

на уровне социального заказа — на стадии планирования и проектирования — и не может быть внесен дополнительно в ходе строительства, тем более после.

Было также обращено внимание, что наметившийся путь к архитектуре нового качества и высокого идейного звучания обеспечивает творческое применение метода социалистического реализма¹⁴. Документы четко определили задачи каждого участника архитектурно-строительного процесса, контролирующих органов (в лице национальных комитетов на местах) и архитектурной науки. Так, в частности, перед архитекторами и градостроителями были поставлены следующие главные задачи:

обеспечить всесторонне качество среды обитания;

беречь и умножать природные и культурные ценности места, национальные особенности и прогрессивные традиции;

повышать интенсивность использования территорий в границах населенных мест, шире применять градостроительные и архитектурные приемы, новейшие технические решения для всемерной экономии энергии; для снижения потерь времени находить формы и градостроительные решения, позволяющие сблизить места приложения труда, жилья, общественного обслуживания и досуга;

повысить комплексность жилой среды, ее

бытовые и эстетические качества; разнообразить планировочные решения квартир, объемные композиции зданий и пространств, которые они формируют; шире использовать формы компактной малоэтажной застройки.

Кроме того, признана необходимость повысить уровень архитектуры объектов промышленности, сельского хозяйства, транспорта и инженерного назначения, которые зачастую существенно меняют характер окружающей среды. Важным и новым было указание постепенно приступить к систематической перестройке, достройке, регенерации и модернизации сложившихся населенных мест с тем, чтобы по мере расширения этих работ сокращать строительство новых кварталов на окраинах. Было также обращено внимание на недостатки в разработке архитектуры земли, благоустройства и озеленения.

В свою очередь, перед строительным комплексом поставлены задачи наряду с дальнейшим совершенствованием систем и технологий развивать элементную типизацию и производственную базу для строительства малоэтажных зданий, возродить традиционные технологии на местной сырьевой базе, обеспечить достаточное количество высококачественных отделочных материалов. В проектировании ориентироваться на развитие типизации открытых, взаимно согласованных систем конструкций, элементов и деталей с унифи-

цированными стыками. В области планирования и управления архитектурно-строительным делом наряду с повышением ответственности всех его участников за архитектурный уровень сооруженного объекта на генерального проектировщика возложена миссия быть гарантом его общественной эффективности, невзирая на ведомственные и групповые интересы.

Поставлены также задачи по развитию фундаментальных и прикладных исследований в области теории архитектуры и градостроительства, включая разработку вопросов эстетики и идеологического воздействия архитектуры, привлекать для этого сведения, накопленные в других областях науки и техники.

Первые итоги

С тех пор прошло пять лет (а со времени принятия постановления в Словакии почти десять). Срок малый, но и он позволил обозначить некоторые новые черты и тенденции. Изменились ориентиры творчества. В центре внимания оказались не только и не столько уникальные акции, но прежде всего массовые скромные объекты, из которых и складывается дух среды: это местные дома культуры, фрагменты городского интерьера, здания почт, телефонных станций, спортивных залов и бассейнов, объекты торговли и первичного обслуживания жителей новых городских районов и поселков.

Самой главной заботой всех архитекторов является жилая среда. О ее состоянии, неадекватном запросам людей, говорят постоянно. И все же в этой трудной, наиболее уязвимой для критики области, заметны определенные позитивные сдвиги. Так, например, в пражском районе «Южный город-II» были глубоко проработаны вопросы, связанные с экологической чистотой жилых комплексов: до деталей решены пространственная компо-

зиция замкнутых групп жилых домов, транспортные и пешеходные связи, зрительные и смысловые ориентиры, архитектура земли. В других крупных массивах — «Новый Баррандов» в Праге и братиславском «Карлова Вес» — урбанистическая концепция опирается на систему пешеходных «улочек» и «мини-площадей», аналогичных городским пространствам XIX в. Приведенные примеры имеют общую черту — создаваемая в них среда сопоставима человеку, жилые группы компакты и органично связаны с природным окружением и ландшафтом.

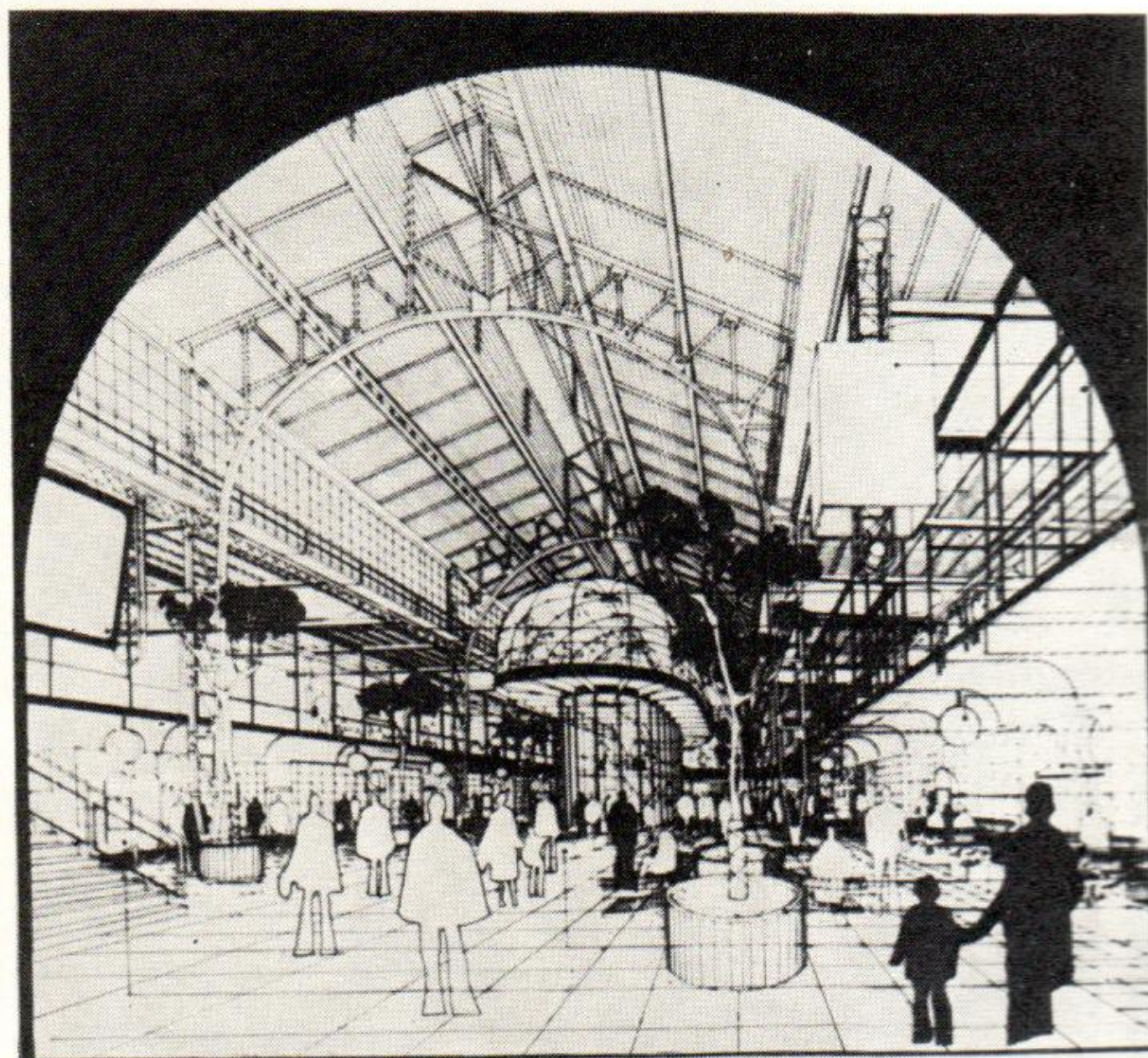
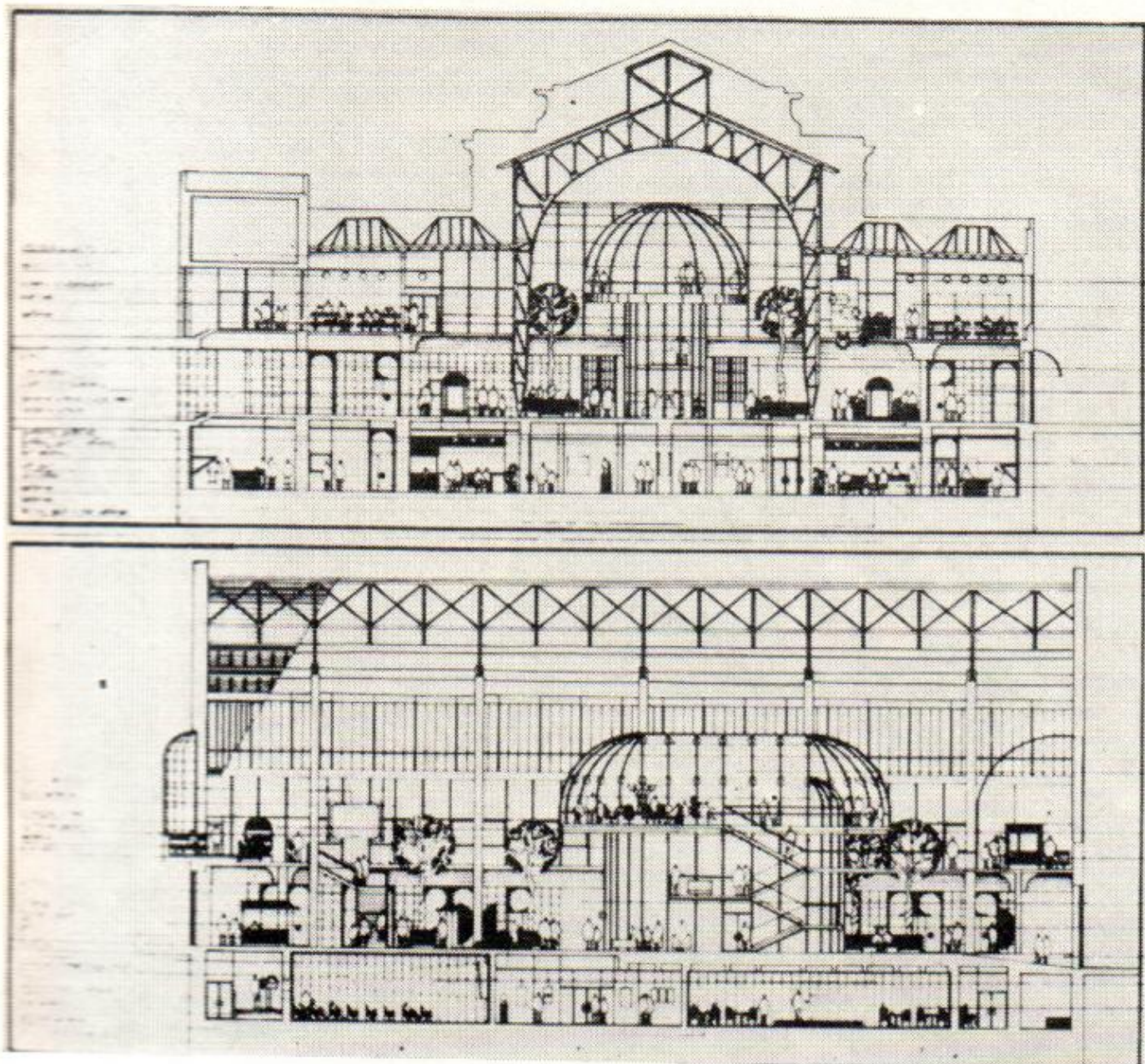
Следует также обратить внимание на то, что одной из главных задач, решаемых в ходе градостроительных поисков, является определение границ и характеристик новой основной градостроительной единицы — комплексной жилой зоны, способной к самостоятельному функционированию, причем комплексность подразумевает не только жилье, объекты культуры и социальные службы, но также техническое, транспортное и энергетическое обеспечение.

Большие исследования ведутся в области самого жилища. Это очень обширная проблема, в связи с которой в 1985 г. было принято специальное правительственное постановление. Одна из задач связана с модернизацией, повышением бытового комфорта первых панельных домов, строительство которых велось в 50-е и начале 60-х годов. Успешно продвигаются работы над новой системой панельных конструкций для строительства домов в стесненных условиях сложившейся городской застройки. Специалисты утверждают, что она обладает большими планировочными и композиционными возможностями, позволяет применять различные профили скатных крыш, полигональные балконы и скошенные углы. Особый интерес представляет стремление создать открытый, незастроенный партер, в котором спонтанно могут быть организованы любые общественные службы. Наконец, следует упомянуть о значительном разнообразии малоэтажных блокированных и террасных домов, первых решениях энергоэкономичных жилых зданий, в том числе использующих солнечные коллекторы, оригинальных исканий в архитектуре индивидуального жилого дома.

Плодотворный творческий поиск ведется в области объектов общественного назначения. Здесь, как отмечалось, престижность и назначение объекта не самое главное, главное — место, среда, образ, драматургия композиции, необычный жест в стандартной ситуации. Самой распространенной творческой «программой» считается построение контрастной композиции из расчлененных функциональных объемов, подчеркнутой различиями формы и материала. Отмечается, что в образном плане — это «некое постоянное движение между целесообразностью, зрительным богатством и комфортом». Другая программа, блестящим образцом которой является административно-общественное здание ЧКД-Прага, замыкающее перспективу Вацлавской площади на очень ответственном месте, сознательно отрицает безбрежное многообразие приемов композиции и ограничивает себя минимальными средствами выразительности. Эту программу демонстрируют «Дом одежды» и торговый центр «Ружинув» в Братиславе. Третья программа провозглашает приоритет дизайна в решении деталей, разработанных с машиностроительной точностью. Пространственная композиция формируется применительно к месту и, как пра-

Реконструкция здания бывшего рынка (постройка начала века) в Братиславе под интегрированный общественный центр «Форум» городского уровня.

Л. Хмелик, В. Цвенгрошова, В. Дроппа. Проект 1981—1982 гг.
Разрезы
Интерьер центрального зала

вило, включает элемент неожиданности, подчиненный тем не менее функции. Ярким примером такого подхода является торговый центр в Либерце. Аналогичные поиски ведутся архитекторами Словакии, которые работают главным образом с традиционными материалами: бетоном, камнем, деревом. Наиболее интересные находки в формообразовании и достижении архитектурной ясности, сочетающей в себе легкость и элегантность композиции, демонстрируют здания санаториев и домов отдыха на курортах Словакии.

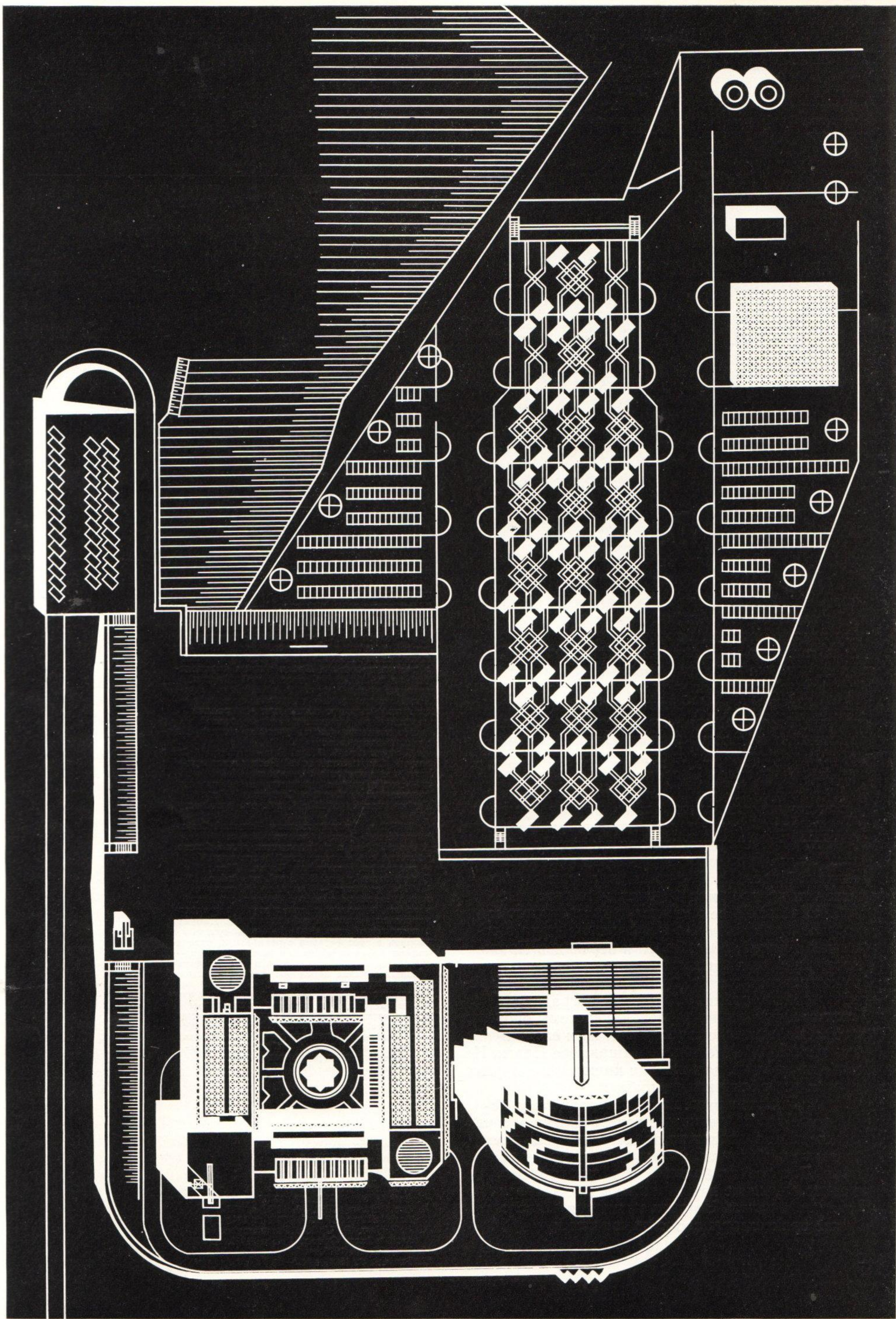
Сорок лет чехословацкие архитекторы ведут поиск, чтобы сделать свою прекрасную страну еще краше. На каждом этапе развития они создавали интересные произведения, обогащавшие мировой архитектурный процесс. Только за последнее десятилетие они предложили высокохудожественные, глубоко человеческие примеры архитектурного мастерства и современного профессионализма в решениях станций, вестибюлей и переходов Пражского метро, при реконструкции и расширении Национального театра, при крупномасштабной регенерации застройки XIX в. на Виноградах и Жижкове, при решении сложной системы опорных автомобильных магистралей в веками сложившемся городе. И это только на примере Праги. Не менее интересные достижения имеются и в других городах двух братских республик.

Подводя итог, но не исчерпав тему, хочется еще раз подчеркнуть: новым явлением в чехословацкой архитектуре является углубленное внимание к объектам, формирующим среду обитания. Для нее нет больших и малых тем, есть высокое служение интересам каждого человека и общества в целом. На пути созидания чехословацкие архитекторы продолжают поиск.

ПРИМЕЧАНИЯ

3. Архитектура и общество, 4—5, 1985—1986, с. 179.
7. «Историзм» — понятие, которым в архитектуре Чехословакии определяется период первой половины 50-х годов, отмеченный догматическим использованием архитектурных образцов прошлого. Среди многих определений он не имеет той негативной окраски, которую несет, например, до сих пор встречающееся в научных и публицистических статьях обиходное *sofela* или «соцреализм», порожденное поверхностными представлениями о возможностях творческого метода социалистического реализма.
13. **Документы:** В 1978 г. Правительством Словацкой Социалистической Республики принято постановление о мерах по повышению качества и уровня архитектурных и градостроительных решений в Словакии. (Ист.: *Ceskoslovensky architekt, zvl. pr., prosinec, 1980*).
- В 1982 г. Правительством Чешской Социалистической Республики принято постановление о задачах и направлениях дальнейшего развития социалистической архитектуры и градостроительства в Чехии. (Ист.: *Ceskoslovensky architekt, zvl. pr., leden, 1983*).
14. **Соц. реализм** — Указание на творческий метод, каковым является социалистический реализм, возвращает архитектуре и градостроительству право быть искусством. Данная в документах трактовка метода — «уметь творить в соответствии с реальными, отвечающими времени общественными и техническими условиями, воплощать в художественно-сильных образах передовые идейно-политические и моральные принципы общества, перспективы его развития, опираясь при этом на прогрессивные тенденции архитектуры и градостроительства и одновременно вскрывая тенденции регрессивные, идейно ошибочные, снимает значительную часть вопросов теоретического плана и побуждает к переоценке творческих результатов периода 50-х годов.

1. *Tvorba*, 25, 1987, s. 6.
2. *Projekt*, 4—5, 1987, s. 10.
4. *Architektura CSR*, 10, 1985, s. 433.
5. J. Pechar, P. Urlich. *Programy české architektury*. Odeon, Praha. 1981, s. 85—86.
6. *Architektura CSR*, 10, 1985, s. 433.
8. *Architektura CSR*, 10, 1985, s. 433.
9. *Architektura CSR*, 5, 1985, s. 194.
10. J. Pechar, P. Urlich. *Programy české architektury*. Odeon, Praha. 1981, s. 83.
11. *Projekt*, 10, 1985, s. 5.
12. *Projekt*, 2, 1984, s. 22—24.

ГЕЛИОКОМПЛЕКС «СОЛНЦЕ»

Архитекторы В. Захаров, О. Таушканов, художник И. Липене, инженеры Е. Макеев, Е. Шмакин. При участии Ф. Ширяева, В. Дворяшина, В. Белова, Н. Мелешкиной, В. Смурыгина, И. Кудрявцева, Б. Авдеева, М. Мушеева

Одно из первых упоминаний об использовании солнечной энергии относится к XV в. до нашей эры. Внутри статуи египетского фараона Аменхатпа III помещалась система воздушных и водяных камер, заставляющая лучи восходящего солнца приводить в действие спрятанный там музыкальный инструмент.

Энергетический кризис заставил вновь обратиться к заманчивой идее использования неисчерпаемой солнечной энергии.

Качественный скачок в проектировании и строительстве солнечных объектов последовал после накопления немалого числа экспериментальных разработок и успешной эксплуатации небольших энергоактивных зданий и сооружений. В ряде научных учреждений СССР проводились исследования в области высокотемпературной технологии с использованием концентрированной солнечной энергии. Трудно сейчас назвать крупную научно-техническую проблему, решение которой не было бы связано с использованием материалов особой чистоты. Для их изготовления обычно используются многоступенчатые процессы с последовательным применением химических и физических методов. Сложность их настолько велика, что, по мнению одного из видных ученых в этой области академика Н. Сажина, есть все основания считать настоящим научным подвигом разработку технологических методов получения веществ высокой чистоты.

В соответствии с заданием Физико-технического института академии наук Узбекской ССР был запроектирован научно-производственный гелиокомплекс «Солнце», открывший новую отрасль металлургии.

Приступая к проектированию гелиокомплекса, мы столкнулись с совершенно непривычными для себя типами сооружений, которые потребовали и новых архитектурных форм, выражающих их сущность. Одной из опорных идей пространственной композиции было стремление создать новые типы сооружений, представляющие собой максимальное единство содержания и формы. Энергоактивные сооружения гелиокомплекса, в которых потенциал пластической разработки заложен в самом конструктивном решении, можно рассматривать как конкретное воплощение органического синтеза утилитарного и эстетического. В мире нет и не может быть содержания вообще, а есть только определенным образом оформленное содержание. Белинский писал: «Когда форма есть выражение содержания, она связана с ним так тесно, что отделить ее от

содержания, значит уничтожить самое содержание и наоборот: отделить содержание от формы, значит уничтожить и форму».

Условия восприятия определяют необходимость того, чтобы форма несла доступную эмоциональную и эстетическую информацию о конкретном содержании сооружения — его функции, объемно-пространственной, планировочной и конструктивной структуре, материале и т. п.

Но форма должна обладать некоторой независимостью от практически всякий раз новой совокупности детерминирующих ее объективных факторов и в определенной мере влиять на конкретное содержание сооружения. Это отчуждение формы, ее самоценность всегда создавали возможность для ее совершенствования, но вместе с тем служили основой для маньеризма и эклектики.

Информационный заряд, который несет архитектурная форма, включает доходчивые эмоциональные и эстетические стереотипы всех видов.

Понимание этих обстоятельств позволило выработать сознательную стратегию создания архитектуры гелиокомплекса в современном культурном контексте. Сделана попытка объединить в одном комплексе два современных направления: «хай-тек» со свободным манипулированием объемами, которые имеют сложную «машинную» архитектуру в сочетании с суперграфикой, с использованием новейших строительных и высококачественных отделочных материалов, контрастирующих между собой. Усилившийся в последние годы интерес к историческим национальным культурным ценностям под влиянием постмодернизма начал перерастать в интерес к глубокому осмыслению собственного наследия в области строительства и архитектуры, стремление к своей региональной национальной, человеческой архитектуре, которая имеет индивидуальную обособленность, соразмерность человеку и сохраняет сложившуюся среду — второе направление в архитектуре гелиокомплекса.

Объемно-планировочная структура соответствует функциональной структуре, но в то же время играет и самостоятельную роль в архитектурном решении. В указанной планировке характерна замкнутая композиция и повышенная плотность застройки, которая обеспечивает максимальную затененность вертикальных и горизонтальных плоскостей. Особенности функциональной структуры объекта, а также рельеф местности определили необходимость спроектировать научно-производственный комплекс, который состоит из пяти основных подразделений, технологической башни, концентратора, гелиостатного поля, главного корпуса и вспомогательных сооружений.

Технологический процесс осуществляется следующим образом. Поступающие от гелиостатов солнечные

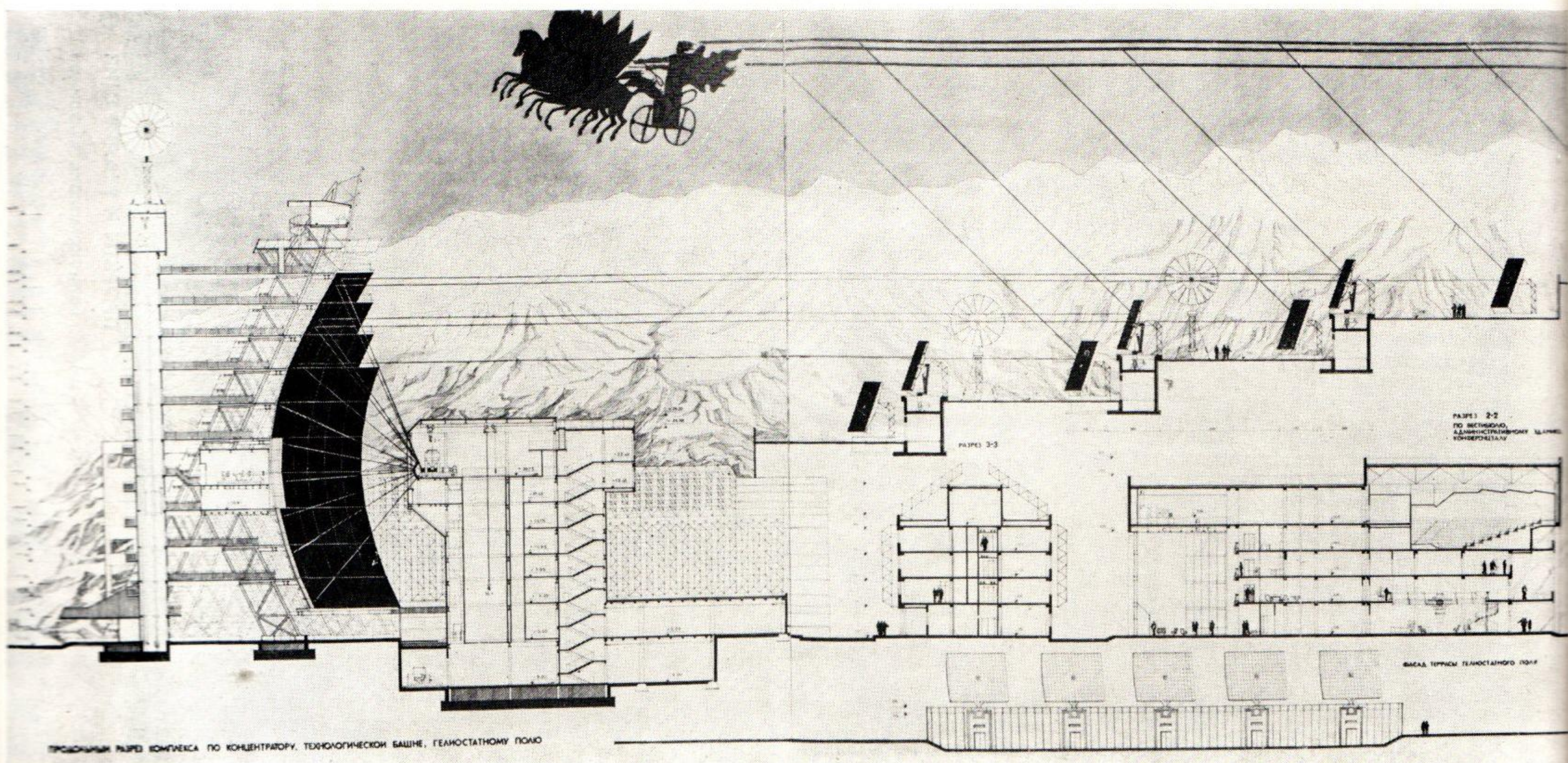
лучи, отражаясь от элементов зеркала концентратора, собираются в фокусе на гелиоприемнике солнечной печи, где происходит высокотемпературный технологический процесс. Концентратор устанавливается неподвижно с ориентировкой в направлении север-юг. Лучистый поток отражается на концентраторе гелиостатами, которые следят за солнцем в течение всего рабочего дня. Почти вся солнечная радиация попадает на параболическую зеркальную поверхность и собирается в фокусную точку диаметром 40 см. Максимальное излучение соответствует излучению абсолютно черного тела при температуре 3500°C.

Технологическая башня, предназначенная для установки солнечной печи в фокальной зоне, имеет семь этажей с верхним отсеком и отвалом, который соединен с производственным зданием, а верхняя ограждающая грань имеет монтажный проем с раздвижными секциями для замены печей. На торце верхнего отсека башни, обращенного к концентратору, предусмотрены жаропрочные раздвижные створки.

Каркас технологической башни состоит из металлоконструкций и опирается на фундаментную плиту подземного блок-этажа. Ограждающие конструкции выполнены из легких навесных панелей типа сэндвич с окантовкой оксидированным алюминием, в качестве утеплителя применяют минераловатные плиты.

Концентратор представляет собой прямоугольную «высечку» на параболоиде вращения с зеркальной отражающей поверхностью и предназначен для фокусирования падающего на него лучистого потока в заданной фокальной плоскости, в которой расположена приемно-рабочая камера технологической башни, предназначенная для использования лучистой энергии потока. Оптическая ось концентратора направлена с юга на север. При этом его фокальная плоскость находится с северной стороны. Ограждающая зеркальная поверхность набирается из отдельных зеркальных элементов — фацет — размером 0,45×0,45 м. Каждая фацета крепится к каркасу с помощью устройства, обеспечивающего возможность юстировки. Для подъема на площадки концентратора предусмотрен грузопассажирский лифт грузоподъемностью 500 кг. Открытая лестница соединена с обслуживающими площадками легкими открытыми переходами.

В центре концентратора имеется пирометрическая лаборатория. Для предохранения несущих металлоконструкций концентратора от прямых солнечных лучей и температурных деформаций сверху с торцов и с южной стороны сооружение закрывается солнцезащитой с применением цветных экранов, выполненной средствами суперграфики. На верхней отметке концентратора устроена смотровая площадка, а завершает сооружение блок светящихся красных визирных марок, которые необходимы для юстировки 62 гелиостатов. Строительная конструкция

концентратора солнечной энергии состоит из опорной части, выполненной в виде системы попарно объединенных встречно-наклонных разновысоких ферм, попарно раскрепленных горизонтальными связевыми фермами. Каждая пара встречно-наклонных ферм смещена в плане относительно смежных таким образом, что одноименные опорные элементы ферм системы размещены в плане на двух условных параллельных параболах.

Общая жесткость и устойчивость сооружения обеспечивается тем, что металлокаркас концентратора жестко связан двумя фундаментными плитами, выполненными из монолитного железобетона, уложенного на скальное основание.

Гелиостатное поле — система отдельно стоящих гелиостатов, которая должна обеспечивать направление отраженных от нее солнечных лучей всегда параллельно оптической оси гиперболического параболоида, независимо от положения Солнца на небосводе. Площадь зеркальной поверхности каждого гелиостата около 50 м². В слежении за Солнцем зеркала будут поворачиваться как по вертикали, так и по горизонтали. В память ЭВМ заложена

программа управления движением гелиостатов на каждый день. В соответствии с движением Солнца будут автоматически меняться скорость и углы перемещения зеркал.

Гелиостатное поле имеет ступенчатую форму. Для уменьшения взаимного затенения гелиостаты располагаются в шахматном порядке на специальных террасах.

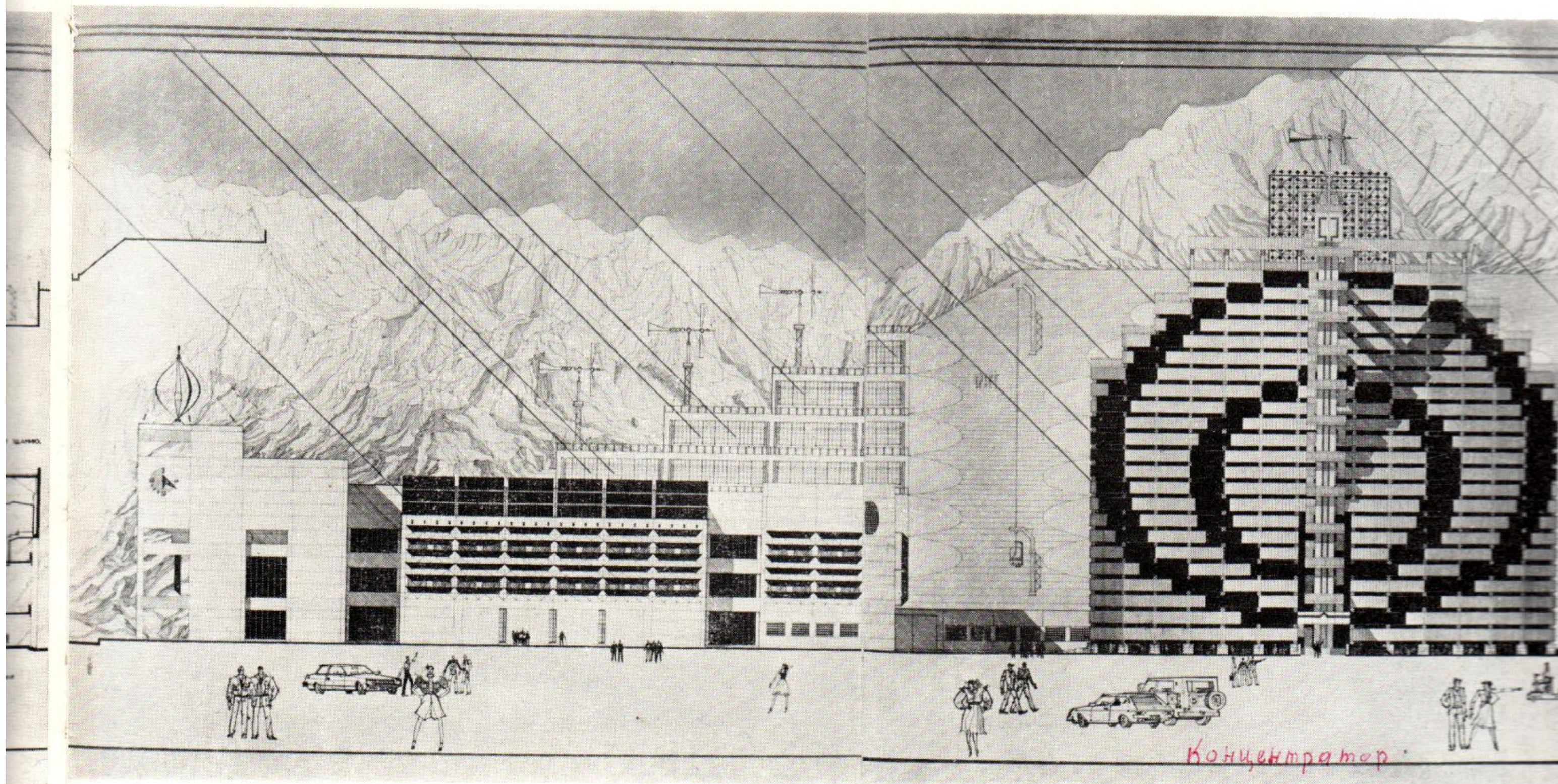
В конструкцию сооружения входят уложенная на основание железобетонная плита, имеющая в продольном сечении ломаное очертание и общий уклон террас 1:5, выполненная в виде монолитной железобетонной платформы, и подпорные стены. Подпорная стена содержит вертикальные элементы — монолитные сердечники и контрфорсы коробчатого сечения, образующие ниши, которые служат фундаментами под гелиостаты, а также используются как помещения для установки щитов управления.

Главный корпус состоит из нескольких зданий, сблокированных между собой: двух производственных, двух лабораторных и административного здания со столовой, конференц-залом, библиотекой и парадным четырехсветным атриумом. Конструкции

главного корпуса выполнены из стандартных бетонных элементов антисейсмических серий ИИС-20 и ИИС-04. Ограждающие конструкции — навесные керамзитобетонные панели. Глухие плоскости стен облицованы травертином местных месторождений. Для защиты зданий от перегрева устроены проветриваемые кровли и применена солнцезащита в виде трехмерной стальной кадмированной решетки с горизонтальными и вертикальными солнцезащитными экранами.

Внутри главного корпуса находится большой двор с розарием и площадками для отдыха, а в геометрическом центре двора предусмотрены бассейн и фонтаны. Вокруг бассейна будет создан цветной ковер из живых цветов. Внутренний двор через четырехпролетный проем объединяется с обширным плато, которое расположено с южной стороны комплекса, ограниченной подпорной стеной. Перед главным входом запроектирована накопительная площадь, замыкающая поперечную с запада на восток магистраль. На площади справа от входа располагается скульптурная группа с солнечными часами «Гелиос».

При решении интерьеров учи-

тивались все факторы пространственного и микроклиматического окружения, в соответствии с чем были выбраны ограждающие конструкции и внутренняя отделка помещений. В интерьерах широко использованы гипсовые подвесные потолки, мрамор и травертин местных месторождений. Художником-монументалистом И. Липене для основных интерьеров разработаны пространственные композиции из металла и цветного стекла: «Гимн Солнцу», «Парад планет», «Млечный путь», «Луна». Было уделено большое внимание деталям: разработаны индивидуальные ручки для нетиповых дверей конференц-зала, поручни для лестниц и антресолей фойе, фонари и торшеры для наружного освещения и многое другое. Орнаментальное покрытие зеленым, декоративная скульптура, смотровые площадки должны не только обеспечить условия отдыха, но и создать высокий уровень визуального комфорта.

При проектировании и строительстве комплекса мы стремились создать современную архитектуру, учитывая национальные традиции и опираясь при этом не на внешние проявления национальной художественной

культуры, а на ее глубинные, устоявшиеся и сохранившие свою жизнеспособность особенности, на соблюдение пропорций, излюбленной колористической гаммы и других народных «способов видения» окружающего мира, так как основой в решении проблемы развития национальных форм является традиция в единстве с современной техникой.

Общая экономия сметной стоимости строительства против утвержденной составила 7,6 млн. руб. за счет внедрения более сорока изобретений, защищенных авторскими свидетельствами, как в архитектурно-строительной, так и в технологических частях проекта.

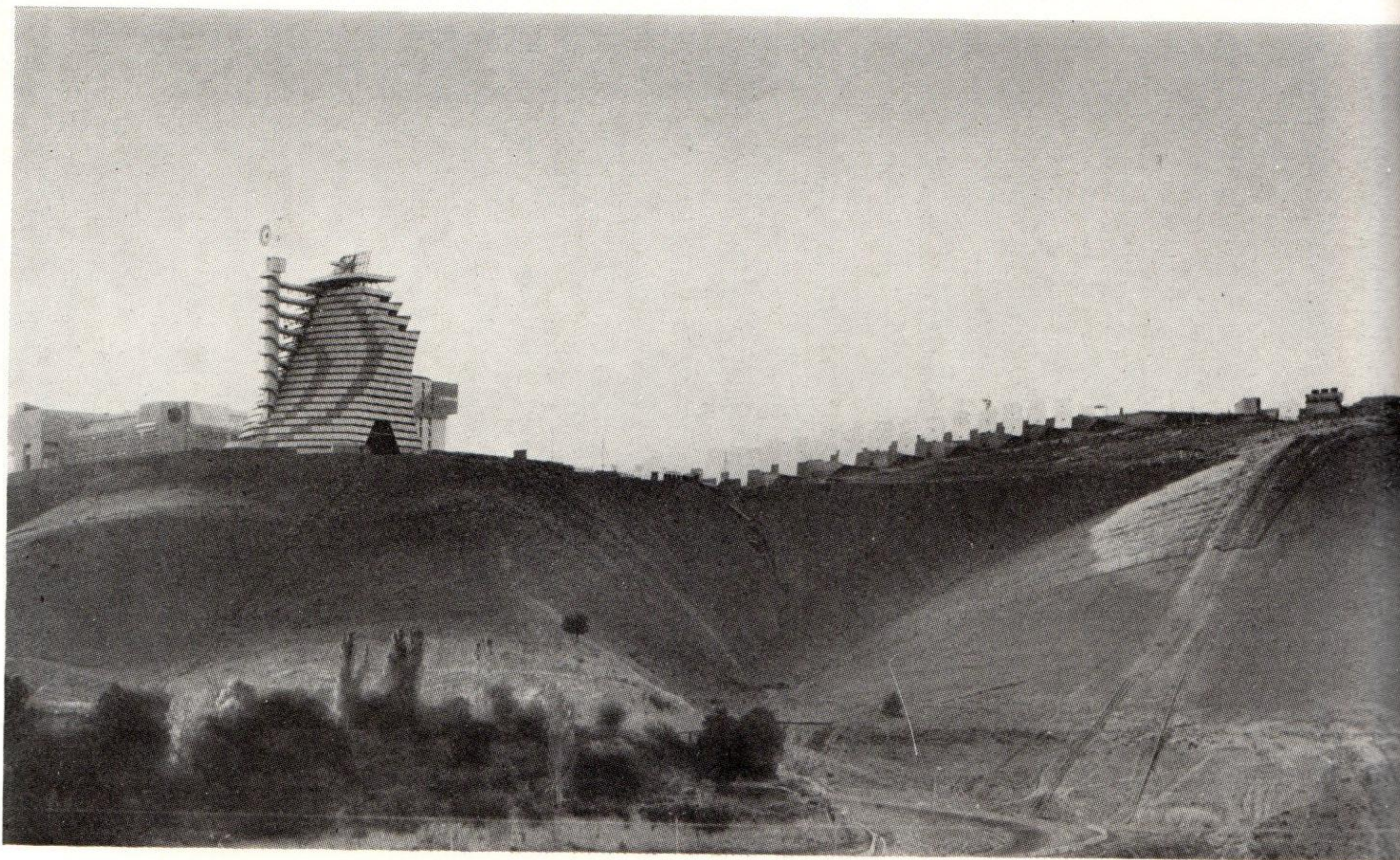
Нестандартизированное оборудование для объекта «Солнце» является уникальным, впервые осваиваемым в СССР и не имеющим аналогов ни в отечественной, ни в зарубежной практике.

Архитектурные произведения такого назначения должны иметь несколько уровней содержания: функциональный, энергетический, художественно-образный и т. д. Такое содержание архитектуры выражается ее конструктивными, энергоактивными и декоративными формами. Эти формы, в

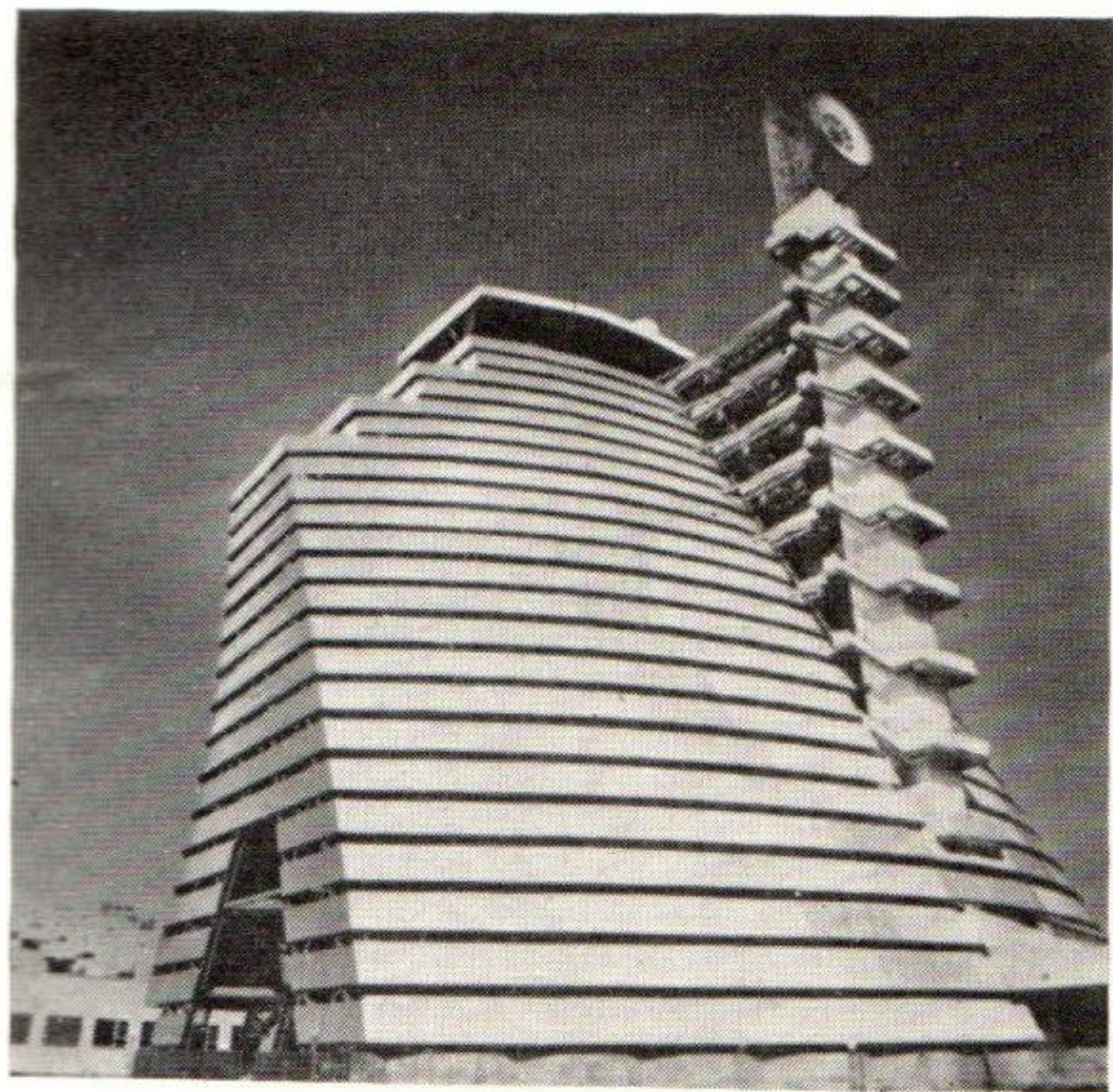
свою очередь, обуславливаются содержанием архитектурного сооружения, а иногда являются и формой содержания одновременно, обогащаясь опытом и творческим воображением.

Проработка социальных, функциональных и конструктивно-строительных проблем помогла в конечном счете сформировать эстетический образ гелиокомплекса «Солнце». Объект со столь разнообразными характеристиками отдельных своих частей, обобщенных в едином комплексе, при определенной композиционной обработке, основанной на творческой концепции с учетом национальных традиций, получает новое эстетическое выражение. Остается добавить, что проект научно-производственного металлургического гелиокомплекса «Солнце», на II Всесоюзном смотре-конкурсе на лучший проект года получил высшую оценку жюри и отмечен золотой медалью. На III Всемирном биеннале «Интерарх-85» в Софии проект стал лауреатом и награжден медалью и дипломом МСА.

□

Общий вид гелиокомплекса
«Солнце» из поселка
Чанги

Концентратор солнечной
энергии

Объект «Солнце» — на слух это ставшее привычным названием необычного даже для космической эры научно-производственного металлургического комплекса — воспринимается как некий сухой и лаконичный армейский термин.

Заочное знакомство с принципом практической реализации идеи применения солнечной энергии в «сверхчистых» технологических процессах также не вызывает особых эмоций. Все понятно: ставь кучу зеркал, фокусируй «зайчики» в печь и плавь целый световой день..., однако лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

То, что сделано в Паркенте, поражает самое изощренное воображение. Архитектору Виктору Захарову и его коллегам удалось спроектировать комплекс, который по единству и целостности формы и содержания можно считать непревзойденным. Словесный портрет, каким бы детальным он ни был, не сможет заменить огромного впечатления от вида грандиозных сооружений комплекса с фантастическими формами, воздвигнутого на древ-

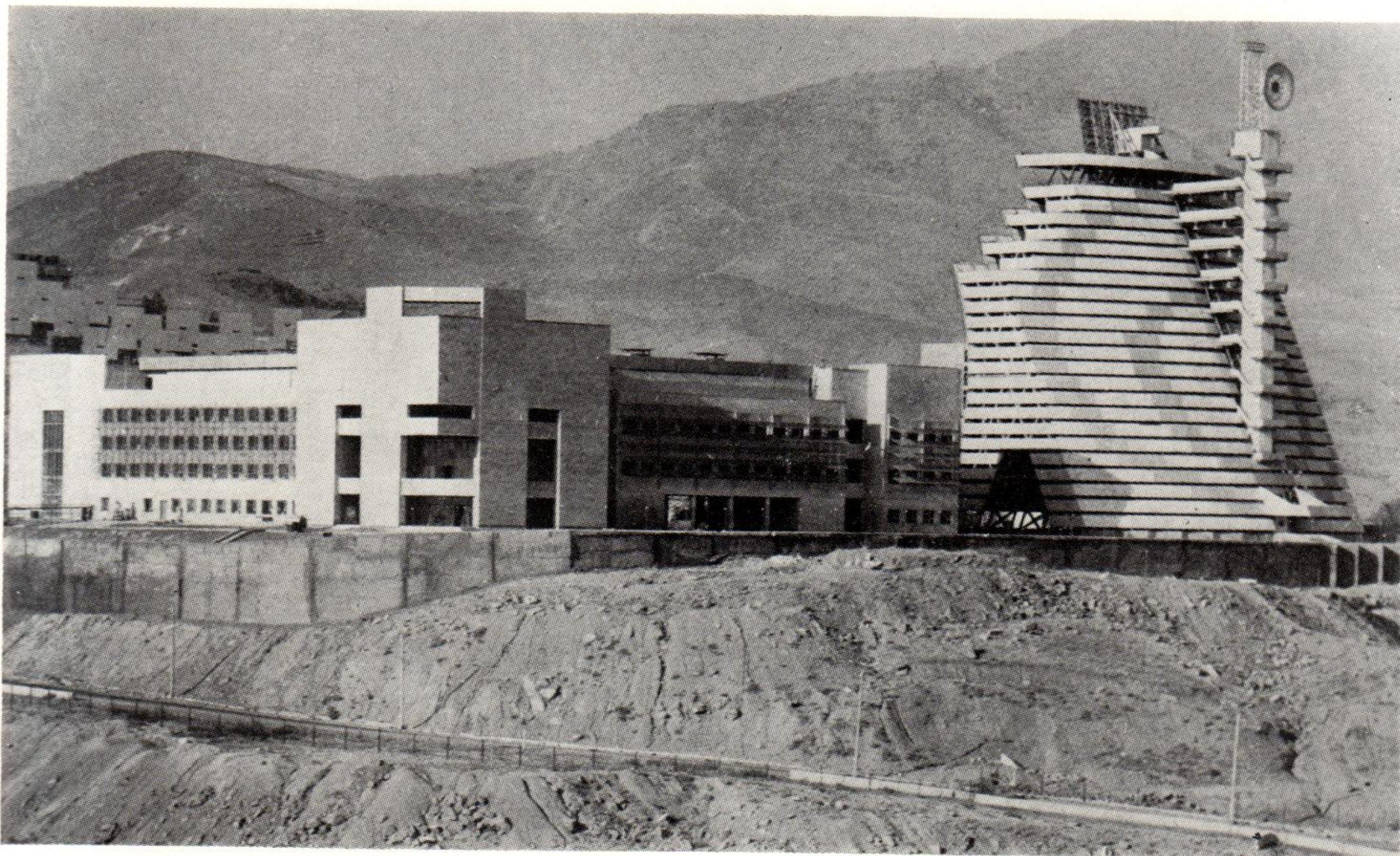
ней земле Узбекистана.

Первые образцы, полученные при испытаниях, без лишних слов, в деловой обстановке стали образцом совершенства доселе недостижимого. Это был рывок в XXI в.

Гигантская пирамида Солнца, выложенная из каменных глыб ацтекскими, служила богам.

Объект «Солнце» не менее величав, и он служит людям.

В. ДЖАНИБЕКОВ, летчик-космонавт СССР

Общий вид комплекса
с подъездной дороги

При одном только упоминании о Нотр-Даме и Эйфелевой башне Парижа или Московском Кремле, площади Святого Марка в Венеции или соборе Святого Петра в Риме, Акрополе в Афинах или Регистане в Самарканде — сразу же в нашем сознании возникают образы и силуэты этих удивительных построек, неожиданных и гармоничных, задуманных и созданных человеком, но ставших недостижимым совершенством, символом своего времени и своего народа, одновременно принадлежавшие всему человечеству и неподвластные временам.

Точно так же в моем сознании (уверен, что и не только в моем) при словах объект «Солнце», видится этот выразительный силуэт провозвестника «космической архитектуры», силуэт, так поэтично и фантастически возникающий, не нарушая первозданной тишины и гармонии предгорий Паркента, и побуждающий к философским размышлениям о реальности нереального, о возможности невозможного...

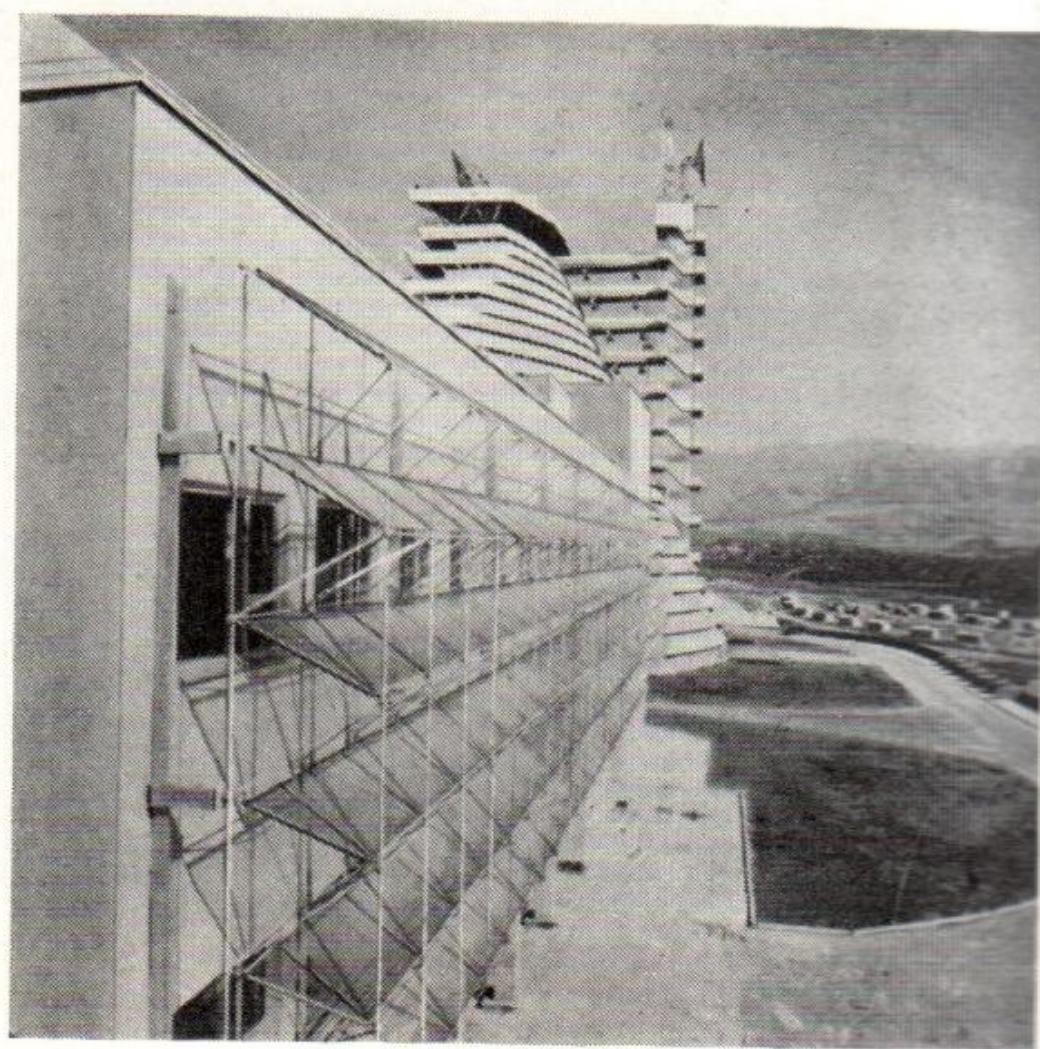
Внеся в эту романтическую природу (а можно ли что-то внести без ущерба в природу) новую гармонию,

возвысившую человека своей причастностью (этому, может быть, и невозможному, но состоявшемуся, однако, факту), — человек не просто вмешался в эту тишину, он чистым звуком приблизился к ней и породнился с нею.

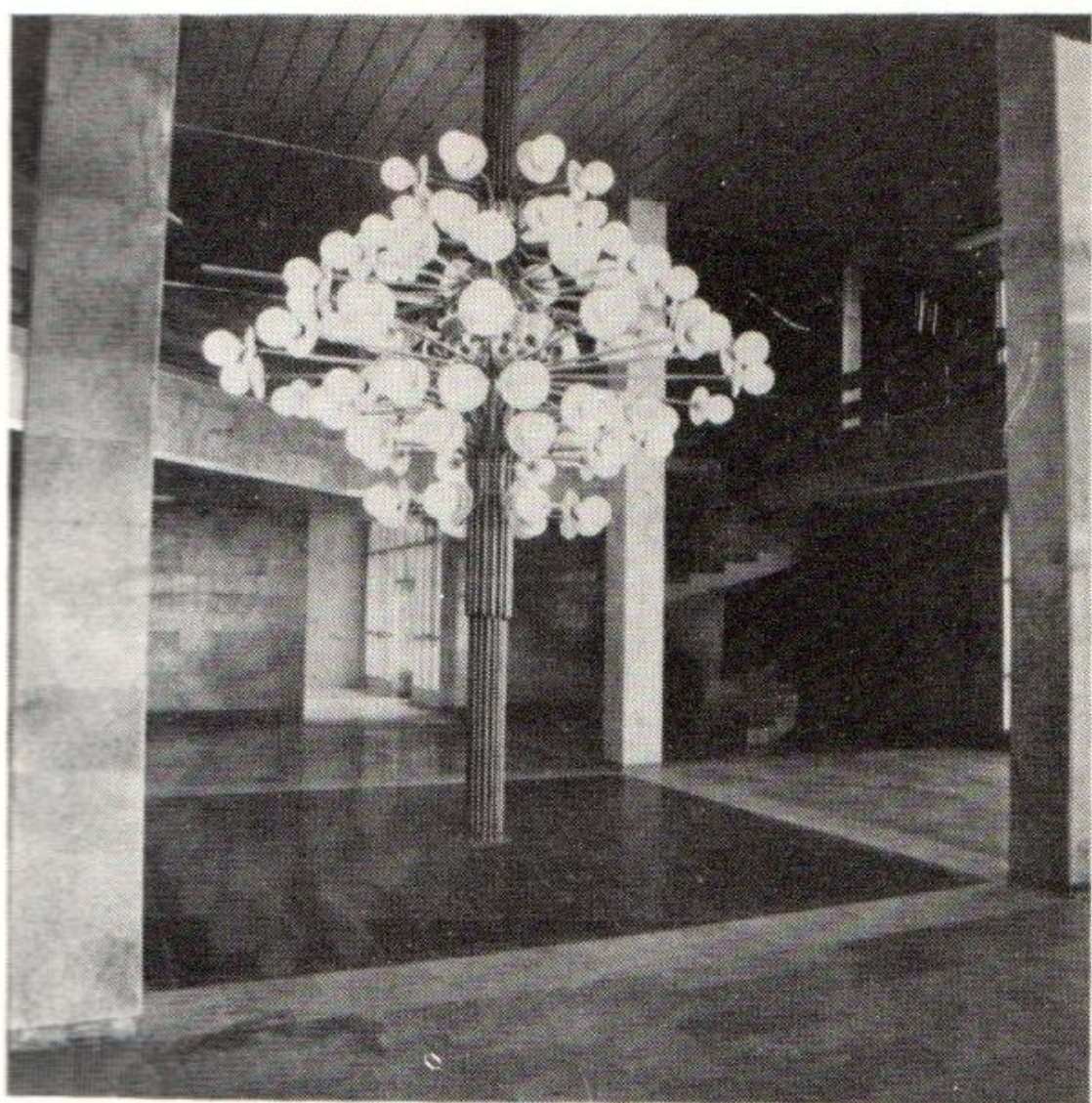
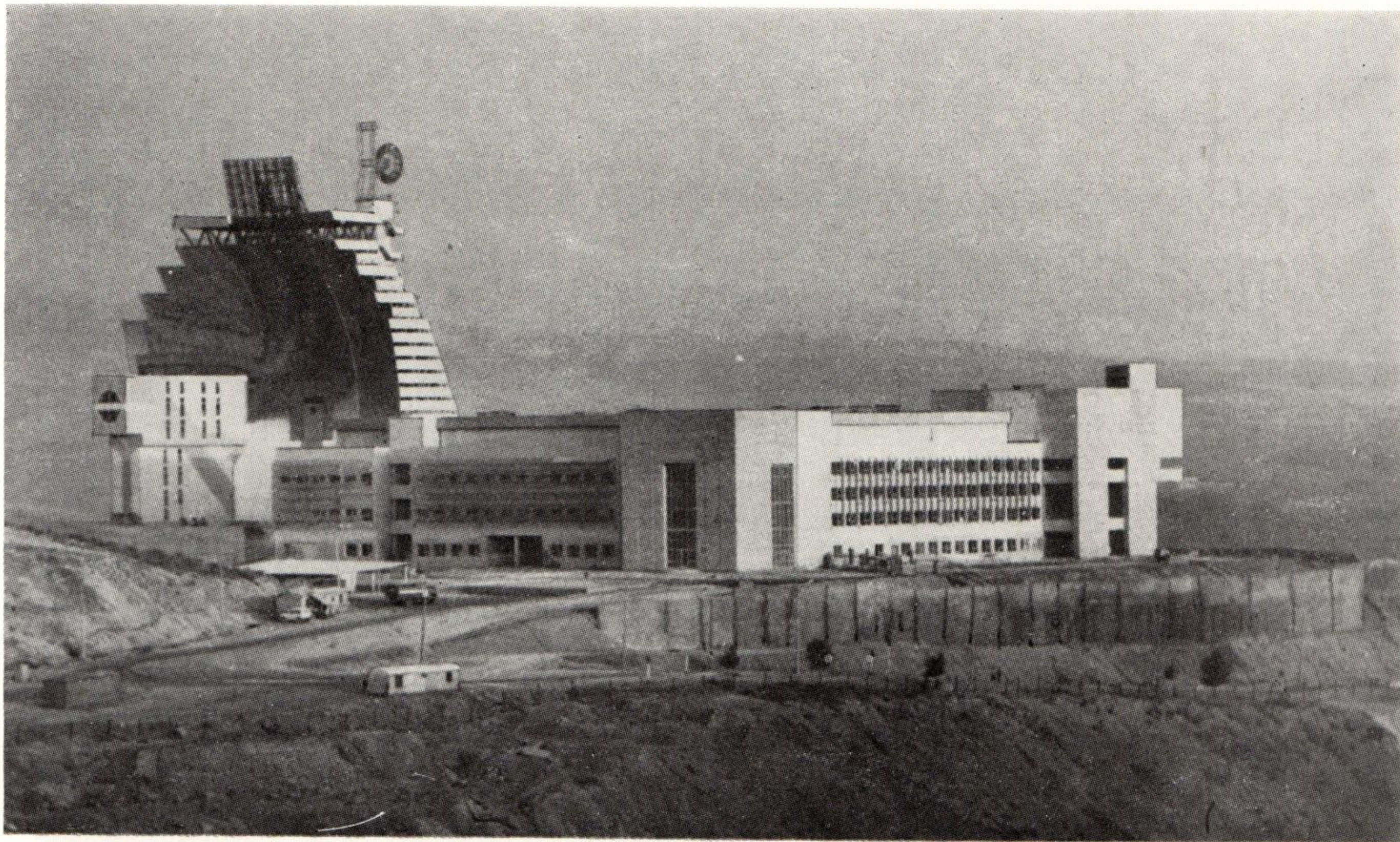
Я искренне поздравляю архитектора Виктора Захарова, вроде бы совсем недавно эмоционально убеждавшего нас на градостроительном совете Госстроя Узбекской ССР, убедившего всех на Всесоюзном смотре в Москве и на Всемирном биеннале «Интерарх-85» в Софии с серьезной и большой удачей, с увертюрой к симфонии архитектуры будущего, которая уже стремительно шагает в XXI столетие. И не удивительно, что в эту архитектурную галактику, в этот архитектурно-космический венок вплела свои волшебные цветы-созвездия — непревзойденный мастер по стеклу, замечательный художник И. Липене.

С большой премьерой, с началом новых поисков!

*С. СУТЯГИН, заслуженный архитектор
Узбекской ССР*

Фрагмент солнцезащиты
южного фасада

Фойе конференц-зала с пространственной композицией из металла и стекла «Луна»

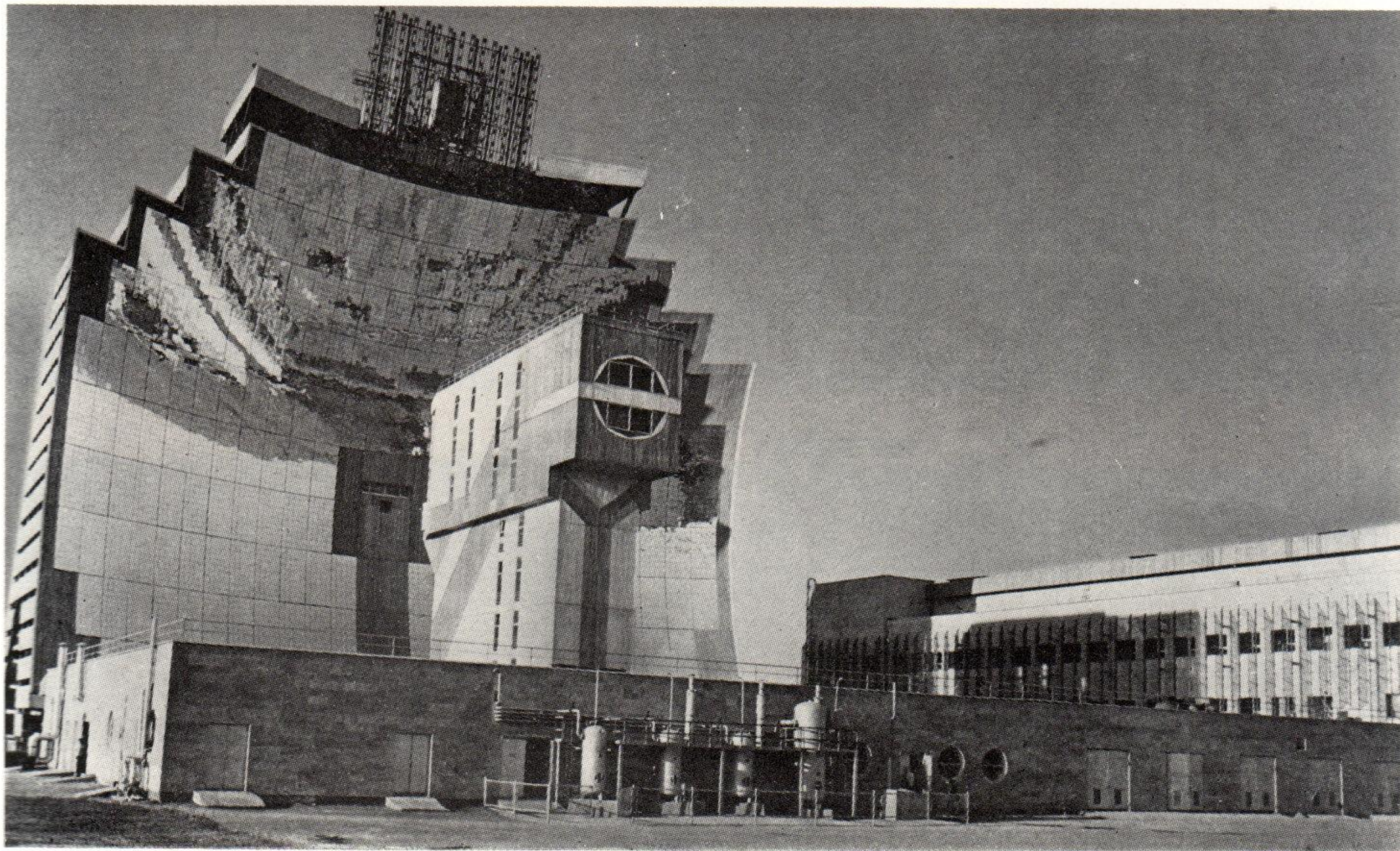
*

В живописном предгорном районе Узбекистана, знаменитом своими фруктами и виноградом Паркенте, завершено строительство объекта, привлекающего внимание необычностью своих форм и назначением, видимого с разных точек далеко по всей окрестности. Он действительно необычен по архитектуре и своим функциям, связанными с использованием солнечной энергии. Это объект «Солнце». Крепко оседлав один из предгорных холмов, покрыв своей зеркальной поверхностью гелиостатного поля склон горы, он развернул в небо плоскости металлических конструкций инженерно-производственного корпуса. Отделанный алюминием металлический каркас издали похож на парус или крылья дельтаплана, ставшего очень популярным в последние годы в Узбекистане. Вызывает восхищение смелое использование человеком новых современных форм и возможностей природы.

К чести авторов проекта, архитекторов и конструкторов, технологов, создавших в сложнейших геологических и сейсмических условиях сооружения необычной формы с криволинейными и наклонными поверхностями ступенчатых сечений, подчиненных жестким требованиям технологии и идеальной точности изготовления,

нужно отнести мужество и настойчивость, с каким они отстаивали свои идеи от посягательств разного рода упрощенцев.

✓ Проект «Солнце» уже в своей эскизной стадии закладывал идеи и формы, которые казались выше возможностей заказчика и подрядчика. Авторам пришлось выдержать и диктат строителей и сомнения заказчика, приложив немало усилий, чтобы разрушить стену непонимания архитектурных и художественных требований к объекту сугубо технологического назначения. Не во всем удалось дотянуть объект до высоких современных кондиций: низкие потолки коридоров служебно-административного блока, вызванные применением типовой антисейсмической серии ИИС-04, подшитые акмиграновыми плитками местного производства низкого качества. Грубые, не по проекту выкрашенные металлические детали для крепления изящных элементов солнцезащиты. Оставляют желать лучшего стеновые ограждающие панели той же серии, а также бетонная подпорная стена. Все это вызывает досаду при близком осмотре объекта. Неудачна замена пиленого мрамора на полированный для подпорных стен гелиостатного поля. Вызывает сожаление применение низкого качества алюминиевых витражей и внутренних двер-

ных блоков, поставляемых местной стройиндустрией. Это обидные издержки современного строительства.

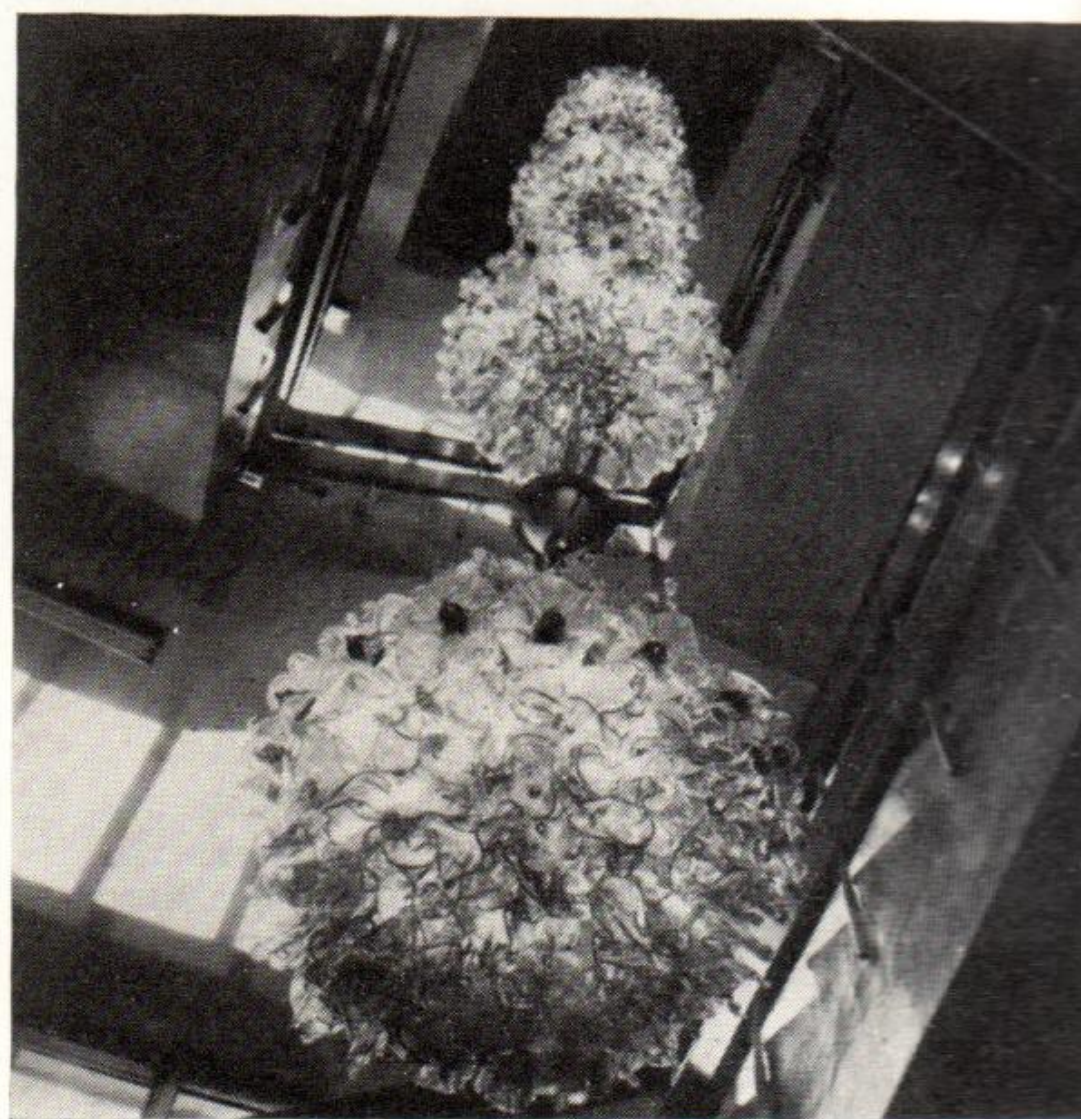
Однако в целом появился новый интересный по своим целям и необычный по архитектуре объект промышленного назначения, с которым мы войдем в XXI в.

Экологически чистое производство дает возможность дальнейшего освоения этого района с развитым социальным бытом и вспомогательными службами. Поселок строителей передается эксплуатационникам и должен быть подставкой основному объекту, в котором наряду с традиционными отделочными материалами, как гипс и мрамор, применены чисто художественные приемы решений интерьеров. В главных вестибюлях художником-монументалистом И. Липене созданы запоминающиеся скульптурные композиции из цветного стекла «Гимн Солнцу», «Луна», «Парад планет». Оригинальные потолочные светильники конференц-зала выполнены из объемных элементов бесцветного стекла. Мастерами архитектурно-реставрационных мастерских Министерства культуры Узбекской ССР на высоком уровне выполнены отделочные работы интерьеров вестибюлей, конференц-зала, столовой.

Можно поздравить всех участ-

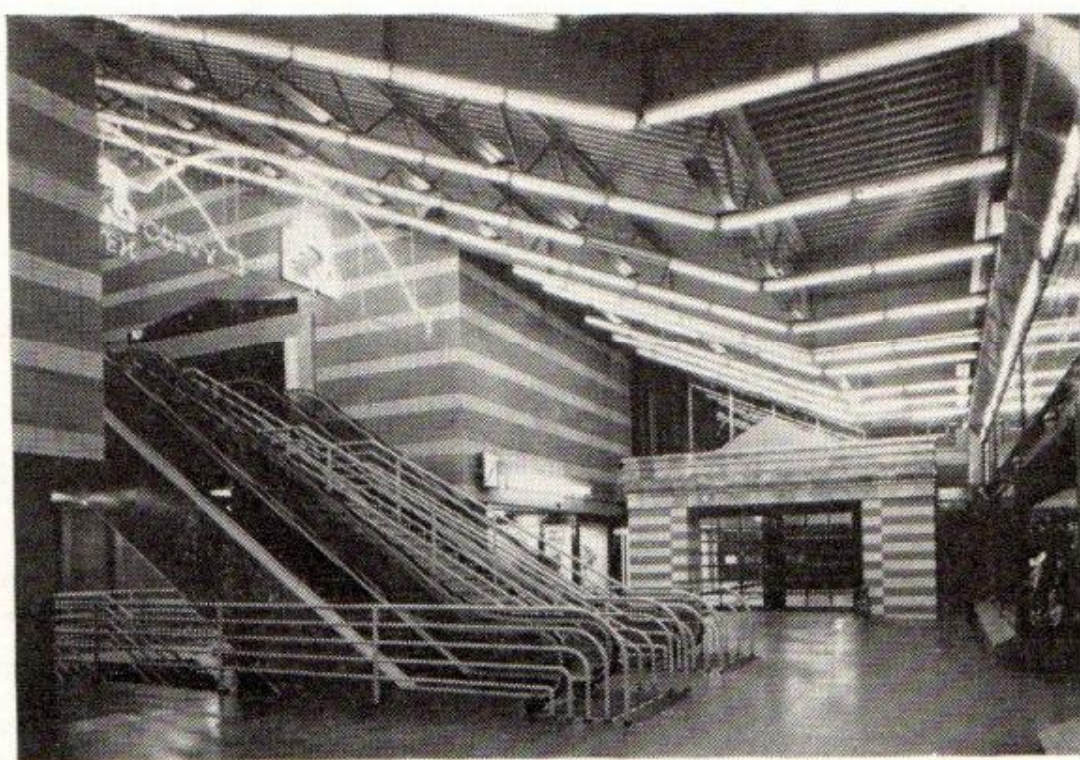
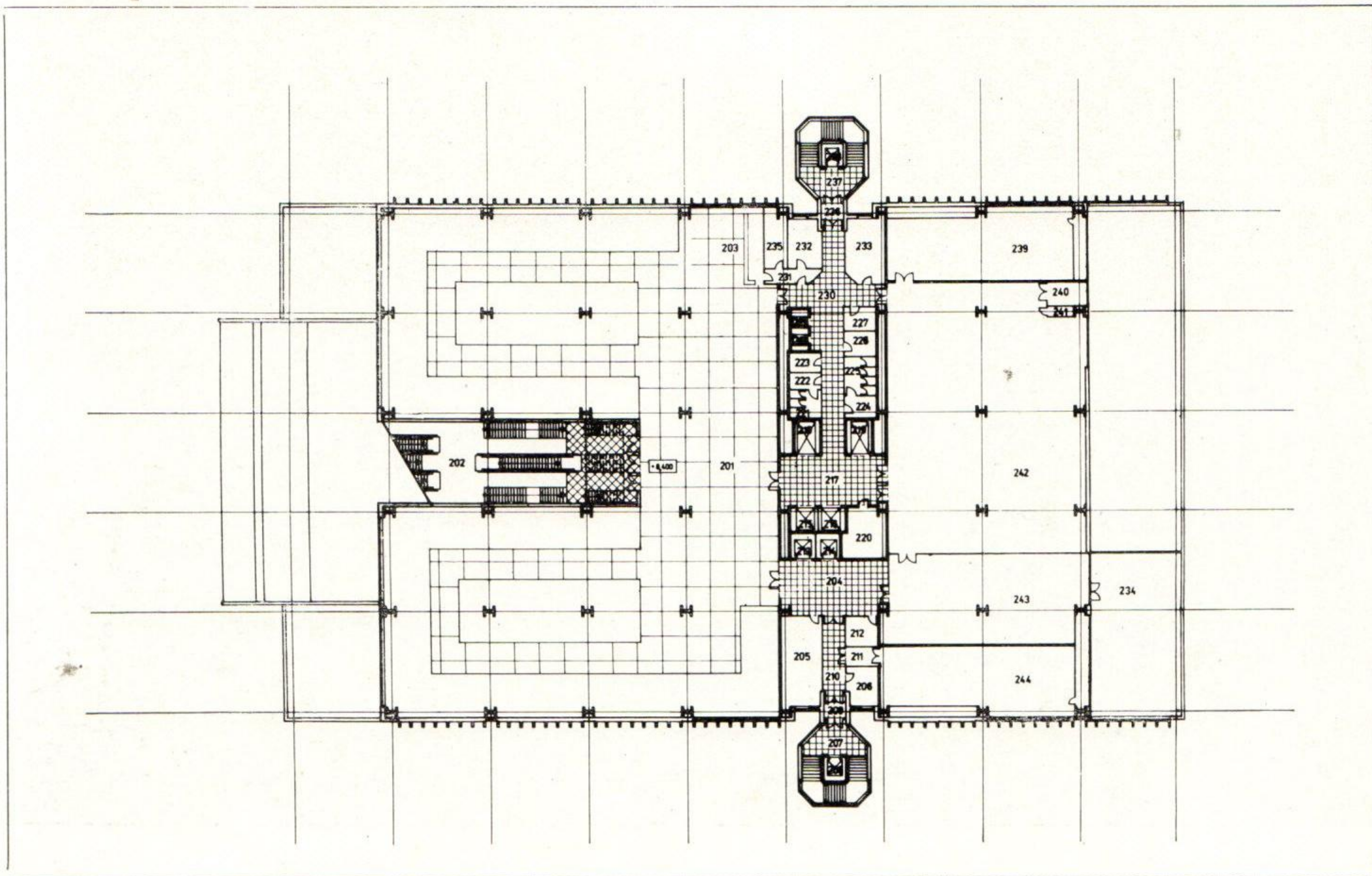
ников этой стройки с завершением огромной созидательной работы и сдачей в эксплуатацию современного научно-производственного металлургического гелиокомплекса.

В. РУСАНОВ, заслуженный архитектор Узбекской ССР

Фрагмент трехмаршевой лестницы с пространственной осветительной композицией из цветного стекла и металла «Парад планет»

ДВА УНИВЕРМАГА В БРАТИСЛАВЕ

Недавно завершилось строительство двух зданий универмагов, созданных авторским коллективом под руководством архитектора Яна Багны. Несмотря на различия, оба здания характерны для современной словацкой архитектуры, которая значительно отличается от чешской. Архитектура Словакии меньше, чем чешская, связана с функционалистской традицией и традиционно больше подвержена внешним влияниям, в частности со стороны Венской и Будапештской школ.

Первым был построен универмаг «Ружинов» в центре жилого райо-

на того же названия. Центр района был сформирован в начале 70-х годов и несет на себе все признаки градостроительных представлений того времени — преувеличенные открытые пространства, в которых без достаточной связи друг с другом расположены отдельные здания. Построенные без должного композиционного взаимоотношения, они оказались не в состоянии сформировать единую комплексно воспринимаемую характерную среду. Строительство универмага предусматривалось с самого начала, но к его сооружению приступили только в первой половине

80-х годов. К этому времени градостроительные представления существенно трансформировались: на первый план выступила концепция среды, легко осваиваемой человеком, соответствующей особенностям его восприятия.

Новое крупное здание с компактным построением своих развитых объемов, с богатым силуэтом сразу стало бесспорной доминантой нового центра. «Ружинов» не вступает в контакт со своими далекими и мало выразительными соседями, он сам по себе дает центру яркую характеристику и является его типичным элементом.

Энергично «работает» ступенчатое построение объемов, мощная пластическая детализровка. Четко различаются передний и задний фасады. Передний обретает почти человеческое выражение — это как бы лицо иронизирующего человека, улыбающееся крупной надписью «Обиходны дом» (универмаг) и завершающееся неоновой шапочкой фирменного знака.

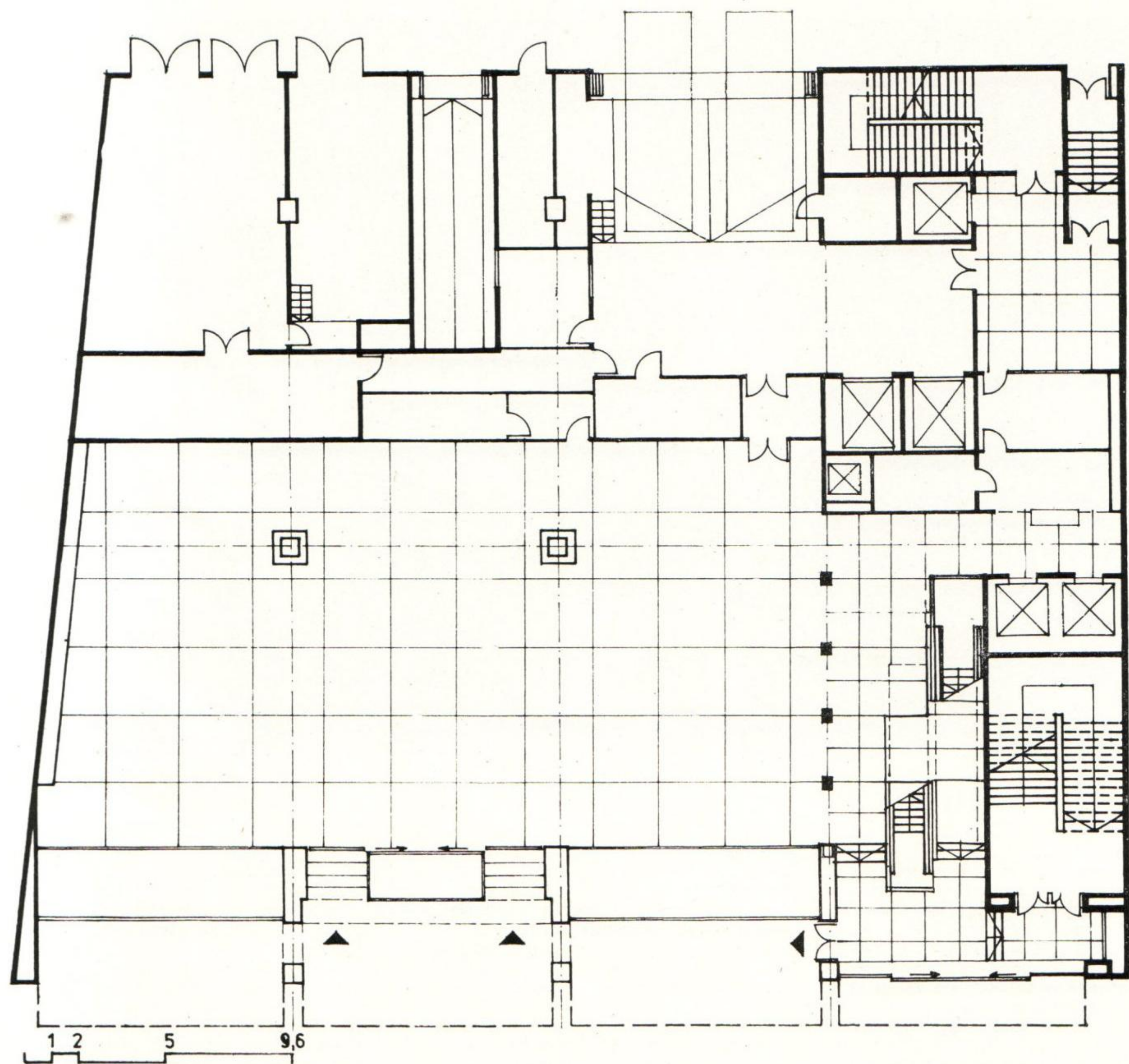
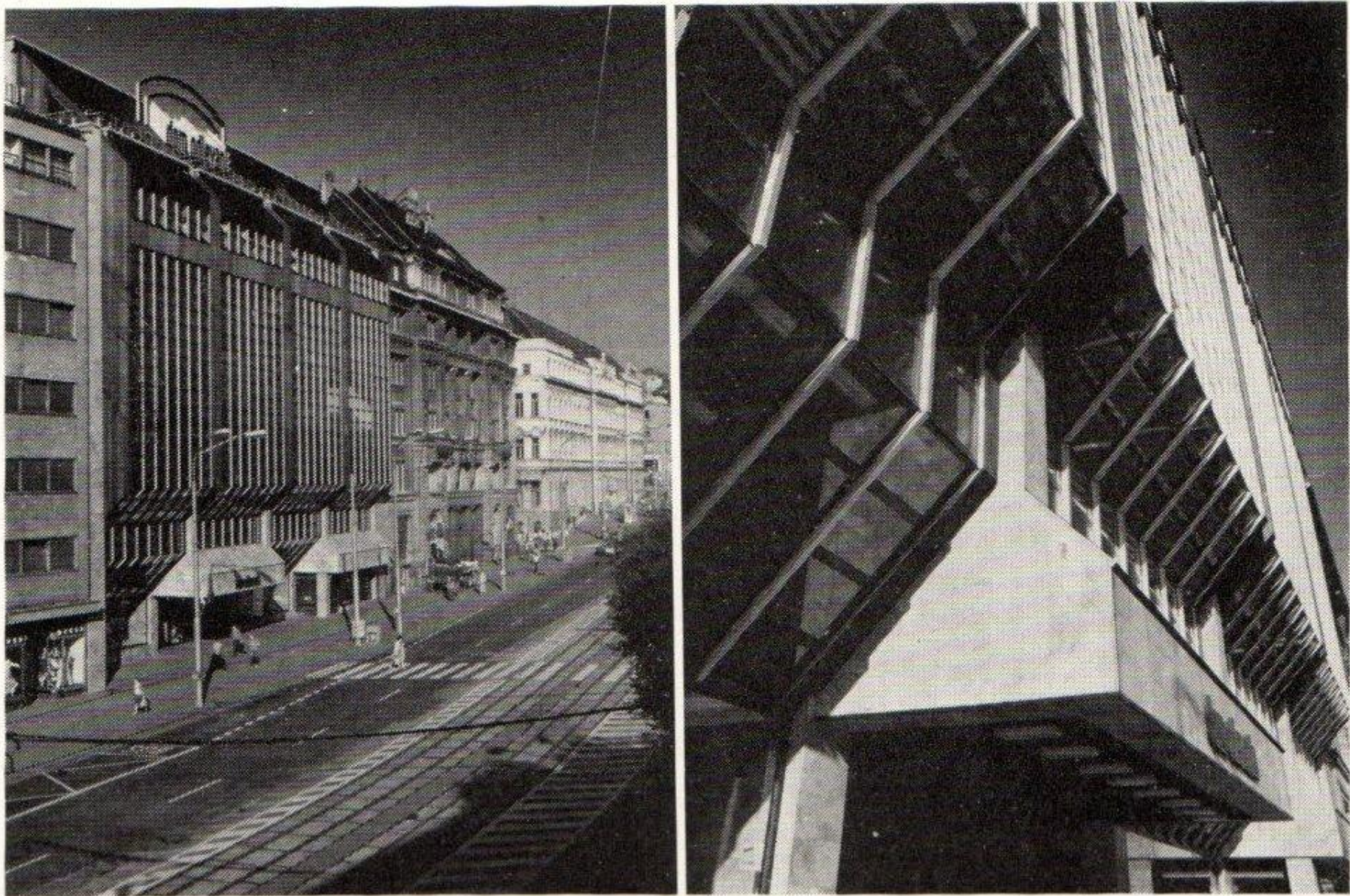
Внутри все внимание обращено на создание целостного интерьера. Столь необходимая и высоко ценящаяся в городе торговая улица здесь как бы перешла внутрь здания. Через три

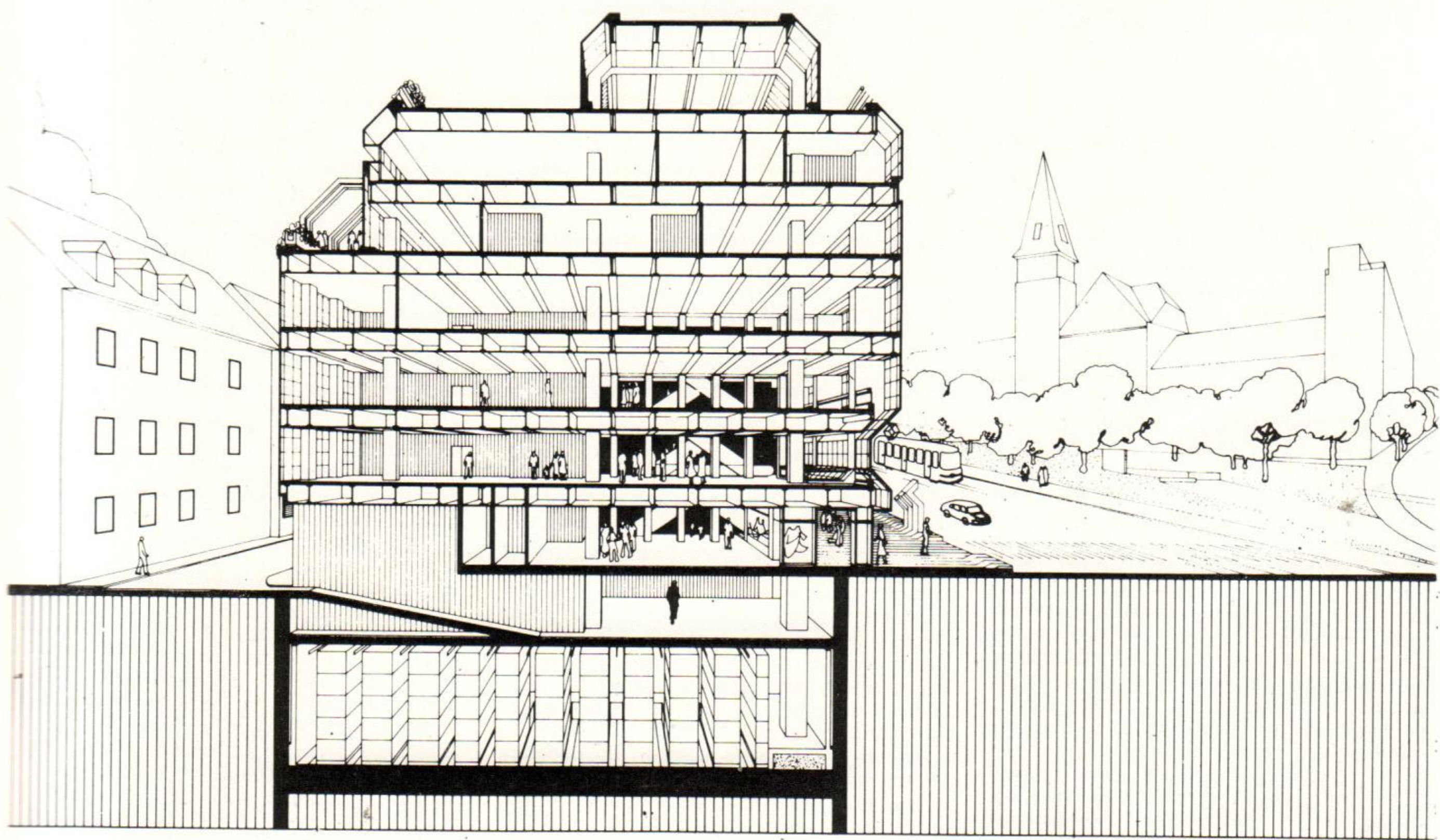
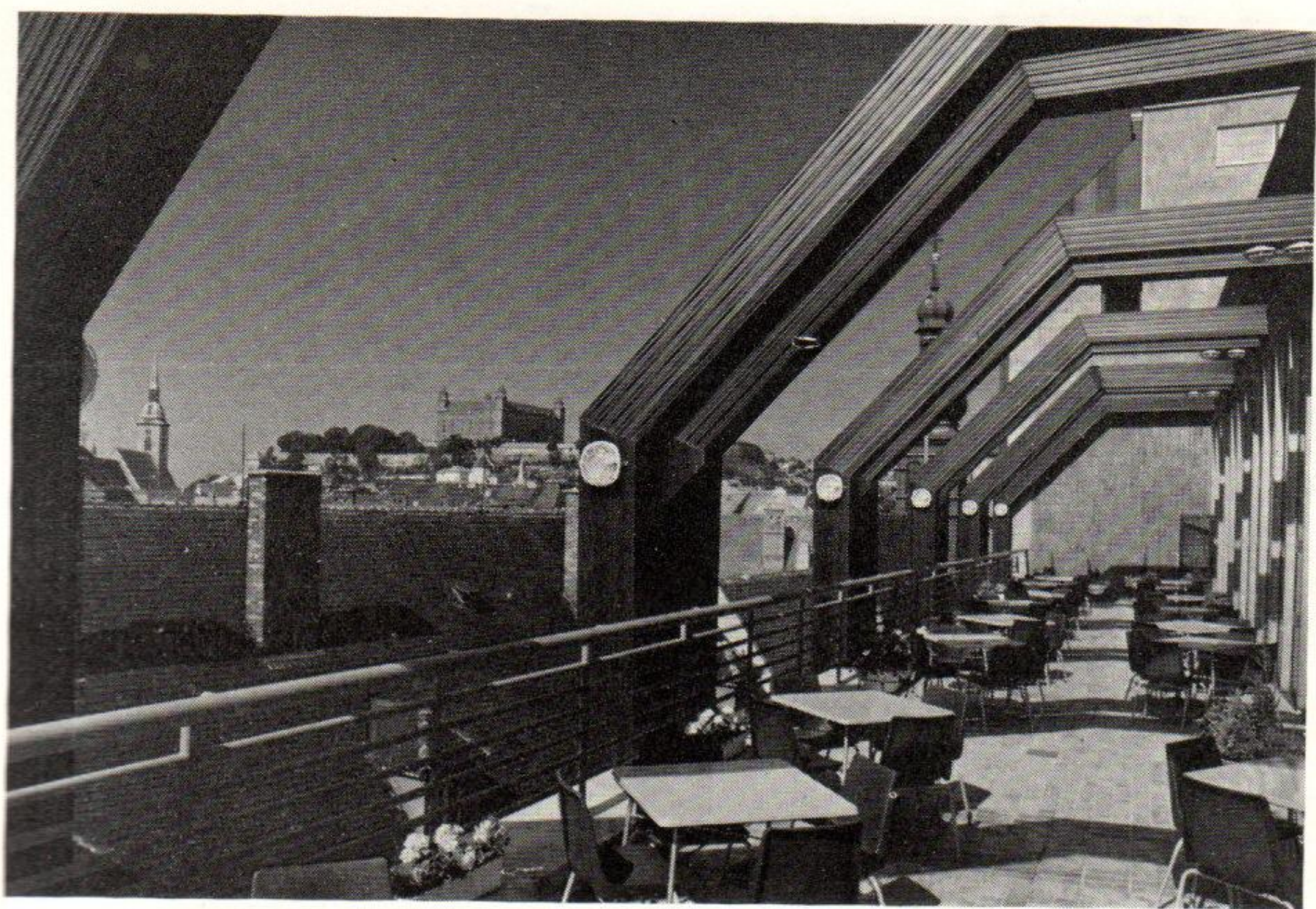
входа посетители попадают в вестибюль-площадь, которая с помощью эскалаторов превращается в оживленный пассаж. Экстерьер «вошел» в интерьер и создал уютную и одновременно насыщенную жизнью торговую среду, предлагающую человеку изобилие впечатлений.

Пассаж перекрыт светящимися неоновыми элементами линейных и изогнутых очертаний, его стены выразительно расчленены полосами красной и белой керамики. Четыре монументальных портала имеют профилированное обрамление и зеркальные фрон-

тоны, подчеркивающие игровой характер архитектуры.

Портал как тема является ведущим элементом интерьера. Расположенные по бокам вестибюля «тяжелые» порталы выходов обогащают интерьер своей богатой профилировкой, массивными полотнищами металлических дверей, фигурными мраморными тумбами у откосов. Порталы свободно стоят в стеклянной стене и при всей своей видимой тяжести больше всего напоминают гипертрофированные каминные. Этот радостный итог изучения классического формообразова-

ния — один из ярких примеров творческого применения постмодернизма в Словакии.

В 1985 г. в самом сердце Братиславы был завершен «Дом одежды». Он встроен между необарочным почтамтом и функционалистским «Домом моды» в среде, характер которой давно определился, на площади Словацкого национального восстания — центральном общественном пространстве города. Поэтому задача здесь резко отличалась от Ружинова — новое здание должно было сразу вписаться в среду.

Автор предложил относительно спокойный, гладкий объем с зеркальным фасадом. Спокойствие обогащается ритмом четырех высоких эркеров, решенных регулярным «растром» квадратных переплетов. Подчеркивается входная часть, которая отходит в глубину наклонными плоскостями стекла, направляя внимание к витринам и входам (любопытным прохожим предлагаются необычные зеркальные картины над головой).

Интерьеры «Дома одежды», к сожалению, стандартны, без индивидуального архитектурного решения (по

требованию заказчика). Только ресторан и кафе на верхнем этаже привлекают своим уютом и приятной атмосферой. Главное здесь — очаровательный вид Братиславского кремля и крыш старого города с террасы кафе.

В отличие от игрового и ироничного «Ружинова» здание «Дома одежды» трезво, серьезно и доказывает, что традиции «современного движения» все еще живы и способны к развитию даже в исторической среде.

Р. Седлакова

АВРААМ МИЛЕЦКИЙ

Родился в 1918 г. в Киеве. Участь в КИСИ, работал в театре художником, архитектором в Гражданпроекте. В 1940 г. окончил институт и после кратковременного курса в Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева всю Великую Отечественную войну был в действующей армии, участвовал в освобождении Киева.

Первая стройка после Победы — монумент на месте встречи Красной Армии с американскими войсками в г. Торгау на р. Эльбе. Открыт монумент в июле 1945 г.

После демобилизации с 1946 г. и по настоящее время — главный архитектор проектов в институте Киевпроект. Многие годы был доцентом КГХИ.

Много проектов, много конкурсных работ, меньше осуществленных, хотя для себя смыслом деятельности архитектора считаю постройку как результат интуиции и мышления, как неразрывную связь задуманной программы с исторической средой Киева, его судьбой и «формулой», которая у всех городов своя и разная.

Ощущение своего дела давало силы отстаивать свою точку зрения. Однако и это не спасало стройки от не зависящих от них обстоятельств. Достоинство архитектуры отстаивал всегда.

Рано начал трудиться самостоятельно. Всегда работал с молодежью, работа с ней — всегда взаимное обогащение. Убежден, что руководить проектом и стройкой, за редким исключением, должен только один автор.

В настоящее время вместе с молодыми коллегами веду проектирование историко-археологического и архитектурного комплекса «Древний Киев». Эта работа продолжается почти 20 лет и ведется с учеными Академии наук УССР. Очень хочется осуществить задуманное.

А. МИЛЕЦКИЙ

«Есть что-то символическое в том, что такой остроумный, нацеленный на новаторский поиск архитектор, как А. Милецкий, не только обращается к анализу зодчества прошлого, но борется своим творчеством за сохранение исторически сложившейся городской среды, ищет ее место в структуре современного города».

А. Гутнов, Архитектура СССР. 1983 г. № 2. С. 25.

Семидесятые годы были для архитектуры временем, когда менялись основные ценности профессии. «Новая архитектура» в ее героический период, 1920-е гг., когда речь шла о выживании и утверждении направления, за которое ратовали новаторы-одиночки, противопоставляла свои объекты-новации обыденности окружения. Метод творчества определяла цепочка зависимостей: функциональный процесс — пространственная структура — оболочка, формирующая объем. Цепочка с однозначной направленностью «изнутри — вовне», неизбежно противопоставляла здание среде. Установка открывала путь к обновлению системы типов зданий, «типологической революции», которая и действительно осуществилась.

Город, однако, рассыпался, лишаясь интегративных начал, пространственной и образной целостности по мере того, как бывшая непрерывность его ткани вытеснялась скоплениями самодостаточных объектов. Терялась структуроформирующая роль таких городских форм-архетипов, как улица, площадь, двор. Стиралась неповторимость характера, которая считалась когда-то неотъемлемой от представлений о городе («что ни город, то норов»). Неприятие этого процесса общественным сознанием породило кризисные ситуации в отношениях архитектуры и общества. В поисках пути разрешения конфликта переосмыслились профессиональные ценности. Ценностям объекта оказались противопоставлены ценности сложного единства городской среды. Заговорили о «средовом подходе». В прогрессивность его поверили многие, но реализуется он трудно — мешают глубоко укоренившиеся через обучение, через образы «героев-основателей» стереотипы «новой архитектуры», которые по существу своему перешли в разряд анахронизмов. Мешают привычные организационные формы планирования, проектирования и строительства. Средовые комплексы, созданные в Таллине, Вильнюсе, Каунасе и Тбилиси, остаются событиями, неотделимыми от каких-то особых ситуаций. «Экологический город», полифоничная гармония природы, человеческой деятельности, новых структур и исторических напластований пока еще бытуют в плоскости мечты, как бы в некоем проблематичном будущем...

Но — не для киевского архитектора А. Милецкого. Давно и естественно ценности среды определили для него систему профессиональных критериев. Свои объекты он видит в сложных, противоречивых связях внутренних и внешних сил. Они для него — часть

городского организма, новая тема в симфоническом звучании, определяющем неповторимость каждого города. В этом Милецкий опережает время, в этом он — архитектор «экологического города» XXI века, архитектор будущего.

Позиция трудная. Прежде всего потому, что ценности среды вообще трудно достигаются (особенно в ситуации, не созревшей и неблагоприятной для их реализации), потому что стремление к ним неизбежно связано с творческой неуспокоенностью, постоянной погоней за новыми целями. Да и потому, что установка на них, внутренне обогащая личность, исключает внешнее самоутверждение, которое остается нормой поведения в нашей профессии. Испытав все эти трудности в полной мере, Милецкий не сдался, не стал искать путей облегчения.

Свою творческую программу он определил давно и четко: «Постройка — это часть, входящая в существующую или вновь создаваемую среду жизни людей — городскую среду, вечно изменяющуюся и объективно отражающую все периоды развития города». Среда для него целостна, исторична и конкретна. Это — среда Киева, древнего города с великой судьбой. Сохранение и пополнение его неповторимости стало для Милецкого стержнем его творческой судьбы. Не случайно в своих размышлениях и в своем «образотворчестве» он постоянно возвращается к глубокому культурным смыслом, связанным с самой землей Киева. Здесь она хранит в себе историю не метафорически, а буквально. Ее пластика настойчиво выступает в силуэте надднепровских холмов и террасах, членищих застройку, в зеленых откосах и уклонах улиц.

Сегодня стремление войти в образ громадного городского целого, отказываясь от жестов «героического» самоутверждения, может казаться жертвенностью. Искушение нарочито прорвать целостность городской ткани, утвердить себя противопоставлением окружающему — уж если выпала такая возможность — остается «нормой поведения». Но город отторгает то, что ему чуждо. Самоценное быстро теряет ценность, органично вошедшее в систему среды, напротив, не девальвируется. Вот только мы еще зачастую не видим заслуги тех, кто создает как бы естественные, как бы сами собою разумеющиеся, а на деле — наиболее трудно достигаемые ценности.

За три десятилетия упорного труда А. Милецкий сумел любовно вырастить крупный, внутренне разнообразный комплекс городской среды вокруг киевской площади Славы. Еще в 1957 г. создан мемориал Неизвестному солдату и разбит парк Вечной Славы. Вертикальная веха ансамбля — гранитный обелиск, символическое напоминание о бесчисленных солдатских могилах. Террасы и видовые площадки парка как бы проявили, сделали зримой характернейшую структуру приднепровских склонов. Они срослись с земляной пластикой петровских бастонов, над которым поднимаются силуэты Печерской лавры и Спаса на Берестове. Новое и старое связаны не только средствами формо-

Монумент в среде города.
Монумент на месте встречи советских и американских войск в г. Торгау на Эльбе. Архитектор А. Милецкий

образования, но и выявленными зодчим культурными смыслами, напоминающими целостный образ неповторимого киевского ландшафта.

В прямой связи с мемориалом сооружен Дворец пионеров, проектирование которого после конкурса (1959 г.) поручено группе Милецкого. И здесь должна была играть решающую роль пластика земли, днепровских склонов. Включался в композицию памятник архитектуры — сохранявшаяся тогда на участке трапезная Военно-Никольского собора XVIII в. Сценарий жизненных процессов разворачивался по меркам места с его неповторимой ландшафтной ситуацией и культурными наслоениями. К сожалению, идея реализована неполно не по вине авторов. Так, дворец не получил задуманного свободного выхода к приднепровским паркам, что-то «волевое» решение привело к гибели трапезной. Но и осуществленное здание (архитекторы А. Милецкий и Э. Бильский) тонко и точно связано с местом, проникнуто его духом. Корпуса дворца, связанные массивным объемом зала, покойно лежат вдоль бровки надднепровской террасы (1965 г.). Постройка соразмерна месту. Скупая геометрия ее форм, отмеченная бескомпромиссным рационализмом 60-х, вошла в неповторимый контекст среды.

В работе над первыми вариантами проекта Дворца пионеров возникла мысль — ввести в комплекс высотный объем гостиницы: такое решение подсказывалось логикой рельефа и его связи с вертикальными акцентами города. Цилиндрический объем должен был возместить утрату стоявшей здесь в прошлом колокольни, отмечавшей одну из критических точек надднепровской террасы. Идея, подхваченная поначалу, столкнулась, однако, с очередной кампанией бюрократических запретов, когда неукоснительно и всюду сокращались «высотки», независимо от условий места и экономической целесообразности. Авторам гостиницы «Салют», построенной за период 1979—83 (архитекторы А. Милецкий, Н. Слогодская, В. Шевченко) предписывалось ограничить высоту 12 этажами. От организации обширного

пространства перешли к решению локальной задачи — соразмерного завершения площади (при том что нашли «ходы» для компенсации задуманного силуэта другими средствами, отнесенными на недалекое будущее).

Стремясь к экономичности решения, увеличили периметр здания, занятый номерами, преобразовав внешнее очертание объема в четырехцентровый овал при цилиндрическом центральном ядре. Усложнение плана позволило полнее ответить асимметричной конфигурации контекста, в который вписано здание. Оно заканчивает фронт плотной застройки приднепровской стороны улицы Январского восстания перед обширным открытым пространством площади Славы и парка, отмечая границу двух сред — застроенной и открытой, ландшафтной. Направленность овала внесла в композицию динамику, заложенную в структуре ситуации. В решении объема эта динамика тонко и ненавязчиво подчеркнута. Целое соразмерно площади. Спокойным очертаниям отвечает пластичность формы. Весомость «стиля семидесятых» противопоставлена суховатой легкости и плоскостности фасада Дворца пионеров, его «стилю шестидесятых». В ансамбле, формируемом мастером, на наших глазах наращиваются временные слои, возникает то «четвертое измерение», которым определяется наполненность культурными смыслами исторически сложившейся среды.

Средовой подход по смыслу своему не ограничен уровнем крупных элементов городского ландшафта. Он предполагает пристальное внимание к конкретности жизни, наполняющей организованное пространство, к ситуациям на микроуровне системы. Внутренняя организация гостиницы характерна в этом плане для метода Милецкого. Ее структуру определило сочетание цилиндрического стержня и овального периметра. На этой основе развернуто богатейшее разнообразие интерьерных пространств. В него включаются даже гостиничные коридоры, пространство которых как бы «пульсирует», расширяясь и сжимаясь. Нет привычной гостиничной безликости и в номерах.

К сожалению, в настоящее время забывают о культуре детали. Милецкий, однако, владеет ею в высочайшей степени. Детали гостиницы ненавязчивы — напротив, они безукоризненно влились в среду, аранжируя, обогащая ее. Интересны детали ландшафтной архитектуры парка Славы, вторая очередь которой завершена в 1984 г. Здесь достигнуто тонкое сочетание живописного и регулярного, естественного и искусственного. Завершенность системы, доведение ее до деталей — четкий критерий, отделяющий мастерство от дилетантизма. Сделанное Милецким этот критерий позволяет определить как профессионализм наивысшего класса.

Тот же подход к архитектуре как среде развернут в замысле парка Памяти (1968—1982). Архитектор А. Милецкий, художники А. Рыбачук, В. Мельниченко, инженер В. Коваль. Здесь главное — холмы, расчлененные террасами (своеобразная модель Киева, его ландшафтной ситуации), среди которых белым цветком поднимаются над бассейном бетонные оболочки ритуальных залов. Собственно крематорий лишен внешнего объема; он изолирован в складках рельефа, погружен в склон холма, выходя лишь в невидимый извне дворик. С ритуальными залами он соединен тоннелем. Форма комплекса глубоко символична. Это несомненно одно из наиболее гуманных и поэтичных произведений советской архитектуры последних десятилетий. Здесь потребовалось не только профессиональное мастерство, но и человеческий такт. И он был проявлен авторами в высочайшей мере (не вина, но беда их, что и здесь что-то оказалось нарушено грубым административным вмешательством, а восприятию целого препятствует неумение эксплуатационных служб наладить уход за тонко организованным ландшафтом).

Средовые комплексы нелегко создавать заново. Но еще труднее развивать их в исторической среде, пришедшей в упадок, нарушенной и искаженной в недавнем прошлом. Такая задача требует громадных усилий, результаты которых тем менее заметны, чем более они успешны — возрожденная история должна восприниматься естественной. Милецкий взял на себя подобный труд, который и стал главным делом его жизни. Это — парк-музей «Древний Киев», с которым соседствуют, продолжая его, возрожденный Андреевский спуск и древние урочища Гончары и Кожемяки, проект регенерации которых сейчас разрабатывается под руководством Милецкого. Целое, очертания которого уже вполне ощутимы в натуре, откроет для непосредственного восприятия важнейшие историко-культурные пласты Киева — «матери городов русских». Проекты разрабатываются с 1968 г. при консультации крупных историков, среди которых — ныне покойный архитектор Н. Холостенко, историки П. Толочко и М. Брайчевский.

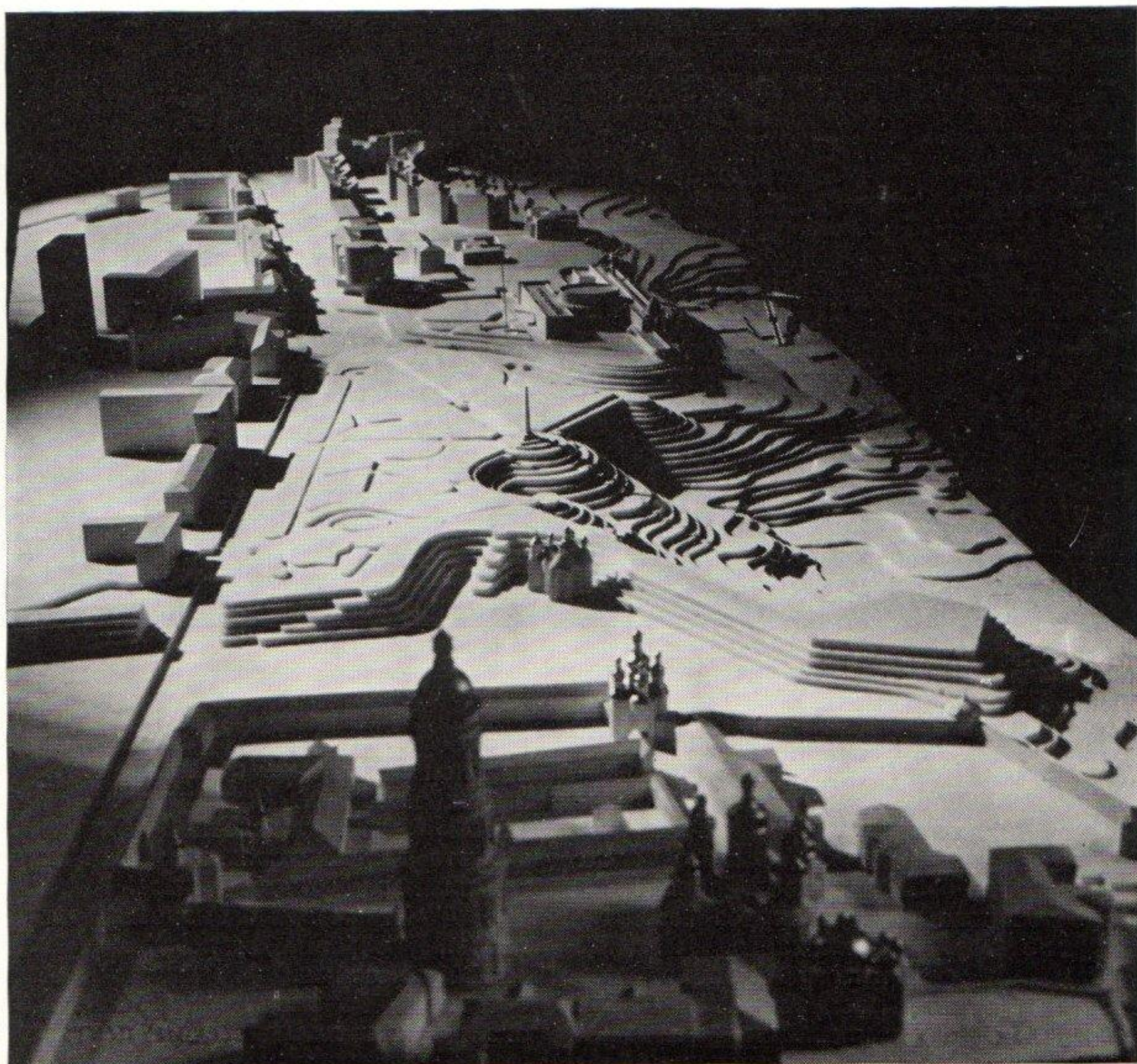
В парке-музее выявляется топография древнего Киева; в ткань «сегодняшнего» города вводятся археологические сокровища — экспонируемые надежно закрепленные руины того, чем начиналась архитектура Киевской Руси,

Площадь Славы в Киеве
(Парк Славы, Дворец пио-
неров, гостиница «Салют»).

Парк Славы
Архитекторы А. Милецкий,
В. Бакланов, Л. Новиков

Общий вид

Фото с макета

да и вся городская культура восточных славян. Речь идет о культурных ценностях мирового значения, в обращении с которыми нужны такт, понимание ответственности и высокая компетентность.

Сердцевина ансамбля — Старо-киевская гора и то, что было городом Владимира. Здесь раскрывается пластика земли, намечаются видовые точки, позволяющие охватить взглядом ландшафт, определявший структуру древнего города. Уже проложенная по линии укреплений X—XIII вв. ландшафтная аллея направляет маршрут осмотра и организует восприятие. Она подводит к раскрытым раскопкам руинам, где только подлинная старина: муляжи и доделки исключены. Для найденных археологами деталей и макетов-реконструкций, показывающих, каким было целое, отводятся подземные залы. Задача архитектора здесь — не в самовыражении, а в том, чтобы очистить от случайных наслоений культурные ценности среды, сделать их доступными восприятию и организовать это восприятие.

На склоне предполагалось разместить здание Института археологии АН УССР, в прямом контакте с его главным объектом исследования. В проекте — это не самоценный объект, а здание-галерея, поднятое над землей на редко расположенных опорах, защищающих склон от оползней. Сооружение это — не «объект в среде», противостоящий окружению как фону, а часть среды, обрамление подлинной почвы истории.

В настоящее время авторы приступили к разработке проекта на другом участке в районе Львовской площади, где намечен прорыв в застройке верхнего города на пространство комплекса и Заднепровье.

Урочища, которые возрождаются как музей градостроительства XIX в. и народных ремесел, покажут другой пласт истории Киева. Здесь возрождается непритязательный и естественный характер «обывательской» застройки прошлого века, характерной для этого времени городской ткани. Она не просто реставрируется, но полу-

Гостиница «Салют», 1984.
Архитекторы А. Милецкий,
Н. Слогоцкая, В. Шевченко

чает соответствующее жизненное наполнение, выявляются ее скрытые культурные смыслы, ее забытая история. Прорывы этой ткани предполагается заполнить, возрождая ее былую непрерывность, но не стилизациями под старое. Должна как бы вновь наращиваться средовая ткань, строго подчиненная условиям контекста, но продолжающая его «четвертое измерение». Вряд ли что-либо иное здесь возможно.

Метод регенерации урочищ опирается на успешный опыт обновления Андреевского спуска (1982), который естественно вошел в город и стал его достопримечательностью, его историей и стержнем нового центра сегодняшней культурной жизни. Комплекс предусмот-

рено дополнить новыми функциями, продолжая реконструкцию, отложенную на вторую очередь. На программу этой дальнейшей работы был проведен конкурс, подтвердивший мастерство бригады Милецкого.

Проблемы среды — стержневые в творчестве Милецкого. Решаются они в длительном и постепенном развитии. Поэтому каноническая схема творческой биографии, подчиненная хронологии появления объектов, к Милецкому практически неприменима. Стоит, однако, вспомнить и объекты, на которых оттачивалось мастерство, вырабатывались новые грани средового мышления.

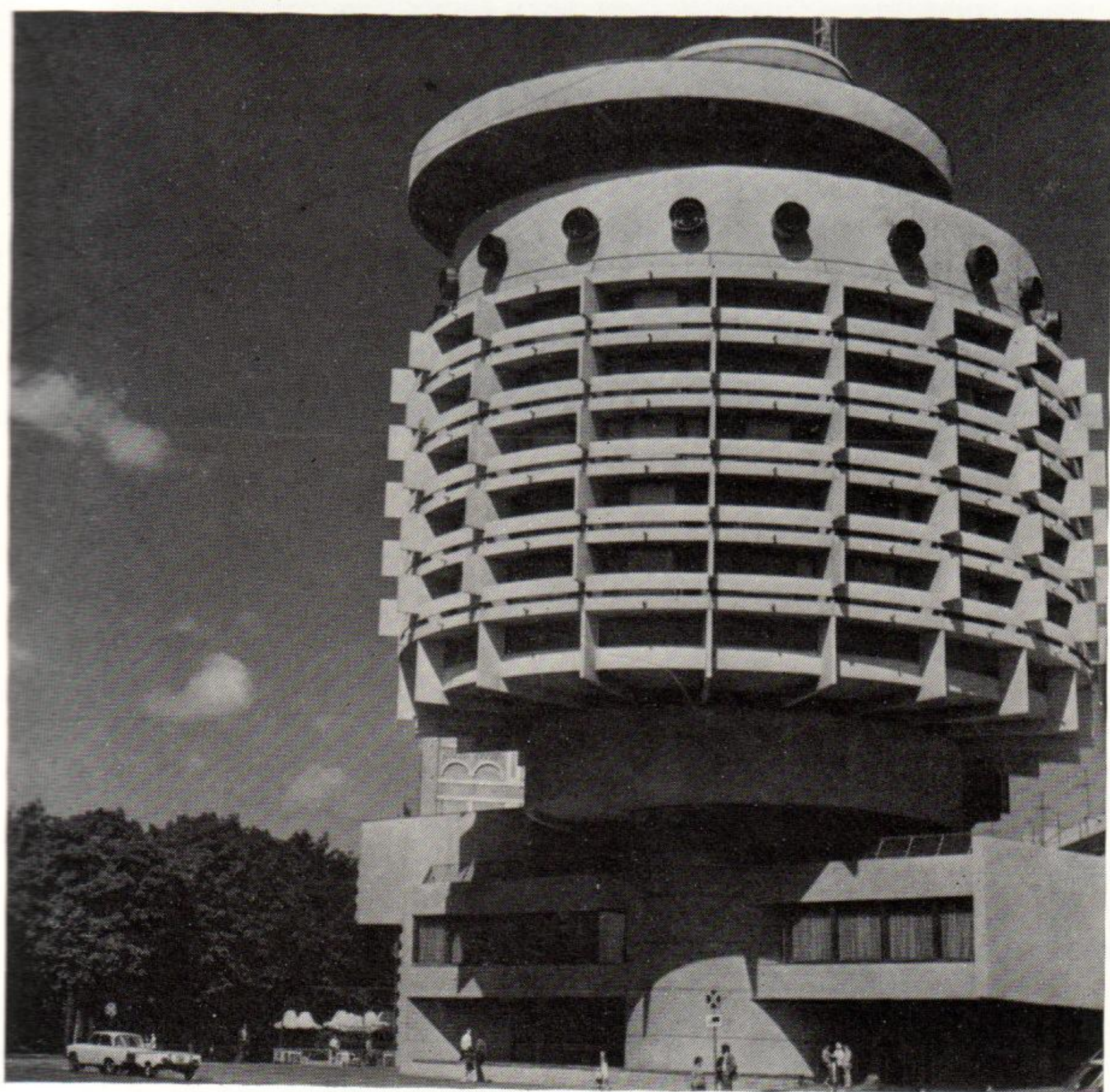
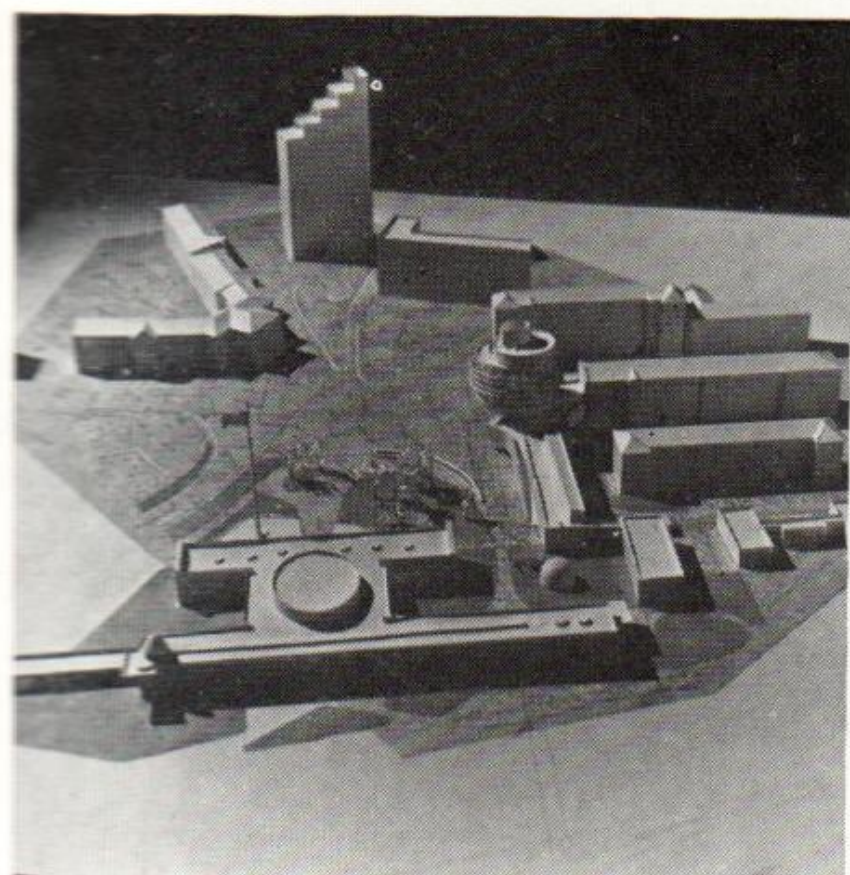
Первой осуществленной работой стал памятник в Торгау, ГДР (1945 г.),

Генплан Дворца пионеров (первый вариант, выполненный на основе конкурса 1958 г. Первая премия. Архитекторы А. Милецкий,

И. Мельник, В. Бакланов, Э. Бильский) Проект предусматривал сохранение памятника архитектуры — б. трапез-

ной Военно-Никольского собора и ее использование для пионерского музея истории Киева Фото с макета

на месте встречи советской и американской армий на заключительном этапе Великой Отечественной войны. Сам по себе монумент вписывается в общий стиль подобных сооружений военных лет. Но уже здесь мысль архитектора не ограничена пределами объекта — постановка монумента на мысе речного берега увязана со сложным силуэтом

вздымающегося над ним замка. Образ возникает в активном сопоставлении с ландшафтом. Для отработки мастерства многие дали непретенциозные, тонко детализированные постройки на автомобильной дороге Киев — Харьков — Ростов (1952 г., совместно с архитектором Н. Шилов). Для 70-х годов характерно здание Министерства дорожного строительства СССР в Киеве (1976 г., архитекторы А. Милецкий, Д. Чужий, Н. Слогодская), вписанное в плотную ткань внешней зоны центрального ядра Киева. Каждая часть композиции характерна по очертаниям, продиктованным назначением и ролью в системе среды, ее ориентиров. Резкость контрастных сопоставлений высотного корпуса и распластанных объемов, продолженных пандусами и галереями, отличает здания линейно-дорожного эксплуатационного узла в Киеве (1985 г., архитекторы А. Милецкий, Д. Чужий). Решительность крупно очерченных форм здесь определена местом — среди обширного открытого пространства, у крупной многоуровневой развязки магистралей.

Образ среды для Милецкого — всегда интегрирующее начало, позволяющее привести к единству функцию, конструкцию, форму. Среда всегда конкретна. Поэтому у его работ нет архитектурных прототипов; их композиционные идеи всегда первичны. Его кредо — руководствоваться только неповторимостью места.

А. Иконников

●
Парк Памяти (мемориально-погребальный комплекс Киевского крематория). 1968—1978 гг. Стройка не завершена. Авторы А. Милецкий, А. Рыбачук, В. Мельниченко; инженер В. Коваль

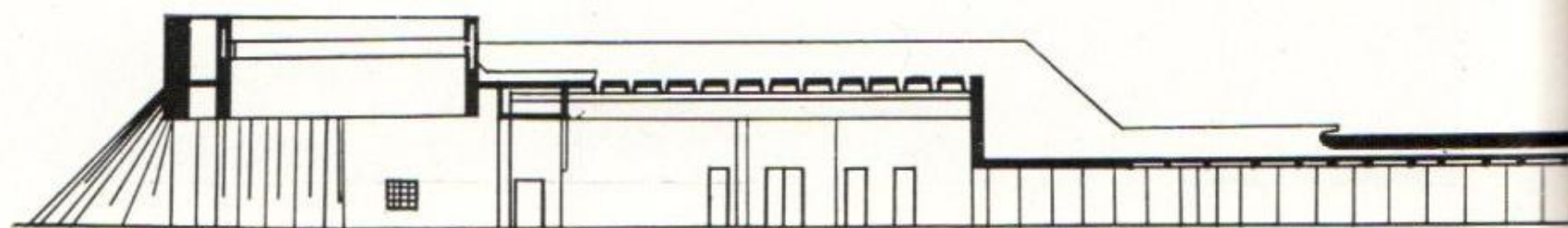
Общий вид

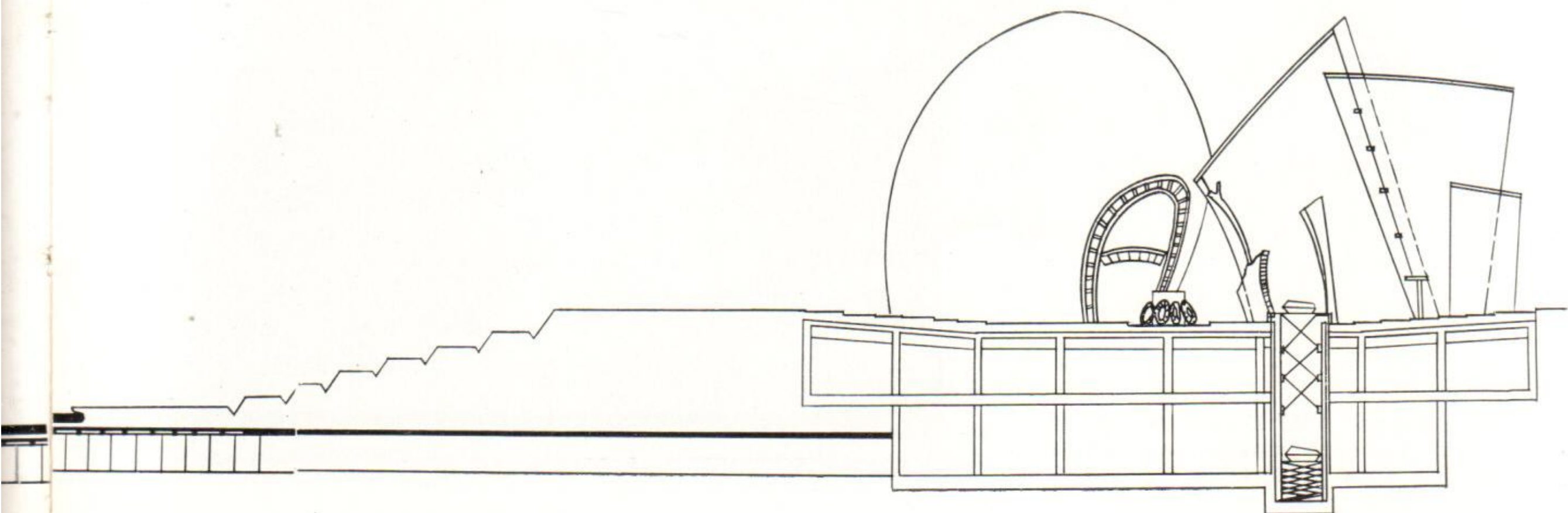
Фрагмент комплекса

Фрагмент ритуальных залов

Вводные порталы

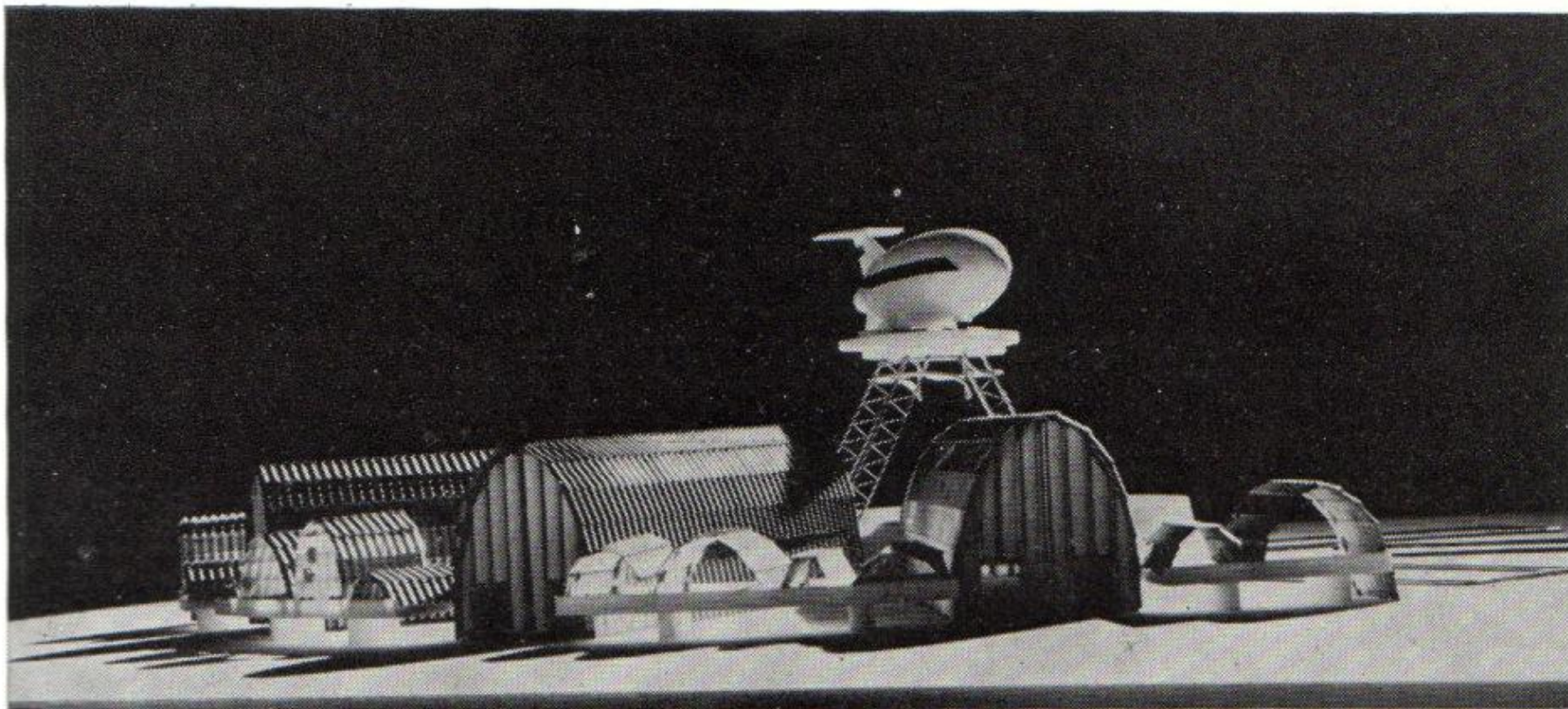
Разрез

Аэростатический комплекс с взлетно-посадочными устройствами (к предложению по подвижному градостроительству архи-

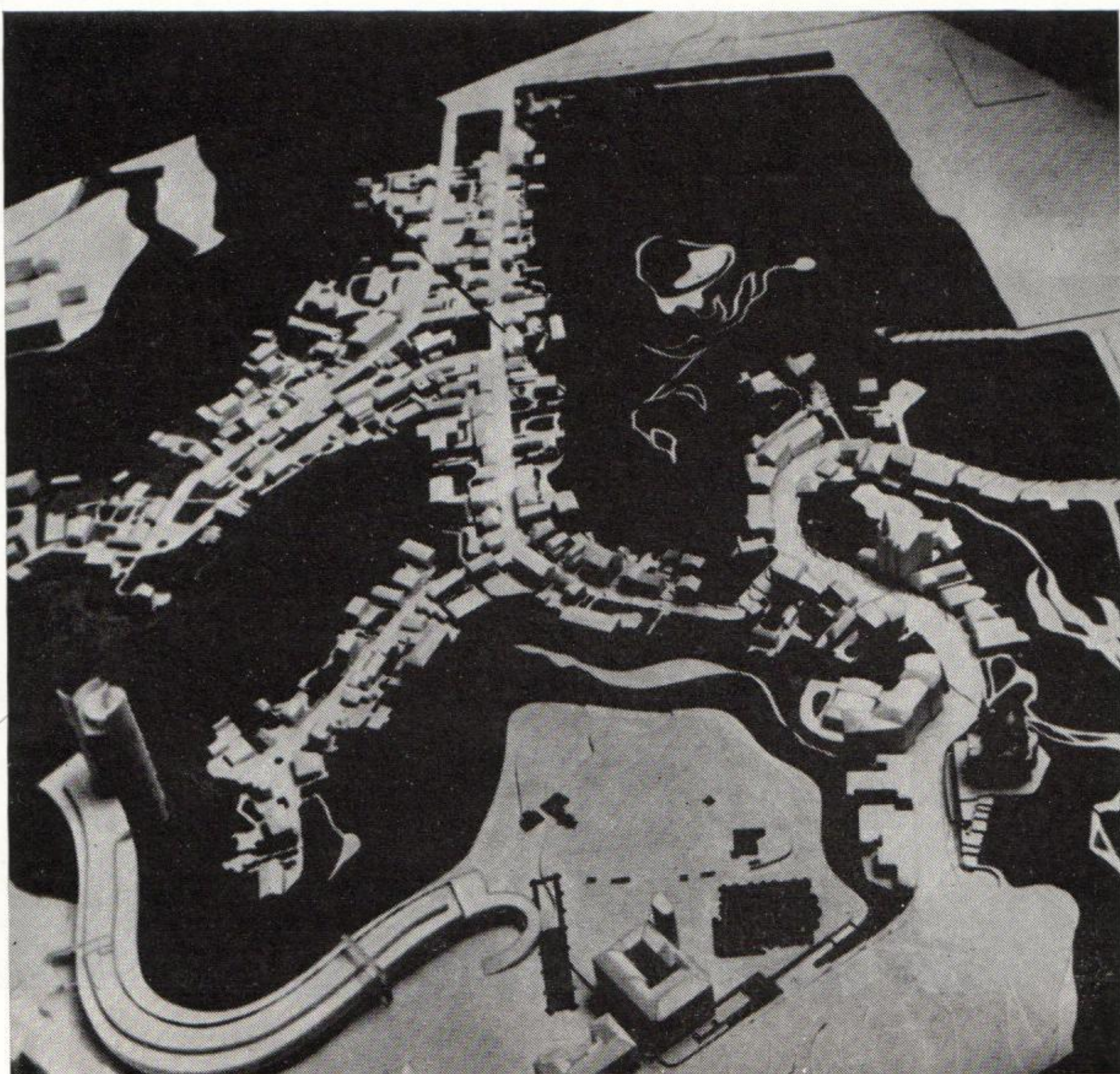
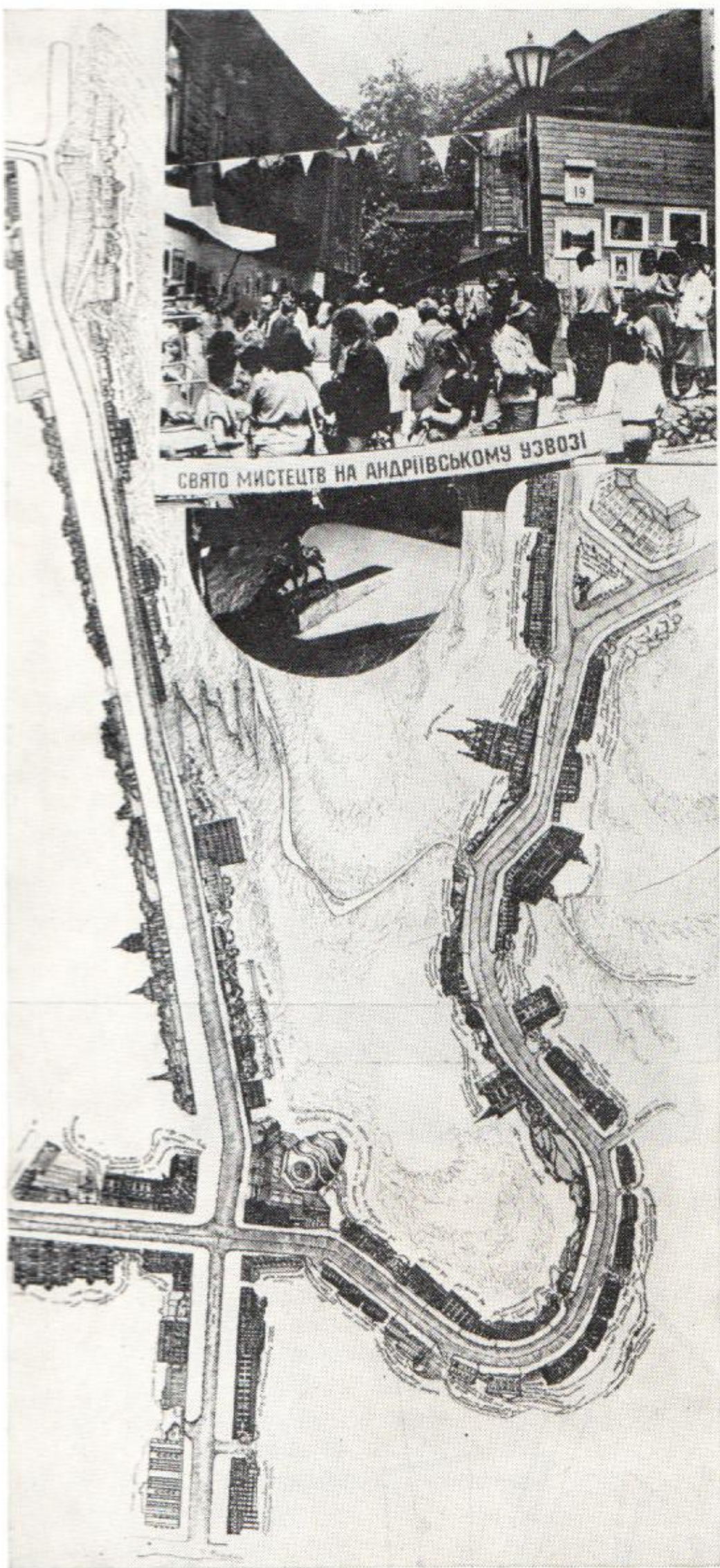
тектора А. Милецкого). Архитекторы А. Милецкий, Я. Виг; инженеры А. Прицкер, А. Печенов

Историко-археологический и архитектурный комплекс парк-музей «Древний Киев». Архитекторы А. Милецкий при научной консультации ученых: архитектора Н. Холостенко и историков П. Толочко и М. Брайчевского.

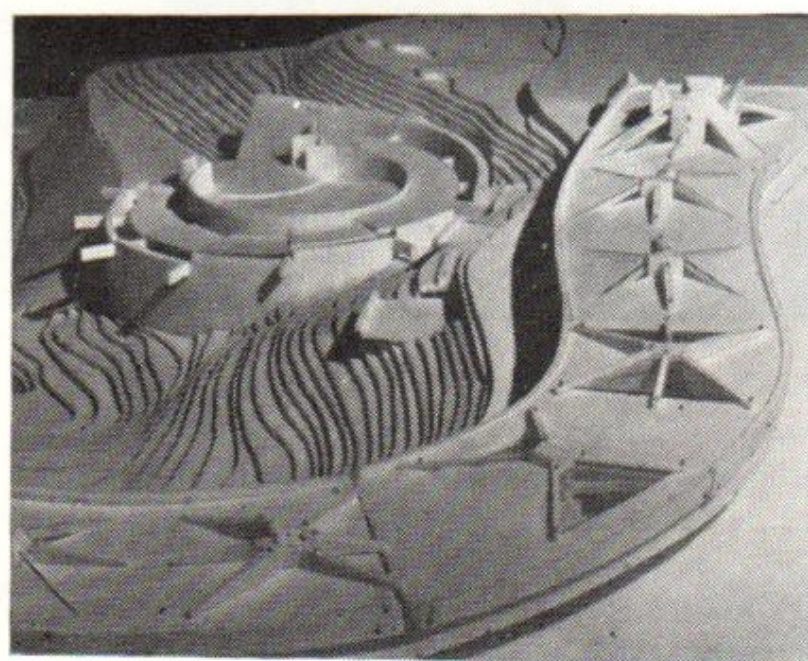
Варианты макета генплана.

Театр на Андреевском спуске
Андреевский спуск 20. В доме, принадлежавшем в XIX — начале XX века общественному деятелю и ювелиру Ивану Шatroву, находился домашний театр и иконописная мастерская. На снимке — спектакль «Театр на Подоле»

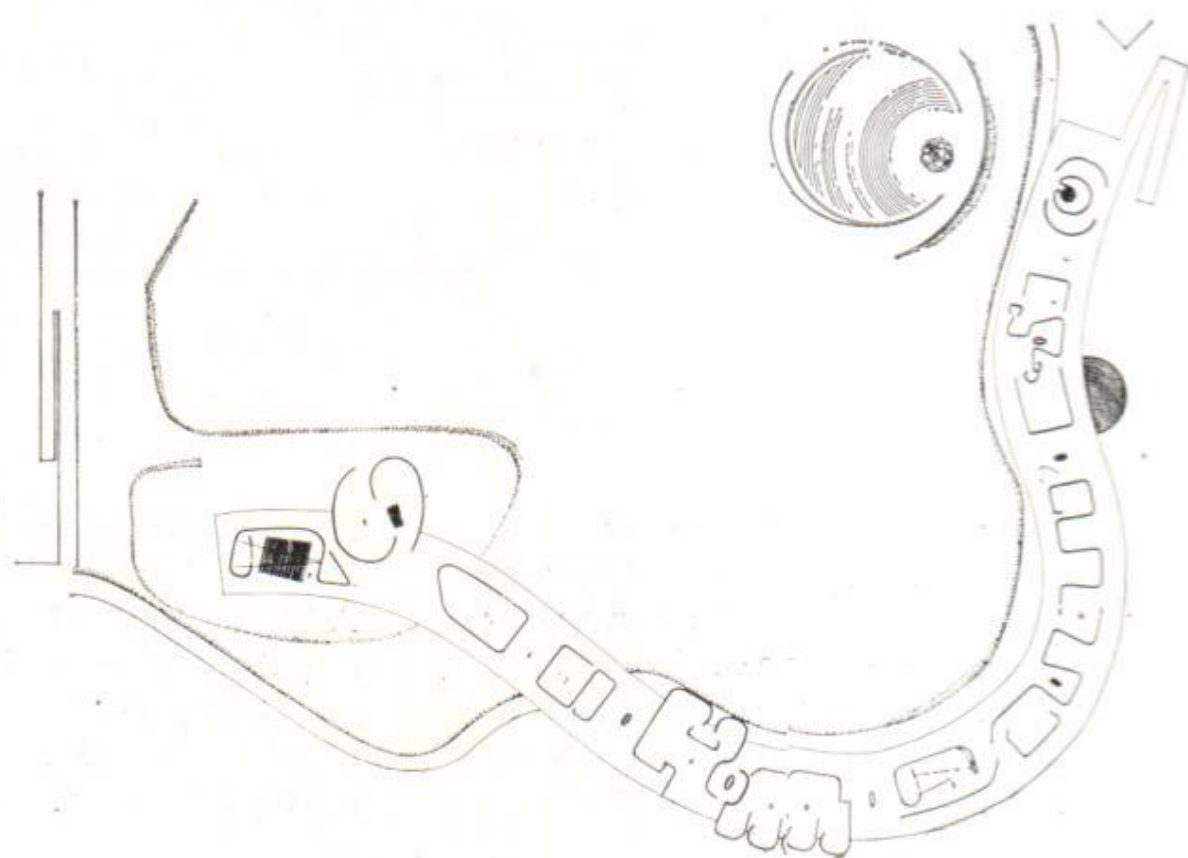

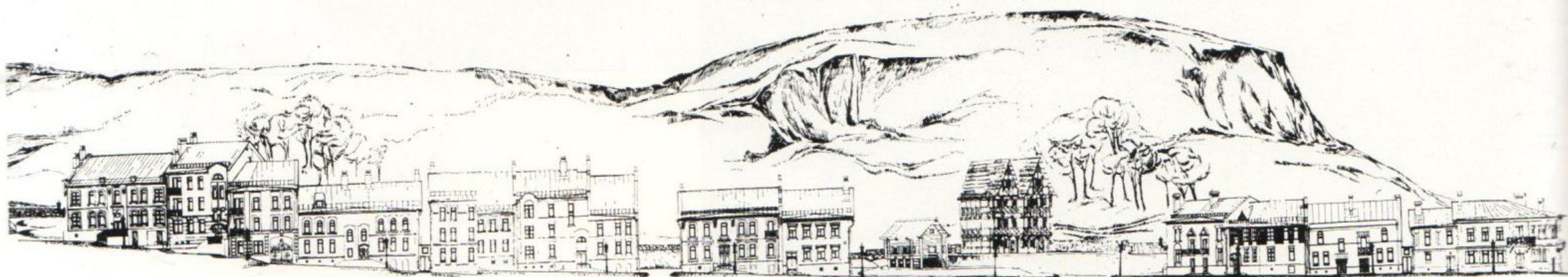
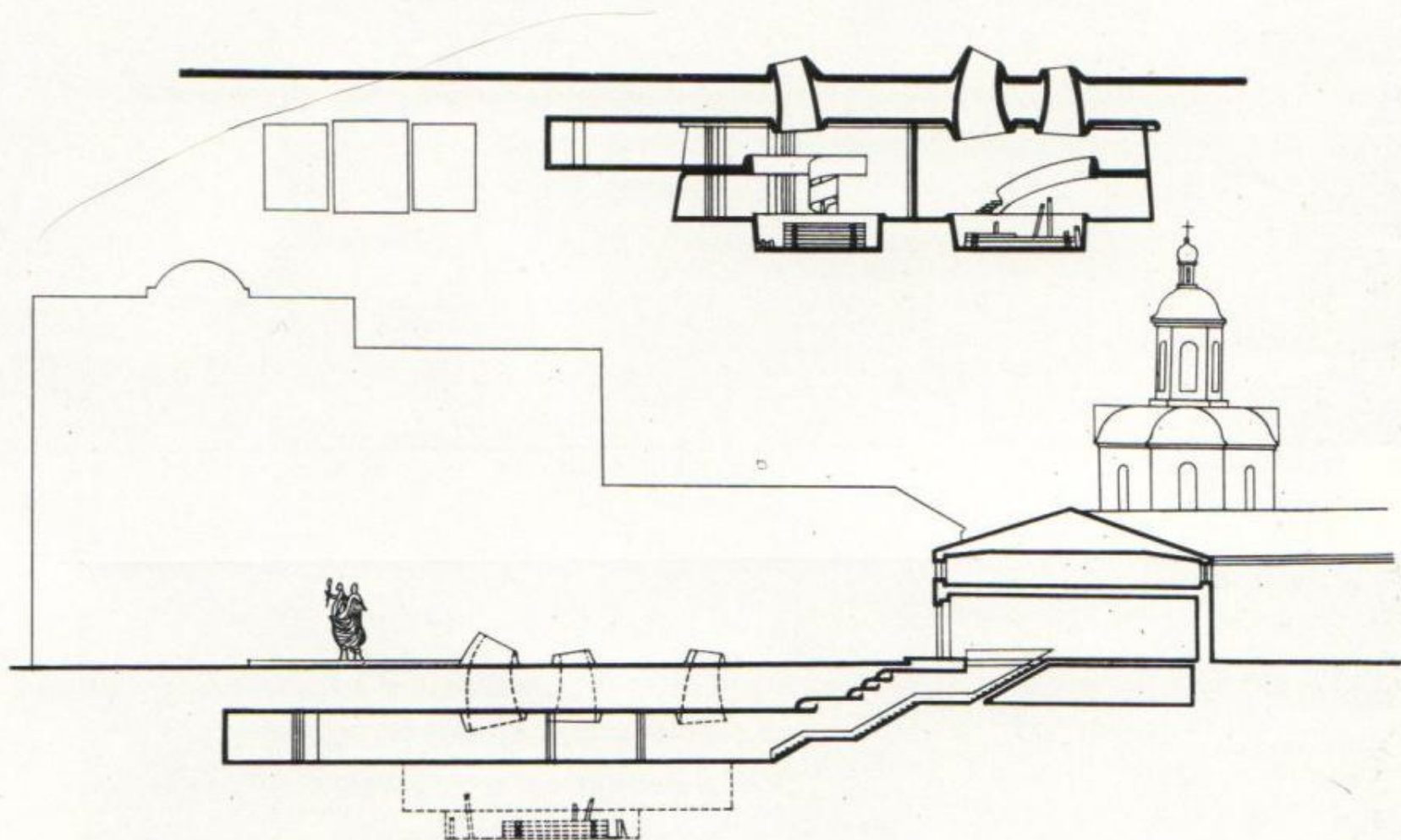
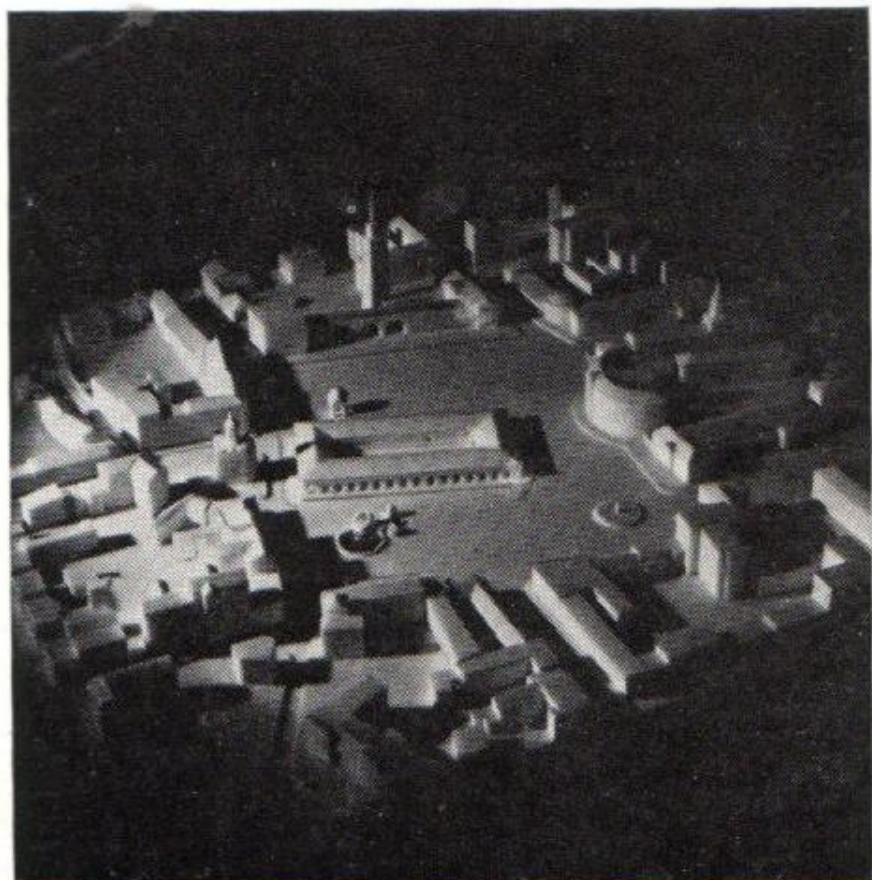
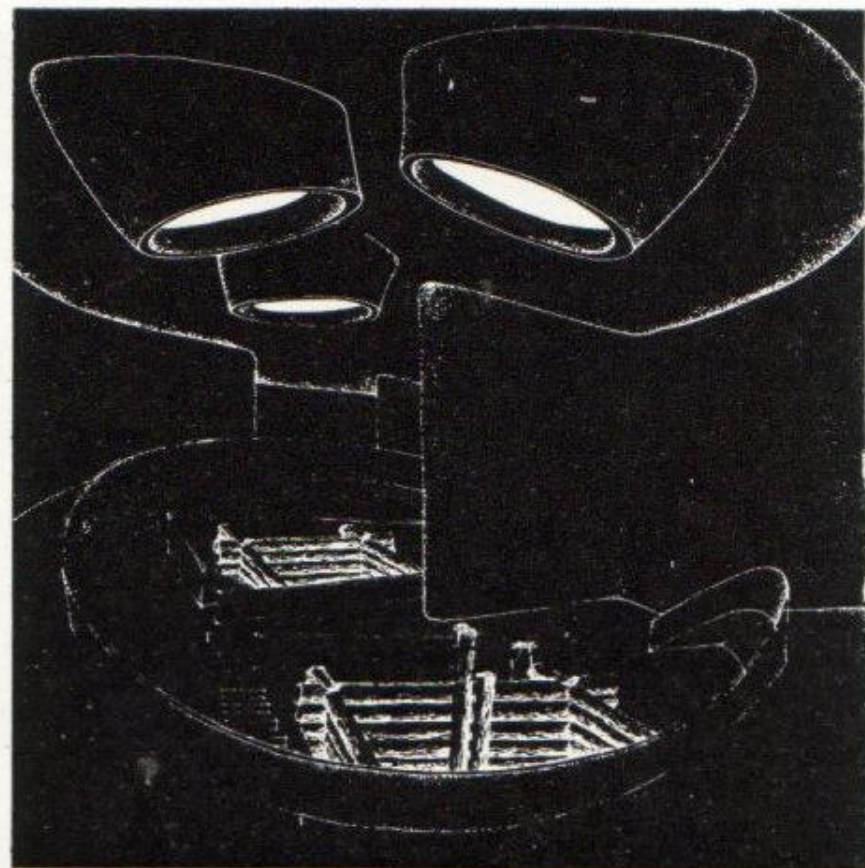
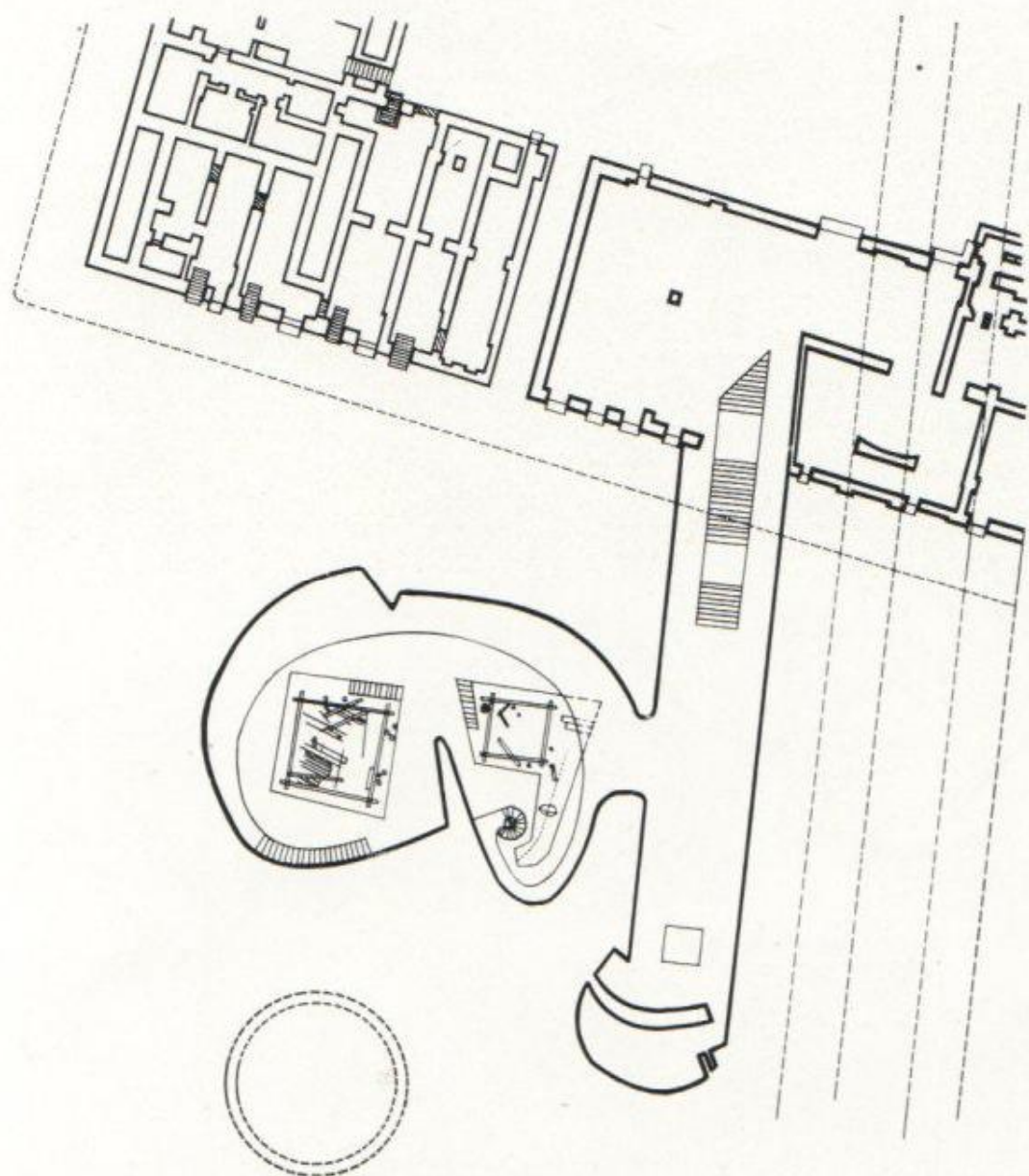
Конкурсная программа на 1987 г. Первая премия. окончание реконструкции Андреевского спуска. Киев, Д. Воронов и другие

● Институт археологии
 АН УССР. Архитекторы
 А. Милецкий, А. Зорин,
 В. Розенберг. 1969—1971 гг.
 План

Историко-археологический и архитектурный комплекс Красной площади с подземным музеем. 1972 г. Строительство организовано в связи с уникальными находками археологов

городских усадеб X—XII вв. Авторы А. Милецкий, Н. Холостенко, А. Рыбачук, В. Мельниченко, Н. Слогодкая, И. Масленков при научной консультации П. Толочко

Макет площади
Интерьер подземного музея
Разрез подземного музея
План

Фрагмент застройки Гончарной улицы

Трудно поверить в то, что Аврааму Моисеевичу Милецкому — семьдесят. Ведь он такой же молодой, энергичный и стройный, как и сорок лет назад. Прошагав дорогами войны до Кавказа и от него до Германии, инженер-капитан Милецкий вернулся в Киев и, наконец, занялся своим кровным делом — архитектурой, от которого его оторвала война. Правда, в его военной биографии был сугубо «архитектурный» эпизод — вместе с немецкими мастерами он соорудил в Торгау на Эльбе памятник в честь встречи советских и американских войск.

Чем привлекательна, чем значительна личность Милецкого?

Он — тонкая художественная натура, остро чувствующая правду архитектуры, правду искусства. Исключительно скромный: имея четкую позицию по любой проблеме архитектурного творчества, он мало выступает, еще меньше печатается.

Архитектурное творчество Милецкого отражает неукротимое стремление к небанальным решениям, поэтому каждое его произведение — событие, оно никого не оставляет равнодушным.

Будучи романтиком по складу характера, Милецкий в своем творчестве — реалист. Если он предлагает нечто необычное, то, во-первых, оно не надуманно, нетипично, и, во-вторых, Милецкий не жалеет времени и сил, чтобы зажечь строителей, сделать их соратниками и заинтересовать в лучшем исполнении теперь уже их общего произведения. Так было при строительстве сооружений одной из первых автомагистралей Киев—Харьков—Ростов, мемориала в Ново-Петровцах, парка Вечной Славы, Дворца пионеров и школьников в Киеве и других объектов.

Думаю, закономерно, что в последние 20 лет Милецкий увлекся историей родного города. В итоге появились проекты парка-музея «Древний Киев» с историко-архитектурным комплексом на Подоле; обновился Андреевский спуск, ставший местом паломничества киевлян и приезжих; «выросла» Пейзажная аллея, с которой можно любоваться запоем ландшафтом столицы Киевской Руси и синими далями Заднепровья...

Случались у Милецкого увлечения, приводившие к неудачам и трудностям, но у кого их не бывало? Сегодня от всей души пожелаем ему счастливо-долголетия и многих творческих свершений!

В. Дахно

Кого можно назвать мастером архитектуры? Мнений по этому поводу высказывалось много, когорты мастеров либо увеличивается, либо убывает. Ясно одно: мастер — явление, к которому неприменим типологический подход. Это — уникальность творческого пути, стиля мышления, образа жизни. Мастер — прежде всего личность, а личность формируется не только работой, но всей жизнью человека.

Проходя через жизненные ситуации, он строит себя минимум в трех разных пространствах — пространство мышления, пространство оформления замысла в профессиональных средствах выражения; и реализованные постройки. Здесь уже мало быть мыслителем и проектировщиком — нужно вступать в сложные человеческие отношения, здесь нужен организационно-управленческий талант.

Творческая жизнь мастера — сложное движение одновременно по трем траекториям пространства.

Архитектор Милецкий твердо стоит на том, что главное его дело — это постройка. И это след на земле, но у него постоянно звучит мотив неудовлетворенности построенным. Сделано много, но не так, как хотелось бы. Такая оценка идет от внутренней личностной позиции и выводится не по отношению к признанию публики, но по отношению к собственным замыслам и идеям.

Это и есть главный критерий высокого профессионализма — более строгое и требовательное отношение к своему делу, чем какая-либо внешняя оценка.

Интуиция, опыт, размышление, общение с людьми самых разных занятий и уровня подготовки. С годами приходит мудрость, но одновременно растет разрыв между тем, что было задумано, и тем, что может быть реализовано и понято коллегами, критиками, публикой. Это непреодолимая проблема архитектурного творчества.

Милецкий всегда работает с молодежью, учениками и соавторами. Достигая собственной зрелости, они уходят, ибо приобретают у мастера понимание необходимости иметь собственное лицо. Здесь, видимо, требуется существенное дополнение — еще одно, четвертое пространство жизни мастера архитектуры. Здесь происходит трансляция, передача новым поколениям того, чему научила жизнь.

В одной из бесед я задал Аврааму Моисеевичу глупейший, как сейчас понимаю, вопрос: — Авраам Моисеевич, Вам 70 лет, основная часть жизни уже позади. Сколько-то лет еще осталось, но, наверное, больших изменений они не принесут? И получил полное достоинства и оптимизма возражение: «А я на них только и надеюсь, только на эти изменения. Без них все остальное бессмысленно. Сделать-то мне практически ничего не удалось».

Возраст архитектора определяется не его физическим, но творческим состоянием. «У меня сейчас огромное желание подгонять время, хотя я и знаю, что его впереди не слишком много».

Раньше этого не было. Была работа, было желание построить. Сейчас нужна такая постройка, о которой можно было бы говорить — вот это и есть то, что хотелось видеть...»

А. Зинченко

С Авой Милецким я познакомился в 1958 г. в Киеве, куда привез на утверждение проект Ялтинского автовокзала. Ава был приглашен в качестве эксперта этого проекта и потому, естественно, я волновался в ожидании этой встречи. А знакомство это оказалось большей удачей в моей жизни, так как мне привелось узнать человека с редким сочетанием таких качеств, как доброжелательность и высокий профессионализм.

В то время я был еще молодым специалистом и эти его свойства помогли мне и моим соавторам воплотить нашу идею в жизнь, а его доброе и чуткое к нам отношение запомнилось навсегда. С тех пор началась наша профессиональная и человеческая дружба.

Его инициатива и умение принимать правильные творческие решения, способность бесконечно увлекаться своим делом и увлекать им своих коллег и даже строителей — людей, осуществляющих его замыслы, делают его объекты индивидуальными, отличающимися разумностью решения и качеством исполнения. Достаточно вспомнить Дворец пионеров, парк Славы, гостиницу Госплана УССР в Киеве и многие другие.

Аве Милецкому исполняется 70 лет. Но его умение по-детски восхищаться и радоваться всему прекрасному навсегда сохранит его молодым.

Так пожелаем ему доброго здоровья и новых творческих побед.

Г. Чахава

А. Милецкий построил не так много зданий. По-моему, он и не стремится к этому множеству, потому как знает, что с каждым из них надо честно и до конца прожить совместную нелегкую частичку жизни.

Для архитектора, который чувствует профессию до конца, живет ее чувствами и надеждами, иного закона создания произведения просто не существует.

Совместно прожитая жизнь...

А. Милецкий является одним из первых в стране лауреатов вновь возрожденной в шестидесятые годы Государственной премии СССР.

Получив ее за архитектуру здания Киевского Дворца пионеров и школьников почти тридцать лет назад, он, по-моему, до настоящего времени продолжает еще буквально выращивать, «воспитывать» это, да и не только это свое детище.

С доброй завистью и восхищением наблюдал я, с какой трепетностью он совсем недавно вносил дополнительные штрихи времени в содержание одной из самых ранних своих работ — памятника освобождению Киева.

И так всю жизнь. Со всеми своими созданиями, с архитектурой. Отождествление высокой профессиональной культуры в зодчестве только с понятием монументальности видимо очень упрощает и обедняет смысл и назначение архитектуры.

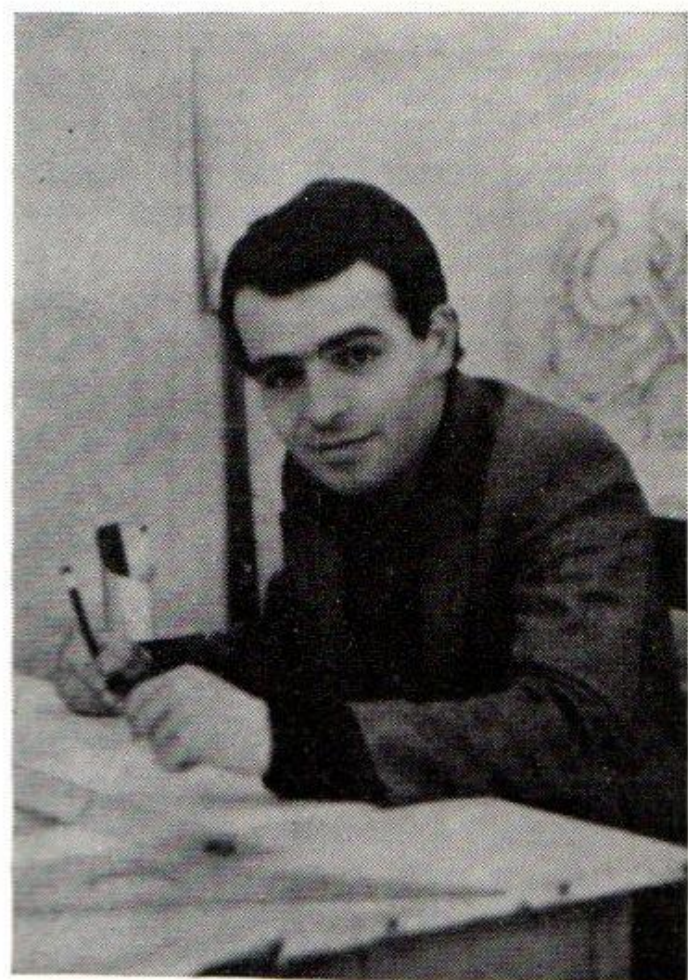
Без глубокого таинства природы своего явления, без всесторонней интеллектуальной наполненности процесса творчества, наверное, архитектура не может состояться как искусство.

Не стилем, не формой, а именно наполненностью я объясняю обаяние искусства замечательного нашего зодчего А. Милецкого.

А. Ахмедов,
народный архитектор СССР

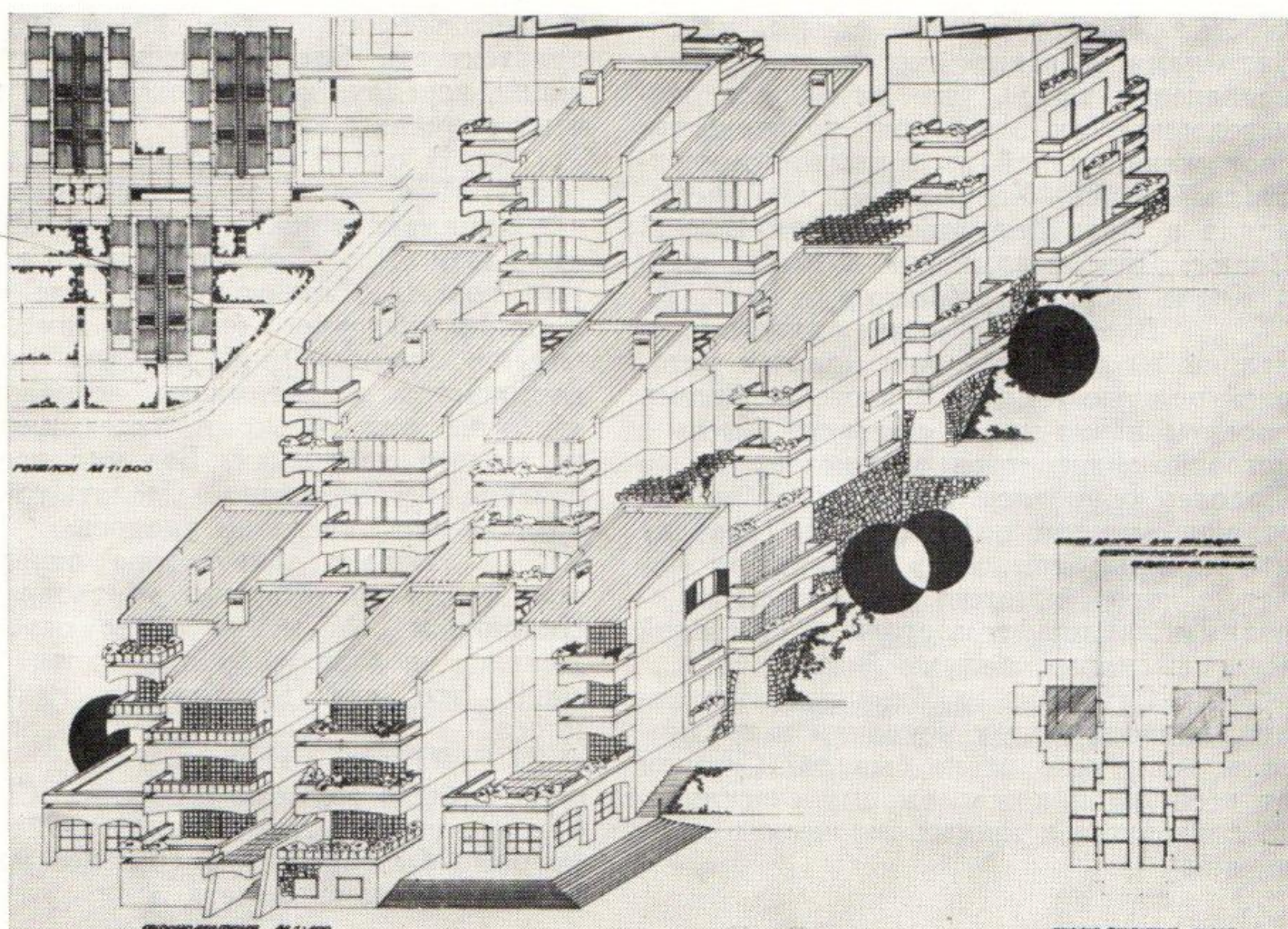
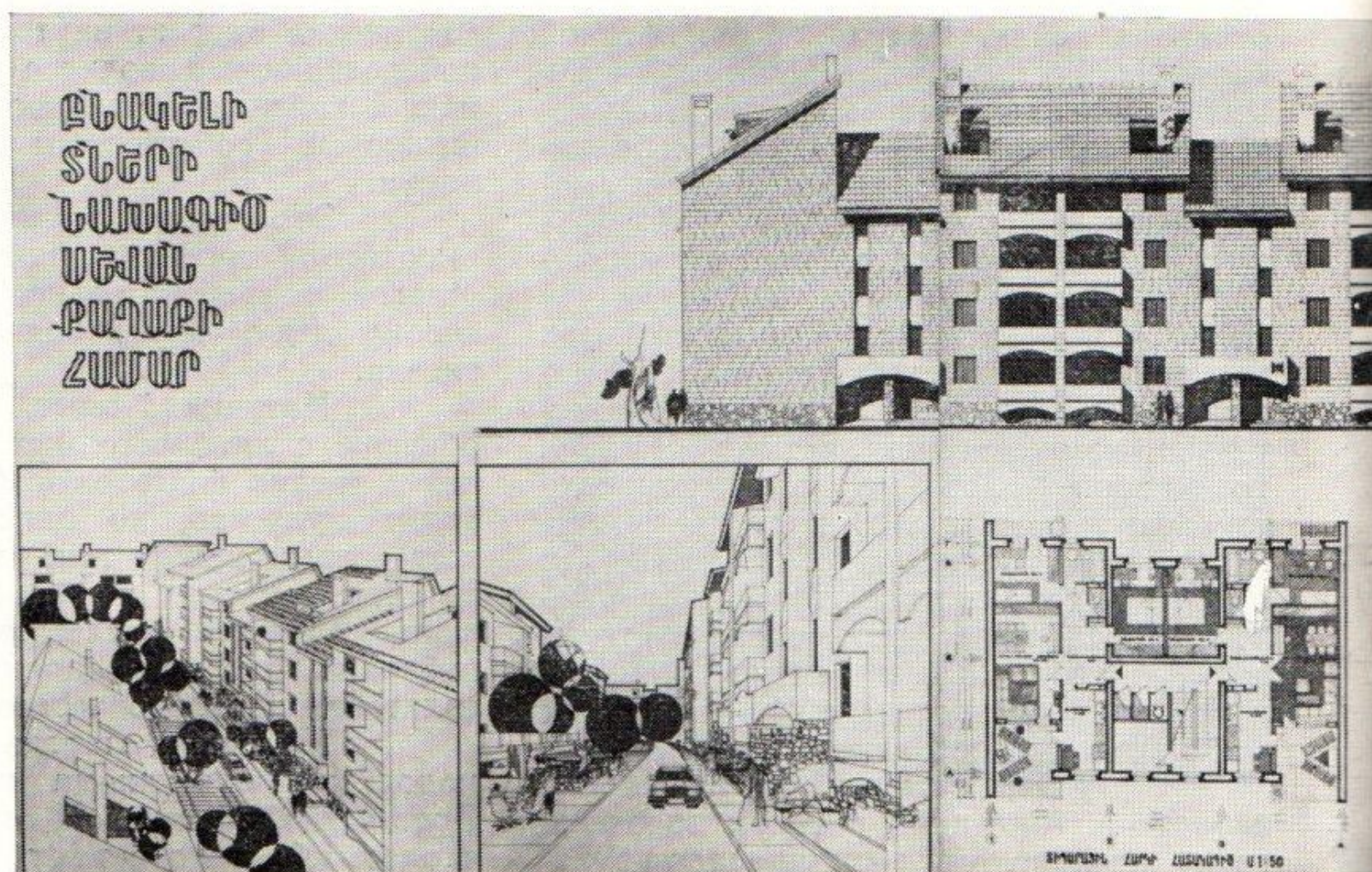
МОЛОДЫЕ АРХИТЕКТОРЫ АРМЕНИИ

Рубен ГРИГОРЯН

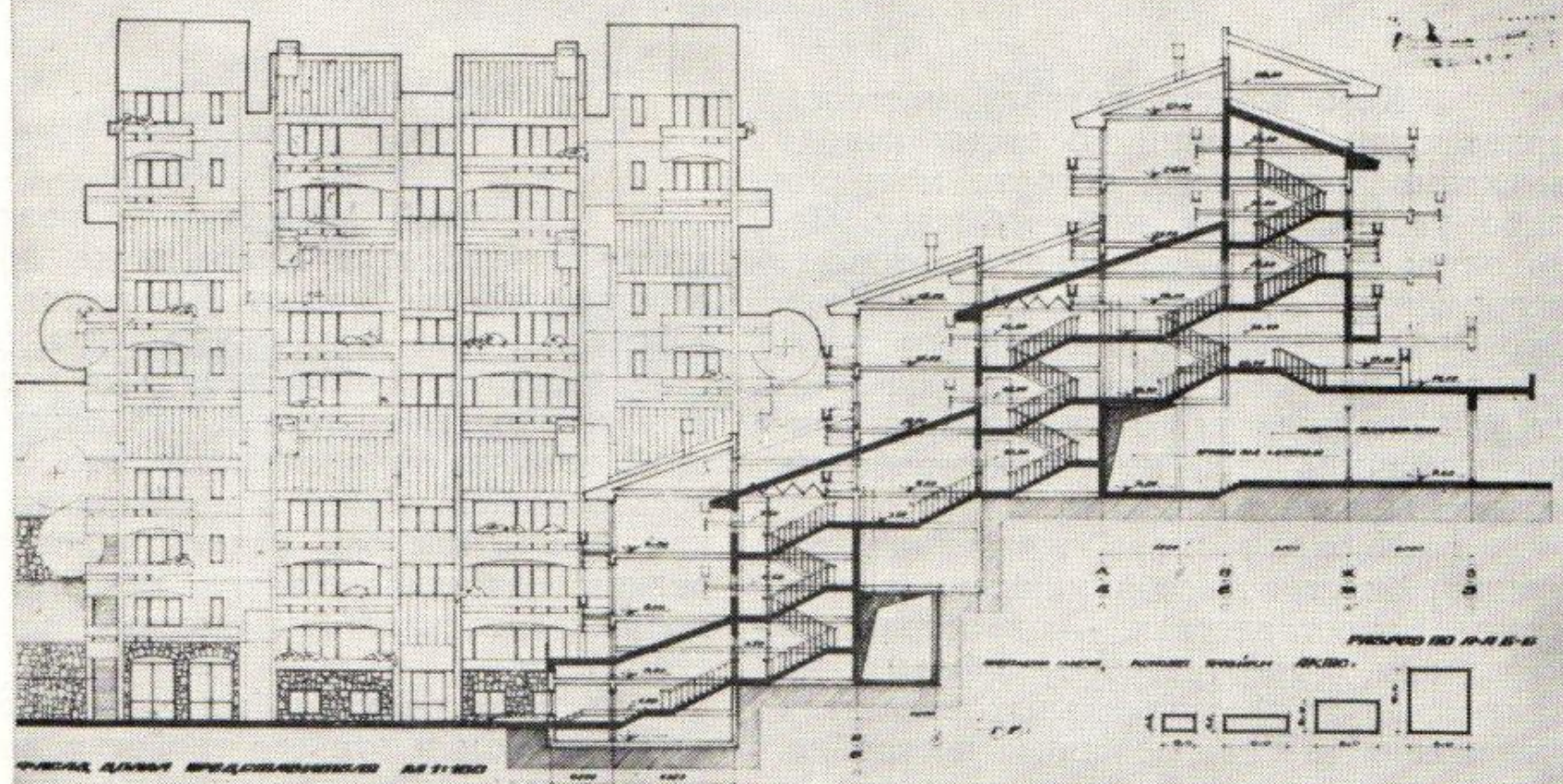

Подготовка публикации, посвященной творчеству молодых архитекторов Армении, имела одну сложность — выбор «действующих лиц». Несмотря на то, что сюжет по существу был predetermined результатом работы I смотра-конкурса молодых архитекторов Армении, чувство некоторой ограниченности обзора присутствовало в начале работы. Собственно, вопрос заключался в том, можно ли сделать некоторые обобщения, считая, что четыре творческих портрета лауреатов конкурса отражают основные грани профессиональной деятельности молодых архитекторов Армении? Ведь только членов СА, входящих в «клан» молодых (до 35 лет), в Армении 114 человек. А на смотре, куда доступ практически был свободен, выставился только 21 архитектор. Но еще много молодых архитекторов, активно и интересно начавших работу, но пока не вступивших в Союз. Тогда почему так мало участников? Условия конкурса были вполне «гуманные»: требовались несложные фотопланшеты. Главное — архитектура. Хотя, нужно признать, что сделать в своем же институте фото с макета или с подрамника — дело не простое. И вообще не понятна стандартизация демонстрационного материала — 50×50 или метр на метр. Неужели нельзя выставить то, что есть? Ведь все и так застандартизовано. Но все же это только повод, чтобы не делать. А главная причина в какой-то творческой бескровности, выраженной в отсутствии самостоятельных работ и, что еще важнее, самостоятельного взгляда на архитектуру. Неумение и нежелание переплелись...

Творческий интерес смотра, по моему, заключается именно в определении нового, самостоятельного, обещающего. Вот почему predeterminedность сюжета, ограничивающего поиск, придавала работе момент некоторой скованности. И все же, имея только четыре портрета, не хотелось целиком исключить возможность некоторых обобщений. А потому, ход построения текста таков: сначала «портреты», отдельные работы, затем — несколько общих соображений.

КОНКУРСНЫЙ ПРОЕКТ ЖИЛОГО ДОМА НА СЛОЖНОМ РЕЛЬЕФЕ

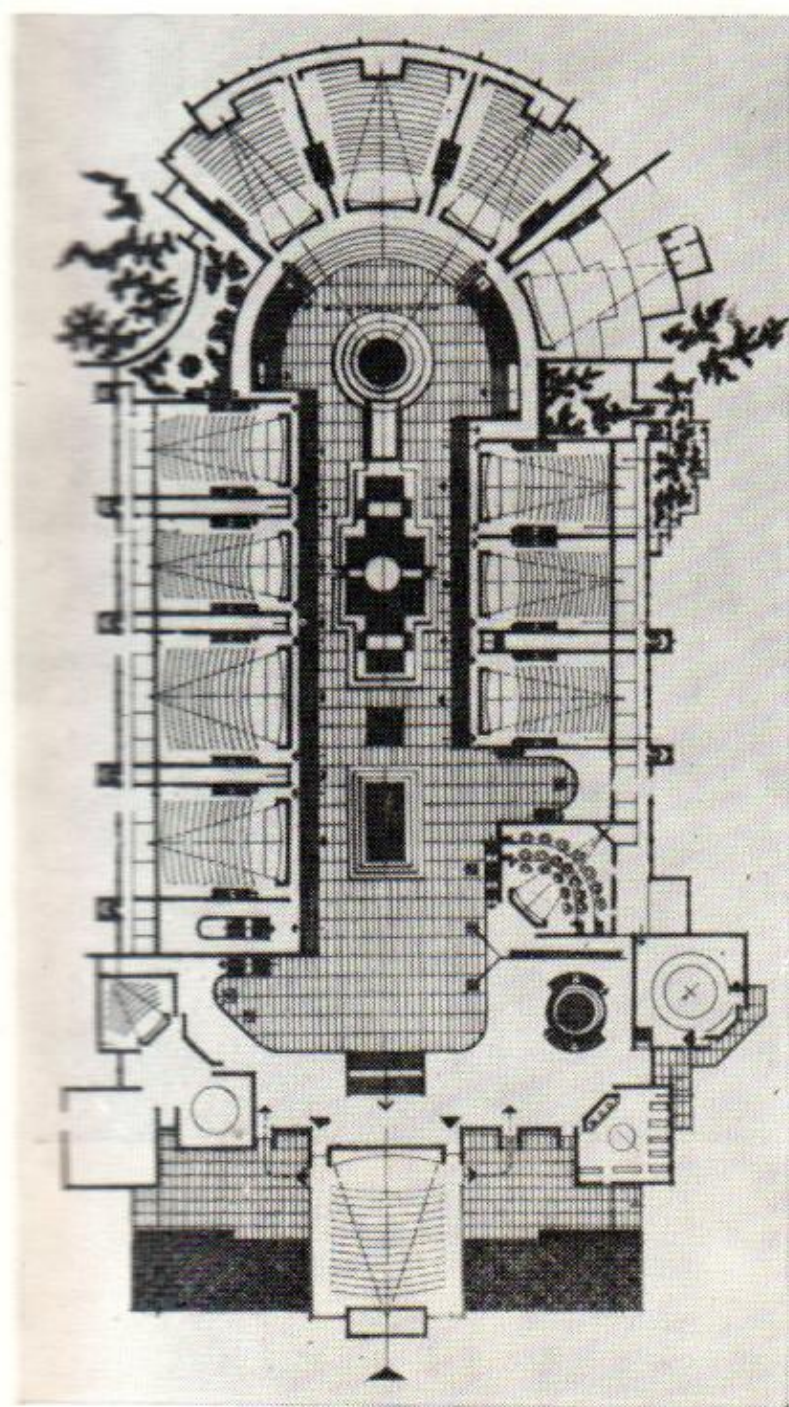
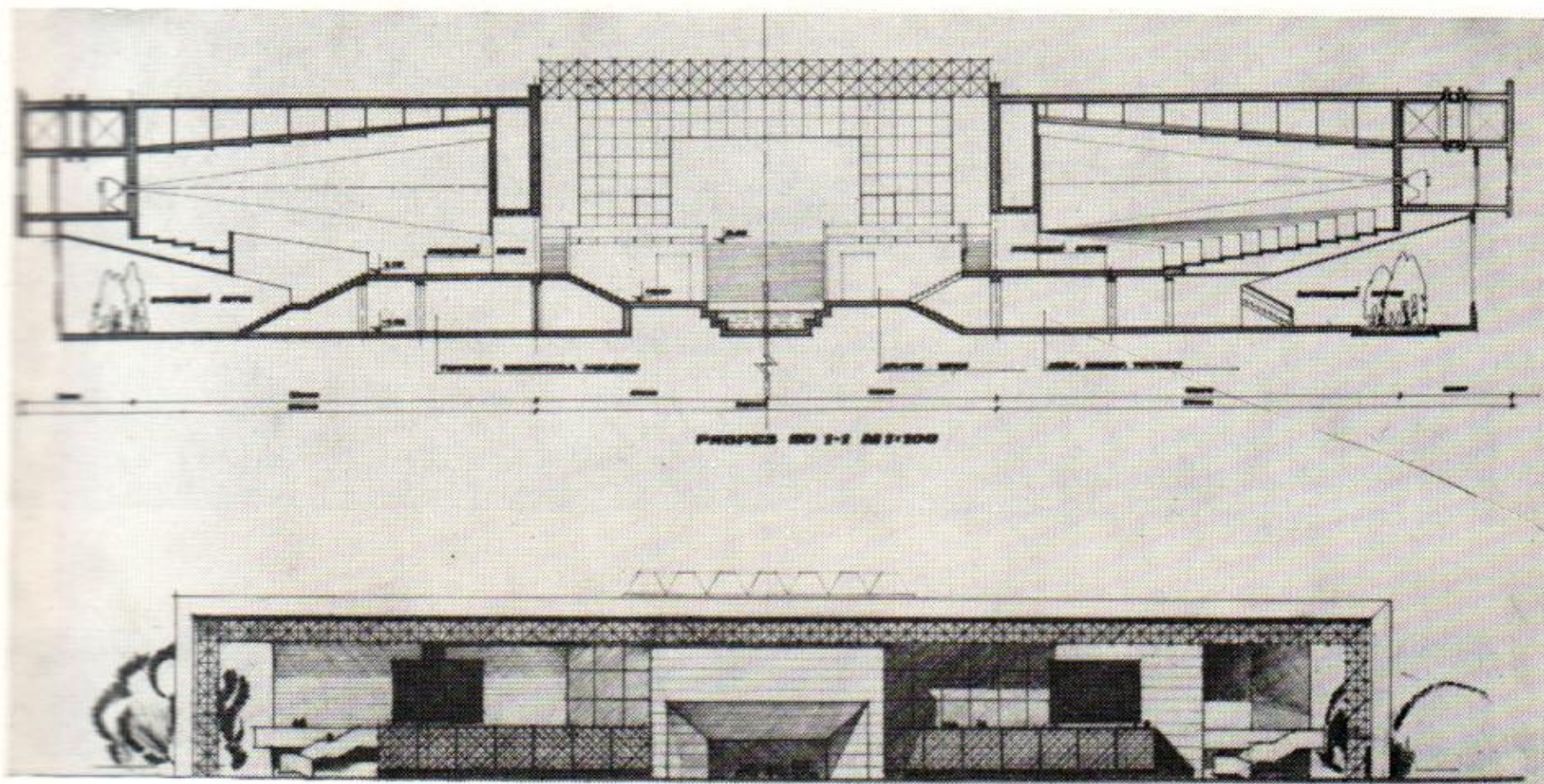
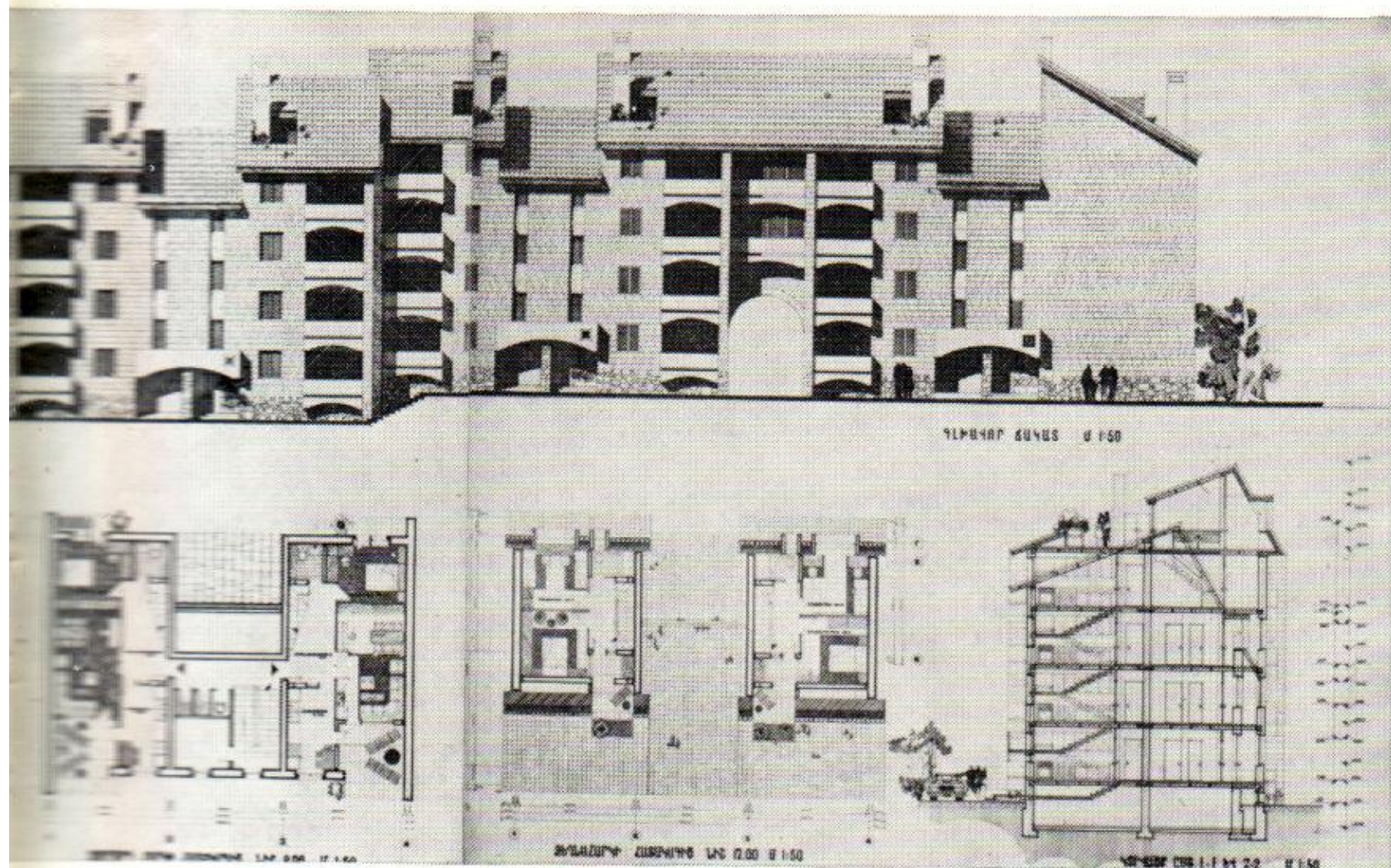

Жилой дом на сложном рельефе. Всесоюзный

конкурс, III премия, 1986 г., автор Р. Григорян

4-этажные жилые дома
в г. Севане, 1984 г.,
авторы А. Мкртчян,
Р. Григорян, Г. Петросян,
А. Меликян, Х. Басмаджян

Перспективный кинотеатр.
Всесоюзный конкурс,
III премия, 1986 г. авторы
Р. Григорян, Г. Петросян,
А. Мкртчян, К. Хуршудян

Четверо получили три диплома I степени республиканских лауреатов, среди них первым был отмечен Рубен Григорян 1959 г. рождения. Окончил архитектурный факультет ЕрПИ в 1981 г. Работает в мастерской № 6 института Армгоспроект (рук. Г. Погосян).

Основные работы: генплан, ПДП и различные типы жилых домов для г. Севана (в составе авторских групп мастерской); проект водного центра в Ереване (совм. с О. Берберяном). Конкурсные проекты: жилые дома на рельефе, II Всесоюзная премия, 1986 г.; перспективный кинотеатр, III Всесоюзная премия, 1986 г. (совм. с Г. Петросян); сельский дом, поощрительная республиканская премия, 1986 г. (в составе авторского коллектива); жилище будущего, Международный конкурс ЮНЕСКО, 1985 г. (в составе авторского коллектива).

Творчество Рубена Григоряна, впрочем как и остальных «действующих лиц», по продолжительности не выходит за определение начального этапа, когда счет идет не на постройки, а на проекты. Но, несмотря на это, уже можно выделить главную тематику: жилище в неурбанизированных усло-

виях. Пять лет работы последовательно воплощались в разработках генплана и ПДП небольшого города Севан, а также нескольких типов жилых домов для его застройки. В отношении творческого роста подобная специализация, несомненно, продуктивна и полезна, о чем свидетельствуют, выражаясь спортивным языком, высокие результаты на конкурсах. Во всем этом, в первую очередь, следует видеть проявление профессионализма в организации проектирования руководителем мастерской Г. Погосяном. Генплан г. Севана, работы по составлению которого возглавляет Г. Погосян, имеет принципиальное значение для развития северного радиуса ереванской агломерации, начало проектирования которой было положено в 60-е годы, но именно здесь, в г. Севане не получившей развития.

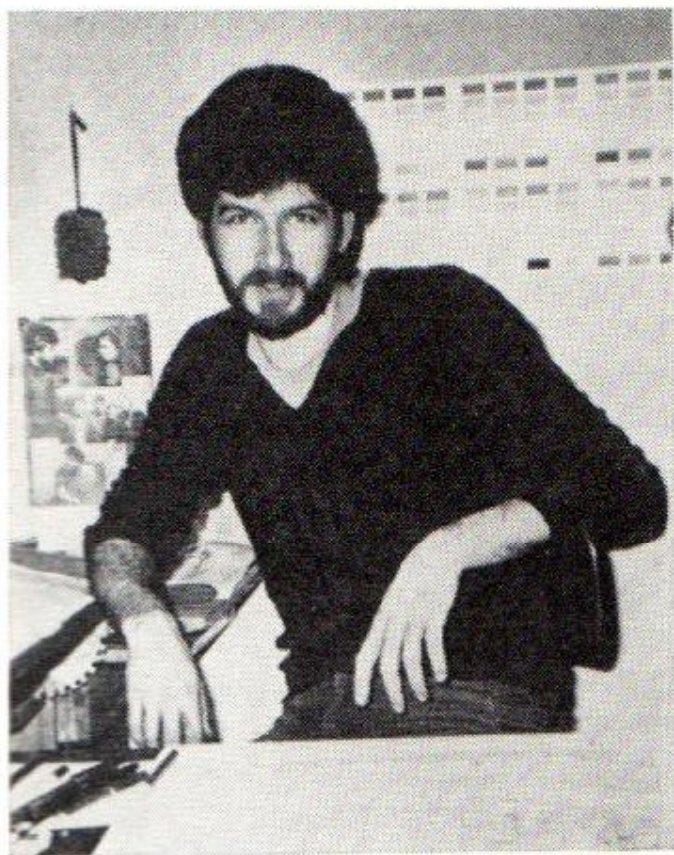
В связи с понижением уровня озера образовавшееся пространство целесообразно заполнить градостроительной структурой, при этом приблизив город к озеру и в некоторой степени изменив его нынешний характер с учетом развития туризма и отдыха. Предложена подковообразная схема с радиальными связями, с четким микро-районированием и выделением общегородского центра, приближенного к магистрали Ереван — Севан и под ней выходящего непосредственно к озеру. Невысотный, неурбанизированный характер градостроительства и особенности сурового климата Севана «продиктовали» принципы застройки. Отсюда «родились» каменные 4-этажные жилые дома с торцовыми и поворотными секциями, позволяющие создавать уличные композиции и обстраивать рельеф. Здесь же возникло и логичное решение жилых домов с внутренними дворами.

Выделяются два премированных проекта Р. Григоряна в сравнении с реалистической «севанской» темой. Собственно, так и должно быть, проектам перспективного кинотеатра и жилища на крутом рельефе присуща острота замысла и формы, но присутствует и чувство меры.

Жилой комплекс, несомненно, удачен. К его главным достоинствам я бы отнес модульность и сборность конструкций и при этом совсем не «заводской» облик, построенный на высокой вариантности композиции. При всей жесткой структурности планов удалось добиться большого разнообразия вариантов квартир в одном и двух уровнях. Различная ориентация секций, открытые террасы, скошенные крыши и перголы, узкие проходы-улицы обеспечили столь редко достигаемую в современной жилой среде информативную многозначность. Именно эти качества проекта я бы сравнил с решениями широко известного жилого комплекса в Горисе, отмеченного Гран-при софийского биеннале 1985 г. (архитекторы Г. Погосян, А. Мкртчян, Г. Согоян).

Проект кинотеатра интересен пространственной глубиной, динамикой композиции, идущей от идеи массового культурного центра — «улицы кино». Конструктивные формы, функциональная схема, модульность обеспечивают

Александр БАДАЛЯН

пластичность и многообразие композиции. Такой кинотеатр более всего был бы уместен в обделенных культурой, в том числе архитектурой, крупных городских жилых районах.

Найдутся ли заказчики и строители чуть посмелее, кто возьмется за эти вполне реальные работы? Будут ли они внесены в тематический план института? Пока эти вопросы остаются риторическими в отношении многих и многих интересных архитектурных решений. Соответственно открытыми остаются и вопросы повышения художественного облика реальной застройки...

Александр Бадалян 1956 г. рождения. Окончил архитектурный факультет ЕрПИ в 1978 г. Работает в мастерской № 6 института Ереванпроект (рук. С. Кюркчян). Член СА с 1984 г., зам. председателя Совета молодых архитекторов. Проекты: Дома пионеров в Советском и Спандарянском районах Еревана, парк в Канакере (работы выполнены авторским коллективом С. Кюркчян, Л. Меликян, А. Бадалян и др.). Реконструкция подвальных помещений на проспекте Ленина в Ереване; стартовый домик и приют горнолыжника в Цахкадзоре, мемориальная доска Герою Советского Союза Г. Микаеляну. Конкурсные проекты: мемориал 150-летия присоединения Армении к России, 1978 г.; застройка района Сари-Таг в Ереване, 1986 г. (оба совместно с С. Кюркчяном и Л. Меликяном); сельский усадьбный дом, II республиканская премия, 1986 г. (совместно с С. Хачикяном).

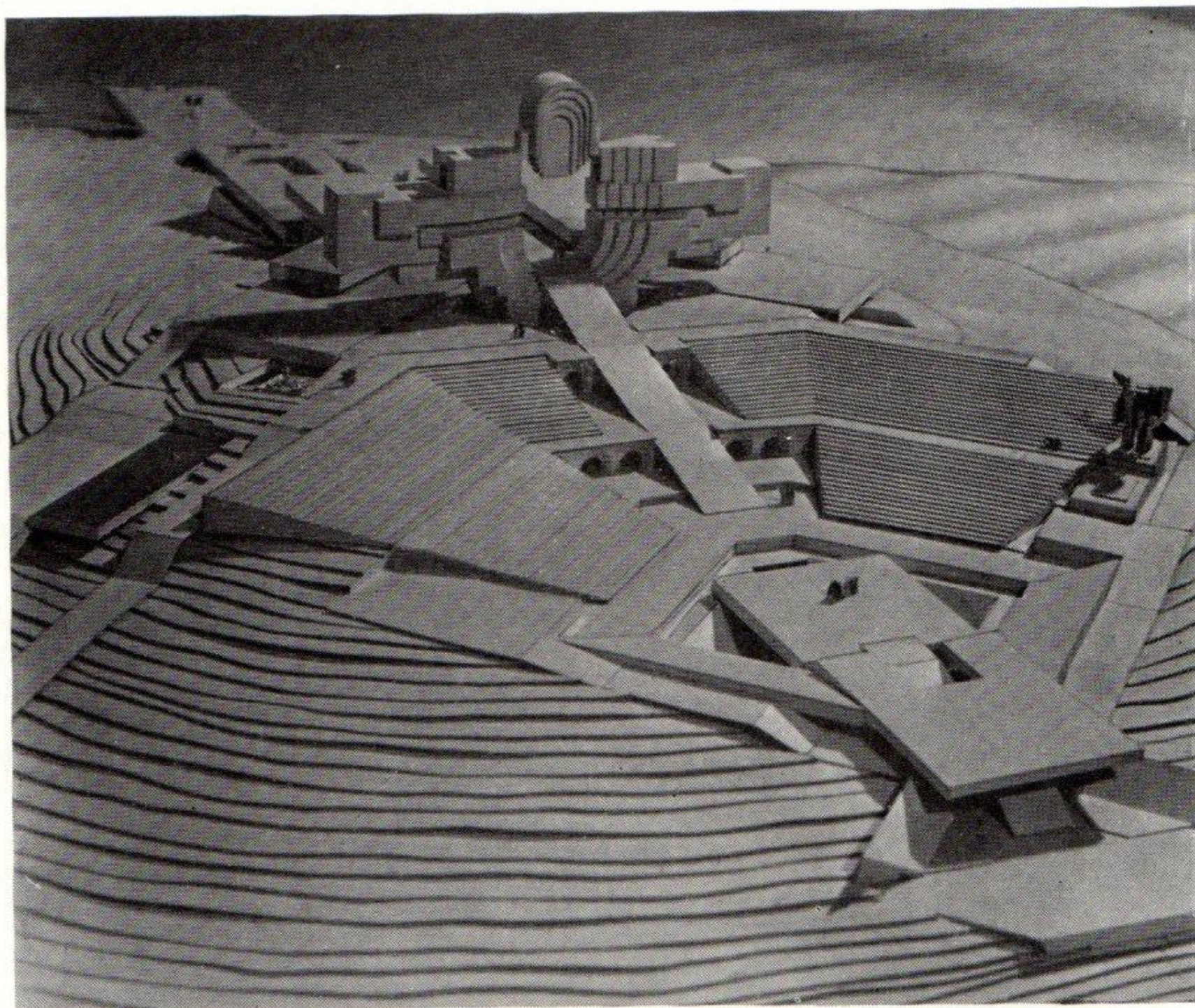
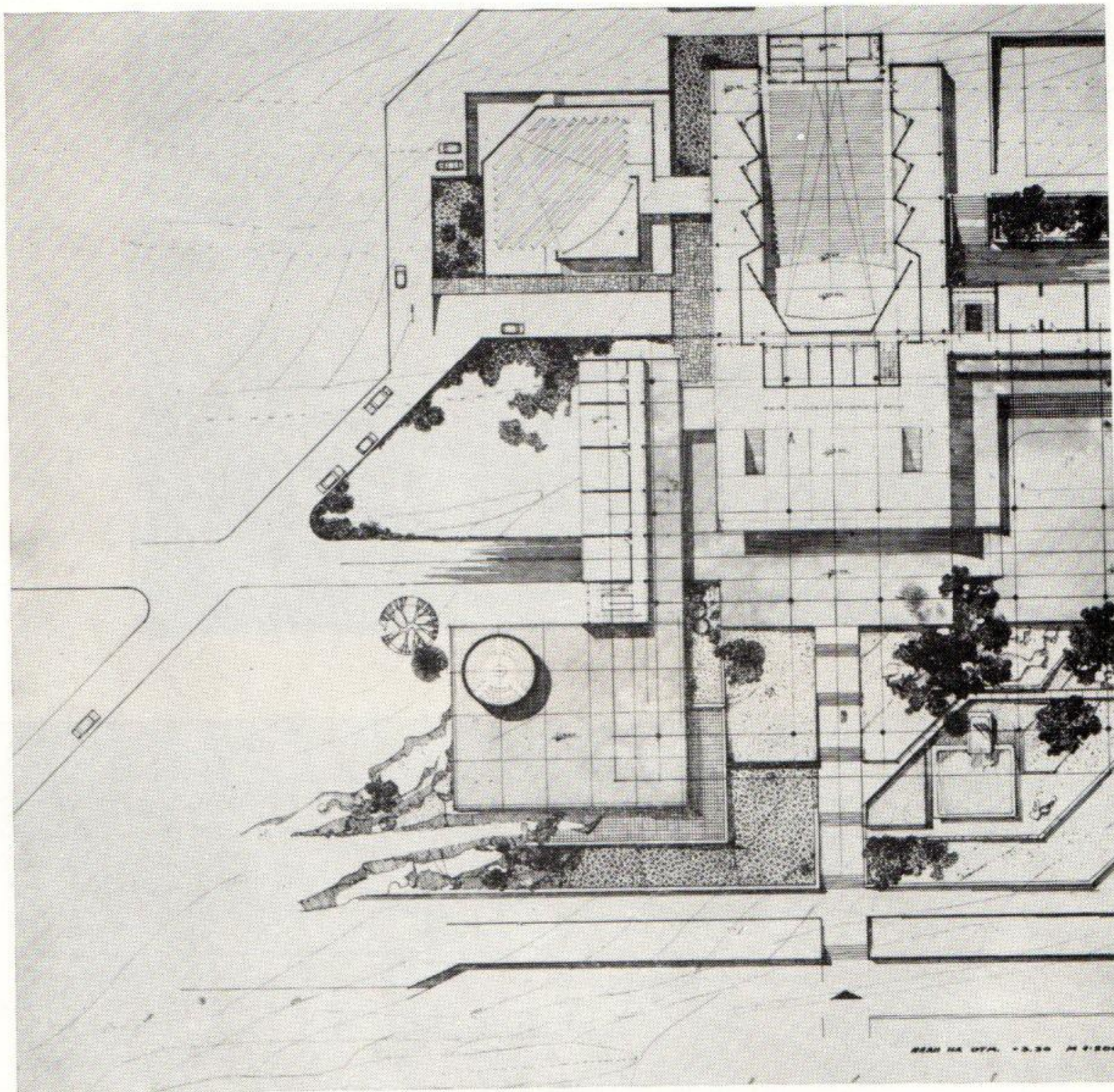
Работа Александра Бадаляна в мастерской С. Кюркчяна началась с участия в очень важном конкурсе на мемориал, посвященный «150-летию присоединения Армении к России». В дальнейшем А. Бадалян участвует во многих проектах, разрабатываемых в мастерской.

Проект комплекса представляет собой соединение мемориальной архитектуры с функциональными структурами. Это символический знак, поставленный на вершине холма, на продолжении градостроительной оси, подводящей к нему и завершающейся амфитеатрами и террасами.

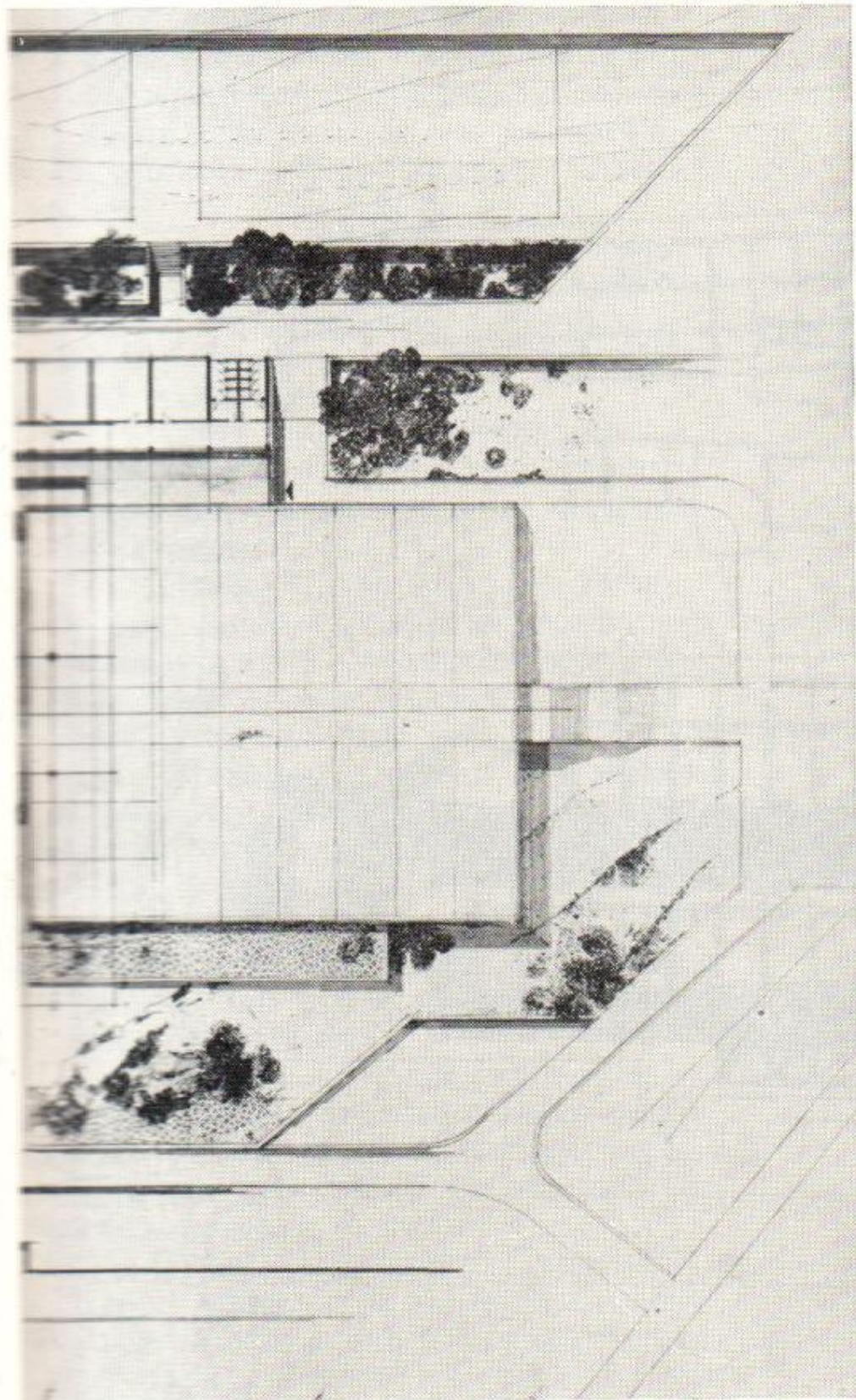
Сейчас строится Дворец пио-

Дом пионеров в Советском районе Еревана, 1978—1981 гг., авторы С. Кюркчян, А. Бадалян, Л. Кюркчян

Мемориальный комплекс, посвященный 150-летию присоединения Армении к России, 1983 г., авторы С. Кюркчян, Л. Меликян, А. Бадалян

Сельский дом, конкурсный проект, II премия, 1986 г., авторы А. Бадалян, С. Хачикян

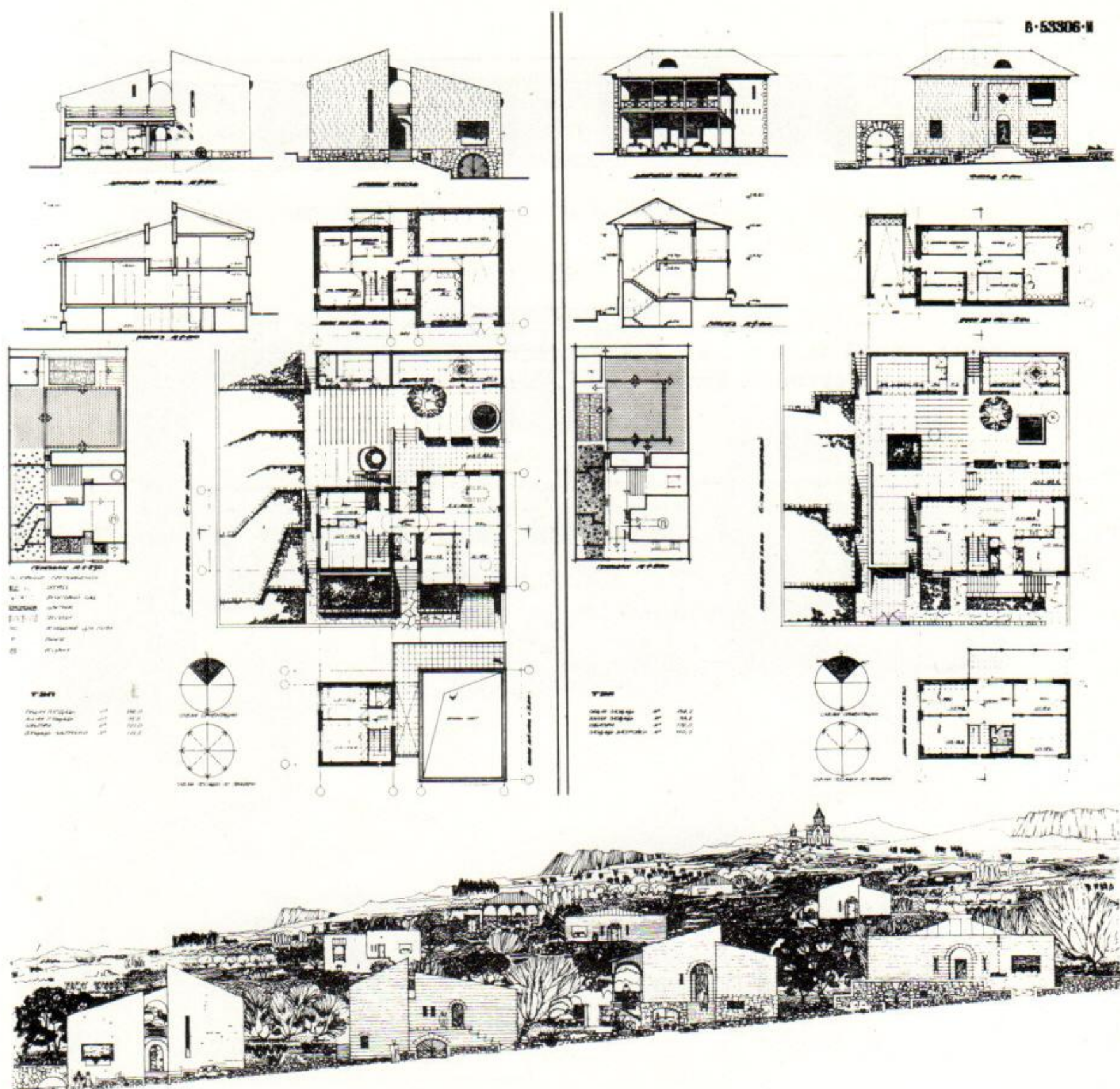
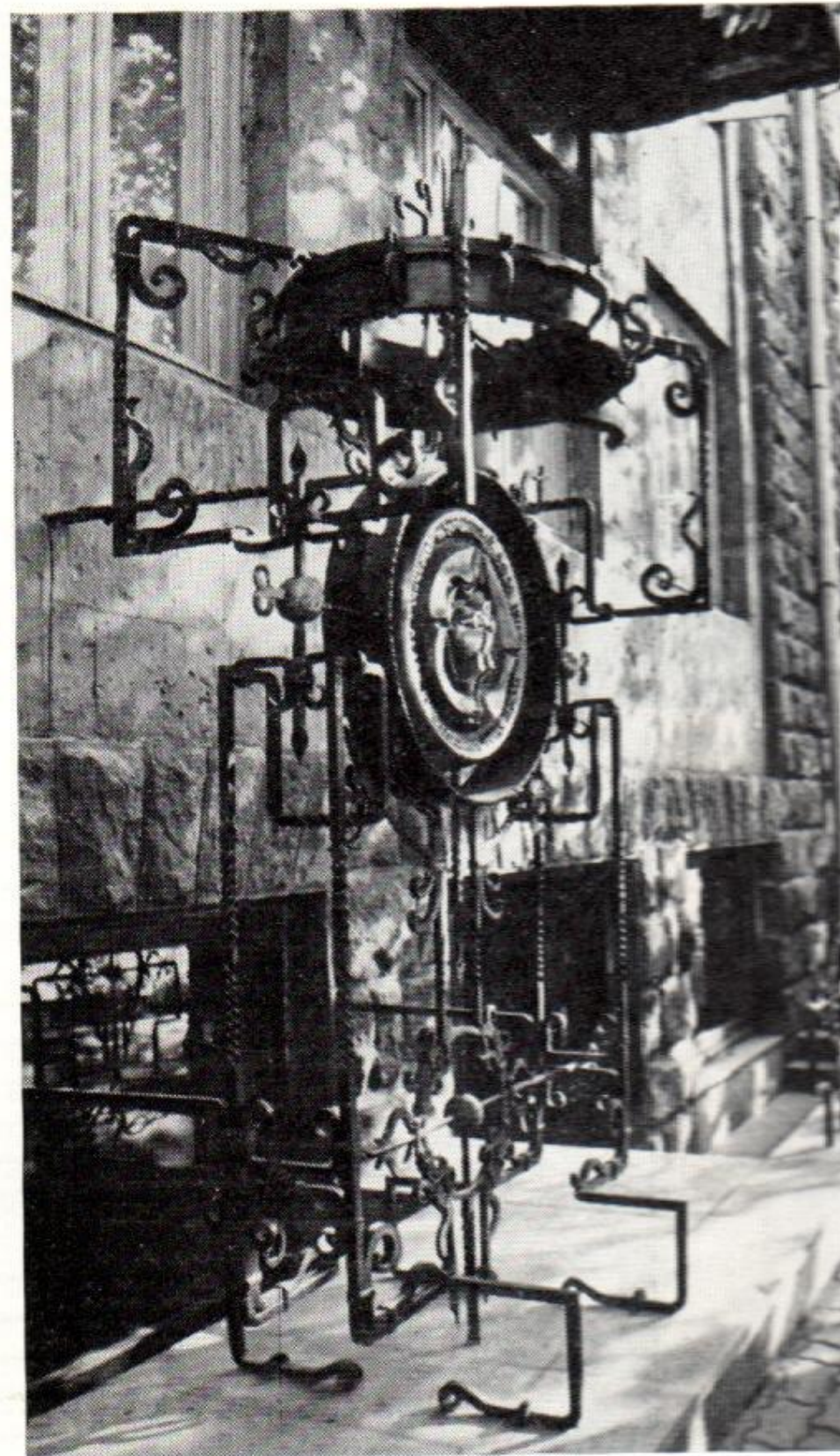

неров Советского района Еревана. В нем различные по своему функциональному назначению помещения скомпонованы по двум перпендикулярным осям. Структурное перекрытие над «внутренней площадью» соответствует замыслу создания целостного внутреннего пространства. Внешнее архитектурное решение целиком следует за внутренним.

Две небольшие работы — стартовый домик и лыжный приют в Цахкадзоре — обозначены «профессионализмом» горнолыжника и архитектора, удачно сочетаемыми у А. Бадаляна.

Последние годы для мастерской явились периодом активной творческой работы. В первую очередь — это разработка и осуществление комплексной реконструкции нижних уровней одной из центральных магистралей Еревана, проспекта Ленина. Улица, застроенная в основном в довоенный период как транспортная и пешеходная магистраль общегородского значения, имеет довольно пассивный первый этаж, где структура обслуживания и отдыха явно не соответствует потребностям. Архитекторы выдвинули идею перестройки подвальных и полуподвальных помещений, создания здесь небольших, уютных, близких и нужных пешеходу магазинов и кафе. С обеих сторон проспекта уже перестроено несколько помещений. При явном дефиците интерьерных материалов — из-за этого в Армении страдают почти все постройки — архитекторы пошли на то, что сами вручную занялись оформлением среды. В частности, А. Бадалян изготовил способом бронзового литья декоративную вставку-знак перед салоном художфонда. Что ж, не одна архитектурная школа, будь то в далеком прошлом, или те же ВХУТЕМАС или БАУХАУС, признавала как составную часть профессионального процесса и ремесло в самом рукотворном его

Салон Художественного фонда Армянской ССР на проспекте В. И. Ленина в Ереване, 1985 г. Декоративное оформление входа, автор А. Бадалян

значении.

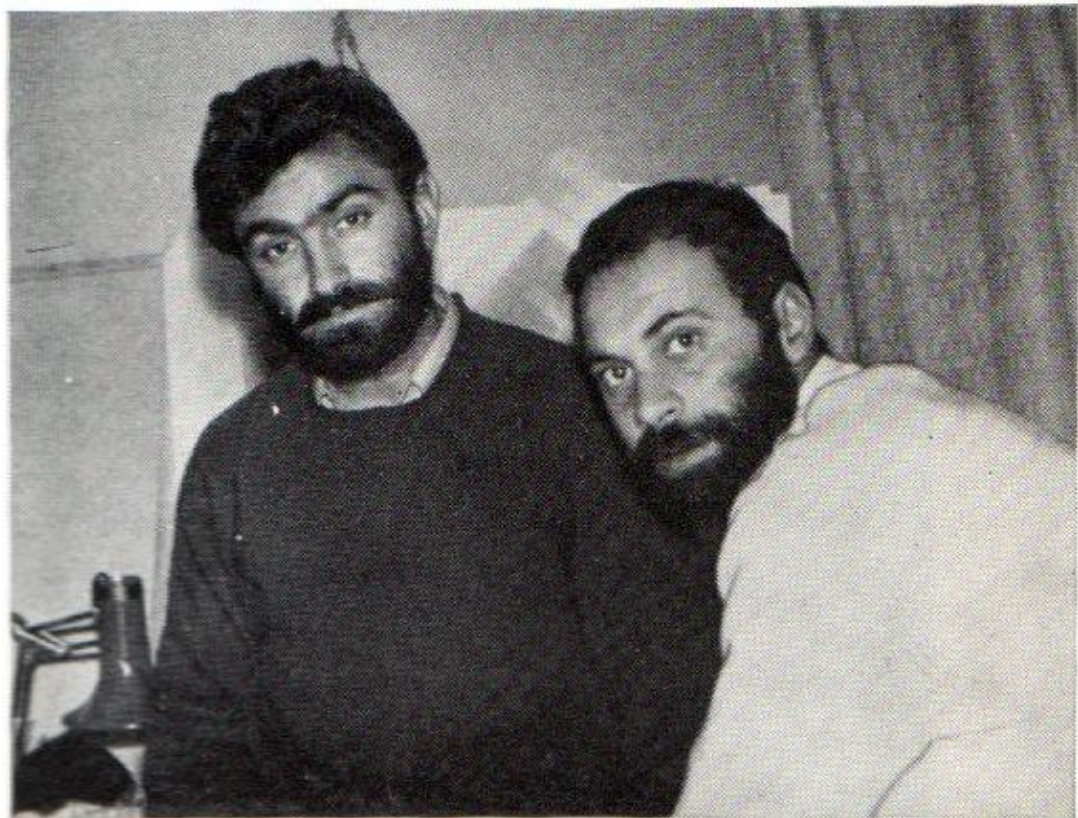
Последней по времени и значительной по масштабу работой А. Бадаляна стал конкурсный проект района Сари-Таг в Ереване (совместно с Л. Меликяном под рук. С. Кюркчяна).

Сари-Таг — один из составляющих центральную часть Еревана холмов — практически остался нетронутым массовым строительством последних десятилетий, целиком формируясь под воздействием спонтанной застройки. Архитекторы в своем предложении стремились связать новую архитектуру со сложным рельефом, сохранить традиционный малоэтажный характер среды, вместе с тем найти необходимые акценты, корреспондирующие с крупным масштабом окружающих городских строений. Проектное предложение получило высокую оценку жюри, было включено в число пяти отмеченных работ. А для А. Бадаляна это был очередной этап вечного постижения архитектуры.

Ашот Хачатурян 1956 г. рождения, окончил архитектурный факультет в 1978 г., член Союза с 1984 г. и Гарегин Егоян (1959 г. рождения, окончил архитектурный факультет в 1981 г., член Союза с 1985 г.) поделили третью награду смотра. Оба работают в институте Армгоспроект: А. Хачатурян в мастерской № 1 под руководством С. Гурзадяна, Г. Егоян в мастерской № 4 в Ленинакане под руководством Р. Егояна.

Некоторые работы ими выпол-

Ашот ХАЧАТУРЯН
Гарегин ЕГОЯН

нены совместно: Музей современного искусства и здание госстраха в Ленинанкане, конкурсный проект Дома дружбы в Ереване (1985 г.).

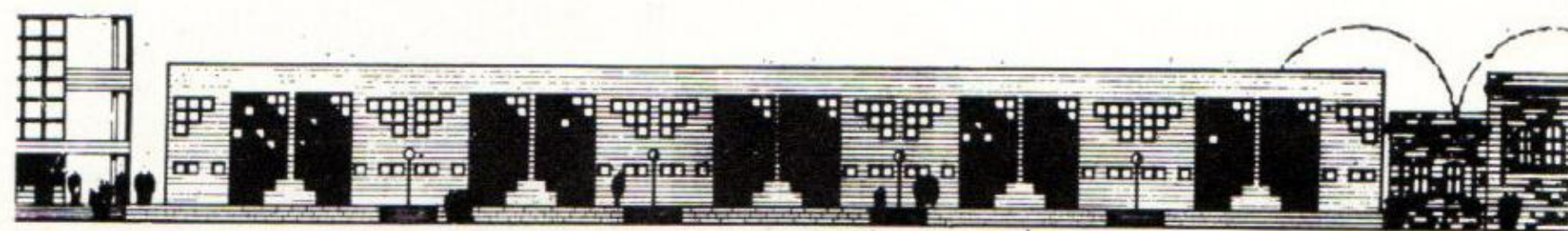
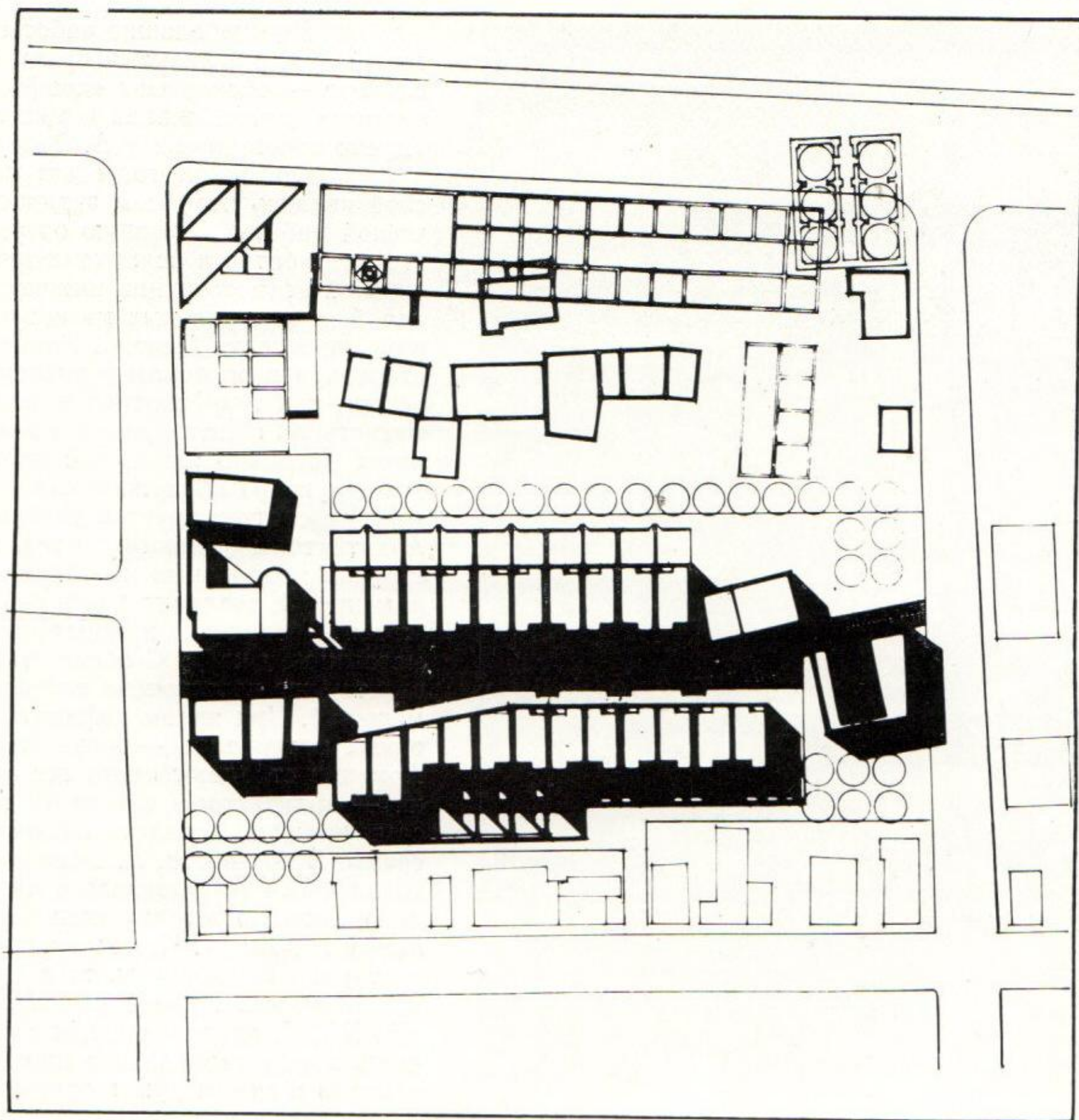
Самостоятельные работы А. Хачатуряна: здание госстраха (построено), пионерлагерь в Цахкадзоре, пансионат на берегу оз. Севан, жилые дома в Горисе. Конкурс: автопавильоны (I республиканская премия, 1984 г.), город будущего (1986 г.)

Работы Г. Егояна: реконструкция старого парка и летнего театра, пристройка к школе, кооперативные жилые дома, административное здание в Ленинанкане, спортивный лагерь в Агавнадзоре, конкурсный проект въезда в город.

По Музею современного искусства в Ленинанкане было представлено четыре вполне завершенных варианта, в каждом из которых ставилась задача, с одной стороны, найти связь фасада с исторической застройкой улицы Кирова, с другой — на стесненном участке в глубине расположить необходимый объем помещений. Отсюда появилась идея устройства вдоль улицы открытой галереи, вполне оправданной и функционально: несмотря на то, что улица Кирова пешеходная, перед музеем в дни вернисажей собирается народ и хотя бы самое простое укрытие необходимо. В то же время галерея сыграла роль композиционной связи в общем фасаде улицы. В близком по композиции, по планам, по стилистике ключе решено здание госстраха с открытой галереей на первом этаже, строящееся также в центральной части Ленинанкана. Остроугольные пространственные развороты вносят динамику в довольно строгое формальное решение и позволяют создавать необходимые раскрытия в планах.

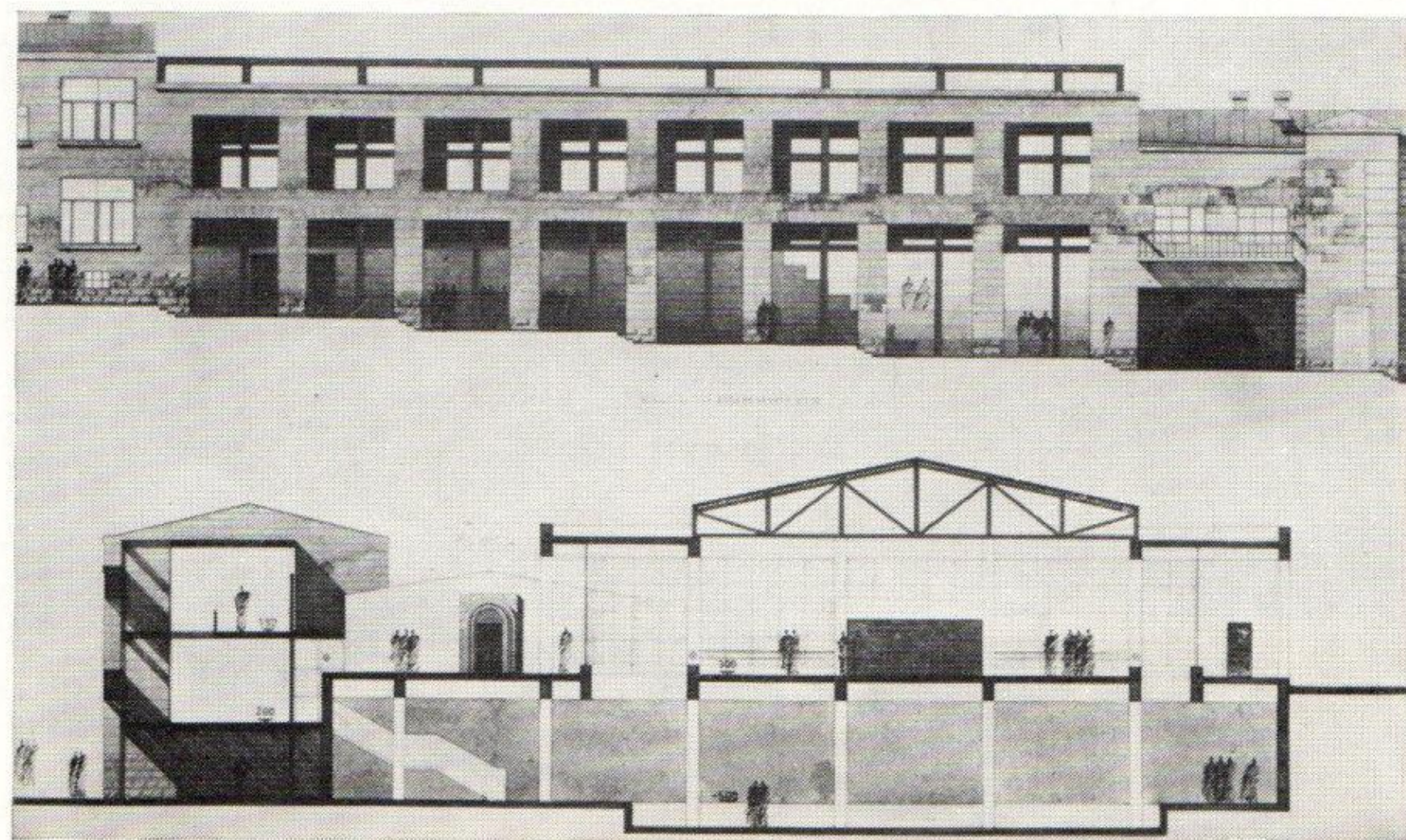
В обоих проектах прочитывается «конструктивистская» тематика, имеющая значительное развитие в архитектуре Ленинанкана 20—30-х годов: объемы здания госстраха непосредственно примыкают к одному из крупных сооружений «армянского конструктивизма» — зданию горсовета архитектора Геворка Кочара (1931—1933 гг.).

Правда, не обошлось без влияния постмодернизма. Плоские каменные стены-ширмы фасадов с широкими

●
Кооперативные жилые дома малой этажности, Ленинанкан, автор Г. Егоян

●
Музей современного искусства, Ленинанкан, авторы Г. Егоян, А. Хачатурян

проемами и треугольные фронтоны, макетно поставленные над галереями теплых проходов, в обоих проектах недвусмысленно намекают на стиливую характерность. Такие же приемы с добавлением суперграфических обозначений А. Хачатурян использовал в решении жилых домов для Гориса — своеобразно застроенного небольшого города на юге республики. Но этот проект отличает также глубинное — и в смысле развития планировки, и в смысле раскрытия проблематики — осмысление задачи создания малоэтажного жилища в историческом контексте.

Открытый театр с «палладианской» сценой — остроумное предложение Г. Егояна по современному развитию исторической структуры заповедной части Ленинакана.

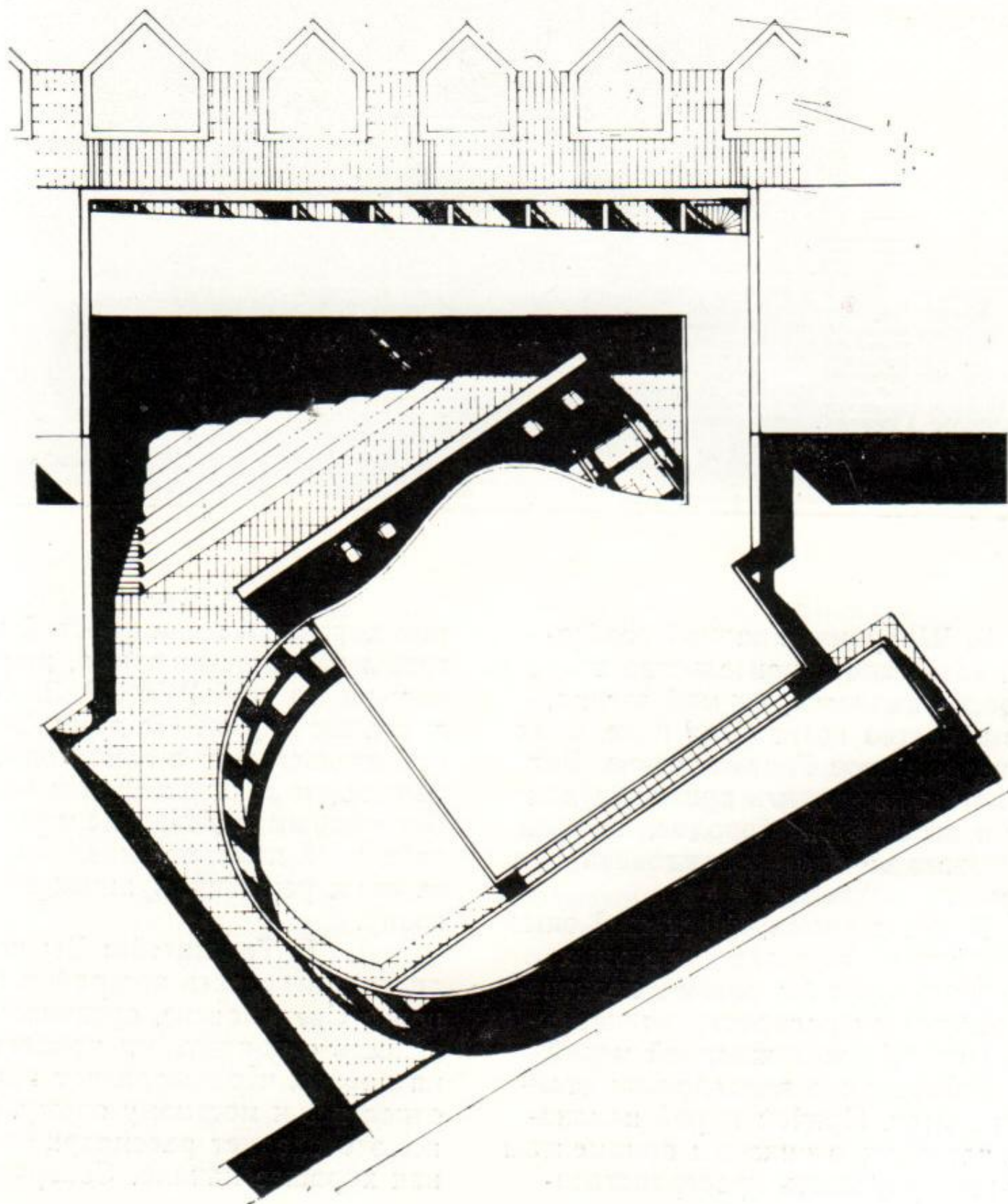
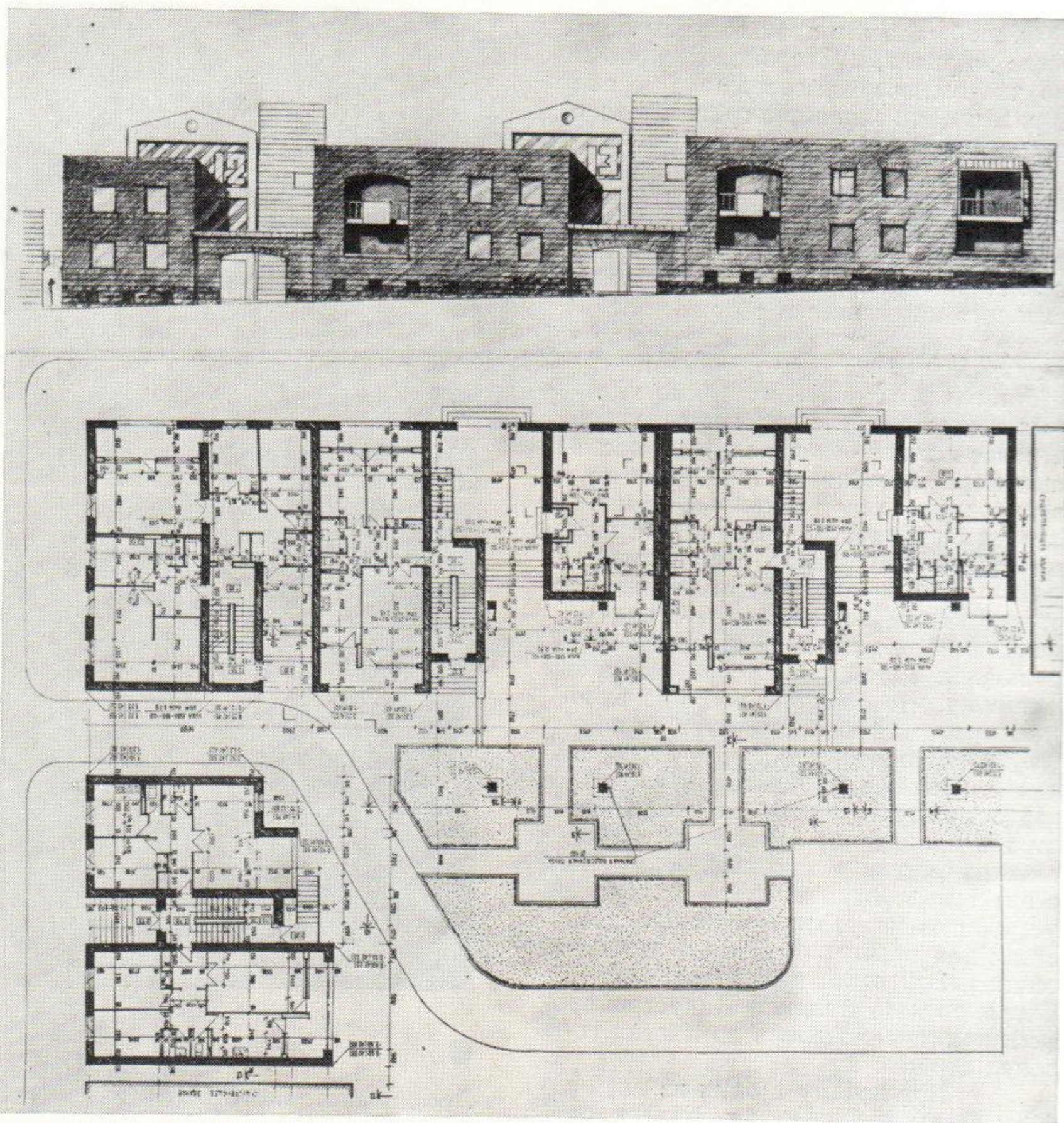
Итак, набросаны эскизные портреты четверых. Что характерно в целом для творчества этих четырех архитекторов?

Здесь можно было бы выделить две главные особенности, присущие современной армянской архитектурной школе, но в последние годы нередко утрачиваемые.

В этом отношении «четверка» в привилегированном положении, учитывая то, что руководителями мастерских имеет ведущих архитекторов республики, каждый из которых в своем многогранном творчестве весьма по-разному, но основывается именно на этих особенностях.

Первая — приверженность конструктивно и функционально оправданным решениям. В подтверждение этой мысли я сошлюсь на оба конкурсных проекта и жилые дома в Севане Рубена Григоряна, Дворец пионеров Александра Бадаляна, проекты для Ленинакана и Гориса Ашота Хачатуряна и Гарегина Егояна. Вторая особенность — это стремление к средовому раскрытию отдельного сооружения. Примеры в основном повто-

Жилой дом в Горисе,
автор А. Хачатурян

ряются, и это особенно ценно: жилище Р. Григоряна, постройки в исторической среде А. Хачатуряна и Г. Егояна, наконец, широкий градостроительный контекст в проекте Сари-Тага и реконструкции проспекта у А. Бадаляна.

Как следствие этого я бы определил еще одно — общую сдержанность в архитектурном языке. Возможно, здесь еще присутствует вполне понятная и оправданная робость в работе над формой, но важнее приверженность той строгости, что идет от общего уровня профессионализма. По крайней мере, отсутствие излишних заигрываний с национальной формой, ставших модными и как бы стилистически обязательными, нельзя не зачислить в актив всех четверых.

А все это уже совсем не мало.

В заключение я бы хотел перейти на несколько лирический тон: перелистывая старые подшивки «Архитектуры СССР», я нашел публикацию Л. Зорьяна «Молодые архитекторы Армении» (1968, № 10). В ней были представлены также четверо сегодня уже известных архитекторов: А. Тарханян, Т. Геворкян, А. Дживанян, А. Алексанян. Такое продолжение творчества пожелал бы я и своим «героям»...

К. Бальян

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ — ЗНАЧИТ КРУПНОПАНЕЛЬНОЕ?

Как сообщалось в прошлом номере нашего журнала, в Свердловске прошло научно-техническое совещание по индустриализации жилищно-гражданского строительства.

Свердловск выбран местом проведения совещания не случайно. Работа местных архитекторов и строителей давно привлекает внимание коллег. Наряду с крупнопанельными здесь строятся кирпичные и сборно-монолитные здания. В городе действуют развитые заводы железобетонных изделий и строительных материалов, на которых выпускают все необходимое для строительства — от панелей до мостовых ферм и тюбингов, от мебели до отделочных пленок и ковров. Разнообразна и богата палитра индустриальной отделки наружных стен зданий.

Все это позволило многим участникам совещания назвать Свердловск городом высокой строительной культуры. Такой вывод справедлив еще и потому, что в городе успешно работает архитектурный институт (с подшефной школой), действуют строительная выставка и выставочный зал по градостроительству, на предприятиях города производят множество строительных машин и приспособлений. Чего стоит только одно из них — монтажное устройство полуавтоматического действия для крепления панелей на целую секцию. Эту известную разработку Свердловского филиала Индустройпроекта применяют теперь во многих городах страны.

Вот почему в один из дней работы совещания предложенный журналом «Архитектура СССР» разговор об индустриальном строительстве начался с обсуждения свердловского опыта. В беседе участвуют главный архитектор г. Калинина В. А. Фролов, главный архитектор проектов ЦНИИЭП им. Мезенцева А. Д. Ларин, главный архитектор проектов Тюменьгражданпроекта С. Н. Смирнова, руководитель архитектурной мастерской Ленгражданпроекта Г. Я. Гладштейн, главный архитектор проектов отдела типового проектирования Харьковского института Укргорстройпроект П. Г. Чечельницкий и главный архитектор проектов Моспроекта-1 Б. А. Шабунин. Ведет беседу редактор отдела журнала С. Н. Суетин.

Запись беседы мы сопровождаем иллюстративным рядом, который отражает не только достижения, но и просчеты современного индустриального строительства. О перспективах его развития говорят представленные проекты, а сопоставление примеров различных видов строительства может подтвердить или опровергнуть выводы участников беседы.

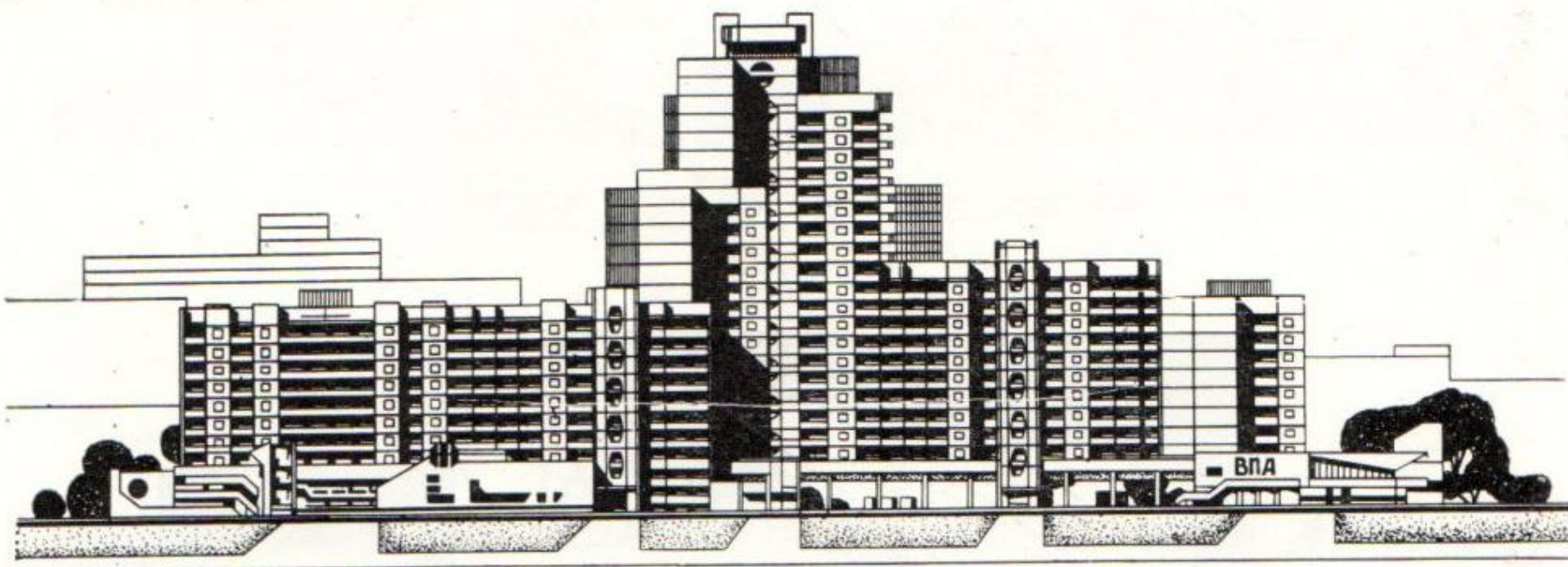
Вы познакомились с районами массовой застройки Свердловска. Как вы оцениваете свердловский опыт крупнопанельного домостроения? Есть ли в нем достижения, достойные распространения в других регионах страны, в частности в ваших городах?

Жилой район в Марьино, Москва
Архитекторы В. Степанов,
Ю. Юров, В. Осокин, Д. Ильиш,
А. Рыжков, С. Гужев, В. Коротаев

Жилой район в Строгине, Москва
Архитекторы А. Половников,
Г. Карибов, Ю. Хлебников,
Б. Бодэ, Ю. Громченко, А. Вашилкин

Проект каскадного жилого
дома на базе серии Т в
жилом районе Оболонь
(Киев). Киевпроект

Б. Шабунин: Главной особенностью панельного строительства в Свердловске является, на мой взгляд, высокое качество возведения панельных домов, недоступное Главмосстрою. Вот что могло бы послужить примером для Москвы и всех других городов, но пока в этом можно только позавидовать свердловским коллегам.

В то же время эффектный опыт суперграфики на фасадах панельных домов можно было бы считать позитивным и достойным распространения, если бы он не был вынужденной мерой против безликости и однообразия стандартных домов. Причем мерой паллиативной, потому что никаким орнаментом невозможно улучшить пространствен-

ные характеристики типовой жилой среды из типовых домов, распространяемых по всей РСФСР. Зато индивидуальные кирпичные дома Свердловска свидетельствуют о самостоятельном мышлении архитекторов и являются безмолвным упреком централизованной, губительной политике навязывания готовых решений, чуждых этому региону.

Г. Гладштейн: Вы недооценили комплексность застройки микрорайонов в Свердловске, организационную ясность строительных процессов, поиски нового, что заставляет внимательно отнестись к местному опыту. Однако все это следует рассматривать лишь как хорошее начало. Совершенствовать

ния требует архитектура жилых и общественных зданий, благоустройство территории, малые архитектурные формы — то, что делает жилую среду гуманной и своеобразной.

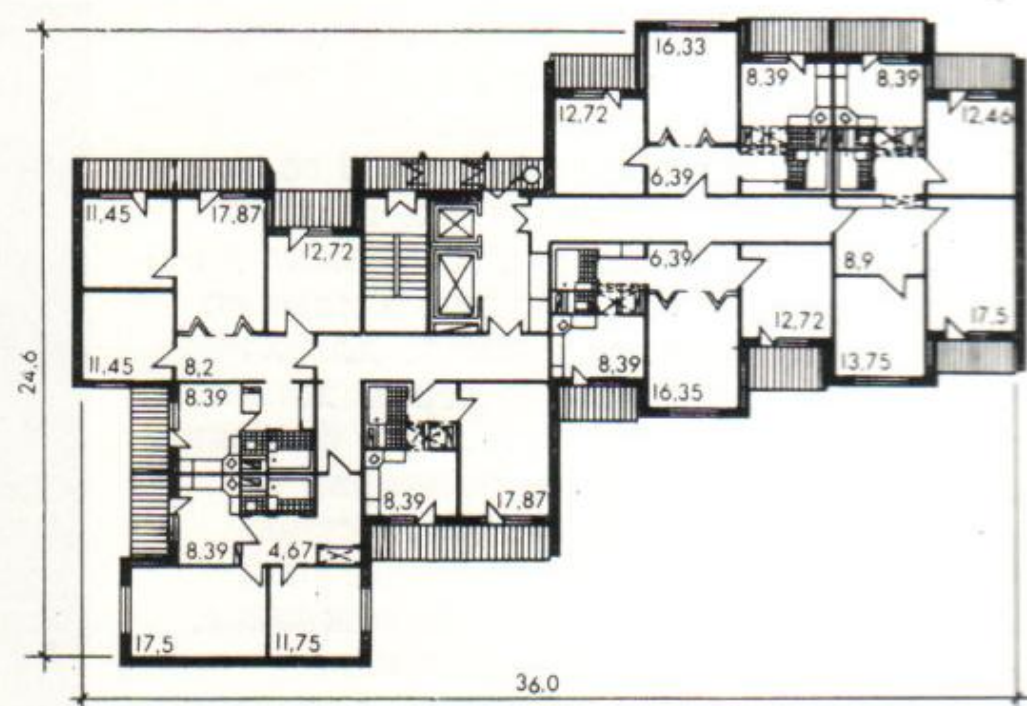
В. Фролов: И все же в свердловском опыте крупнопанельного домостроения немало ценного и поучительного. Но город городу рознь. Можно ли применить этот опыт в таком древнем городе, как Калинин?

Богатая история планировки Твери хорошо известна. Традиции, заложенные в градостроительную практику XVIII в., мы и сегодня пытаемся сохранять и продолжать. Но возникает вопрос: можно ли нашу панельную архитектуру ввести в исторический центр? Конечно, нет.

Не так давно мне первый секретарь обкома задает вопрос: «Вот Вы проработали 16 лет главным архитектором города. А что Вы можете показать солидного из построенного за эти годы?» Действительно, что можно показать? Мы всем показываем Тверь образца XVIII в., сегодняшний Калинин стараемся не показывать.

Микрорайон «Лебедь» в Москве
Архитекторы А. Меерсон,
Е. Подольская, А. Репетий, И. Федоров

16-этажные жилые дома
серии Т
Киевпроект
Архитекторы Л. Муляр,
В. Таенчук
Конструкторы М. Хризман,
А. Иванов

Жилой район Крылатское в Москве
Архитекторы А. Самсонов,
Е. Стамо, В. Соколов, М. Болотин,
Н. Пелевина, П. Меднек

А. Ларин: Мы в Москве тоже не вывозим гостей за пределы исторического центра. Эту Вашу тревогу я разделяю, но так мы уйдем далеко от темы нашего разговора. Зато я никак не могу согласиться с высокой оценкой свердловского домостроения. Что отличает его от строительства в других городах? На местном заводе ЖБИ я встретился с теми же, как везде, вынужденными решениями. Сколько людей крутится вокруг одной панели при изготовлении, монтаже и отделке! Сколько труда вложено в каждый квадратный метр стеновой панели! Несравненно больше, чем при строительстве из кирпича или монолита. Технологии всех наших ДСК, в том числе

свердловского, находится на уровне мануфактур XVI в., и даже местная конвейерная линия, названная лучшей в стране. Здесь не совершенствовать нужно, а изобретать все заново.

Причина Вашего максимализма понятна: недопустимо низкое качество жилой среды в новых городских районах, застроенных панельными домами. Между тем 530 заводов ЖБИ в стране — объективная реальность, с которой нельзя не считаться. К тому же их инертность всем известна. Но перед архитекторами и строителями поставлена задача: до 2000 г. обеспечить каждую советскую семью квартирой или домом. Какие помехи видятся Вам в этом деле? Как будет справ-

ляться с этой задачей существующий строительный комплекс?

А. Ларин: Помехи начинаются на уровне проектирования: бюрократический метод управления и экспертизы (действуют все приказы, указания и инструкции прошлых лет), жесткая нормативная база, неоправданные ведомственные нормы (на освоение подземного пространства, прокладку коммуникаций и пр.), в основной массе плохая профессиональная подготовка архитекторов, конструкторов, технологов, — все работают по шаблону.

На уровне реализации свои помехи: безобразное качество стройматериалов, низкий профессионализм строителей, ошибки прошлого, диктат панельного домостроения.

Г. Гладштейн: Обеспечить каждую семью квартирой или домом — проблема многоплановая. Решать ее надо не только новым строительством, но и реконструкцией существующего фонда, упорядочением системы заселения, причем, осуществлять все это надо в комплексе.

Что же мешает? Согласен с Вами: мешают низкий уровень строительного производства, недостаточная механизация, отсутствие строительных материалов необходимого количества, ассортимента и качества, нехватка архитекторов, недостаточный уровень подготовки строителей. Выходит, что похвалиться можно только объемом жилья, вводимого в строй. Объем достигается любой ценой, а страна превращается в склад продукции ДСК. Следовательно, строительный комплекс нуждается в организационном и техническом совершенствовании, конечно, при участии архитекторов.

С. Смирнова: Первое и главное препятствие в другом: в отсутствии какой бы то ни было программы обеспечения всех семей отдельным жилищем. Даже у нас, архитекторов нет единства во взглядах на решение этой задачи, не говоря уже о каком-то согласии со строителями. Чтобы обеспечить промышленность хорошими проектами, мы должны коренным образом изменить организацию проектирования, резко повысить производительность нашего труда, внедряя вычислительную технику в проектирование.

Б. Шабунин: Безусловно, это очень важно, но и строительный комплекс должен будет сделать очень многое для выполнения задачи 2000 года. Придется реконструировать и вывести на полную мощность существующие домостроительные комбинаты, создать новые; спроектировать удобную для изготовления единственную серию жилых домов и спланировать города и поселки в расчете на эту серию, расширяя их до бесконечности и уничтожая существующую застройку: переквалифицировать всех строителей в монтажников, уничтожив другие специальности.

Но основной помехой Госстрою в выполнении поставленной задачи будут те, для кого эти квартиры предназначены. Да простится мне этот мрачный юмор, но придется уравнивать все население страны одной возрастной, социальной и демографической категорией; сократить количество климатических зон; уничтожить национальные различия; отменить историю, культуру и архитектуру, чтобы застроить города и поселки домами одной единственной серии, экономной, рациональной и очень удобной для технологии ее изготовления.

Я тоже надеюсь, что читатели простят Ваш сарказм, тем более что причин для него достаточно. С типовой застройкой так или иначе знакомы все, но я не встречал никого, кто был бы ею доволен.

Б. Шабунин: Разумеется, кому добровольно захочется жить в такой резервации? А именно к этому стремится типовое крупнопанельное домостроение, для которого самый выгодный режим — беспредельное тиражирование. Тому, как будет справляться с этой задачей существующий строительный комплекс, посвящено это совместное совещание строителей и архитекторов. На нем категорично прозвучало, что 408 железобетонных заводов в России — данность, их не переделаешь и потому основной путь выполнения задачи — дальнейшее наращивание производства домов по существующим технологиям. А задача архитекторов — достигнуть разнообразия и индивидуальности среды лишь с помощью изменения фактуры и за счет умеренного использования накладных деталей.

Действительно, Вы помните, в одном из выступлений прозвучало:

Детский сад и школа
в Ленинграде
Архитекторы М. Садовский
(руководитель авторского

коллектива), С. Голубев,
Е. Корлас
Конструкторы В. Антонов,
А. Шерешевский

«Мы близки к достижению гибкой системы жесткой унификации?»

П. Чечельницкий: Шутки шутками, но взглянем на ситуацию с реальных позиций. Без типового строительства нам не обойтись: нет другого способа быстро обеспечить жильем миллионы людей. Выходом могло бы стать монолитное строительство, но для этого у нас нет нужной культуры производства. Да, монолит дешевле, мобильнее, но производство работ очень сложно. И темпы, темпы, темпы...

Значит, надо продолжать поиск экономических решений, причем, таких, которые не ухудшают ни эксплуатационные показатели, ни эстетические достоинства зданий.

Острой проблемой, является повышение градостроительной маневренности проектов. Анализ представленных на совещании проектов показывает, что для застройки крупных и крупнейших городов необходимы серии с номенклатурой 20—30 и более секций.

Институт Укргорстройпроект разрабатывает теперь не секции целиком, а их составные части — «блок-элементы» (по терминологии института). Их комбинация в производные блок-секции, а затем в дома производится привязывающими организациями в соответствии с нашими методическими таблицами.

Этот метод мы удачно опробовали в Херсоне, где четыре блок-элемента серии 94 в левом и правом исполнениях позволили решить вопросы

массового жилищного строительства для города с 350-тысячным населением.

Опыт строительства в Херсоне был использован затем при разработке серии 94 для Одессы, где объемно-планировочное решение блок-элементов выполнено на новом, более высоком уровне.

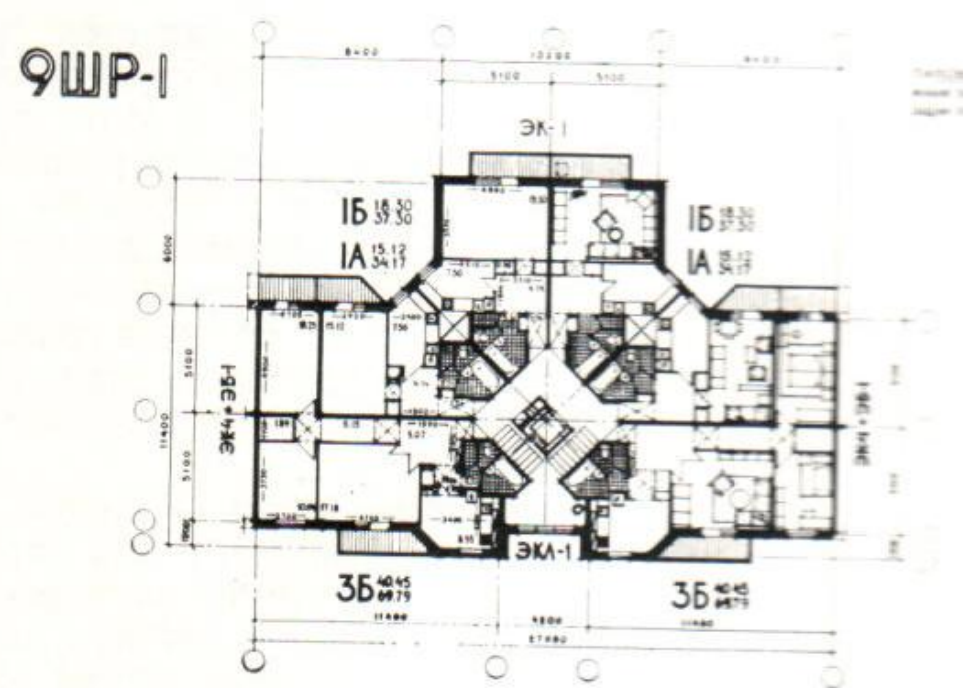
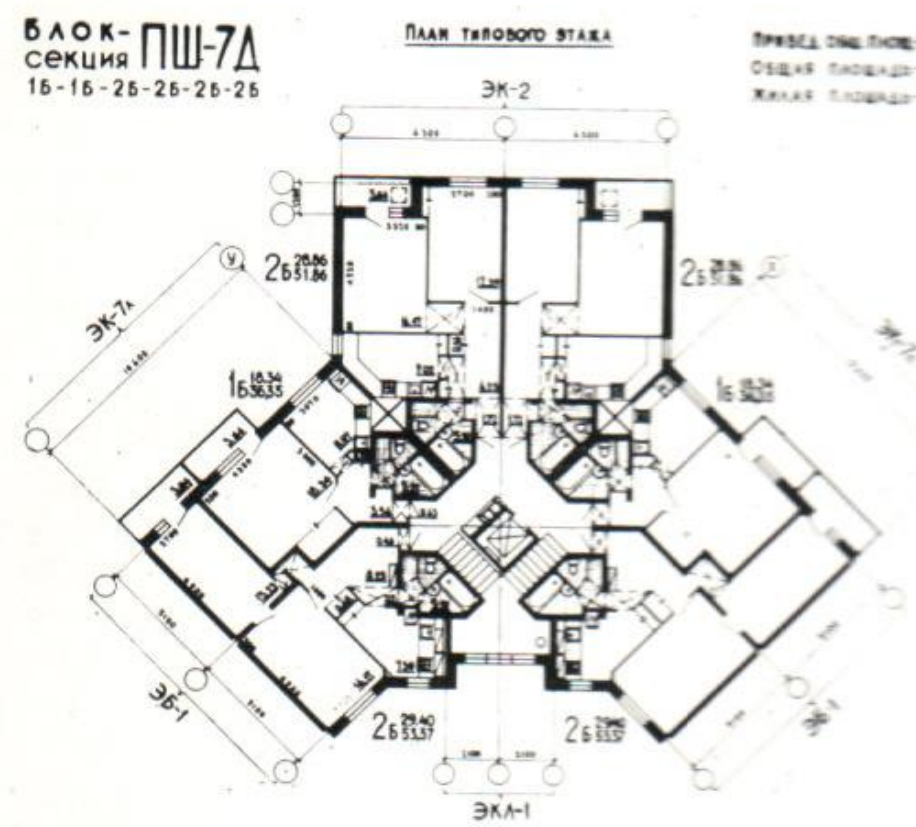
В. Фролов: Что ж, вероятно, что одно из решений. Но оно не поможет избавиться от двух главных, на мой взгляд, пороков крупнопанельного домостроения — отсутствия архитектурных деталей на фасадах, приемлемых для машинного тиражирования, и бедности применяемых материалов. Сугубая утилитарность без красоты. Как же можно говорить сегодня о формировании жилой среды, когда речь может идти в лучшем случае о заполнении пространства, удачном или неудачном? Технократия выхолостила мечты о создании художественно выразительных и архитектурно полноценных зданий из железобетона.

Для начала требуется осознать, что в деле развития крупнопанельного домостроения сделан шаг вперед и два назад. За прошедшее тридцатилетие мы не формировали городскую среду, а хотели того или нет, создали некий вакуум между старой застройкой и железобетонным конгломератом новых микрорайонов. По-моему, в наше время больше идет слепой поиск практиков, чем экспериментальная, целенаправленная работа по проверке забытых концепций советских мастеров.

Жилой район в Орехово-Борисове, Москва
Архитекторы П. Зиновьев,
И. Вахутин, Н. Борисевич,
С. Филимонов, А. Лимаренко,
Н. Яковлев

A black and white photograph of the 'Torre de David' (Tower of David) in Rio de Janeiro. The building is a tall, modernist structure with a distinctive stepped, tiered design, featuring numerous balconies and windows. It stands prominently among other high-rise buildings in the background. In the foreground, a car is parked on the street, and a person is walking. The overall scene depicts a dense urban environment with modern architecture.

6. **ТВОРЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**
Индустриальное — значит

А. Ларин: Путаница понятий происходит оттого, что только полносборное строительство у нас в стране является индустриальным. Все остальные способы строительства, стоявшие в стороне от полносборного домостроения как не нужные строительному комплексу, развития не получили. Разнообразие объективных задач, которые ставит потребитель при новых принципах экономики, заставит строительный комплекс срочно развивать забы-

Г. Гладштейн: Конечно, неверно считать индустриальным строительством только полносборное. На индустриальную основу следует поставить монолитное, сборно-монолитное, каркасное, кирпичное, блочное и деревянное строительство. Чем больше будет отдаваться приоритет крупнопанельному, тем меньше шансов в развитии других видов, а это вредно, тем более, что крупнопанельное консервативно и недостаточно гибко для создания архитектурного своеобразия застройки.

С. Смирнова: Не все так просто. Я все же уверена, что качественно изготовить деталь всегда легче на заводе, чем на стройплощадке. Поэтому, чем выше сборность, тем выше качество. Поверьте, что во всех бедах полносборного строительства виновата несовершенная технология наших заводов. Если не изменится подход к технологии, то и монолитные дома могут стать такими же однообразными, как панельные. Судите сами: монолиту нужна опалубка. Появится желание сократить ее номенклатуру, как сейчас сокращают набор панелей. Так мы сведем набор опалубочных форм к минимуму, удоб-

ному для строителя, и в результате получим те же безликие постройки.

Тогда по какому пути, на ваш взгляд, следовало бы развивать индустриальное домостроение в нашей стране? Если и дальше рассуждать в этом направлении, то каким представляется Вам идеал массового строительства?

В. Фролов: Думая о будущем, нелишне оглянуться назад. У меня в руках журнал «Архитектура СССР» за 1952 год. Читаем: «Всемерно развивая типовое проектирование, надо привлекать к участию в этом важнейшем деле лучшие силы архитектуры; нужно добиться, чтобы типовые проекты стали более гибкими, художественно полноценными и экономически эффективными... Развертывая в среде архитекторов смелую и принципиальную критику и самокритику, решительно борясь с проявлениями самоуспокоенности, парадности и благодушия, мы сумеем ликвидировать серьезные недостатки в нашей работе и поднять искусство архитектуры на новую высокую ступень...»

Прошло 35 лет. Что изменилось за это время? Я уверен в том, что мы в самом начале пошли не по тому пути, как случилось с генетикой и кибернетикой.

В г. Калинин мы хотим возродить поиски в области индустриализации кирпичного домостроения. База у нас есть, два мощных кирпичных завода. Почему забыт этот традиционный материал старых русских городов? Конечно, для Зеленограда, закованного в железобетон, он может быть не так нужен, как для Твери. Нам же при реконструкции центра без кирпича не обойтись. Естественно, обойтись без крупномерных изделий заводского изготовления нам никто не позволит. Но и ситуация в строительстве сейчас изменилась. «Косяком» пошел хозспособ. Если им не управлять, то хорошее дело государственного значения может принести не пользу, а вред.

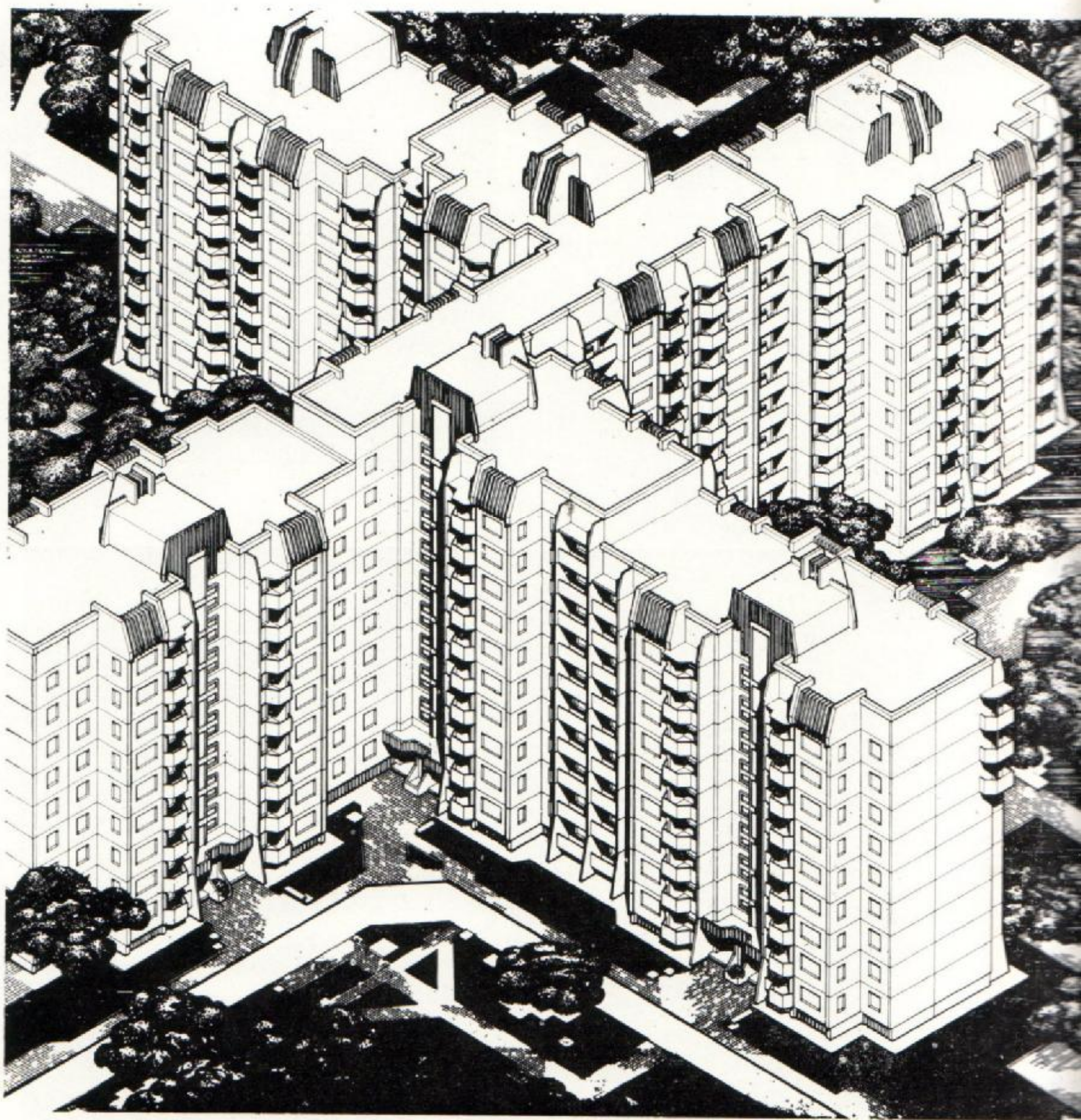
Поэтому вот мой идеал: небольшие заводы, где делают новые конструкции — некую комбинацию кирпича и панелей. Из них должна состоять основная масса ограждающих стен. Внутри здания монолитный сердечник и поперечные несущие стены. Материал для них может быть в каждом регионе свой. Чтобы дом имел индивидуальность, вводим изготовленные индустриальным методом декоративные элементы на фасады и торцы, входные группы кладем по месту из штучного кирпича по чертежам архитектора — разработчика конкретного дома.

И еще одна мысль. Красота бесплатной быть не может, и при определении сметной стоимости квадратного метра, которую мы утверждаем, необходимо оставлять экономический резерв для архитектурных и градостроительных маневров.

П. Чечельницкий: Я хотел бы продолжить эту мысль. Безусловно, что блок-элементный метод, разрабатываемый в Укргорстройпроекте, не является пределом. Градостроительные возможности типовых проектов возрастают с применением все более мелких планировочных блоков. Сейчас в институте разрабатываются проекты блок-этажей с изменяемыми планировочными и фасадными решениями, при этом их можно комбинировать по вертикали в произвольном порядке. Правда, это уже почти индивидуальный проект.

Для меня идеал массового строительства состоит в зданиях из отдельных блок-квартир, блок-комнат и

Пример компоновки блок-элементов серии 94 для строительства в Одессе
Укргорстройпроект
Архитекторы П. Чечельницкий, И. Коган, Д. Теплицкий, А. Никитенко

еще более мелких элементов. Пока появление таких разработок сдерживается низким уровнем технической вооруженности проектных институтов. Не секрет, что сложность привязки проектов, состоящих из мелких блоков, возрастает. Решение проблемы видится в замене низкоквалифицированного и малопродуктивного труда новыми методами проектирования. Уже сегодня при привязке типовых проектов необходимо использовать технические средства. Не обойтись без ЭВМ. Пора ставить вопрос о создании полностью автоматизированных проектных систем, которые позволят сократить численность проектировщиков, ограничив их деятельность решением исключительно творческих задач.

А. Ларин: С этим нельзя не согласиться, но более важным мне представляется то, какие города мы будем делать, а не то, какими методами мы этого добьемся — массовым ли строительством или выборочным, индивидуальным. Все работы должны стать авторскими. Возможность тиражирования какого-либо архитектурного приема или целого здания должна определяться только художественным чутьем архитектора.

П. Чечельницкий: Вы только укрепляете мою уверенность в том, что не прошла пора типовых проектов. Прошла пора типовой застройки.

Б. Шабунин: Мне тоже хотелось бы заглянуть в будущее индустрии домостроения. Я думаю, оно будет связано с процессом борьбы и взаимодействия трех сил: заказчика, архитектора и строителя, где первые два должны лишить третьего права на создание среды, удовлетворяющей только внутриведомственный заказ убогой технологии. Паритетное взаимовыгодное сотрудничество, основанное на экономике, будет стимулировать дальнейшую индустриализацию всевозможных видов строительства, в том числе и сборного панельного домостроения, в зависимости от традиций, климата, функций, т. е. всего того, что естественным и единственно правильным образом определяет индивидуальность и разнообразие жилой среды.

Для развития индустриального домостроения Госстрою необходимо как можно скорее отказаться от непосильной функции создателя среды, отдав ее тем, кто для этого предназначен — архитекторам, и доверить право заказа этой среды тем, кто в ней будет жить. И после этого все свои силы сосредоточить на поиске технических возможностей, обеспечивающих рентабельность строительного производства в условиях хозрасчета и самоокупаемости. В итоге это позволит успешно претворять в жизнь социальный заказ, который сформулирует архитектор, исходя из потребностей конкретных людей и нарастающих возможностей строительной технологии.

Но как быть с экономикой?

пока принято считать крупнопанельное типовое строительство наиболее экономичным и оперативным способом решения жилищной проблемы. Вы согласны?

Г. Гладштейн: Крупнопанельное типовое строительство вовсе не является самым экономичным. Стоимость квадратного метра панельного дома неуклонно растет из-за удорожания производства. Казалось бы, вот причина для перевода на индустриальную основу других видов строительства, но нет — крупнопанельные дома выгодны строителям, наиболее ими освоены. Зарубежный опыт показывает, что другие виды строительства как по стоимости, так и по темпам успешно конкурируют с крупнопанельным, а по архитектурным возможностям тем более.

Б. Шабунин: Потребительский спрос на среду обитания естественным образом решит вопрос экономичности панельного домостроения. И надо, чтобы этот вопрос решился до того, как будут затрачены народные силы и средства на строительство комбинатов железобетонных изделий с безнадежно устаревшей технологией. Убеждая всех, что система крупнопанельного домостроения — единственно возможный путь выполнения программы 2000 года, Госстрой не только планирует на будущее непоправимый ущерб нравственному здоровью нации, но и ставит под угрозу само выполнение этой программы.

Прогноз достаточно мрачен, хоть и оправдан крайней степенью Вашей тревоги. Каких конкретных результатов Вы ждете от нынешнего совещания, и в чем вообще состоит польза подобных встреч?

С. Смирнова: Для меня сове-

щение было полезно уже тем, что мы смогли обменяться опытом. Ведь технические отделы наших проектных организаций, обязанные внедрять в практику прогрессивные разработки, не справляются со своей задачей, а часто просто мешают работать. Вообще службы информации на местах работают из рук вон плохо.

П. Чечельницкий: Польза несомненна. Главным для меня стала ставка лучших разработок моих коллег из всех городов РСФСР.

А. Ларин: Наш архитектурный цех расслоился на администраторов, практиков, педагогов. Причем архитекторам-администраторам стали чужды интересы архитекторов-практиков. Абсолютное большинство строителей и работников строительной промышленности тоже поглощено своими заботами, вообще не видит леса за деревьями. Поэтому, безусловно, нужны такие совещания. Проводить их нужно почаще и не только на высоком уровне.

Б. Шабунин: Совещание характерно тем, что впервые строителям понадобились архитектор и Союз архитекторов. Первый пока только в роли декоратора, второй как бюрократическая система, которая своим профессиональным авторитетом должна поддерживать шатающуюся от перестройки бюрократическую систему строительства.

Тем не менее этот факт свидетельствует о признании архитектуры строителями. И будем надеяться, что встречи, подобные этой, шаг за шагом, до тех пор, пока необходимость в них не исчезнет, пояснят, наконец, смысл и назначение каждой из этих созидательных профессий.

что ж, мне приятно завершить наш разговор на такой оптимистической ноте и поблагодарить всех за участие в нем. Не только по долгу ведущего, но и по личному убеждению скажу, что дискуссия была содержательной и конструктивной. Она способствовала прояснению истины.

ОТ РЕДАКЦИИ

Разговор в Свердловске проходил живо и заинтересованно. Были затронуты многие острые вопросы, очерчен круг важнейших задач, которые необходимо решить, высказано немало предложений.

Ситуация, в которой находится крупнопанельное домостроение, сложна и неоднозначна. Участники беседы кроме желания честно и трезво оценить нынешнее положение дел выразили нечто большее — заботу о ближайшем будущем индустриального строительства. Несмотря на разницу во мнениях, в их словах чувствуется надежда на то, что ошибки минувших лет не помешают осуществлению планов обеспечения людей жилищами до 2000 года. Поэтому мы не считаем наш разговор законченным.

Очевидно, что при всех нынешних недостатках система панельного домостроения себя отнюдь не исчерпала. Она нуждается в совершенствовании, которое может пойти по разным направлениям. Об одном из них — наша следующая статья.

ОТ ТИПОВОГО ДОМА — К КВАРТИРЕ НА ЗАКАЗ

Е. Николаев

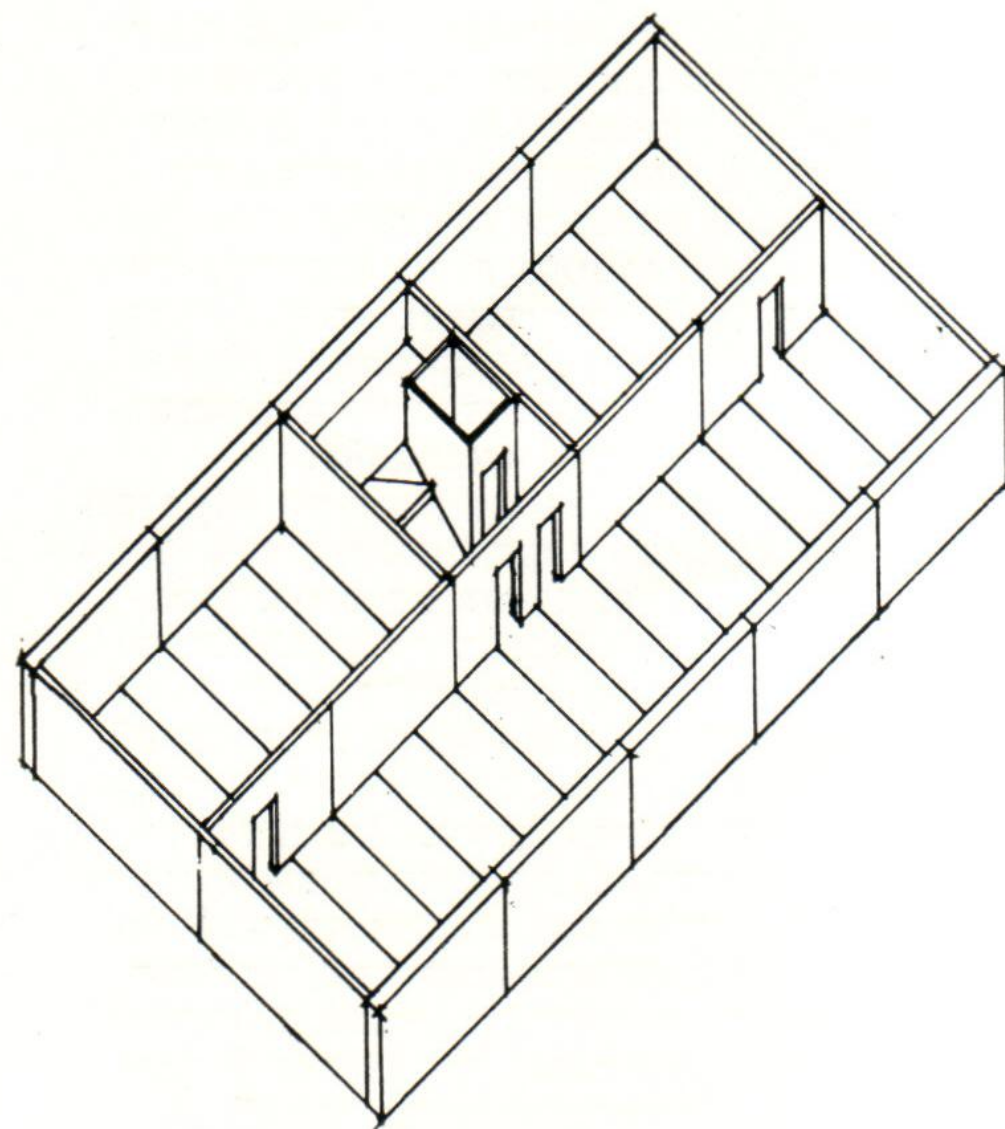
В первые годы развития панельного домостроения принцип единообразия считался его главным достоинством. Именно ограниченность в количестве типовых деталей, узлов, типоразмеров позволяла строить быстро и много, что тогда и требовалось.

Но это требуется и сейчас. До сих пор решающим аргументом в пользу той или иной серии является число марок изделий. Если их мало, то серия считается хорошей, если много, то никакие архитектурные и прочие достоинства ей не помогут, она не идет в дело.

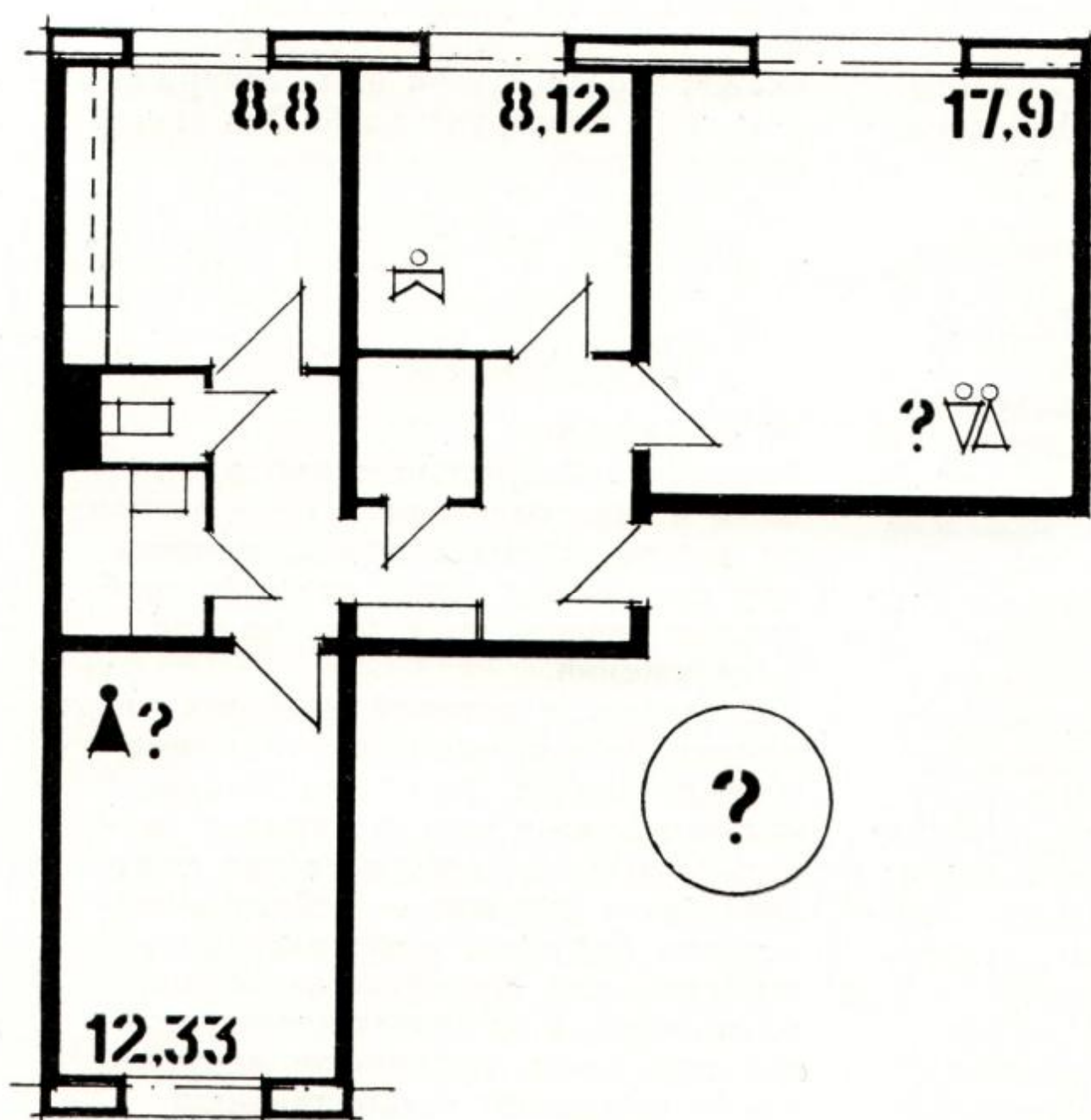
Тот скромный шаг вперед, который наше домостроение сделало по сравнению с первыми годами своего существования, был сделан не за счет того, что мы добились компромисса между индустриальностью и эстетикой, а за счет уступок со стороны стройиндустрии в сторону повышения количества марок изделий, или другими словами — своего усложнения. Понизить архитектурные требования к домостроению мы не можем, не имеем права, значит, необходимо искать какие-либо иные пути ускорения строительства, кроме его упрощения.

Необходимо разобраться, какие конкретные требования технологии домостроения требуют от нас этой простоты. Дело здесь не столько в том, что архитектурное усложнение дома влечет за собой количественное расширение комплекта выпускаемых изделий, а в том, что чем шире комплект, тем уже специализация этих изделий, тем более проблематична стабильность их применения в домах и секциях различного типа. Эта нестабильность, в свою очередь, ведет к недогрузке или перегрузке производственного оборудования, которое в сегодняшнем домостроении выпускает изделия с заданными количественными пропорциями между ними. Подчеркнем основные звенья цепочки: расширение комплекта — узкая специализация изделий — нестабильность применения в различных домах — неритмичность использования производственного оборудования.

Таким образом, требования технологии домостроения предполагают либо ревизию первого звена, либо маневры на двух последующих «буферных». Правда, есть и третий выход — ревизия самой технологии домостроения.

● Конструктивная схема секции с продольными несущими стенами

1	
2	
3	
4	
5	
6	

Из шести представленных вариантов семей в квартире серии 97/1.2 удовлетворительно расселяются только семьи состава 3 и 4, но в таком составе эти семьи существуют не более трех лет. За исключением этих кратковременных вариантов, квартиры с таким составом площадей помещений вообще не приспособлены для размещения семей из четырех человек (формула $K-H-1$), но только для трех или пяти. Все шесть вариантов семей удобно размещаются в различных модификациях трехкомнатной квартиры с гибкой внутренней планировкой. Общие комнаты не содержат спальных мест

Что касается первого направления — просто взять и сузить комплект — значит грубо ущемить интересы архитектуры, которые и так давно ущемлены. И все же мы в Кемеровгорпроект предпочли именно это направление работы, мысль о котором, кажется, не должна и возникать. Действительно, можно ли сократить количество марок изделий так, чтобы не пострадала архитектура? Мы полагаем, что можно, и не только без ущерба для архитектуры и планировки, но и с заметной пользой для них.

В чем же суть этого парадоксального хода? В отделении планировочной основы дома от его основы конструктивной. Дело в том, что именно множественность планировочных решений в пределах одной серии приводит к множественности конструктивных элементов и их количественных сочетаний в ее различных блок-секциях и домах, и, в конечном счете, к дестабилизации комплекта выпускаемых изделий. Происходило и происходит это из-за того, что почти все элементы внутренней планировки традиционного для нас панельного дома конструктивны, — каждая из четырех стен и перекрытие над ними, выкроенное по размеру комнаты, является конструктивным изделием или «маркой».

Если бы мы каким-то образом сумели сделать внутренние стены дома не несущими, заменив их перегородками, то и количество «марок» стало бы меньше, и их комплект перестал бы реагировать на изменение внутренней планировки секции или иного планировочного элемента дома. Идея, безусловно, проста, и, надо сказать, не нова: в каркасных и кирпичных зданиях с несущими продольными стенами нет понятия о поперечном шаге, которому так много значения придается в разработке крупнопанельных серий.

Возможно ли такое с конструктивной точки зрения? Мы предложили конструкторам схему секции с перекрытием в виде одинаковых многопустотных плит, опирающихся на две стороны — на наружные и внутреннюю продольную стены — и образующих

единый жесткий в плоскости «диск», как в каркасных зданиях. Роль диафрагм жесткости выполняли торцевые поперечные стены секции и лестнично-лифтовый узел. Как ни странно, в этой схеме не нашлось ничего принципиально невыполнимого с точки зрения конструкций.

Возможно, противоречия таятся в области технологической целесообразности? Напротив, помимо сокращения номенклатуры конструктивных элементов, можно ожидать сокращения объема и срока монтажных работ, снижения массы здания и увеличения объема возводимого жилья на единицу мощности комбината. Последнее произойдет оттого, что производственные мощности, затрачиваемые сейчас на мелкую сетку внутренних несущих стен, освободятся на производство «объемообразующих» элементов — перекрытий и продольных стен.

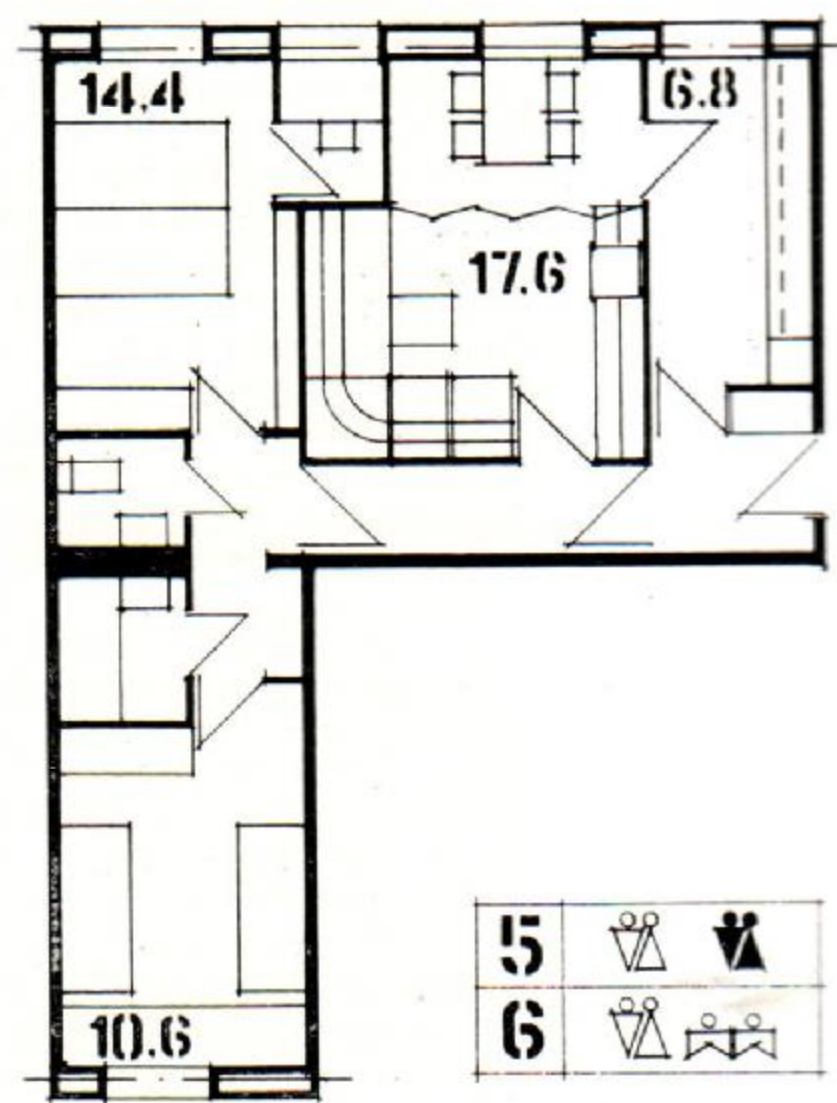
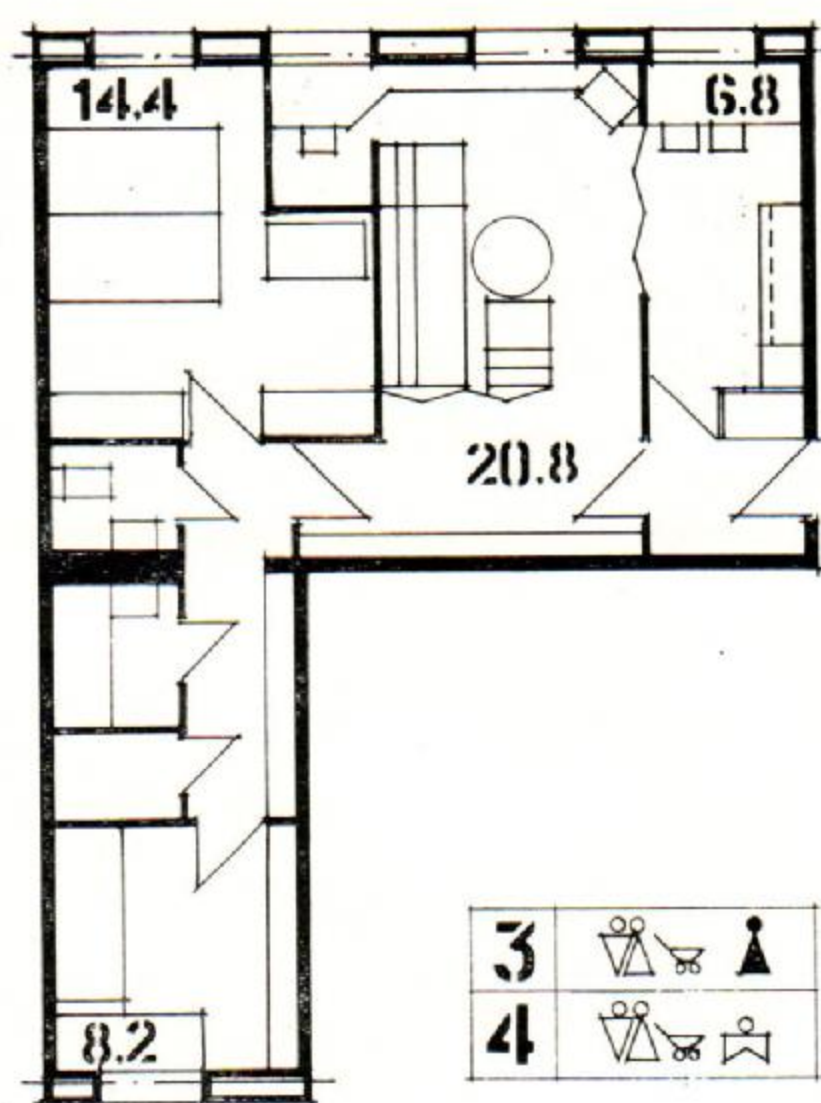
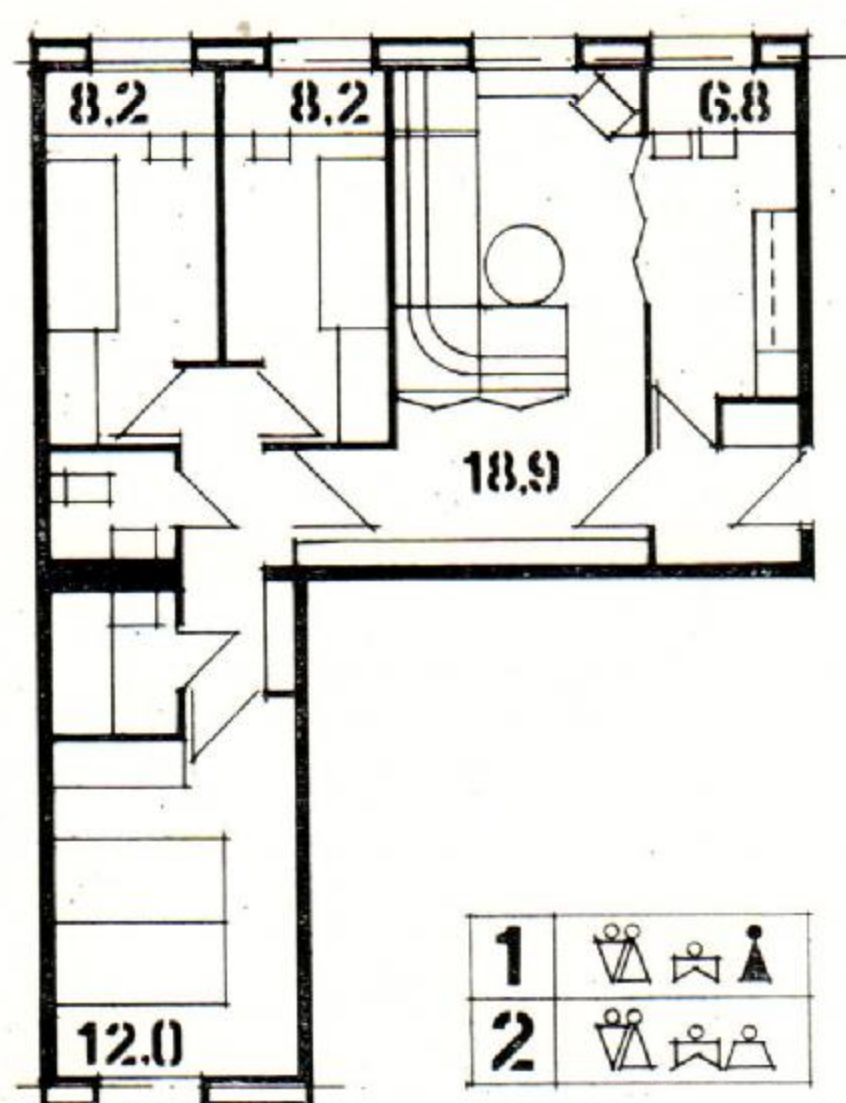
Теперь обратимся к планировке квартир. Принципиальная новизна состоит в том, что собственно «внутренняя планировка», т. е. квартиры, будут появляться не на стадии монтажа, а на стадии отделки. Повлечет ли это за собой увеличение объема отделочных работ? Что касается полов и потолков, то нет, не повлечет, наоборот, отделывать большие поверхности (до установки перегородок) представляется более «сподручным», расширится применение промышленных методов. Что же касается самих перегородок, то вполне реально выпускать их с отделанными поверхностями (чего нельзя сделать с несущими стенами), в этом случае их монтаж безусловно потребует меньше затрат труда и времени, чем потребовала бы оклейка обоями всех несущих перегородок.

Таким образом, анализируя предложение по его «техничко-экономическим» характеристикам, мы находим значительно больше аргументов за него, чем против: экономия материалов, сокращение номенклатуры выпускаемых изделий и их унификация, сокращение трудоемкости при монтаже благодаря замене несущих внутренних стен на перегородки из легких

материалов.

И все же не это является главным аргументом в пользу внедрения гибкой планировки в крупнопанельном домостроении. Главным является то, что сделав конструкции независимыми от планировки, мы и планировку делаем независимой от конструкций, что позволяет нам, не меняя соотношения основных конструктивных изделий, образовывать как угодно много вариантов квартир в соответствии с размером и структурой проживающих в них семей. Только такая система сохраняет способность гибко реагировать своими планировочными параметрами на любые изменения в демографии, социальных и гигиенических факторах, причем как в проектируемых зданиях, так и в построенных. «Жесткое» домостроение рассчитано на сегодняшний образ жизни, сегодняшние нормативы, а здесь из четырех степеней жилищной обеспеченности, определяющих уровень благосостояния населения, мы едва еще достигли первой, обеспечивающей необходимый минимум санитарно-гигиенических удобств, а нам предстоит подняться и до второй, и до третьей, обеспечивающих удовлетворение социальных и духовных потребностей семьи. Можно подумать и о четвертой, которую специалисты нашей и ряда зарубежных стран считают разумным пределом, когда рост благосостояния не сказывается на потребности в дополнительной жилой площади. Предел этот — 16—18 м² жилой площади на человека.

Безусловно, что жилище, совершенствуясь, должно меняться и структурно, сохраняя способность перераспределения внутренних площадей квартир и изменения структуры жилого фонда за счет передвижки внутриквартирных и междуквартирных перегородок. Последствия отсутствия такого качества, как гибкая планировка, мы можем оценить на примере первых панельных зданий шестидесятых годов: не прошло еще тридцати лет, а они уже не соответствуют сегодняшнему уровню жизни, и «подогнать» их к нему практически невозможно. Необ-

3-КОМНАТНАЯ КВАРТИРА / ВАРИАНТ 315 / НА ОСНОВЕ ГИБКОЙ ВНУТРЕННЕЙ ПЛАНИРОВКИ

ходимо воспользоваться этим уроком.

Должно ли количество планировок квартир быть безграничным? До сих пор в ходу были определяемые нормативом 10 типов: 5×2 (типы «А» и «Б»), причем не всем было ясно, зачем существуют квартиры типа «А». Считалось возможным обходиться без них, в нашей 97-й серии, например, их не было. Если какие-то модификации и возникали, то под воздействием причин не внутренних, а внешних, например в рядовой и угловой секциях.

Необходимость изменения этого положения стала для нас очевидной после выяснения количественных и качественных характеристик нужного нам сегодня жилья. Основывались мы на немногочисленных нормативных данных, санитарно-гигиенических показателях и рекомендациях, собственных расчетах и представлениях о социальной справедливости. Привлечены были и исследования в области динамики семьи и социологии. На основании данных нашего статистического управления и ЦНИИЭП жилища был реконструирован демографический срез населения Кемерово по возрастному и семейному составу.

Мы получили ни много ни мало 55 основных типов семей различного структурного и возрастного состава, включая одиночек. Затем были определены номинальные величины жилищ по общей площади. На основе унификации этих величин были выбраны 12 типов габаритных ячеек: 7 квартир-ного типа и 5 — жилища для малосемейных и гостиничного типа. Далее в этих габаритных типах жилых ячеек были прорисованы планировки для всех 55 типов семей и одиночек. После унификации жилых ячеек со сходными планировками их осталось 28, из них 22 — квартирного типа.

22 типа квартир — это необходимый минимум, вполне достаточный для создания проблем в «жестком» домостроении, для гибкого же — число «конструктивных» квартир будет только 7 по числу габаритных ячеек, тогда как число планировок в них может быть как угодно большим.

Нужно ли так точно учитывать все нюансы демографии? Что это даст? Во-первых, только опираясь на демографию расселения, можно выполнить поставленную перед нами задачу — дать каждой семье отдельную квартиру до 2000 года. Становится не безразлично, какие именно квартиры нужно строить, точный учет демографии населения позволяет одновременно повышать комфорт проживания и экономить жилую площадь при вселении.

Последнее утверждение, возможно, кажется парадоксальным. Действительно, можно ли повысить комфорт, одновременно уменьшив площадь? Это трудно себе представить, потому что мы живем в условиях острого жилищного дефицита. Даже то, что мы строим, не соответствует нашим запросам, оно нам заранее «мало». Поэтому, мы, как жильцы, привыкли считать главным достоинством квартиры ее размер, отодвигая на второй план удобство. В этих условиях лишняя площадь сама по себе является показателем комфорта, а то, что он распределяется неравномерно между членами въезжающей семьи, кажется нам мелочью.

Приведем пример. В трехкомнатную квартиру въезжает типичная семья: супружеская пара, сын-подросток и бабушка. В квартире три комнаты — 18, 12, 8 м² — все по СНиПу. Как размещается семья? Если в спальню площадью 12 м² — родителей, то кого в общую комнату? Бабушку и подростка вместе не поселишь, да и тесновато будет на 8 м². Выходит, единственный вариант — родители в общей, а кто-то, бабушка или внук, в большой двухместной, «супружеской» по габаритам спальне. Так же плохо размещаются в этой квартире и другие семьи.

Если мы представим себе, что существует определенный показатель допустимого дискомфорта, определяющий минимум жилищных благ для каждого конкретного вселяемого человека, ниже которого опускаться нельзя, то при неравномерном распределении площадей в квартире мы должны

будем увеличивать площадь самой квартиры, чтобы остаться в рамках этого показателя. Квартиры с гибкой планировкой при равном уровне комфорта вместительнее, а при равной вместимости комфортнее, так как обладают свойством перераспределения площадей в квартире в соответствии с этими показателями.

Мы можем почерпнуть из СНиПа всего лишь предельные величины площадей отдельных помещений квартир различной вместимости без каких-либо указаний на то, какой контингент жильцов может ими пользоваться. Хорошо ли, что наш основной нормативный документ в этих вопросах так скуп на слова, или плохо, трудно сказать, но положение вынуждает нас использовать иные источники информации.

Единые критерии нормирования площадей для жилищ любого типа были приняты нами для спальных комнат и спальных зон: в одной спальне с родителями могут проживать дети только в возрасте до четырех лет, разнополые дети проживают в отдельных помещениях, взрослые проживают в отдельных помещениях, за исключением супружеских пар.

Единство этих критериев для всех групп населения объясняется единством гигиенических требований, в отличие от требований социальных, определяющих состав зон общего пользования, которые могут и должны отличаться для разных социально-демографических групп. Внимательное отношение к зонам общего пользования позволяет открыть значительные внутренние резервы экономии внутриквартирных площадей при одновременном повышении комфорта проживания. Например, кухня площадью 8 м² (по СНиП) является кухней-столовой, что не всегда целесообразно, например при расположении кухни рядом с общей комнатой, содержащей обеденную зону. По сути дела и «общая комната» и «кухня» понятия синтетические, поддающиеся разделению на ряд составляющих, выполняющих определенные функ-

ции. Не все они необходимы в жилищах разного «класса» — от больших квартир до жилищ гостиничного типа. Сокращение их площадей носит ступенчатый характер, вплоть до полного исчезновения общих и кухонных зон. Точный учет принципов этого сокращения и позволяет не тратить лишних площадей там, где в них нет необходимости, и обеспечивать в жилищах любого типа, включая жилища для малосемейных и гостиничного типа, равный, социально оправданный уровень комфорта.

Само понятие «комнатности» в квартирах с гибкой планировкой становится достаточно условным: комнат может быть и больше, чем регламентируется в «паспортных» данных квартиры. Так, в наших разработках 43% двухкомнатных (по общей площади) квартир имеют потенциальную третью комнату, а 45% трехкомнатных — четвертую. Следует ожидать, что в будущем это положение изменится на обратное, в сторону понижения количества комнат.

Хотя вопросы планировочной структуры жилища и являются для нас центральными, мы не ставим задачу создания совершенных планировок квартир на все случаи жизни, а видим свою задачу в соблюдении точного и справедливого соотношения между размерами жилой ячейки или ее общей площадью и структурой вселяемой семьи. Созданные нами планировки квартир по сути дела являются лишь образцами, демонстрирующими возможности метода, выбор же конкретной планировочной модификации квартиры должен быть делом вкуса жильца. Иное дело площадь жилой ячейки, эта постоянная величина должна точно определяться для каждой конкретной семьи. Другими словами, создание планировки квартиры — задача оперативная, решаемая каждый раз по месту.

Квартиры в домах распределяются, как правило, до начала выполнения отделочных работ, или даже начала строительства. Не составит труда распространить среди потенциальных жильцов каталоги с различными вариантами планировок квартир и проставить номера выбранных вариантов на планах отделочных работ, содержащих лишь семь «пустых» габаритных жилых ячеек в заданном наборе, определяемом данными демографии или заданием.

Мы предполагаем, что разгораживать жилые ячейки на комнаты будет специализированное строительное подразделение. Возможно использование сил населения по принципу «сделай сам». Появится возможность проектировать и строить квартиры на заказ — для конкретного жильца, не ограничиваясь разработанными «каталожными» типами.

В секции-контейнере размером 22,5×12 м мы смогли разместить семь типов габаритных ячеек квартир в восьми различных сочетаниях. Это значительно больше, чем мы имели до сих пор в рамках нашей 97-й серии.

Таких секций-контейнеров мы намерены создать несколько. Отличаясь прежде всего длиной, они создают условия для различной предпочтительности заполнения жилыми ячейками того или иного типа. Препятствий здесь практически нет, так как комплект изделий при изменении длины секции меняется количественно, без появления новых марок изделий.

В этом панельное домостроение с гибкой планировкой имеет исключи-

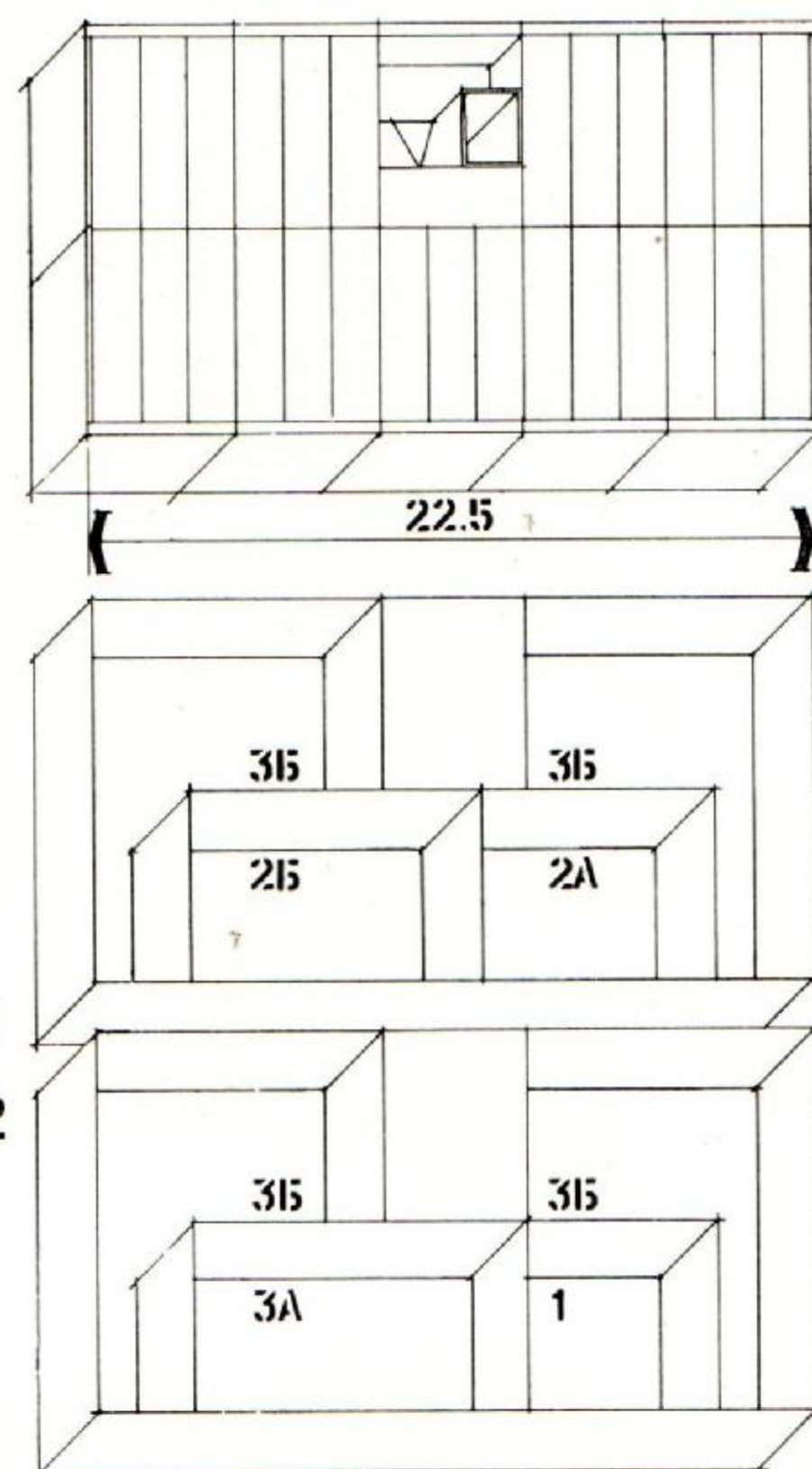
Изменение длины секции
кратно модулю повышает
вариантность размещения
в ней различных квартир.
Что касается секций мери-
диональной ориентации, то
здесь количество вариан-
тов практически неограни-
ченно.

тельные преимущества по сравнению с «жестким». Гибкость и разнообразие планов определяют эти же качества и в отношении фасадов, так как ничем иным они не регламентируются. В планировке секций отсутствует жесткий ритм поперечных шагов, что позволяет варьировать набор стеновых панелей и не только по горизонтали, но и по вертикали, так как совпадение планов этажей — дело здесь не обязательное.

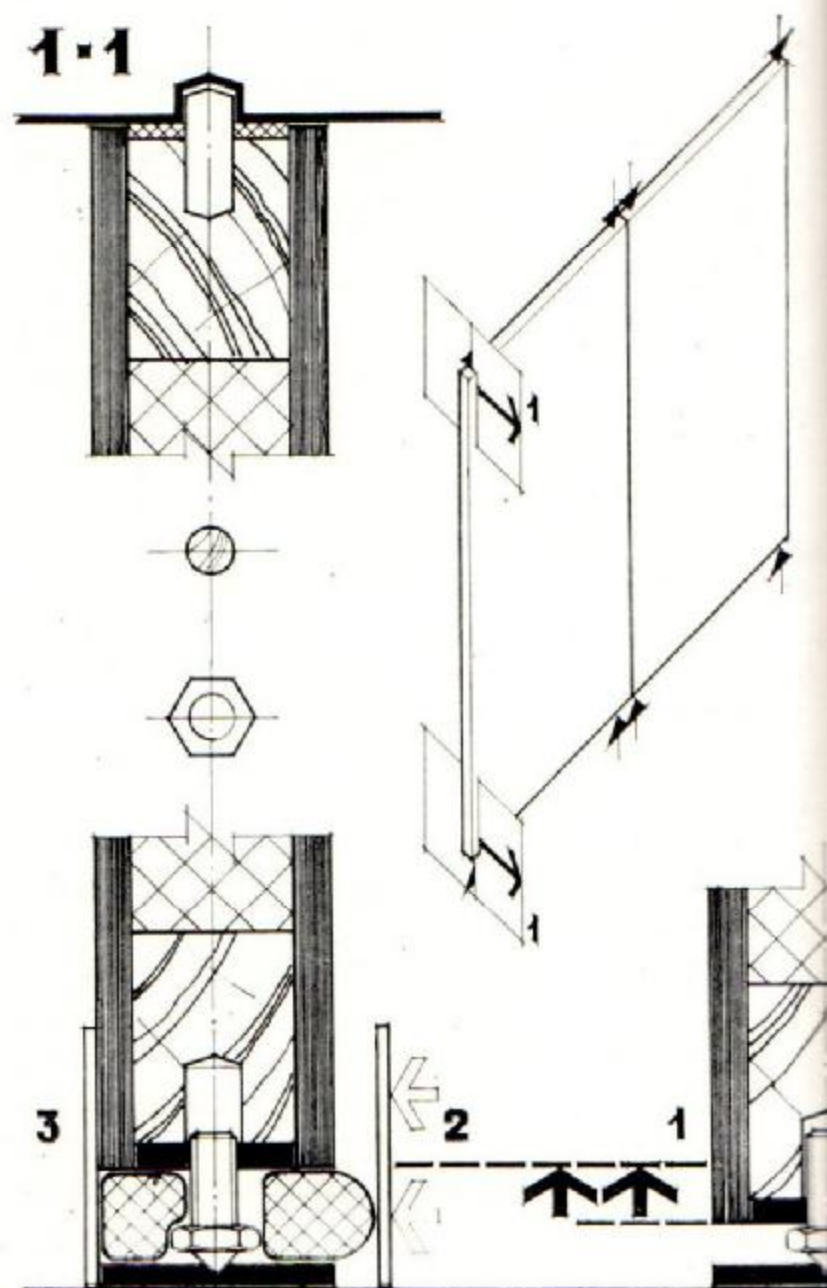
Вероятно, никакая иная система не способна дать такой свободы в выборе решений фасадов. Освоив строительство домов с гибкой планировкой, мы могли бы добиться такого положения, когда ни один дом не повторял бы другой, понятия «типовой фасад» и «привязка» ушли бы в прошлое без всяких героических усилий со стороны стройиндустрии. Дополнительные издержки были бы только у архитекторов, но если мы хотим больше получить от архитектуры жилых домов, то должны больше в них и вложить.

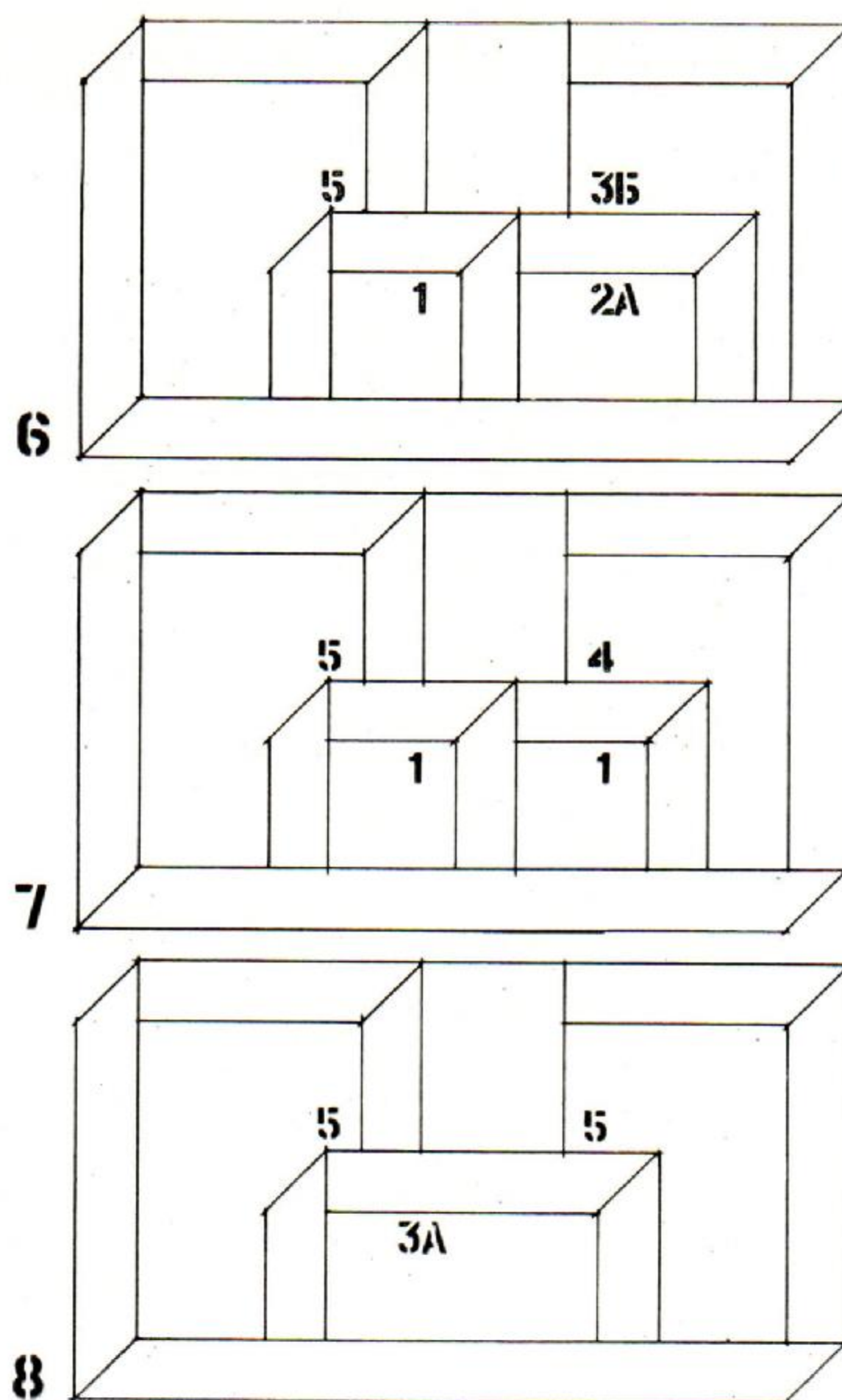
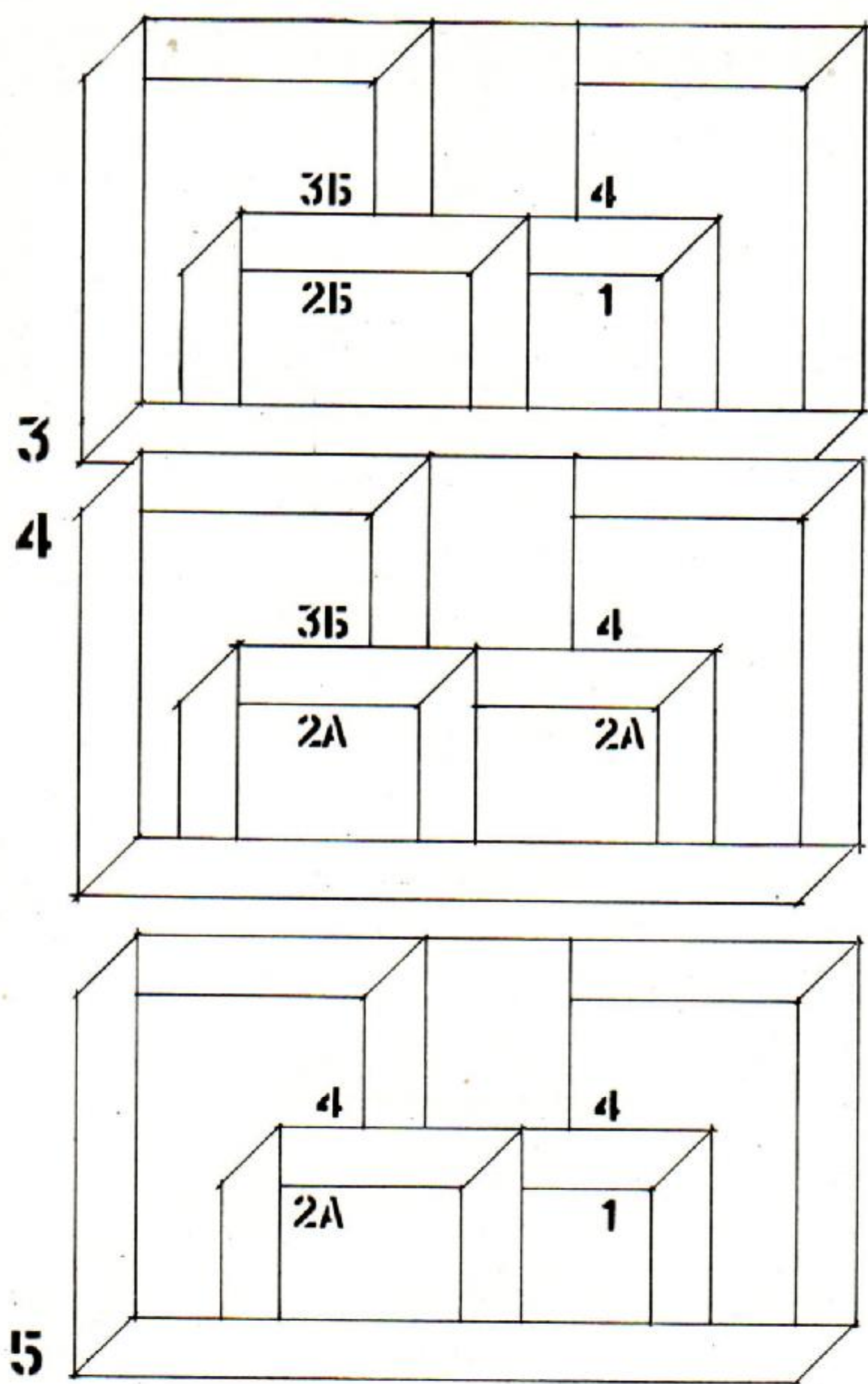
ОТ РЕДАКЦИИ

Высоко оценивая преимущества предложенного метода гибкой планировки квартир, мы не исключаем наличия в нем некоторых уязвимых сторон. Поэтому, не беря на себя ответственность утверждать «истины в последней инстанции», редакция предложила члену редколлегии журнала, заведующему лабораторией типологии жилых зданий МНИИТЭП Н. Я. Кордо прокомментировать статью. В одном из номеров этого года журнал намерен вернуться к теме гибкой планировки жилых домов.

Крепление переставных перегородок. Перегородки собираются из отдельных звеньев и крепятся к полу и потолку методом распора

Выведенная более двадцати лет назад и в общем-то никем не оспариваемая идея трансформации квартир нуждается в своих постоянных и активных проводниках, какие есть, скажем, у идей развития монолитного домостроения, ГСПД, научного формирования структуры жилого фонда, внедрения лучевых систем. Естественно поэтому, что присланный из Кемерово материал Е. Николаева о планировочных видоизменениях квартир привлёк внимание редакции «Архитектуры СССР». Судя по всему, автор всерьёз и, хотелось бы верить, надолго занялся вопросами гибкой планировки жилой ячейки, этой важной сферой теории и практики жилищного строительства.

Кроме средств трансформации квартир Е. Николаев предлагает свою трактовку типологии жилой ячейки. Возможно, не все специалисты ее поддержат, но широта охвата автором данной темы, самостоятельность и масштабность его суждений бесспорны.

В условиях «трехстенки», считает он, можно в жестких границах квартиры по-разному ставить несущие перегородки, меняя план ячейки в зависимости от половозрастного состава, образа жизни и вкуса жильцов. Тем самым число и размеры комнат теряют свою подчиненность нормам, превращаясь в следствие демографии и бытового уклада семьи (норме соответствует лишь общая площадь квартиры). При поперечных несущих стенах такие метаморфозы плана невозможны.

Несмотря на похвальную новизну мыслей автора, нужно сделать несколько замечаний.

Во-первых, кроме гибкой планировки в пределах одной квартиры очень важно видоизменение квартир в пределах секции. Речь идет об укрупнении одной ячейки за счет другой вплоть до их объединения по горизонтали или вертикали (в последнем случае появляется квартира в двух уровнях). Такой вид трансформации — средство увязки квартирной структуры жилого фонда с растущей жилищной обеспеченностью населения. Ведь если семья стала больше, никакая подвижка перегородок в квартире не даст жильцу обещанного ему государством повышения жилищной обеспеченности. Если же семья стала меньше, вопрос перепланировки во многом теряет свой смысл.

Это не значит, что гибкость плана в границах ячейки не нужна. Даже по достижении жилищного достатка подбор новой квартиры для семьи, изменившей свою численность или демографическую структуру, требует немало времени, в течение которого комфорт можно будет поддерживать за счет трансформации планировки ячейки. При нынешних же сроках ожидания квартир видоизменяющийся план тем более полезен. Будут и случаи, когда, не желая менять места жительства (близость к центру города, работе, зеленому массиву и др.), семья предпочтет остаться в прежней квартире. В этой ситуации улучшить жилищные условия людей можно будет лишь средствами гибкой планировки.

И все же гибкая планировка в «пятне» одной и той же ячейки не суть проблемы трансформации квартир.

Целью является гибкая планировка в рамках секции. Хотелось бы, чтобы автор учел это в своей дальнейшей работе.

Во-вторых, внедрение идеи Е. Николаева встретит ряд технических трудностей. «Трехстенка», конструктивная база планировочных вариаций, ограничит высоту зданий. Перестановке перегородок будет мешать жестко зафиксированное положение окон (ленточное остекление или частый ритм проемов здесь невозможен). Сложным будет устройство перегородок. Их число и длина в разных планировочных вариантах различны. Ни жильцы, ни ДЭЗ не смогут иметь запас этих конструктивных элементов. Значит, перегородку нужно наделить способностью по-разному раскладываться, делиться на части, становиться длиннее и короче.

Не будем, однако, делать акцент на недостатках статьи. Автор сам признает, что формулирует лишь общие исходные моменты предстоящей работы. Гораздо важнее подчеркнуть его способность творчески мыслить и находить новое в старых типологических аксиомах. Пожелаем ему успешно продолжить свои исследования — их актуальность не вызывает сомнений.

Н. Кордо

«ЕСТЬ ЛИ У АРХИТЕКТУРЫ БУДУЩЕЕ?»

В номере «Архитектуры СССР» за май — июнь 1987 года была напечатана статья А. Раппапорта «Есть ли у архитектуры будущее!». В ней поднимались проблемы, связанные с очевидной трансформацией роли зодчества в современном динамичном мире. Автор с тревогой писал о множестве противоречий, создавшихся в нашей профессии.

Публикуя статью автора, редакция вместе с тем допускала наличие иных точек зрения на проблему, поэтому предложила открыть этой статьей новую рубрику «Полемика». Как мы и ожидали, в редакцию пришло немало откликов, авторы которых стоят на разных позициях. Исходя из принципов гласности и демократии, мы публикуем по возможности все письма. К сожалению, не можем воспроизвести их полностью из-за большого объема. Даем их в сокращении, сохраняя главные положения и не считая на этом полемику законченной.

А. МАРТЫНОВ (Москва)

Более чем неожиданным для меня оказалось появление «проблемной» статьи А. Раппапорта «Есть ли у архитектуры будущее?». Уже от самой постановки вопроса веет сомнением, скепсисом и чем-то сходным с тленом. Хочется сразу же ответить: «Есть! Притом, будущее вечное», поскольку, по словам А. В. Луначарского, «всякому великому времени соответствует великая архитектура».

Из неоспоримого исторического факта, что «архитектура возникла в определенных обстоятельствах», автор упомянутой статьи делает исторически неверный вывод, что архитектура «может исчезнуть, уступив место каким-то иным формам культуры». Следовательно, здесь спутаны понятия «памятник» и «стиль». Оттого, что на смену античной ордерной системе позже пришли иные архитектурные стили, совсем не следует, будто навсегда исчезли памятники греческого зодчества. Хотя стили меняются, шедевры архитектуры остаются. И автору статьи следовало бы задуматься о том, почему многие поколения гневно осуждают истребителей художественных шедевров, например, Герострата, сжегшего знаменитый храм ради желанья прославиться.

В статье о будущем архитектуры предлагается ни много ни мало, как заменить понятие «архитектура» категорией «архитектурная среда». В обоснование этого автор привлек авторитет Гегеля — якобы тот где-то говорил, что не верит в будущее архитектуры. Что ж, великий диалектик-идеалист не верил во многое, сомневаясь даже в реальности материального мира.

Гораздо больший авторитет имеют суждения о зодчестве выдающихся архитекторов. О большой идейно-художественной функции архитектуры А. В. Щусев писал — «не надо забывать, что зодчество есть частичное выражение жизни и устремлений всего СССР». Ф. Л. Райт утверждал, что «великая архитектура — это величайшее свидетельство человеческого величия».

Каждый предмет, как известно, отличается от других характерными признаками или качествами. Для архитектурного сооружения — это удобство и красота, создаваемые гармонией форм. Таким образом, если следовать А. Раппапорту, из архитектуры исключается ее определяющее качество — красота. В итоге останется лишь требование утилитаризма — иначе говоря, функционализм чистейшей воды.

Между тем одним из серьезных упущений в архитектуре общественных зданий последних лет явилась их идейная нейтральность. При этом отказ от синтеза искусств объяснялся внешне благовидным предлогом экономии средств на строительство. Деньги, конечно, экономить надо, но не в ущерб идейно-воспитательной функции архитектуры. Гражданская сознательность и стойкий патриотизм — наивысшие духовные ценности советских людей.

Некоторые наши теоретики, не исключая требование красоты, сужают это понятие из-за своих вкусовых пристрастий. Иллюзорную легкость зданий, почти невесомость, автор статьи считает характерной (и, по-видимому, весьма ценной) чертой современной архитектуры, — она, по мнению А. Раппапорта, как бы исчезает... Нет, не удобная технология монтажа домов из панелей, но многие природные и исторические факторы определяют эстетику национального зодчества! Подмена же автором статьи понятия зодчества архитектурной средой, кроме всех нежелательных последствий, открывает простор для бульдозеров в сложившейся веками архитектурной ткани наших городов. В результате массового возведения холодных, сплошь остекленных «эфемеризованных» параллелепипедов полнокровная архитектура могла бы действительно исчезнуть. Но кому это нужно? Строительство «стекляшек» уже более 20 лет благословляют у нас «теоретическим» тезисом: «Что хорошо функционирует, то хорошо и выглядит». Сформулировал его в начале 20-х годов германский архитектор-функционалист Б. Таут. Вполне возможно, что с ним согласен и автор статьи. Но кому не ясно, что с утилитарных позиций идейно-художественный уровень архитектуры никогда не поднять!

Если можно понять «новых конструкторов мира», 20-х годов, предлагавших формалистические высоченные сооружения — они по-своему стремились встать «вровень с эпохой», порожденной Октябрьской революцией — то ничем нельзя объяснить, почему эстетические качества зданий затшевываются, ставятся на второй план автором статьи в настоящее время, когда художественная сторона архитектуры должна решать важные задачи нравственного и патриотического воспитания? Должен же он знать творчески плодотворнейший ленинский завет: «Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое» (Из воспоминаний К. Цеткин). Сказанное В. И. Лениным о живописи в полной мере относится к архитектуре. Будущего лишена отнюдь не вся архитектура, а формалистиче-

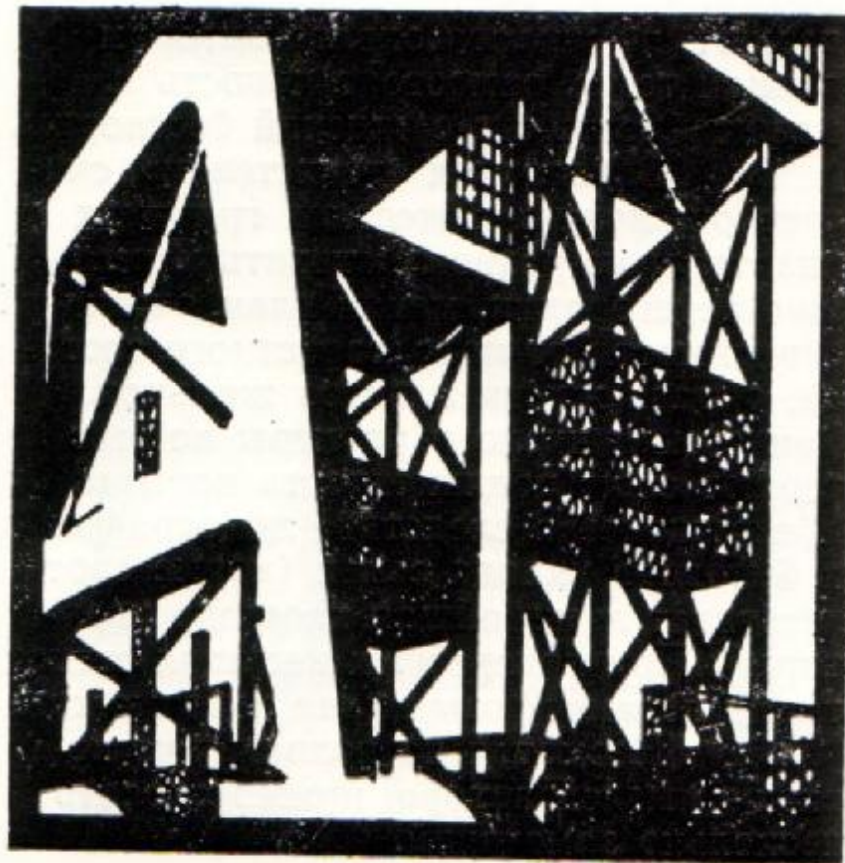
ская идейно-нейтральная, бездуховная. Отказ от пластики и синтеза искусств завел проектировщиков в тупик. И для того, чтобы преодолеть отставание «формы» — художественной стороны зодчества — от его «содержания», т. е. утилитарного назначения зданий, при новаторских поисках следует внимательно использовать и все ценное из национального архитектурного наследия, включая опыт крупных советских мастеров. АРХИТЕКТУРА ВЫСОКИХ ИДЕЙ ВЕЧНА.

Г. ЛЕБЕДЕВА (Москва)

Для впечатлительного человека главное при чтении данной статьи — это, прочитав ее заглавие, — сохранить присутствие духа. И, в самом деле, ведь Александр Гербертович не предлагает, к счастью, распустить Госкомархитектуры или направить всех с архитектурными дипломами в другие отрасли народного хозяйства.

Поэтому, сохранив спокойствие, внимательно познакомимся с заключительными абзацами статьи. «Полная тайн связь слова и тела», из которой только и может «вырасти», как полагает А. Г., будущее архитектуры, волновала человечество и в два минувших века, и, в той или иной мере, во все периоды истории. Еще Витрувий объяснял необходимость теоретической подготовки архитектора тем, что последний всегда должен уметь на словах раскрыть достоинства выполненной работы, не полагаясь на непосредственные впечатления заказчика. Недоверие к чувственным оценкам, к интуиции творчества не раз в истории обостряло тягу к слову, к описаниям, к объяснениям, к рассуждениям, но само архитектурное дело при этом существовало собственной, относительно независимой жизнью. К тому же сейчас, в наше динамичное время, о какой из унаследованных нами от древности дисциплин (философии, например) не задумаешься: та ли она, что прежде, жива ли она еще?

Преодолев таким образом катастрофичность риторического восклицания в заглавии, читатель может спокойно погрузиться в размышления о настоящем положении архитектуры, которое представлено в статье с при-

сущими автору блеском формы и глубиной содержания.

Перед нами разворачивается картина «слома» истории в XX веке, что означает смену самых фундаментальных оснований человеческого бытия и окукливание человека в плотном слое информационных пут. Следуя за Маклюэном, А. Г. рассматривает реальные и возможные последствия наступления коммуникативной культуры, в рамках которой телесные переживания и познание окружающего мира вытесняются сугубо интеллектуальным считыванием различного рода текстов, продуцируемых культурой.

В предельном варианте коммуникативная культура может быть описана следующей ситуацией: ребенок знакомится с окружающим миром не через естественный хаос случайных ощущений, но с помощью цифровой информации, целенаправленно вводимой в его мозг тем или иным способом. Если отвлечься от этого страшного образа искусственного машинного воспитания, то нетрудно заметить, что и сейчас живое действие или впечатление все более вытесняется в нашей жизни информационными суррогатами.

Так, противостояние дали и близи, преодоление пространства — а эта тема буквально пронизывает всю русскую литературу — свертываются теперь в скудную информацию, содержащуюся в проездных документах и указателях: действительные затраты сил и времени редко соответствуют протяженности пути. Десятки метров над и под землей преодолеваются за секунды, и человек, например, на двадцатом этаже лишь случайно узнает, что это — высота древнейшей из египетских пирамид. Массивность, материальная весомость многоэтажных громад ощущается обывателем разве что по размеру кооперативных взносов на их возведение. Наконец, только увлекательный текст, прочитанный или услышанный с экрана, может заставить городского жителя оценить или просто заметить архитектурное сооружение, мимо которого он проходит каждый день. И полный скепсиса взгляд А. Г. на возможности адекватного восприятия архитектуры в современных условиях не мешает ему возлагать надежды на живое творное действие слова.

Но вера в действительность слова, в том числе и слова об архитектуре, предполагает неизбежность законов естественного существования человека в мире, естественных отношений с природой и космосом, естественных зрительных и телесных впечатлений. В этом смысле категория «среда», как хотелось бы думать, ориентирована вовсе не на девальвацию архитектуры, но на

удержание естественности пребывания человека в тенетах цивилизации.

Единственная поправка, которую я внесла бы в безупречный ход рассуждений, состоит в следующем: новизна любого рода каждый раз возвращает человека к истокам, и чем более необратимый характер принимают проявления тотальной коммуникативности, тем настоятельнее наше обращение к истории и фундаментальным основаниям архитектуры, и тем меньше поводов сомневаться в ее будущем. Она будет всегда, но НЕ ТА, ЧТО ПРЕЖДЕ.

М. САВЧЕНКО (Москва)

А. Раппапорт допускает, по-видимому, одно недоразумение: он приписывает архитектуре конкретные культурно-обусловленные значения. Поэтому само существование архитектуры оказывается у него историчным: отмирание сакральных смыслов «космической» архитектуры и приход коммуникационной, архитектурно не воплощаемой культуры — все это заставляет сомневаться в архитектурном будущем. Панацею А. Раппапорт видит в слове — в тексте, теории, комментарии, поскольку только они могут воплотить текущие культурные смыслы сооружений.

Выводы автора логичны, но верна ли их предпосылка? Кажется, он сам в ней сомневается, ставя вопрос, «каким образом историческое, прошедшее через призму исторического мировоззрения античное наследие не утратило своей жизненности». Если бы архитектура значила то, что конкретно содержится в культуре каждой данной эпохи, то смена культур стирала бы и их архитектурное наследие. Перенос акцентов с архитектуры на иные информативные системы действительно уничтожил бы зодчество. Но дело обстоит иначе. Церковная архитектура значима для атеиста так же, как и для верующего. Интерес к памятникам прошлого демонстрирует, как ни странно, внеисторический, через голову ушедших эпох, смысл архитектуры. Ее содержанием являются не конкретно-обусловленные культурные значения, а исходные и межкультурные установки миропонимания, координаты мирового строения, которые и позволяют усматривать те или иные исторически преходящие ценности.

Архитектура обеспечивает саму способность различения и действия, ибо разворачивает и демонстрирует структуру мира, координаты его строения, его Порядок. Античная архитектура значима вопреки ушедшим сакральным смыслам античности, и именно потому, что предпосылки устройства человеческого Космоса, его вневременные пространственные универсалии Верха и Низа, Локуса, Центра, Формы, Границы, Среды и т. д. отчетливо здесь проявлены. Заметим, что греки нигде буквально не воспроизводили свой шарообразный космос: они нащупывали в своей ордерной системе именно базовые универсалии всякого мироустройства, ориентиры для любых культурных норм, идеологий, научных систем, образов жизни.

Ту же космическую функцию отправляют архитектурные течения всех эпох, в том числе современная архитектура. Они лишь по-разному представляют акценты универсалий и перебирают средства их воплощения. Только в этом пункте архитектура исторична. Разумеется, архитектурный язык пространственен, а не вербален.

Актуальность и важность по-

стоянной ревизии теоретических основ архитектуры, предпринятой в статье А. Раппапорта, представляется бесспорной. Ведь именно **АРХИТЕКТУРА ОБЕСПЕЧИВАЕТ САМУ СПОСОБНОСТЬ РАЗЛИЧЕНИЯ И ДЕЙСТВИЯ.**

ТОДОР ЦИГОВ (г. Пасарджик, НРБ)

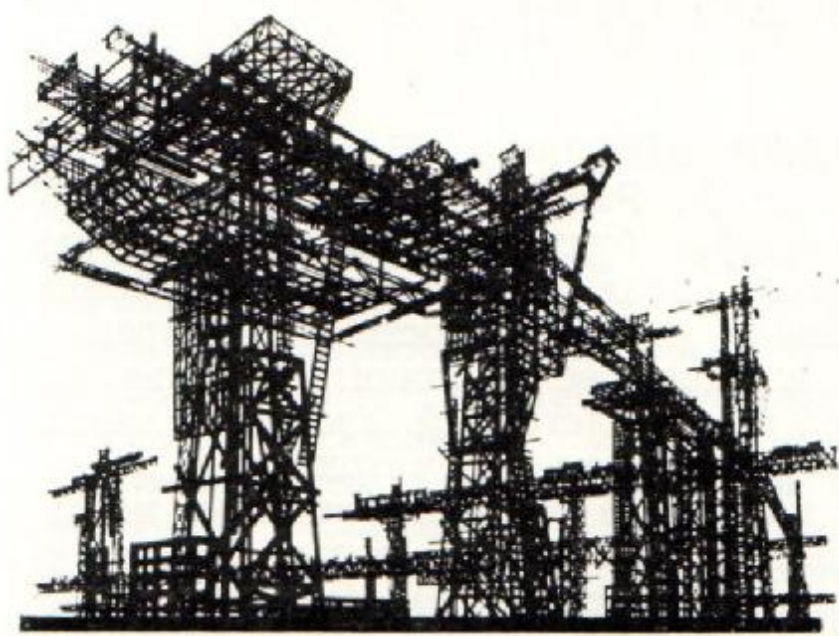
Статья А. Раппапорта «Есть ли у архитектуры будущее?», которой открывается новая дискуссионная рубрика, вызвала у меня радость и одновременно желание ее дополнить. Статья задает тон предстоящей дискуссии: архитектура должна рассматриваться не сама по себе, а на более высоком иерархическом уровне — с точки зрения ее места в общественном бытии, с философской точки зрения (пока только в публицистическом плане). Чтобы ответить на вопрос, поставленный в заглавии статьи, по-моему мнению, необходим системный исторический подход. Действительно, автор приводит исторические обоснования, но мне кажется, в его рассуждениях не чувствуется влияния прошлого на будущее нашей профессии. Наверное, поэтому основные выводы автора статьи сопровождаются словами «может быть», но это, хочу сразу оговориться, не уменьшает ее ценности. С другой стороны, в статье предлагается широкий обзор современного состояния архитектуры, автор высказывает интересные идеи, наталкивающие на размышления. Здесь я нашел много нового для себя...

Уже несколько лет я занимаюсь изучением теоретических возможностей математического моделирования будущего общественной жизненной среды. Оказалось, что путь к научному ее прогнозированию начинается от неолита. Ответ на вопрос, который предлагает нам заглавие статьи А. Раппапорта, будет гораздо более сложен, чем мы ожидаем, и будет дан значительно позднее. Но этот ответ является для меня целью, как и для автора статьи. Поэтому я надеюсь, что предлагаемый мною подход, с которым я хотел бы включиться в дискуссию, скорее присоединяется к точке зрения автора, чем ей противопоставляется. Это просто другой путь к той же цели. Посылаю вам свою статью для участия в дискуссии, организованной вашим журналом. Итак, надо ИСКАТЬ ПУТЬ К НАУЧНОМУ ПРОГНОЗИРОВАНИЮ БУДУЩЕГО.

В. РАБИНОВИЧ (Москва)

Статья Александра Гербертовича Раппапорта «Есть ли у архитектуры буду-

шее?» интересна тем, что, остро ставя вопрос, дает основу для полемики. Да, зодчество и «искусство архитектуры» («архитектура как искусство», по словам Ф. Энгельса) глубоко общественны, но ведь это и означает, что они имеют не только эстетическую форму, но и свое идейно-эстетическое содержание. Конечно же, на архитектуру влияет и научно-технический прогресс, начиная с остро обрисованной в отличных иллюстрациях к статье художника Тишкова прямолинейности индустриализации и кончая таинствами теории информации.

Да, в состоянии дел в архитектуре последнее время нарастают кризисные явления, хотя, мы убеждены, в контексте двух социумов на Востоке и на Западе они не тождественного порядка. От души приветствуем слова правды в статье А. Г. Раппапорта: эклектические установки постмодернизма «все же сильно уступают по силе творческого энтузиазма футуристическим и функционалистским программам начала века», а наша отечественная «бумажная» архитектура при самых благих намерениях «волей-неволей» стала «новым видом «излишеств» по отношению к архитектурной практике».

Так что же нам делать? Видимо, надо начать говорить не только отдельные слова правды, но и всю правду о реальных противоречиях советской архитектуры, ибо разрешение этих противоречий и определит ее развитие, ее будущее.

И тут мы должны оспорить некоторые решительные постулаты статьи Раппапорта. В статье настойчиво проводится мысль, что «на смену «космическим» культурам приходит культура коммуникативная», но ведь и та, и другая характеристика до однозначности обуживают противоречивое богатство человеческой культуры, — что уж тут удивляться, что архитектуре прогнозируется неуютное бытие «в условиях коммуникативной культуры». В статье «утилитарной рациональности» этой «коммуникативной культуры» противопоставляется мифологизация, космическая символика, роль «сакральных сооружений», — все это не совсем безосновательно, но значимость всего этого в истории человеческой культуры абсолютизируется до того, что не остается места для социально-экономических и идейно-эстетических критериев оценок реальных процессов в архитектуре.

И еще. Автор говорит прекрасные слова о сущности «искусства архитектуры», но в духе большинства наших теоретических работ сводит это искусство к формально-эстетическим его элементам — «языку», тектонике, масштабности, композиции. Будто в архитектуре наряду с социально-функцио-

нальным содержанием нет ее идейно-эстетического содержания, присущего ей богатства своеобразных «художественных идей». Будто только в архитектуре не действует всеобщий закон диалектики о единстве внутреннего содержания и внутренней же ее формы. Думается, не вековечные «жертвенно-священные» мифы (все же «нас обольщающий обман»), а правду нашей эпохи должна воплощать и выражать советская архитектура.

Однако мы в конце концов единодушны с автором: «нужно, как ни говори, только ускорение». А ускорение в нашей перестройке означает только одно — «больше социализма». У советской архитектуры именно с этим были связаны всемирно признанные успехи в прошлом, именно отступлением от этого принципа порождены болезненные явления ее настоящего, будущее же нашей архитектуры в решающей мере зависит от того, насколько органично она воплотит потребности социалистического общества и пафос его революционной перестройки. У СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ — СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КОНТИНИУМ.

А. КОРОТИЧ (Свердловск)

Вопрос А. Раппапорта «Есть ли у архитектуры будущее?» серьезно взволновал. Будто кто-то произнес вслух то, в чем боишься себе признаться, охраняя молчанием веру в незыблемость профессии. Действительно, вопрос поставлен так, словно произошло нечто такое, что круто повернет архитектуру или навсегда покончит с ней. Так уж, наверное, устроено наше сознание, что перемены современности воспринимаются более выпукло, чем перемены отдаленного прошлого, как бы спрессованные перспективой времени в одну туманную картину на горизонте. Революционный XX век кажется нам этапом великого переворота в архитектуре, и мы почти не ощущаем, что каждый предшествующий век уже совершал подобный переворот. А вот перевороты будущего мы склонны драматизировать — неизвестность всегда пугает.

Природа таких футурологических искажений проистекает из невозможности представить не столько материальные контуры будущей архитектуры, сколько непохожее на наше профессиональное сознание. Мы можем уверенно анализировать мифологию прошлого. Мы можем осознать мифологию настоящего, которую гипотетически можно представить как «социальный космос», в котором уже не находится места пропорционированию и другим ритуалам минувшего. Но, увы, мы не в силах вообразить себе мифологию будущего, и поэтому сомневаемся в ней. Анизотропное время, сблизая нас с предками, отделяет от потомков. Дело не в том, что Ренессанс и Классицизм пользовались языком античных форм, а в том, что, несмотря на общий язык, Калликат, вероятно, «не понял» бы Палладио, а тот, в свою очередь, Казакова. Мы привычно называем «архитектурой» то, что зодчий XIX века не назвал бы этим словом. В таком случае, что же назовут «архитектурой» столетие спустя?

Попробуем искать ответ в наиболее устойчивых чертах релятивного профессионального сознания. Сущность профессии, неизменную в течение длительного времени, можно выразить формулой: эстетическая организация утилитарных ценностей среды. Деятельность, понимаемая таким образом (ар-

хитектура+дизайн), становится все более доступной для большинства людей. Перспектива совмещения в одном лице потребителя и архитектора кажется вполне вероятной, тем более, что это находит подтверждение в популярной теории постиндустриального общества «самопроизводителей». Но и в обществе, где все умеют готовить, повара пока не перевелись. Эстетические потребности человека никогда не ограничатся стенами личного жилища, а проблемы, возникаемые вне его, в силах разрешить только профессионал. Архитектурная мысль вряд ли когда-нибудь вытеснится дилетантизмом, другой вопрос — на что она будет направлена.

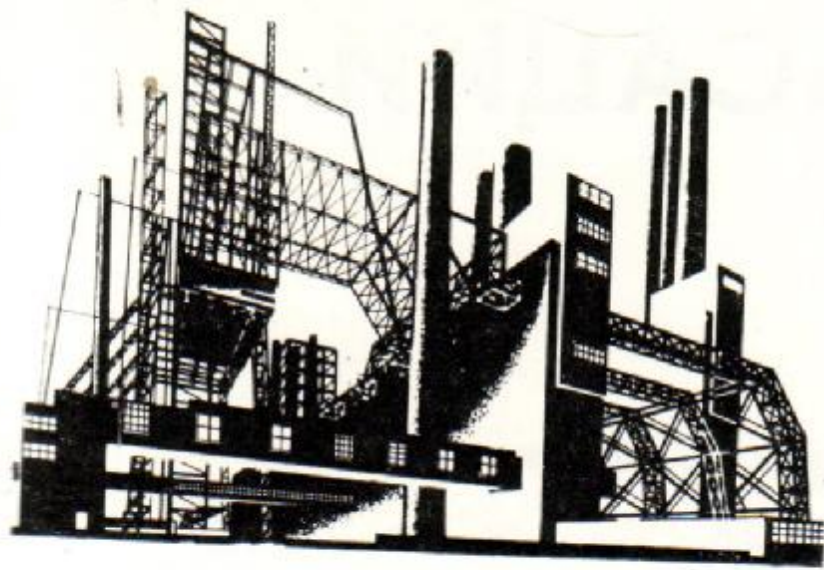
Не предвещая каких-либо конкретных очертаний будущего, остановимся на мере единства и разнообразия искусственной среды, как наиболее стабильной ее характеристике. Эта мера, восходящая к диалектике социально-биологического единства общества и индивидуальности каждого его члена, постоянно колеблется. Качнувшийся в сторону абсолютного единства архитектурный маятник возвращается сегодня силами зодчих к точке своего равновесия. Будущие же колебания, я уверен, коснутся всех альтернатив, описанных А. Раппапортом, вплоть до «летаргической смерти» архитектуры. Рождаясь каждый раз заново, архитектура всегда будет оставаться регулятором этой меры, а будут наши внуки жить в телекоммуникационных пещерах или нет, нам за них не решить.

Вероятно, архитектура находится на середине долгого пути, богатого петлями и перепутьями, а вероятность ее исчезновения, как и «эфемеризация», — не более, чем мираж на горизонте. Построить сегодня «завтрашний» дом пока не удавалось, но спорить о будущем профессии и перспективах творчества — и в этом А. Раппапорт прав — просто необходимо. Ситуация располагает к спорам БЕЗ АЛЬТЕРНАТИВ.

В. РОЗИН (Москва)

Есть ли у архитектуры будущее? Поставить такой вызывающий и одновременно сакраментальный вопрос архитектурному журналу — не означает ли расписаться в несостоятельности архитектурной мысли и самой профессии? Зачем пилить сук, на котором сам сидишь, всякий ли вопрос нужно задавать? Однако, когда в философии XVIII века наметился кризис, И. Кант задавал любые вопросы относительно философии и ставил под сомнение саму

способность непротиворечивого мышления и философского разума. Новая, современная философия, как известно, началась с Канта. Ф. Соссюр, с которого началось современное языкознание, также сомневался в основаниях своей науки. М. Бахтин, создавая новую методологию литературоведения, постоянно испытывал основы литературоведения на прочность, проблематизировал их, ставил под сомнение. Так что, вероятно, отпиливать сучья у плодоносящего дерева иногда не только полезно, но и необходимо.

Но не засохло ли плодоносящее дерево, сохранилась ли в современной культуре архитектура — задает вопрос А. Раппапорт. Ответ, очевидно, зависит от того, что автор понимает под архитектурой, как он ее определяет. Архитектура, считает А. Раппапорт, это деятельность и искусство, позволяющее «придавать утилитарным постройкам символический, художественный смысл», дающие возможность в «космических» культурах «идеализировать реальный мир», восходить от «материальной реальности к символическому смыслу, моделирующему само мироздание». А поскольку, утверждает далее автор, космическая культура сменяется на «коммуникативную и информационную, в которой ориентация на созерцание коллективных символов вытесняется критическим осмыслением продуктов индивидуального мышления», в современном мире архитектуре места не остается. Перспектива для архитектурного сознания, как мы видим, действительно печальная и унылая.

Однако не будем забывать, что речь о теоретических осмыслениях архитектуры, которые сами могут быть рассмотрены критически. Имеет ли право на жизнь подобная культурологическая трактовка архитектуры, интересна ли она? Безусловно, и честь журналу, что он выступил с подобной крайне актуальной для архитектурной науки и здоровья архитектурной мысли статьей. Правдоподобна ли такая интерпретация? Это вопрос другой, здесь начинаются сомнения.

Автор связывает с космической культурой и архаические времена, и античность, и средневековье, и Новое время. Подобное обобщение по меньшей мере вызывает протест. Известно, что существовало два типа культур — с одной стороны, архаическая и средневековая, с другой — античная и Нового времени (примерно от Возрождения до XIX века), и особняком стоит современная культура. Интересно, что только в античной и средневековой культуре архитектура выполняла те функции, о которых говорит А. Раппапорт (яркие примеры здесь вавилонский зиккурат, египетский храм, средневековый собор). И, что еще более интересно, вопреки общепринятому мнению это была не архитектура в современном понимании. Архитектура в соб-

ственном смысле складывается не в космической культуре, а в античной и в культуре Нового времени — культурах, ориентированных не на космос, а на переживания человека, на особую эстетику.

В этом смысле архитектура — это не символизация мироздания, а эстетизация жилища, сооружений, городов. Архитектура — это не символическое выражение «космоса», а «эстетическое выражение переживаний человеком артефактов своей созидательной (строительной, проектной, художественной) деятельности». С архитектурой лучше связывать не категорию «космоса», а категорию «личности», не «символизацию» содержания, лежащего вне человека, а категории «архитектурной эстетики», «архитектурной реальности», «архитектурных ценностей» т. е. параметры профессионального мышления, осознания и переживания архитектором или просто человека, знакомого с архитектурой. Кстати, и сам А. Раппапорт в конце концов к этому приходит в поисках потерянной им архитектурной действительности, говоря, что вечное содержание архитектуры — это «вероятно, взаимодействие словесного, концептуального, мыслительного и физического, мускульного, живого переживания архитектуры». Таким образом, мы сейчас переживаем ИСПЫТАНИЕ АРХИТЕКТУРНОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ НА ПРОЧНОСТЬ.

В. ГРЕБЕНКИН (Москва)

Размышляя о будущем профессии, А. Раппапорт допускает понятную, пространственную, но методологически неточную трактовку исторического явления Архитектуры. Думается, это еще один факт шемящего запаздывания профессионалов в осознании вполне объективного явления архитектуры как наиболее рельефного выражения реальностей общечеловеческого развития. Так вышло, что неизбежности исторического разделения труда собственно архитектуру, а с ней и другие области человеческой деятельности, подвели к рубежу, когда самоуничтожение человечества неожиданно может стать явью. Если это закономерно, то не стоит сокрушаться по «волосам» архитектуры людям, вынужденным смириться со снятием собственной головы.

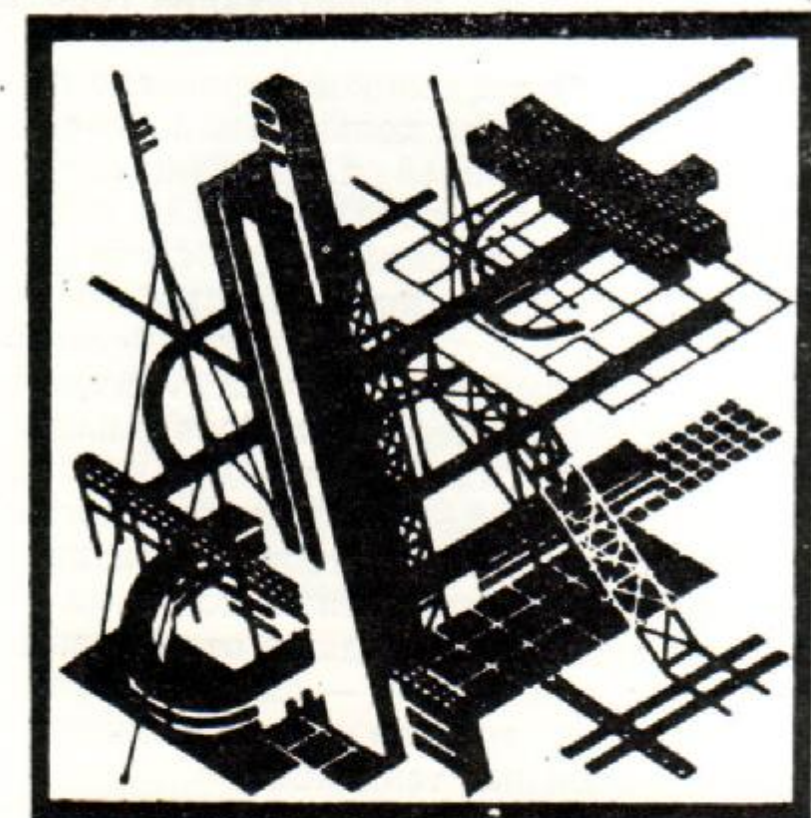
Мне ближе то направление развития архитектуры, которое полемист связывает с новыми универсальными ценностями коммуникативной культуры и, как он сам выразился, представляет крайне смутно. «Кривая развития, увлекшая архитектуру к ее нынешнему кризису», конечно же связана со многими вербальными формами. Но за ними стоят объективные материальные интересы людей, которые лишь теория разграничивает на низкие и высокие. Противоречия архитектуры зовут к поиску новой меры. Поворот архитекторов к новому мышлению труден, но как факт он уже состоялся для многих, скажем, тех, кто минувшим летом побывал в Брайтоне. Там в составе программных задач Международного союза архитекторов отражено ясное понимание того, что архитектура — дитя «двух» равноправных «родителей», мастера и заказчика-потребителя. В таких условиях Архитектура выглядит естественным компромиссом, конкретной истиной, рождающейся в единстве борющихся противоположностей интересов, намерений, представлений профессионалов и дилетантов о будущем, изначально соединенным гуманистической устремленностью общественного разви-

тия и историческим возвышением справедливости взаимоотношений, осуществляемых еще в товарно-денежной форме. Такой поворот замечен и у нас в связи с реализацией назревшей радикальной перестройки устаревших форм государственного и экономического управления социально-культурным развитием страны, а значит, и архитектурой.

Естественно, тут затрагивается планетарная область взаимно переплетенных проблем философии, социологии, экономики, права, культуры, которую в целом запечатлевает архитектура. Вряд ли плодотворно пытаться ответить на жгучие профессиональные вопросы, находясь в длительном обособлении от такой прозы жизни. Как все большое, архитектура лучше видится на расстоянии, изнутри и извне одновременно. Осколки амбиций Афинской хартии еще мешают разобраться в роковой ущербности масштабных деформаций общественного разделения труда, искажения социальной справедливости. Еще медленно это уходит в прошлое.

Только мерить конкретную архитектуру высшей человеческой мерой в зависимости от конкретно-исторического развития — наша судьба. Возвышение справедливости общественного распределения ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС все больше представляется единственно верным путем, на котором будущее архитектуры можно реально приблизить общим трудом, укрепляя веру в достигнутое и порождая естественные сомнения. Хватило б времени, которое вместе с нами История мерит по атомным часам, по экологическим катастрофам...

В конечном счете высочайшие взлеты неисчерпаемой творческой фантазии ввысь воспаряют лишь потому, что их уравновешивает едва ли не бездна вынужденного падения вниз из-за длительного нарушения должного равновесия в человеческих взаимодействиях. Вне восстановления должной остойчивости нашего общего корабля, т. е. утверждения социальной справедливости в его подлинном, а не «эфемерном» значении, общее будущее бесперспективно. Включая и будущее архитектуры. Как ускорить процесс приближения к подлинному общению, задумываются многие, но это уже другая тема. У ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И АРХИТЕКТУРЫ — ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ.

МОСКВА: ЦИКЛЫ ПУЛЬСАЦИИ

Н. Павлов

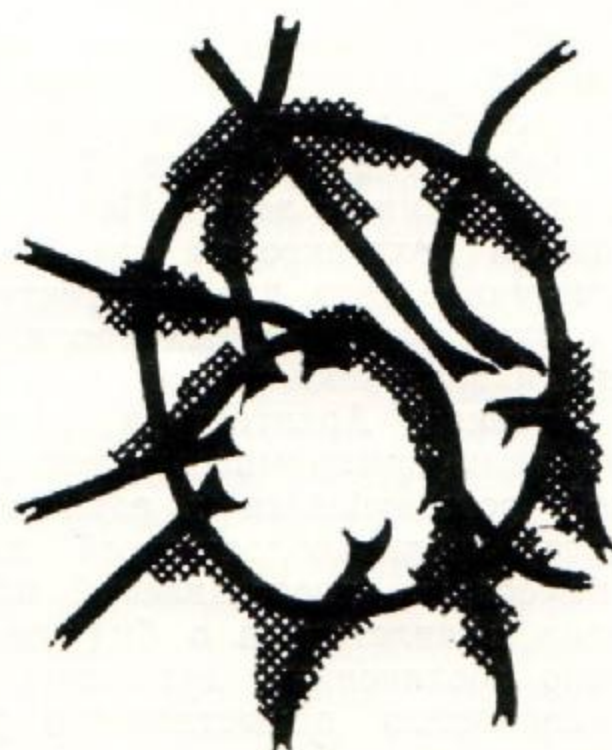
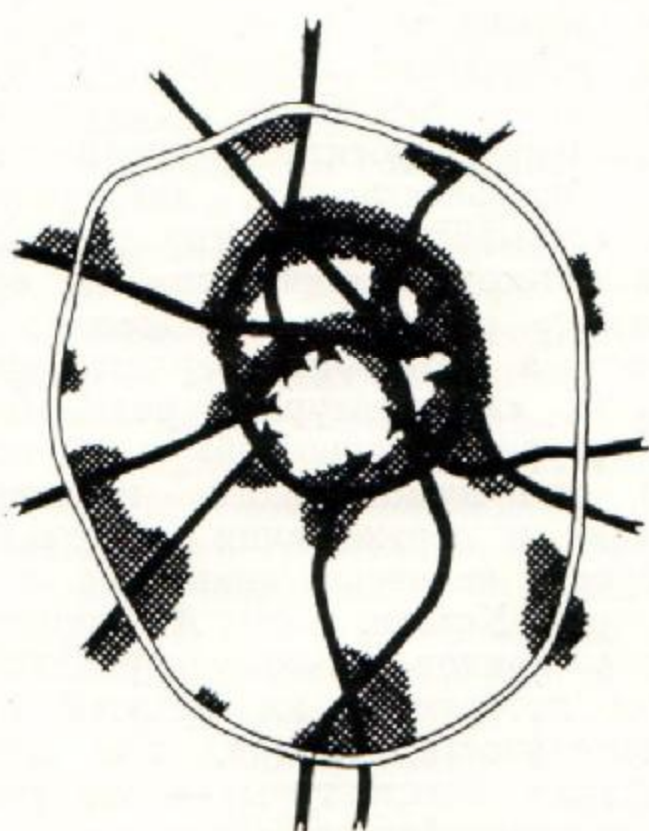
Историческое развитие планировочной структуры Москвы носит циклический, пульсирующий характер. В каждом цикле отчетливо прослеживаются три основных этапа. Первый — радиальное (ветвевое) развитие от существующего ядра вдоль основных центробежных магистралей, второй — формирование охватывающего кольца, и третий этап — построение городской структуры внутри кольца, между магистралями. После этого от города в окружающее пространство начинают тянуться новые отростки. Наступает следующий цикл пульсации.

Циклическое развитие города от первопоселения до наших дней можно представить в виде двух диалектически взаимосвязанных процессов. Первый из них — экстенсивное развитие вдоль рек и внешних дорог по лучевым направлениям. Внутри города этот процесс связан с отраслевым развитием и специализацией производства, требующего новых свободных территорий, вне города — с активизацией торгово-хозяйственного обмена и межотраслевых связей в границах государства и даже за его пределами. Так возникли за городом ремесленные слободы феодальной эпохи, промышленные зоны с рабочими окраинами эпохи капитализма. Для этого процесса характерно разворачивание городской структуры в окружающий мир.

Второй процесс — кольцевание. Он связан с территориально-производственной функцией города: характерно формирование кольцевых коммуникаций с последующим структурным заполнением межмагистральных лакун. В эпоху феодализма оборона выступает в планировочной структуре города как важнейшая хозяйственная функция, определяющая процесс кольцевания. Кольцевые коммуникации и оборонительные стены возникают одновременно. Средневековый город тяготеет к превращению в единый территориальный оборонно-хозяйственный комплекс. В период развития капитализма оборона перестает играть столь выраженную, приоритетную роль в формировании планировочной структуры города. В этот период процесс кольцевания почти целиком определяется хозяйственной, производственной функцией, в которую оборона входит в опосредованном виде.

Обобщая, можно констатировать, что процесс разворачивания города в открытое звездчатое образование определяется тенденцией отраслевого развития. Процесс кольцевания определяется тенденцией к превращению города в единую, обращенную на себя территориальную социальную систему. Первый процесс — преимущественно экстенсивный. Второй — преимущественно интенсивный. Гармоничность развития города определяется последовательным равновесием этих двух процессов, т. е., в конечном счете, — сбалансированностью территориально-отраслевого развития. Развитие идет естественно, когда на первом этапе преобладают отраслевые тенденции, на втором — наступает равновесие, а на третьем — перевешивают территориальные тенденции.

Пульсация города наблюдается

70—80-е годы XX в. Преобладание отраслевых тенденций. Инфраструктура грузовых автодорог развивается только по радиусам. Новых кольцевых дорог нет. Садовое кольцо и МКАД перегружены

Конец XX в. Прокладка «третьего кольца» автодорог и расширение МКАД — первый шаг по пути усиления территориальных тенденций, к восстановлению территориально-отраслевого баланса в развитии грузовой инфраструктуры города

Конец XIX в. Производственные образования и железные дороги. Отраслевые тенденции развития производства формируют звездчатую, центробежную инфраструктуру грузовых коммуникаций

Начало XX в. Территориальная организация производства порождает концентрические формы грузовых коммуникаций

в двух планах: в базисном и надстроечном, в производственном и социально-культурном. Принципиально оба уровня развития принадлежат одной системе, но хронологически они несколько смещены относительно друг друга.

В базисном, производственном плане на протяжении последних полутора столетий и на ближайшую перспективу просматриваются два основных исторических цикла, в границах которых проходит попеременное преобладание отраслевых и территориальных тенденций развития. Первый цикл охватывает середину XIX — начало XX в. Для середины XIX столетия характерно отчетливое доминирование отраслевых тенденций: развитие ведущих отраслей московской промышленности, строительство вылетных тангенциальных железных дорог, связывающих промышленность каждой отрасли с соответствующими районами страны.

К концу XIX в. начинают активно проявляться территориальные тенденции. Формируются кольцевые коммуникации: тангенциальные магистрали составляют северное полукольцо железных дорог, в начале XX в. строится Московская окружная железная дорога. По кольцам коммуникаций формируются два пояса производственных зон. Город превращается в единую производственную систему.

Второй цикл охватывает время с начала 30-х годов и, по-видимому, до середины XXI в. Он начинается преобладанием отраслевых тенденций в период индустриализации. Развитие в Москве отраслей группы «А» сопровождается усилением внешних связей по вылетным магистралям, формированием вдоль них новых производственных зон и развитием старых.

В 1960-1980 годах зарождение территориальных тенденций отмечено в структуре города строительством Московской кольцевой автодороги (МКАД), формированием по ней третьего пояса производственных зон, первыми попытками кардинальной реконструкции зон первого и второго поясов, в частности началом пробивки автотранспортного, так называемого «третьего кольца», призванного дублировать северное грузовое полукольцо железных дорог.

В новый расчетный срок развития города, до 2010 г., ожидается активизация территориальных тенденций. Она выразится в интенсивной реконструкции первого и второго поясов производственных зон, невозможной без пробивки «третьего кольца», в завершении формирования третьего пояса производственных зон и связанной с этим модернизацией МКАД.

Социальный план пульсации города наиболее ярко выражен в развитии массового строительства, в первую очередь жилищного. В этом смысле мы являемся свидетелями почти полного цикла — всех трех этапов развития Москвы. Конец 30-х — 50-е годы — сначала индивидуальная, а затем массовая застройка магистралей. Начало 60-х годов — заключение города в новые границы, — в кольцо МКАД. 60—80-е годы — заполнение вошедших в черту

города межмагистральных лакун, интенсификация застройки. Специфика происходящего на наших глазах цикла состоит в том, что на всех трех его этапах, в том числе на последнем, в развитии города преобладали отраслевые тенденции.

Заложенное в Генеральный план Москвы 1971 г. структурное развитие города, отражающее своеобразие третьего завершающего этапа, во многом еще не осуществлено. За рамками реализации пока что оказалась значительная часть инфраструктуры и ее узлов — центров планировочных зон и новых жилых районов. Интенсивно создавалась «ткань» города и принципиально отставало формирование его функционального «каркаса». Вместо СТРОИТЕЛЬСТВА структуры города в основном происходила ЗАСТРОЙКА городских территорий.

Очевидно, дело здесь не только в нехватке средств и мощностей для городского строительства, но, главным образом, в несбалансированном распределении имеющихся по отраслям средств и мощностей. Так, например, вышедшая из-под контроля города индустрия крупнопанельного домостроения в ущерб другим видам городского строительства превратилась в самодовлеющую отрасль, в самоцель.

Сегодня московские градостроители и администрация города помимо решения вопросов оптимизации его структуры и перспективного гармоничного развития вынуждены в спешном порядке разыскивать новые территории и лакуны, на которые можно было бы направить, по существу, неуправляемую лавину домостроения. Отрасль требует территорию для ЗАСТРОЙКИ, для своего экстенсивного развертывания. Застраиваются последние «свободные» территории города: сады, окраины парков, зеленых массивов, зональных общественных центров, пойма реки Москвы и ее притоков, уплотняется существующая жилая застройка, сокращаются санитарные разрывы между жильем и производством. Тает территория, предназначавшаяся генеральным планом для развития инфраструктуры города, в том числе и для социальной инфраструктуры.

Москва стоит на рубеже нового цикла развития: принято решение о ее расширении за пределы МКАД, определены места начальных отростков новой пульсации города. Этот цикл совпал с новым этапом НТП, с пересмотром многих наших представлений

● Следы пульсации в планировочной структуре Москвы. Отраслевые тенденции развертывают город вовне по вылетным магистралям. Территориальные тенденции свертывают город в единую сбалансированную территориально-отраслевую, социально-производственную систему

о городе. Город предстает перед нами той самой единицей расселения, для которой можно и нужно решать извечную проблему гармоничного территориально-отраслевого развития, а, следовательно, проблему реального формирования естественной функциональной и планировочной структуры.

Особенность настоящего переломного момента в том, что формирование структуры необходимо вести одновременно в двух направлениях от границы города, от МКАД. Во-первых, — внутрь города. Для новой его части формирование должно идти по пути наращивания коммуникаций, интенсивного концентрированного развития узлов социальной инфраструктуры: зональных центров, центров новых жилых и производственных районов. Для исторической части — по пути бережной систематической реконструкции. Во-вторых, — вовне города. Структуру новых территорий необходимо закладывать с учетом опыта предыдущего цикла. Новый экстенсивный этап в развитии города должен отразить в себе опыт предыдущего, далеко еще не завершеного интенсивного периода.

Два направления, две формы развития структуры не исключают, а дополняют друг друга. Грядущее освоение «резервных» территорий совершенно не снимает проблемы развития и реконструкции планировочной структуры города в существующих границах. Развитие вовне сочетается с развитием вовнутрь.

Отразившись от вновь обретенной границы города, волна пульсации возвращается к центру укрупнением масштаба планировочной структуры, уплотнением, интенсификацией застройки, повышением этажности. Город пульсирует не только во внешней своей части, но и на всю глубину до самого центра. Этот процесс необходимо сделать планомерным, структурообразующим, гармоничным. Наложение многочисленных волн пульсации создало в историческом ядре города особое положение. Здесь сосуществуют два функциональных уровня, две системы. Система городского столичного центра и система первичных функциональных и планировочных образований.

С самого начала своего формирования, расширяясь концентрическими поясами, Москва вбирала в себя пригороды. Слободы содержали в себе весь функциональный комплекс отдельного поселения. В то же время как специализированные поселения они входили в городскую агломерацию. Городской столичный центр постепенно разрастался вовне по трактам. Он прорастал сквозь кольца слобод, почти не затрагивая их собственной, внутренней планировочной структуры.

Входя в застенье, становясь частью города, слободы срастались в секторные планировочные образования, ограниченные основными радиальными улицами и кольцами стен. Эти образования создали основу собственной планировочной структуры центра. Несмотря на укрупнение сети улиц и переулков, изменение характера землевладения и застройки, смену эпох, эта структура

осталась в принципе неизменной. Она прослеживается практически на всех старых и новых планах Москвы.

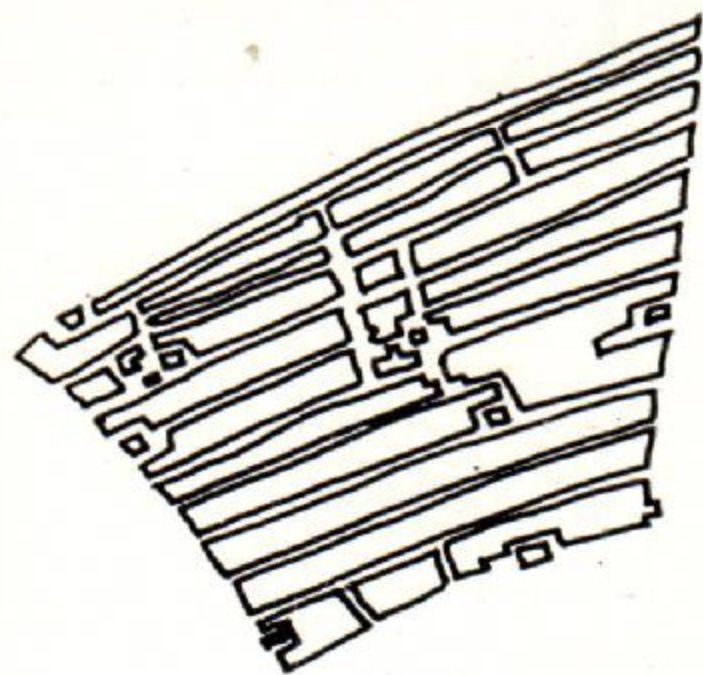
Внимательное рассмотрение планировочной структуры центра города в пределах Садового кольца показывает, что практически каждый межнагистральный сектор сохранил систему улиц, сходящихся в срединном узле вокруг небольшого квартала, группы кварталов или небольших площадей, имеющих чаще всего неправильную форму. В большинстве случаев узлы расположены в срединной части сектора. Лишь изредка они примыкают к ограничивающей сектор радиальной магистрали.

Такая узловая структура секторов в принципе изоморфна узловой структуре самого города, в котором кремлевский ансамбль оказывается центром схождения радиальных улиц. Узлами собственной планировочной структуры межнагистральных секторов служили общественные центры. В них входили места приложения труда, торги, учреждения самоуправления и администрации. Такой узел являлся, как правило, центром прихода и формировался при приходском (слободском) храме. На этот центр были ориентированы все внутренние, собственные функции слободы городского района, все его пешеходные коммуникации. Это был не только функциональный, но и пространственный центр сектора. В свою очередь, центр сектора имел раскрытие на Кремль.

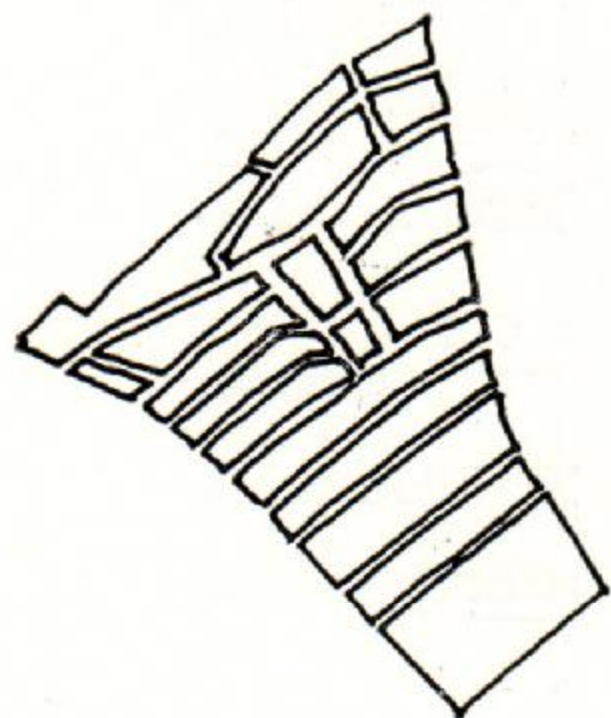
С течением времени менялось функциональное назначение срединных узлов планировочной структуры секторов. Торговля и обслуживание смещались на городские магистрали. Исчезали бывшие центры притяжения: монастыри, приходские храмы, рынки, мануфактуры. Возникали новые: производственные предприятия, учреждения, объекты науки, культуры, просвещения. Наконец, за последние 20 лет, когда весь центр города оказался заполнен множеством учреждений и контор, функции узлов наиболее активно деградировали и видоизменялись.

Каждый новый цикл пульсации порождает рост общегородского центра, наращивание столичных функций. Сегодня, как и раньше в подобной ситуации, основное внимание градостроителей уделяется руслам и узлам столичной функции — магистралям и площадям центра. Расположенное между ними городское пространство воспринимается при этом как заполнение территории между магистралями. Рядом с грандиозной функцией центра собственная функция этих межнагистральных градостроительных образований — функция элементарного человеческого поселения оказывается в небрежении. Ее развитие замирает. В результате такого явно неравномерного развития центра в нем гипертрофированно преобладает столичная функция. Во всем центре и в каждом его секторе отраслевое развитие доминирует над территориальным. Растет дневное население и резко сокращается постоянное. Центр начинает вымирать.

Еще в XIX в. было замечено,

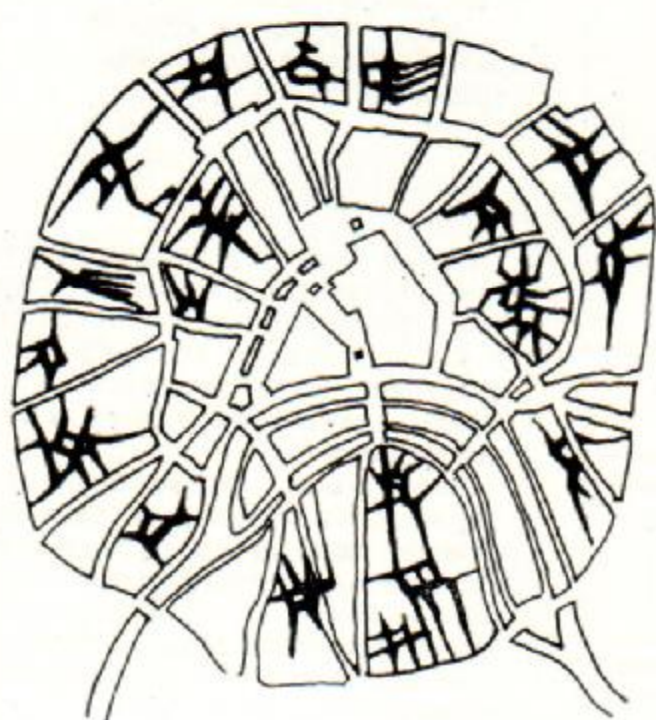
●
Конец XVI в. Структура сектора, заключенного между радиальными магистралями и кольцами стен, стягивается в его центральный узел — общественный центр свободы-пригорода, некогда вошедший в застенье

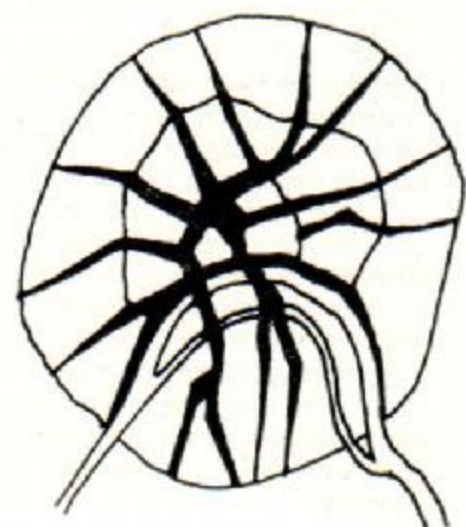
●
Середина XVIII в. Структура сектора укрупняется. Значение центрального узла сохраняется

●
Конец XX в. Планировочная структура сектора сохранилась. Функциональное значение центрального узла выморожено или изменено. Пешеходные системы — первый шаг на пути реабилитации и гармоничного развития полутысячелетней пространственной структуры центра Москвы

●
Узловая структура первичных планировочных образований центра — секторов — изоморфна структуре города

что торговля и администрация занимают магистрали, и в первую очередь площади-перекрестки, а культура и просвещение — средние части улиц. Продолжает развиваться эта тенденция и в наше время. Планомерно застраиваются «внегородскими» административными зданиями, выключаются из непосредственного городского обихода транспортные площади-перекрестки на Садовом и бульварном кольце. Под воздействием процесса развития столичных административных функций город перестраивает свою собственную, «внестоличную» функциональную структуру. Как и прежде, оттесненные с перекрестков и магистралей, культурные и просветительные учреждения группируются в срединных зонах бульваров и улиц, понемногу проникают вовнутрь планировочной структуры межмагистральных секторов. Собственная функциональная структура города свертывается вовнутрь, на себя.

Выставив напоказ, в русло столичной функции, репрезентативную и потребительскую сторону жизни, город как бы вбирает в себя, в глубину собственной структуры свои культурные ценности. В старую планировочную структуру секторов понемногу вливается новая жизнь. Теперь уже не функция формирует планировочную структуру, а пространственные центры секторов начинают притягивать к себе новую функцию.

Радиальные магистрали реконструируются наиболее интенсивно, кольцевые — значительно медленнее. Срединные зоны секторов сохраняют темпы развития старой Москвы. Меняя свое функциональное назначение, они сохраняют в целом характер планиров-

ки и застройки. Сектор пульсирует, свертываясь и разворачиваясь в своем собственном ритме на всю свою пространственно-временную глубину.

Сегодня мы присутствуем при самом начале нового этапа организации сектора вокруг его пространственного центра. На этом этапе в первую очередь из срединной части секторов необходимо изъять конторские учреждения. Жилая функция должна быть восстановлена и переориентирована вовнутрь сектора, в «оазис», обособленный от магистралей. Узлы схождения переулков уже начинают перерастать в центры пешеходных систем, соединяющих середины кольцевых и радиальных магистралей.

Ядром сектора может стать небольшое по размерам, но сложное и значительное по форме открытое пространство — миниатюрная площадь или целая система таких площадей, скверов, аллей, формирующих узел схождения нескольких улиц и переулков.

Главным объектом такого исторического ансамбля может, естественно, стать сохраненный памятник архитектуры или при отсутствии памятника — небольшое, близкое к нему по пространственной идее здание культурного назначения, наконец, просто малая архитектурная форма — ротонда, фонтан, водоем.

Открытое пространство центра сектора может и должно стать полномочным представительством природы в центре города. И конечно, во всех мало-мальски возможных случаях должно быть восстановлено раскрытие на Кремль. В целом должен прогрессировать процесс поляризации пространства между периферией сектора и его центром. От русла городской столичной функции к узлу местной функции. От транспорта к пешеходу. От многоэтажной застройки к малоэтажной. Наконец, от высокоурбанизированной структуры Москвы XXI в. к исторической пространственной структуре Москвы XVI—XIX веков.

Пульсирующее развитие города от центра к периферии и от периферии к центру неминуемо, хотя и по-разному затронет каждую его пространственную ячейку. Градостроительная структура самостоятельного планировочного образования центра Москвы — сектора — так же, как структура города в целом, должна быть естественно организована и развернута во всю свою пространственную и историческую глубину.

□

АРХИТЕКТУРНО-КОНСТРУКТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ

Ю. Галустян

Последние 30 лет прогресс в промышленном строительстве был основан на применении сборного железобетона. В настоящее время начинается новый этап индустриализации, связанный с внедрением легких металлических конструкций (ЛМК). Он обусловлен необходимостью организации производства и комплектной поставки легких металлических конструкций промышленных зданий и дальнейшего развития индустриализации и повышения производительности труда в капитальном строительстве.

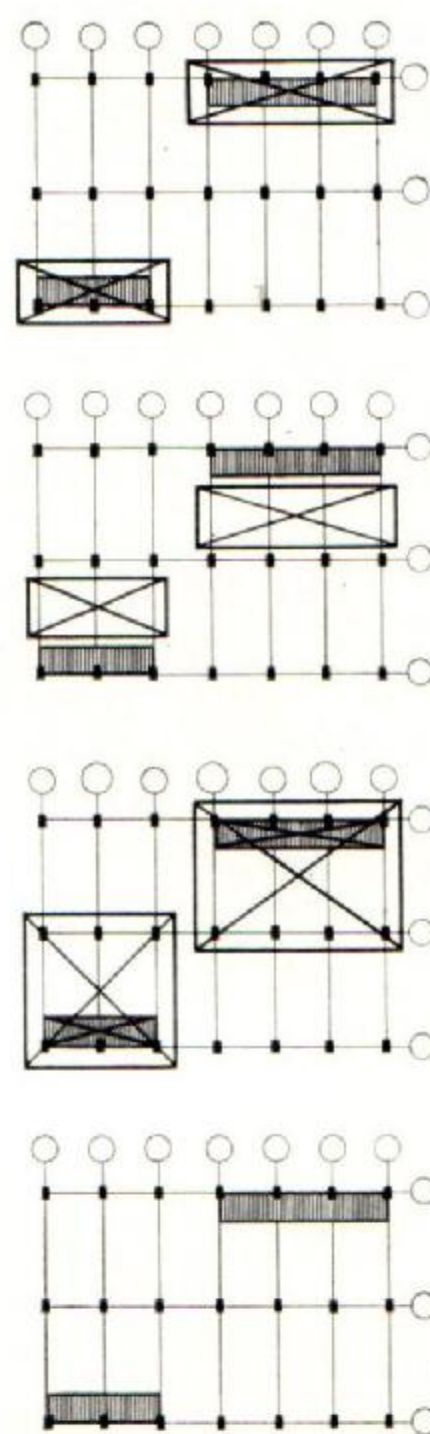
Масса здания снижается в процессе развития архитектуры, когда каменные и железобетонные материалы заменяются металлическими. Роль металла в архитектуре менялась. Вначале он применялся во второстепенных элементах, скрытых в массивах традиционных конструкций (пилоны в барабанах колонн Парфенона, V в. до н. э.). На второй стадии металлические элементы стали употреблять открыто (затяжки сводов Успенского собора во Владимире, XI в.). На третьей стадии металлические конструктивные системы начинают косвенно влиять на архитектуру (кольцо купола собора св. Петра в Риме позволило Микеланджело отказаться от контрфорсов на фасаде). На четвертой стадии смешанные каркасы изменили характер интерьеров (чугунные внутренние колонны дворца В. Го-

лицына в Москве, 1687 г. резко контрастировали с массивными устоями Грановитой палаты). На пятой стадии вошли в употребление цельнометаллические каркасы (Хрустальный дворец, Д. Пакстон, 1851 г.). На шестой, современной стадии, стали строить цельнометаллические здания. («Электронная поэма» Ле Корбюзье в Брюсселе, 1958 г., католический собор К. Танге в Токио, 1963 г., центр Помпиду Роджера и Пиано в Париже, 1978 г.).

Применение металла для строительства промышленных зданий началось в XIX в. (мануфактура Филлипса и Ли в Сэлтоне, 1801 г.).

Легкие металлические конструкции (ЛМК) позволяют снизить полезную нагрузку на покрытие и стены (металлические профилированные настилы и облицовки с эффективным утеплителем). При этом повышение металлоемкости здания в 1,1—1,4 раза снижает общий расход строительных материалов в 3—5 раз. Одним из первых идею облегченного строительства реализовал Андриан в портике римского Пантеона, где, по описанию итальянского архитектора Серлио (1512 г.), бронзовые плиты покрытия — настил — были уложены на бронзовые клепаные балки.

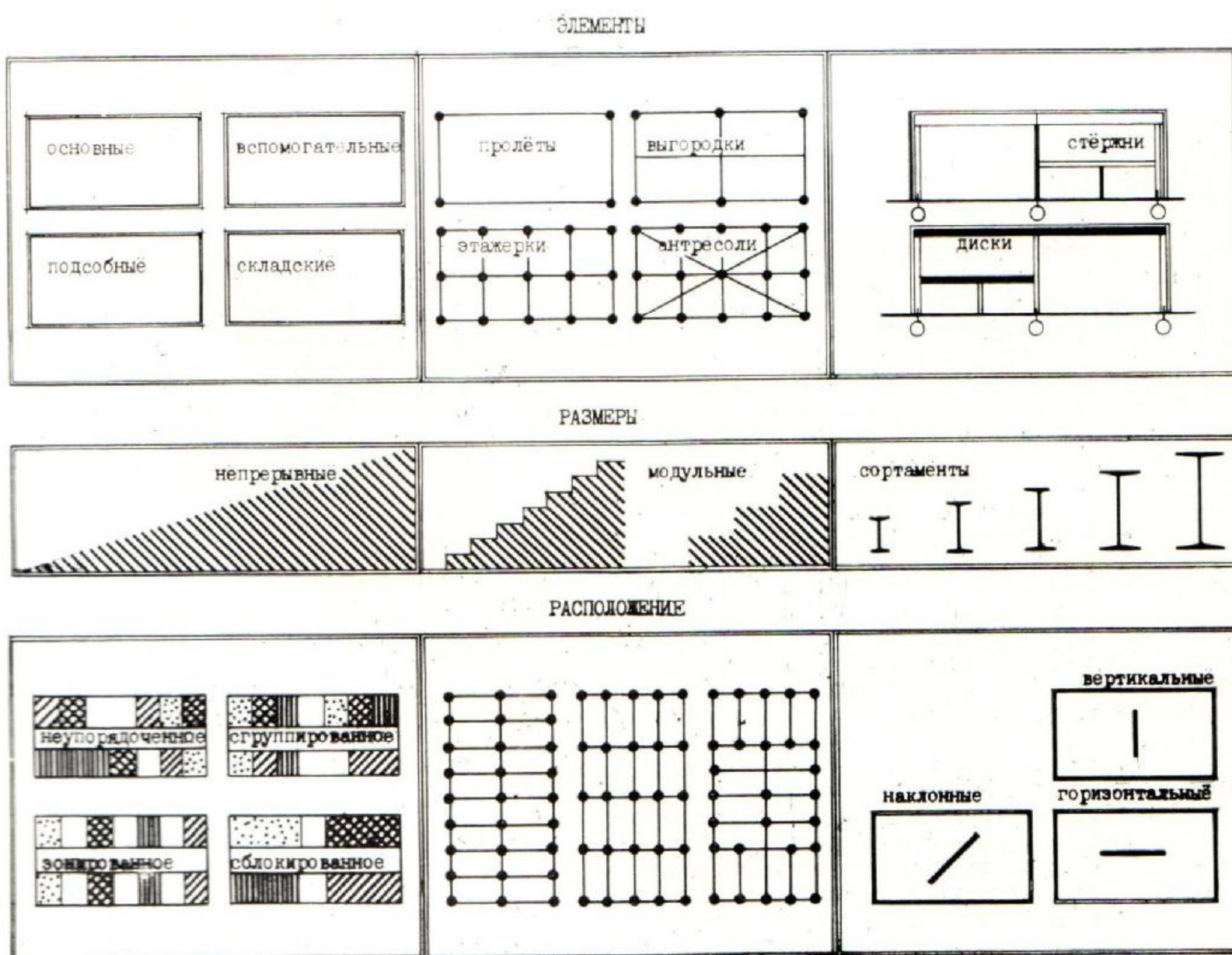
Широкое применение ЛМК в строительстве началось с освоением промышленного производства оцинко-

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА

АРХИТЕКТУРНО-КОНСТРУКТИВНАЯ СТРУКТУРА

КОНСТРУКТИВНАЯ СТРУКТУРА

Тектоничность архитектурно-конструктивных структур зданий ЛМК

а) Пример конкретной архитектурно-конструктивной структуры;
б) Часть площади здания, в которой нарушена тектоническая связь между пространственной организацией и конструктивным исполнением;
в) Часть площади здания, в которой нарушена тектоника пространственной организации;
г) Часть площади здания, в которой нарушена тектоника конструктивного исполнения.

Отличия архитектурно-конструктивной структуры здания из ЛМК его функционально-планировочной и конструктивной структуры по составу входящих элементов и принципам назначения размеров и расположению.

Элементами функционально-планировочной структуры здания являются помещения различного назначения: конструктивной структуры — диски и стержни; архитектурно-конструктивной структуры — пролёты, выгородки, антресоли, этажерки.

Размеры элементов определяются: в функционально-планировочной структуре — габаритами участков технологий; в конструктивной структуре — сортаментом принимаемого металлопроката; архитектурно-конструктивной структуре — величиной укрупненного модуля.

Расположение элементов определяется: в функционально-планировочной структуре — взаимосвязью и взаимозависимостью технологических участков производства; в конструктивной структуре — восприятием и сопротивлением нагрузкам; архитектурно-конструктивной структуре — видом осевой структуры здания.

ванного волнистого железа в 30-х годах XIX в. В середине XIX в. металлические здания стали предметом экспорта из Англии в США. В России в конце XIX в. «образцовые» чертежи с узлами из ЛМК вошли в «Строительное руководство» Кириштейна. Сортамент профилированных настилов был помещен в справочнике Хютте. Развитие ЛМК как отрасли строительного производства началось в США в конце 30-х годов, в СССР — в 70-х годах.

За последние 15 лет в нашей стране построено с использованием ЛМК 50 млн. м² промышленных зданий. К числу наиболее крупных предприятий относятся Уральский, Горьковский, Минский, Кутаисский автозаводы; машиностроительные заводы в Брянске, Орске; приборостроительные заводы в Москве, Витебске и некоторые другие; кислородно-конверторные цехи в Новокузнецке, Липецке, Жданове и Череповце.

Многолетняя статистика поставок ЛМК в различные отрасли промышленности показывает, что основной их объем (до 85%) приходится на одноэтажные производственные здания площадью до 1000 м², бескрановые (50%) или с подвесным крановым оборудованием грузоподъемностью до 5 т (35%). Их объемно-планировочные решения не имеют жесткой зависимости от особенностей размещаемых в них производств.

Начиная с 1981 г. в комплект поставки унифицированных производственных зданий из ЛМК (сборные здания-модули) входят не только необходимые несущие и ограждающие конструкции, но и соответствующее инженерное оборудование (для отопления,

освещения, вентиляции и сантехническое).

В связи с ростом применения ЛМК в строительстве и для снижения их ресурсоемкости и продолжительности строительства в 2—2,5 раза в 1986 г. была поставлена задача совершенствования архитектурно-строительных решений промышленных зданий из ЛМК.

Понятие «архитектурно-строительные решения» включает объемно-планировочные и конструктивные. Объемно-планировочные решения — это площади зданий, их величина и назначение, а также их расположение. Они не отражают специфики применяемых конструкций. Конструктивные решения характеризуются расположением и типом конструктивных элементов с точки зрения их прочности и устойчивости. Конструктивные решения не оказывают решающего влияния на объемно-планировочные решения.

Между тем в работах М. Бартенева, Виоле ле Дюка, К. Зигеля, А. Кузнецова, Б. Михайлова, Ю. Милонова, М. Туполева, Б. Флетчера, О. Шуази подробно вскрыта взаимосвязь и взаимозависимость конструкций зданий, методов их возведения и архитектурной формы. А. Кузнецов широко использовал понятие архитектурных конструкций — таких элементов здания, которые не зависят от его назначения и планировочного решения, но оказывают существенное воздействие на архитектуру. М. Туполев оперировал понятием архитектурно-конструктивной схемы зданий — схемы расположения архитектурных конструкций.

Отсутствие понятия, объединяющего архитектурные и конструктивные особенности зданий, учитывающего специфику взаиморасположения конструктивных элементов всех частей зда-

ния, не позволяет в достаточной степени проанализировать архитектурно-строительные особенности здания из ЛМК. Таким синтетическим понятием, по мнению автора, является архитектурно-конструктивная структура (АКС) (см. рисунок). Здесь показано соотношение площадей помещений, перекрываемых различными пролетами, независимо от их функционального назначения (в отличие от объемно-планировочного решения), а также виды, расположение и материал примененных в здании архитектурно-конструктивных элементов (покрытия, встройки, вставок и т. д.), а не отдельных конструктивных элементов (колонн, ферм, и т. д.) в отличие от конструктивного решения.

Обследования зданий из ЛМК выявили несовершенство их АКС: существенное превышение общей площади здания в сопоставлении с технологически требуемой и большую удельную металлоемкость тех частей здания, где расположены встроенные помещения. Все это повышает ресурсоемкость и отражается в архитектуре зданий, снижая их архитектурно-художественный уровень.

В настоящее время в АКС зданий из ЛМК существует несоответствие между планировочной структурой и ее конструктивным исполнением: планировочная структура оперирует тремя типами пролетов — покрытия, встроенных помещений, а также пролетом, равным разности между пролетами покрытия и встроенных помещений. Конструктивное исполнение охватывает лишь два из этих трех пролетов — пролет покрытия и пролет встроенных помещений. При этом конструктивное исполнение обоих пролетов раздельное. По существу, в организацию площади, которую занимают встроенные помещения, металл вкладывается дважды: сначала на покрытие без встроенных помещений, а потом на встроенные помещения без покрытия (см. рисунок).

Разнообразие пространственной организации зданий из ЛМК достигается различным расположением встроенных помещений. Это размещение определяет (по признанию теоретиков архитектуры) такие тектонические характеристики здания, как закономерности пространственной организации (А. Веснин, А. Кузнецов), их связь с конструктивным исполнением (Ю. Волчок, Н. Гуляницкий, В. Мыслин, И. Соболев и др.) и способом возведения (И. Маца, Ф. Новиков, В. Нестеров и др.).

Метод планировочной организации АКС с использованием однородных объемно-планировочных модулей здания препятствует полноценной организации пространственного строя здания из ЛМК. Прежде всего он исключает создание вторых планов пространственной формы и иерархии осей, так как однородность конструктивных ячеек делает неизбежной композиционную равнозначность пространственных осей. Кроме того, он мешает образованию начала и конца пространственного строя, который создается механическим совмещением плоскости расположения торцевых стоек фахверка с плоскостью, проходящей через торцевые рамы каркаса.

Пространственная организация здания тектонически связывается с его конструктивным исполнением методом раздельного исполнения покрытия и встроенных помещений. При этом избыточная металлоемкость ведет к деформации пространственного строя

Строительство унифицированного здания (модуля) по типовому проекту 400-0-21.83

Архитекторы Ю. Галустян, В. Махия; инженер А. Усанов

Пример перекрытия небольшого пролета дополнительного планировочного модуля, расположенного в торце здания, прогонами из прокатных профилей

Цех розлива Завода фруктовых вод в Тбилиси

Архитекторы Ю. Галустян, Т. Чкония; инженер В. Лендерман

Композиционная организация фасадов здания выполнена путем размещения ярусов горизонтальных членений ограждающих конструкций одновременно по внешним и внутренним сторонам несущих конструкций покрытий основной части каркаса. Метрический ряд опор симметрично расчленен участками стен, за которыми расположены вертикальные связи

(геометрические размеры встроенных помещений нарушают его пространственную регулярность) и воспринимается в этих зонах свободного пролета, которые остаются после размещения встроенных помещений под покрытием. Эти зоны с полным покрытием, используемые частично, создают ощущение нетектоничности своей неконструктивностью.

К существенным недостаткам архитектурно-художественных решений зданий из ЛМК можно отнести искажения масштабного строя. Искажения возникают по трем причинам. Во-первых, они образуются от несогласованности крупных размеров применяемых пролетов с малыми размерами располагаемых в них технологий. Эта несогласованность, как правило, создается в многопролетных зданиях, так как размер конструктивной ячейки, требующийся для основного пролета по условиям производства, механически переносится на другие пролеты методом применения однородных ОПМЗ. Во-вторых, масштабные искажения образуются от нетектоничного расположения встроенных помещений параллельно основной оси пролета. В этом случае размеры конструктивного пролета не соответствуют реальным размерам планировочного пролета, что вызывает чувство немасштабности. Наконец, в-третьих, масштабные искажения образуются от несоответствия размеров сечений конструкций покрытия в зонах расположения встроенных помещений тем размерам конструктивных элементов, которые мы привыкли видеть для аналогичных пролетов. Эти три вида масштабных искажений — технологий, пространств и конструкций — действуя совместно, и создают общий психоло-

гический дискомфорт в интерьере здания.

Существующие методы планировочной организации АКС недостаточно эффективны. Метод применения однородных ОПМЗ приводит к образованию в здании избытка площади. Раздельное конструктивное исполнение встроенных помещений и покрытия приводит к избытку металлоемкости (до 21%).

Эти методы не учитывают роль встроенных помещений и не создают предпосылок для совершенствования архитектурно-художественных решений зданий из ЛМК путем полноценной организации пространственного, тектонического, масштабного, пропорционального и образного строя.

Недостаточная эффективность всех этих методов вызвана некомплексностью подхода к улучшению планировочной организации АКС зданий из ЛМК, при которой требуется одновременный учет функциональных, конструктивных, технологических и эстетических его аспектов.

Улучшить архитектурно-строительные решения зданий из ЛМК можно, предложив концепцию дифференциации АКС по планировочной организации и конструктивному исполнению, которая состоит из двух частей — основной и дополнительной.

Эта концепция предполагает использование при планировочной организации основной части АКС здания существующих методов однородных и комбинированных ОПМЗ. Это позволяет сохранить основные преимущества этих методов — высокую технологичность и конструктивность АКС. Для исключения перерасхода площадей предлагается использовать в дополнение

к ОПМЗ добавочный планировочный модуль здания (ДПМЗ), предусматривающий планировочную гибкость, т. е. возможность изменять габариты здания путем конструктивного исполнения и расположения. ДПМЗ образуется благодаря выносу плоскости расположения стоек фахверка за пределы плоскости, проходящей через контур основной части покрытия (см. рисунок). Таким образом, дополнительная часть АКС здания всегда располагается по периметру основной части покрытия и поэтому может принимать активное участие в архитектуре сооружений.

Кроме того, концепция позволяет выполнять основную часть с применением существующих конструктивных систем, а дополнительную с использованием в качестве опор стоек фахверка с одной стороны и колонн основной части каркаса — с другой. Образующийся при этом небольшой пролет может быть перекрыт прогонами из прокатных профилей (см. рисунок).

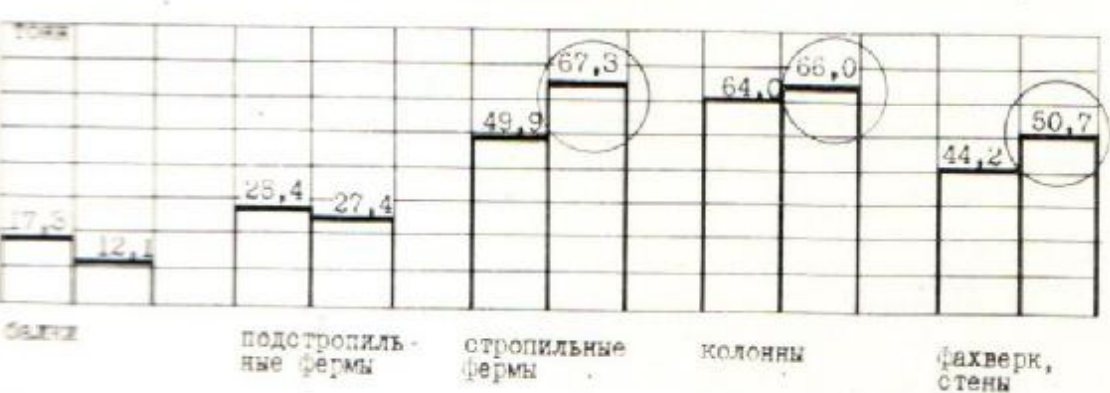
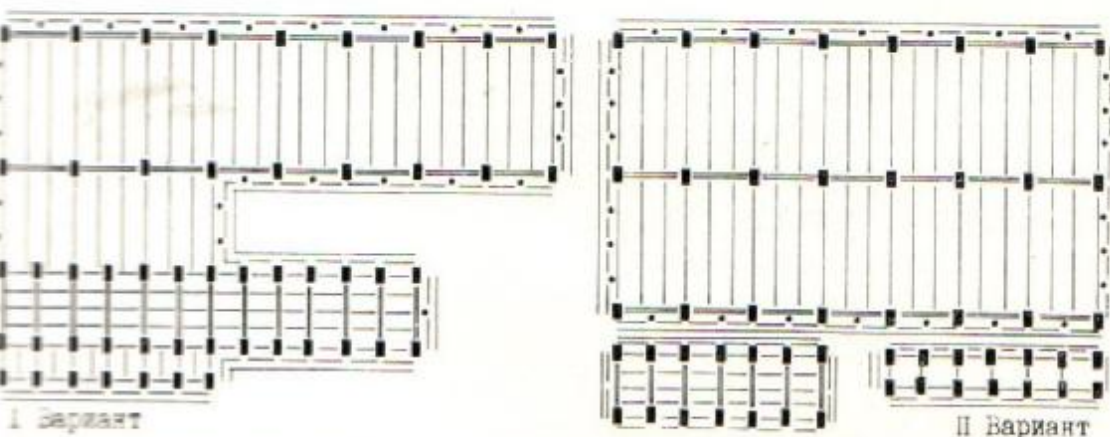
В основной части АКС размещены участки технологии, требующие крупного пролета, а в дополнительной — участки технологии с малыми пролетами.

Формирование архитектурно-строительных решений на основе концепции дифференциации АКС открывает большие возможности. Приведем главные из них.

1. Увеличение планировочной гибкости здания благодаря освобождению ОПМЗ от встроенных помещений при их выносе за пределы основной части.
2. Повышение эффективности использования площади путем приме-

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИЗБЫТОЧНОЙ МЕТАЛЛОЕМКОСТИ

МЕТАЛЛОЕМКОСТЬ АРХИТЕКТУРНО-КОНСТРУКТИВНОЙ СТРУКТУРЫ

Средняя металлоемкость зданий из ЛМК

Металлоемкость архитектурно-конструктивных структур.

Конкретную архитектурно-конструктивную структуру здания из ЛМК [1] можно представить в виде архитектурно-планировочной [2] и конструктивной [3] структуры. Перевод этих структур в конкретные монтажные схемы [4 и 4а] позволяет провести сравнение металлоемкости по каждому варианту с определением источников существующих резервов [5].

Производственный корпус ВНИИЖТ в г. Щербинка, Московская область.

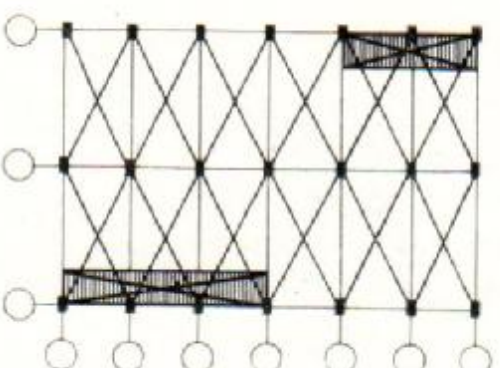
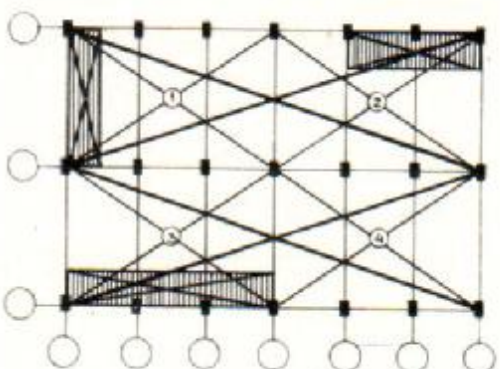
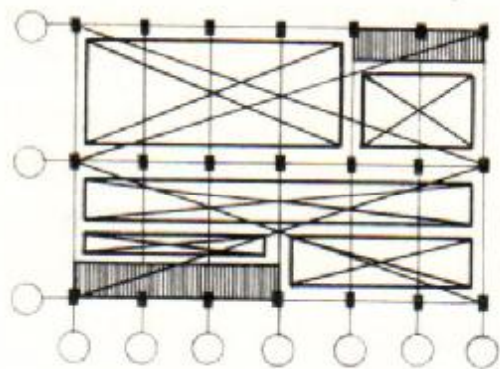
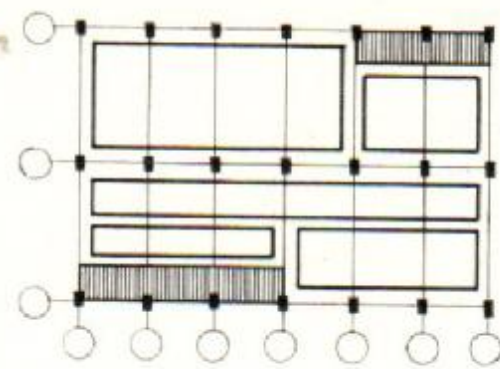
Архитекторы Ю. Галустян, Л. Грибова, Т. Искоскова, Н. Розина; инженеры Б. Баршай, В. Воловик

Форма фасада образована сильным наклоном части стен и светопроемов под карниз здания. Независимость этих конструкций дополнительной части от основной части здания позволила усилить пластику фасада метрическим рядом глухих участков стен, акцентирующих укрупненный объемно-планировочный модуль здания.

Спецавтоцентр ВАЗа в г. Балашиха. Архитекторы Ю. Галустян, В. Махия; инженер В. Кондратьев

Основная композиционная тема — горизонтальная складка-фонарь — выполнена с использованием конструкций дополнительной части — стеновых панелей и ленточного зенитного фонаря, расположенных под углом к горизонту путем соответствующего отнесения от стоек фахверка.

Масштаб архитектурно-конструктивных структур промышленных зданий из ЛМК

- а) Пример конкретной архитектурно-конструктивной структуры с технологическими участками;
- б) Размеры и расположение примененных в архитектурно-конструктивной структуре пролетов приводят к искажению масштаба технологических участков;
- в) Расположение встроенных помещений параллельно оси основного пролета ведет к искажению масштаба пространства;
- г) Размеры встроенных помещений ведут к искажению масштаба примененных конструкций покрытий

нения основной и дополнительной частей АКС здания пролетов, точно соответствующих требованиям размещаемых в них производств. Перерасход площадей снижается при точном назначении размеров ДПМЗ, которые в отдельных случаях, как показала практика, можно даже освобождать от требований унификации.

3. Повышение пространственной гибкости здания благодаря использованию болтовых соединений и созданию тем самым более благоприятных условий для реконструкции и расширения.

4. Повышение компактности планов путем сокращения длины здания и увеличения его ширины при размещении ДПМЗ вдоль здания.

5. Повышение регулярности пространственного строя здания разделением пространств на планировочные пролеты разной ширины, точно соответствующие габаритам размещаемых в них производств. При этом возникает

архитектурно-художественная иерархия осей, создаются условия для организации композиций из главных и второстепенных пространств.

6. Повышение тектоничности здания совмещением его планировочной структуры, что в настоящее время решается раздельно.

7. Соблюдение масштабности здания благодаря взаимосогласованию размеров технологий, пространств и конструкций.

8. Формирование пропорций здания не только кратными пролету и шагу основной части каркаса, но и с промежуточными размерами, благодаря свободному назначению размеров ДПМЗ.

9. Разнообразие пластики фасадов путем различного выноса плоскости фахверка по отношению к плоскости стен основной части здания.

10. Улучшение образного строя здания использованием перечисленных возможностей при формировании пространств, тектоники, масштаба, пропорций и пластики.

Внедрение этой концепции в практику строительства позволило улучшить архитектурно-строительные и архитектурно-художественные решения не только производственных зданий, но и отдельных зданий гражданского назначения, при строительстве которых были использованы ЛМК, предназначенные для промышленного строительства.

□

Физкультурно-оздоровительный объект из ЛМК, предназначенных для промышленных зданий, Москва, Кунцево
Архитекторы Ю. Галустян, И. Гунст, Л. Грибова; инженеры М. Алпатов, Г. Коренцвит

Физкультурно-оздоровительный объект из ЛМК, предназначенных для промышленных зданий. Москва, Чертаново
Архитекторы В. Давиденко, И. Михалев, В. Колесник, Ю. Галустян, Л. Грибова, Н. Розина; инженеры М. Глинкин, В. Травуш, Л. Леонтьев, А. Усанов

Корпус лечебно-физкультурной гимнастики санатория «Сочи» из ЛМК для промышленных зданий
Архитекторы Ю. Галустян, Л. Грибова; инженер В. Лендерман

И. П. МАШКОВ

Архитектура Москвы конца XIX и первой четверти XX в. связана с целой плеядой ярких творческих личностей, оставивших значительный след в облике города. Среди них привлекает внимание широтой и многогранностью деятельности профессор архитектуры Иван Павлович Машков (1867—1945), архитектор-практик, реставратор древнерусских памятников, ученый, опытный градостроитель, педагог и общественный деятель, человек редкого таланта и удивительной биографии. Его способности проявились очень рано: уже в 14 лет сын крестьянина-кузнеца из деревни под Липецком поступает в

Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Через четыре года, в 1885 г., он успешно защищает проект, получив за него серебряную медаль и звание архитектора с правом производства строительных работ. Несмотря на свой молодой возраст, Иван Машков становится преподавателем училища, одновременно участвуя в проектировании и строительстве нескольких московских объектов.

Пройдя короткий путь помощника у известных московских зодчих прошлого века А. С. Каминского, А. Е. Вебера, К. М. Быковского и Д. Н. Чичагова, он скоро под их

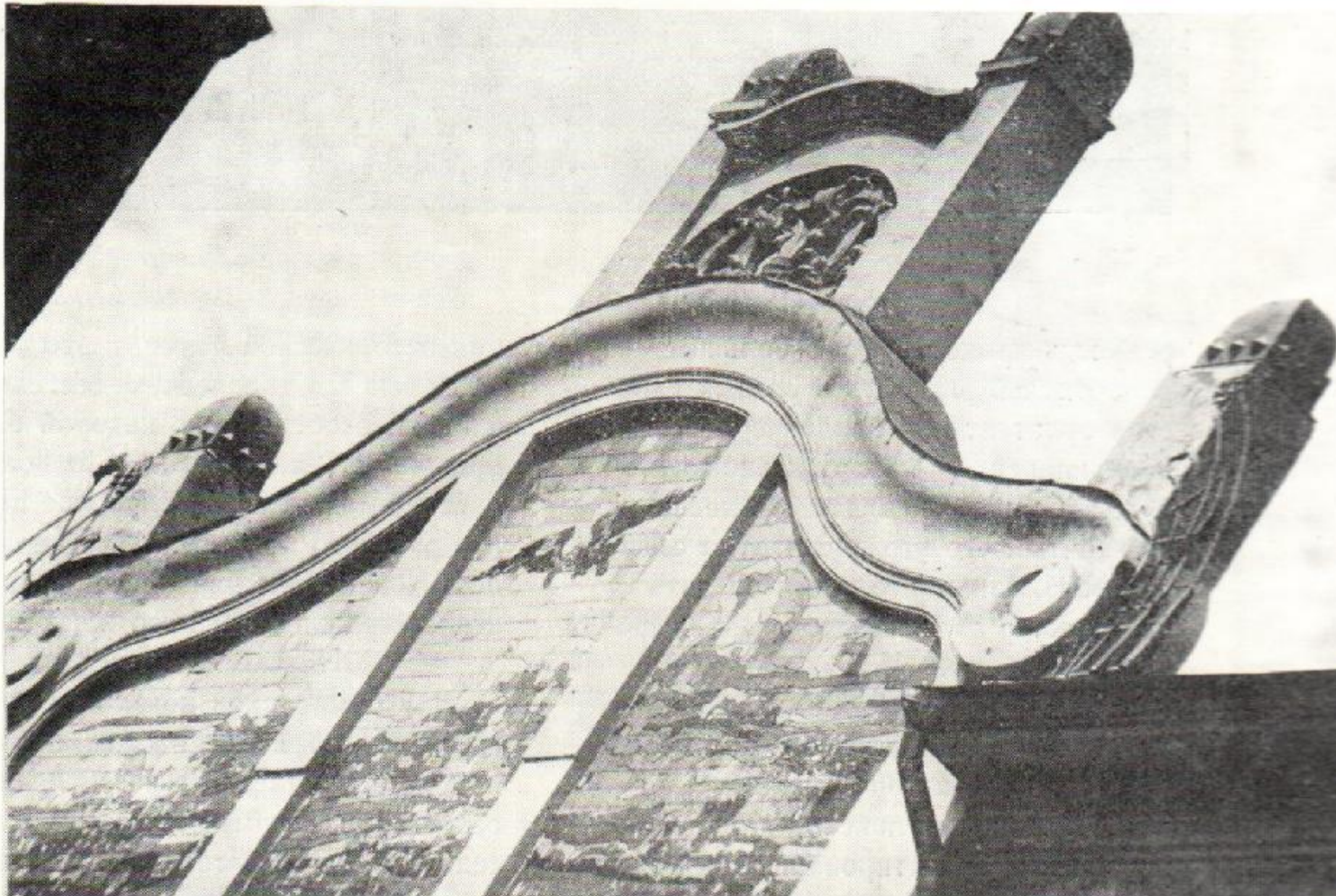
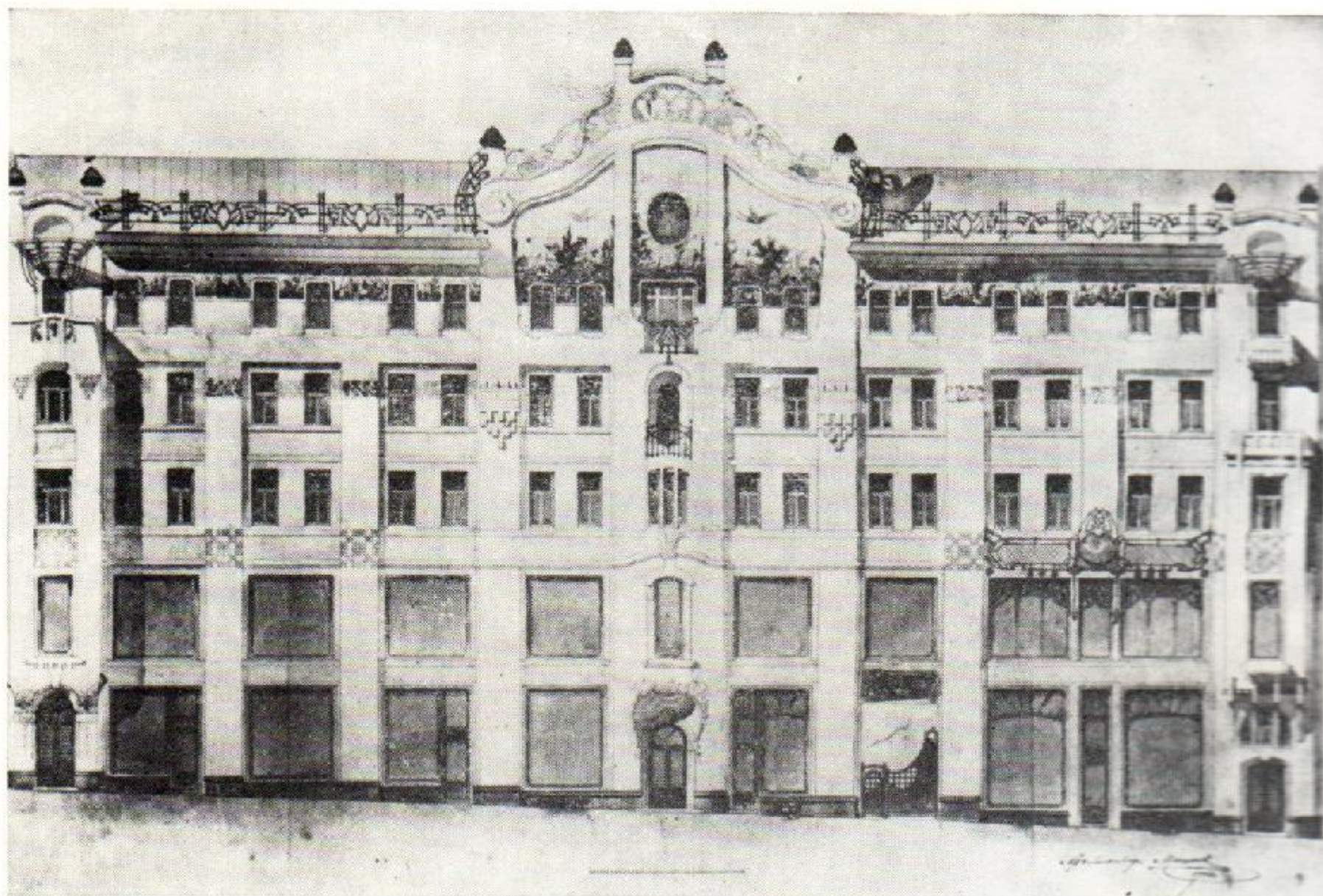
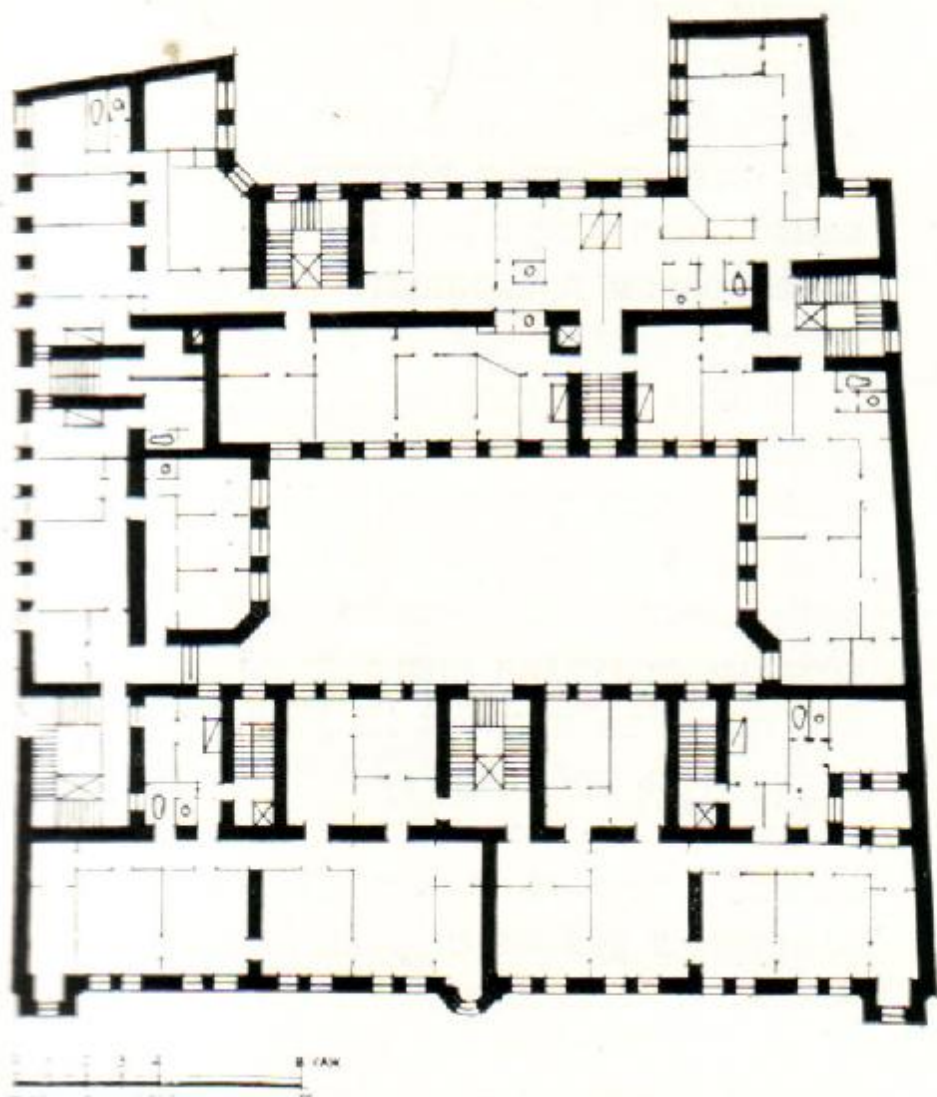
руководством делает первые значительные, самостоятельные шаги в творчестве, активно участвуя в создании крупных общественных сооружений, которые до сих пор играют важную роль в формировании ансамбля центральных площадей Москвы, это: бывшее здание Государственной Думы, ныне Музей им. В. И. Ленина, Политехнический музей, театр Корша, теперешний филиал МХАТа.

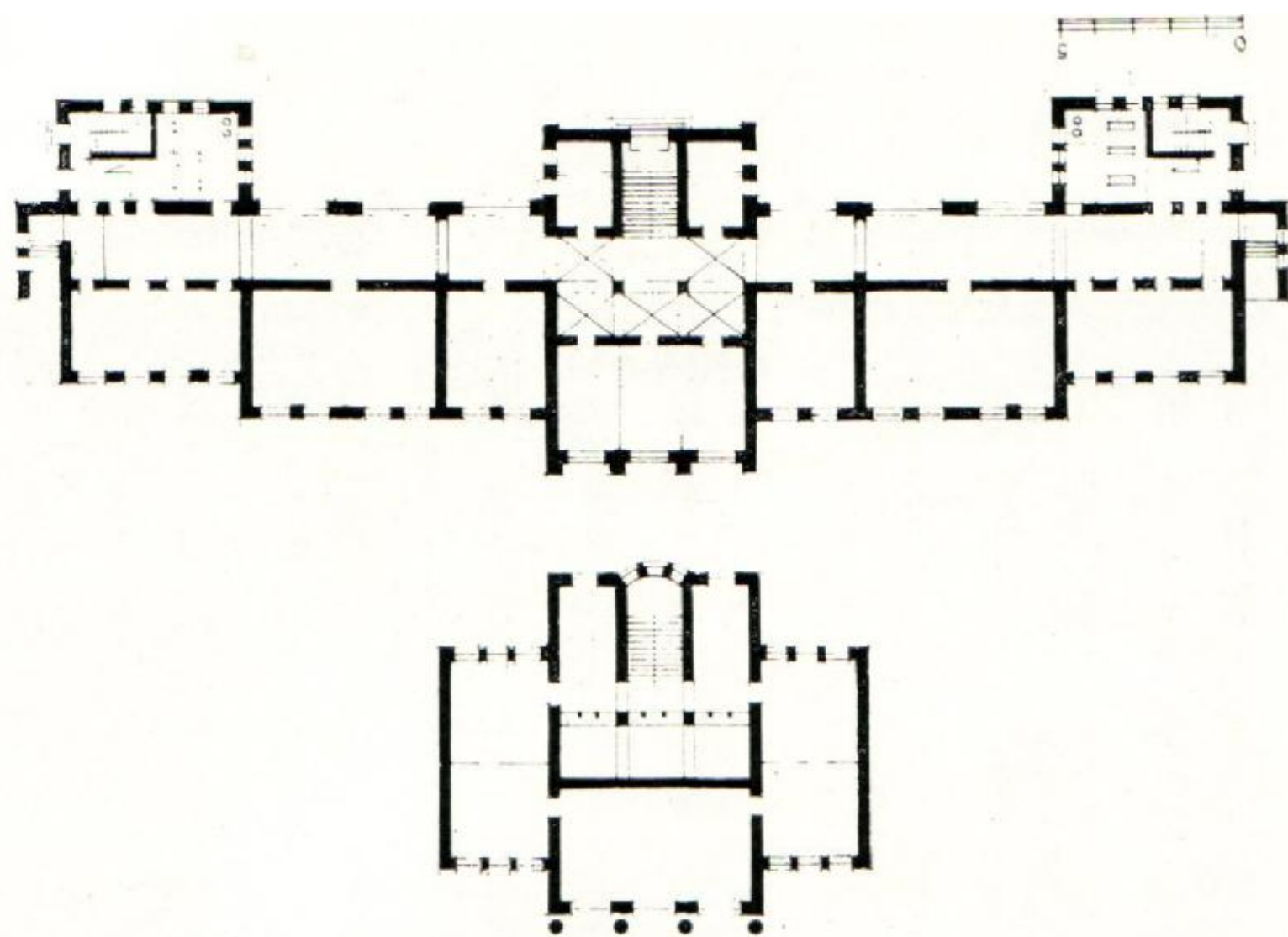
Жизненный путь И. Машкова, очень скромного, душевного по натуре человека, свидетельствует не только о высокой одаренности, но и колоссальной трудоспособности, умении на

Групповой портрет участников V съезда русских зодчих. Сидят И. Машков, А. Остроградский, И. Рыльский

Жилой дом «Сокол» на Кузнецком мосту, 1903 г. Архитектор И. Машков, художник Н. Сапунов. План, фасад, фрагменты здания

улице, 1912—1913 гг.
Архитектор И. Машков
Планы 1-го и 2-го этажей,
общий вид

Корпус Преображенской
психиатрической больницы
(ныне больница им. Н. Ган-
нушкина) на Потешной

редкость плодотворно, с большой самоотдачей работать в разных областях архитектуры, владея при этом широчайшей профессиональной культурой. Сейчас, оценивая его наследие, не верится, что это плод труда одного человека, так много успел сделать этот мастер за шестьдесят лет непрерывной работы.

И. Машков вырос как художник в эпоху особого интереса к отечественной истории, культуре, в период активных поисков национального стиля, ориентированного на зна-

ния исторической науки, и это определило всю его творческую деятельность, главной особенностью которой были преданность и постоянная любовь к русской архитектуре, глубокое понимание русского искусства. Этой привязанности он не изменял никогда, она стала стержнем всей его жизни.

Научное исследование и охрану памятников древности он долгие годы вел в Московском археологическом обществе, будучи сначала его секретарем, затем заместителем председателя, а в советское время факти-

ческим руководителем. По словам современников, Иван Павлович был душой Комиссии общества по изучению, сохранению и восстановлению памятников искусства. Комиссия обладала правом прекращать ведение реставрационных работ и всякое «повновение» памятников при нарушении производителем работ научных и исторических требований. Москва была разделена на территориальные зоны, закрепленные за членами Комиссии, которые получали постоянный «именной лист» на надзор: И. Машкову поручалось наблюдение и изучение старинных храмов, ризниц и других зданий с правом делать обмеры и осмотры в районе от реки Москвы до Арбата и Знаменки.

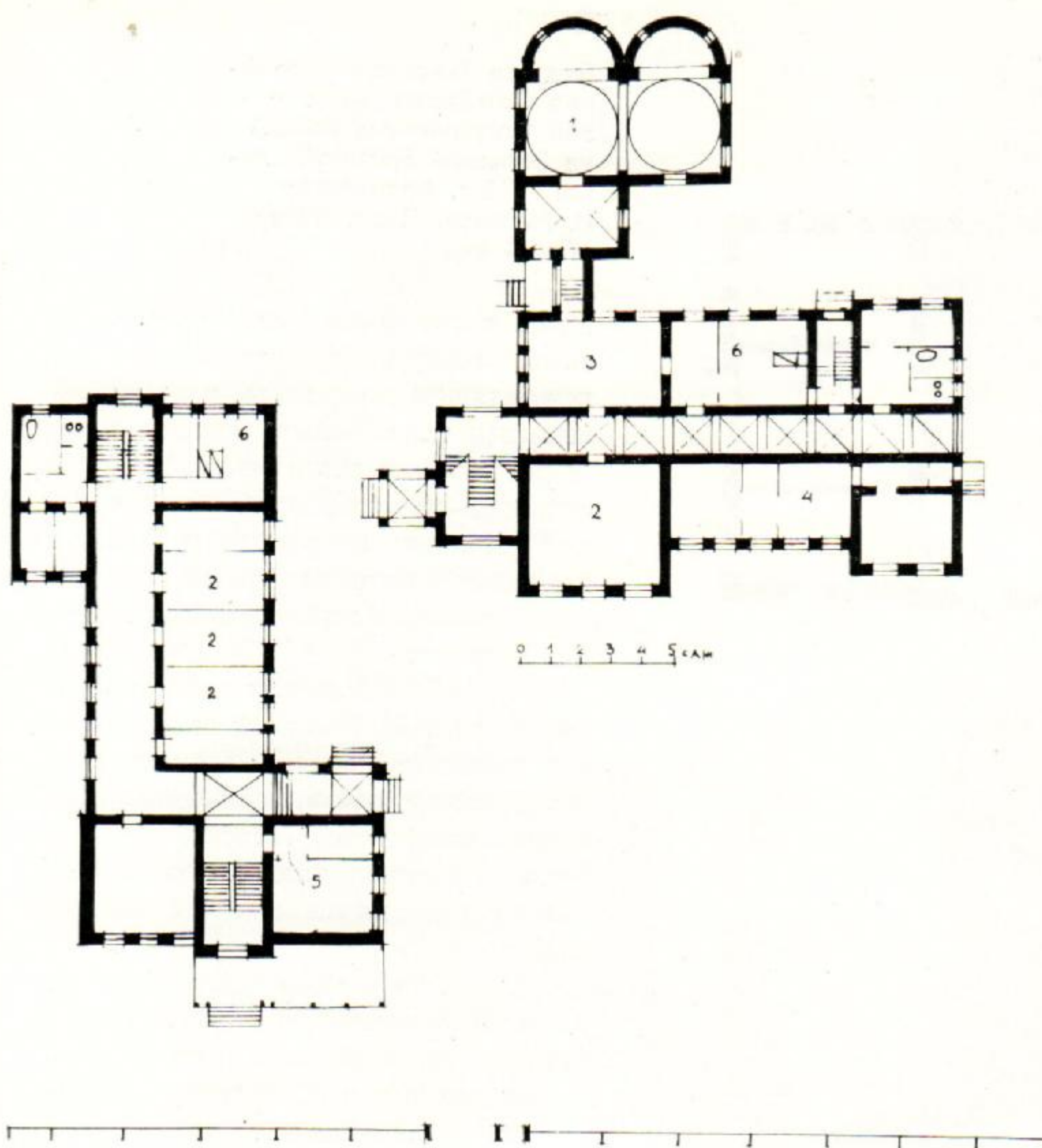
Результаты работы этой и других комиссий издавались в сборниках «Древности», выходивших под редакцией И. Машкова. И. Грабарь так писал И. П. Машкову в связи с 40-летием его творческой деятельности: «Когда-нибудь история отметит памятники, на которые Вы впервые обратили внимание ученого мира, как отметит она и те, которые удалось спасти от гибели только благодаря вовремя принятым Вами мерам», отмечая далее «чудесное, неизменное постоянство, с которым И. Машков всегда и всюду отстаивал всякое покушение на цельность памятников русского зодчества, которые в его лице долгие годы имели верного стража и чуткого исследователя» *.

В те годы проходило интенсивное становление науки по истории русского искусства, и И. Машкова можно смело назвать одним из ее основателей и пропагандистов.

Знания в искусствоведении помогли ему в период «многостилья» в творческих исканиях, определили общую направленность этих поисков при проектировании жилых и общественных зданий: в них всегда чувствовался русский адрес. В архитектуре Руси, в московских, псковских, владимиро-суздальских памятниках он находил не только характерные формы, детали, приемы, но и основные принципы построения композиции, овладевал тайнами мастерства разных архитектурных школ и, самое главное, черпал там духовный настрой, внутреннюю взволнованность, чистоту художественных образов.

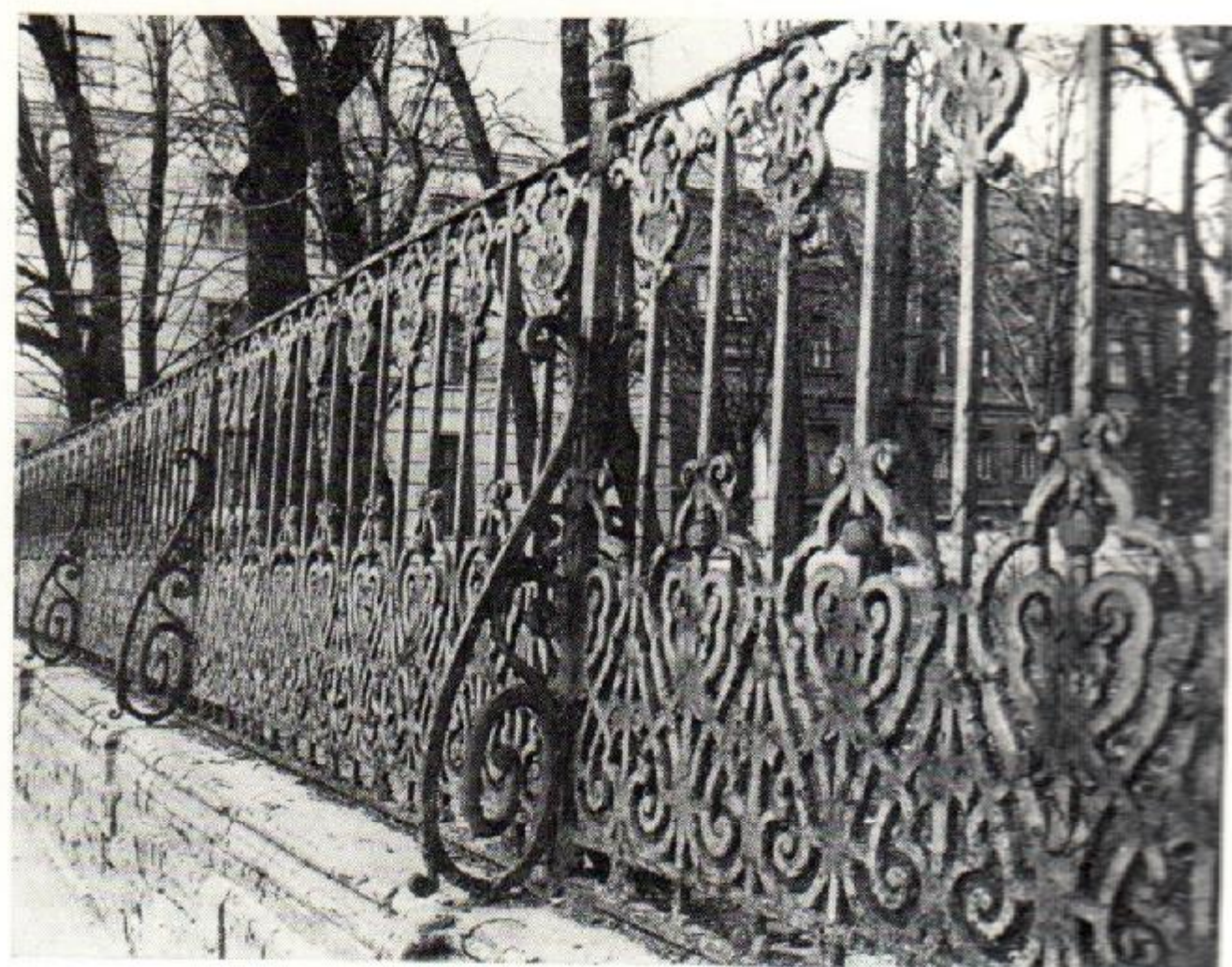
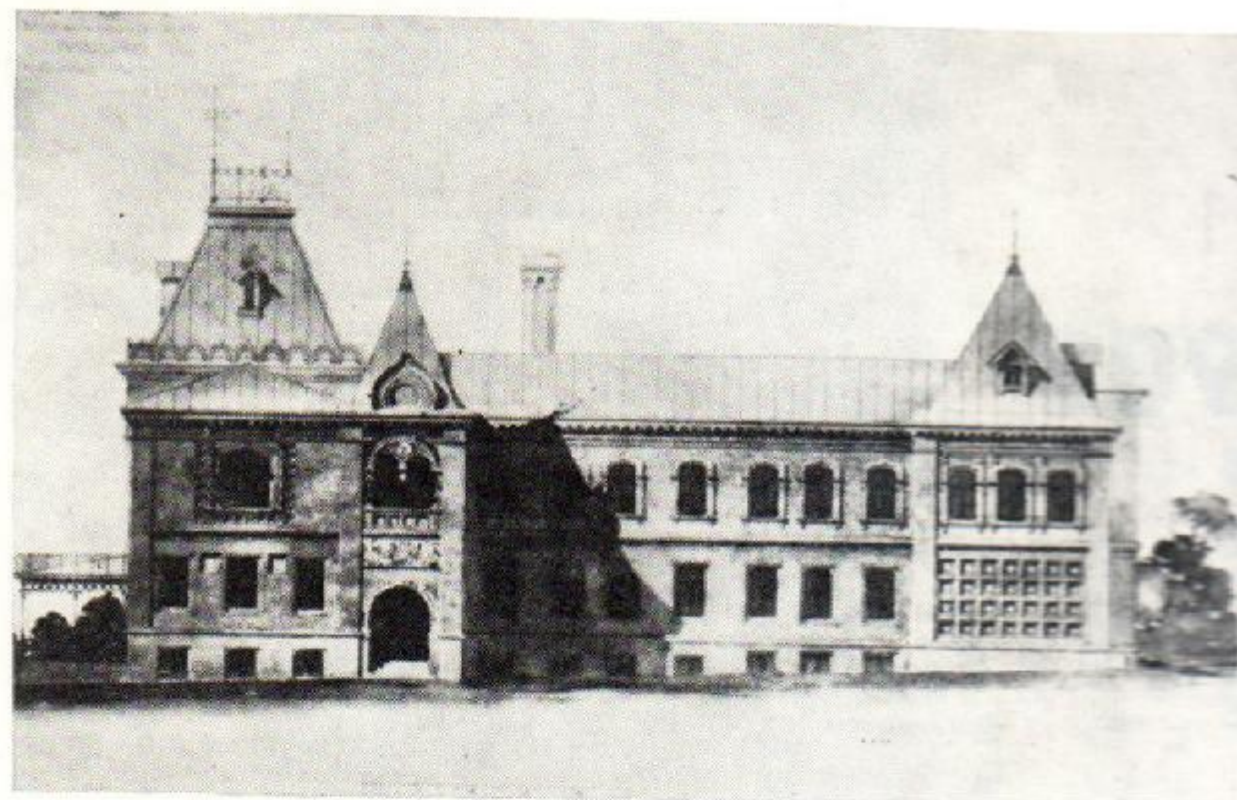
Поэтому даже в период господства эклектики ему удавалось избежать чисто внешнего копирования старого, ненужного украшательства, сухого «казенного» стилизаторства. Многие его сооружения, выполненные в

* Эта и все последующие цитаты заимствованы из фонда И. П. Машкова (№ 15166), хранящегося в Архиве Музея истории и реконструкции Москвы.

Черкасская богадельня
(ныне поликлиника на Ле-
нинградском проспекте),
1899 г.

Архитектор И. Машков.
План комплекса, фасад
бокового корпуса, фраг-
мент, ограда

романтическом «русском» стиле, отличаются свободным, в то же время целесообразным использованием традиционных форм, они никогда не утрачивали общего единства, композиционной цельности, не строились случайно, в них нет перегруженности декором, главное всегда преобладает над частным. Таковы стены и башни старого Новодевичьего кладбища, бережно и тактично вписанные в ансамбль монастыря. Они не потерялись возле крупных монастырских сооружений, вплотную примкнув к ним уступами стен, не утратили масштабности. Их формы, пропорции, тяжелые, убывающие к земле членения очень точно выражают образную сущность и назначения этого сооружения.

В период творческого расцвета мастера в начале XX в., когда отчетливо проявлялись неоклассические реминисценции в архитектурной практике, им были построены высоко оцененные современниками объекты: общественное здание на Большой Бронной улице (в нем сейчас размещается Музей пограничных войск), комплекс Преображенской больницы (ныне больница им. Ганнушкина), жилые дома по ул. Станиславского, Комсомольскому проспекту и др.

Обращение в них к образам русского классицизма кажется естественным и логичным, если учесть ту внутреннюю взаимосвязь, которую автор всегда видел в разных направлениях отечественного искусства.

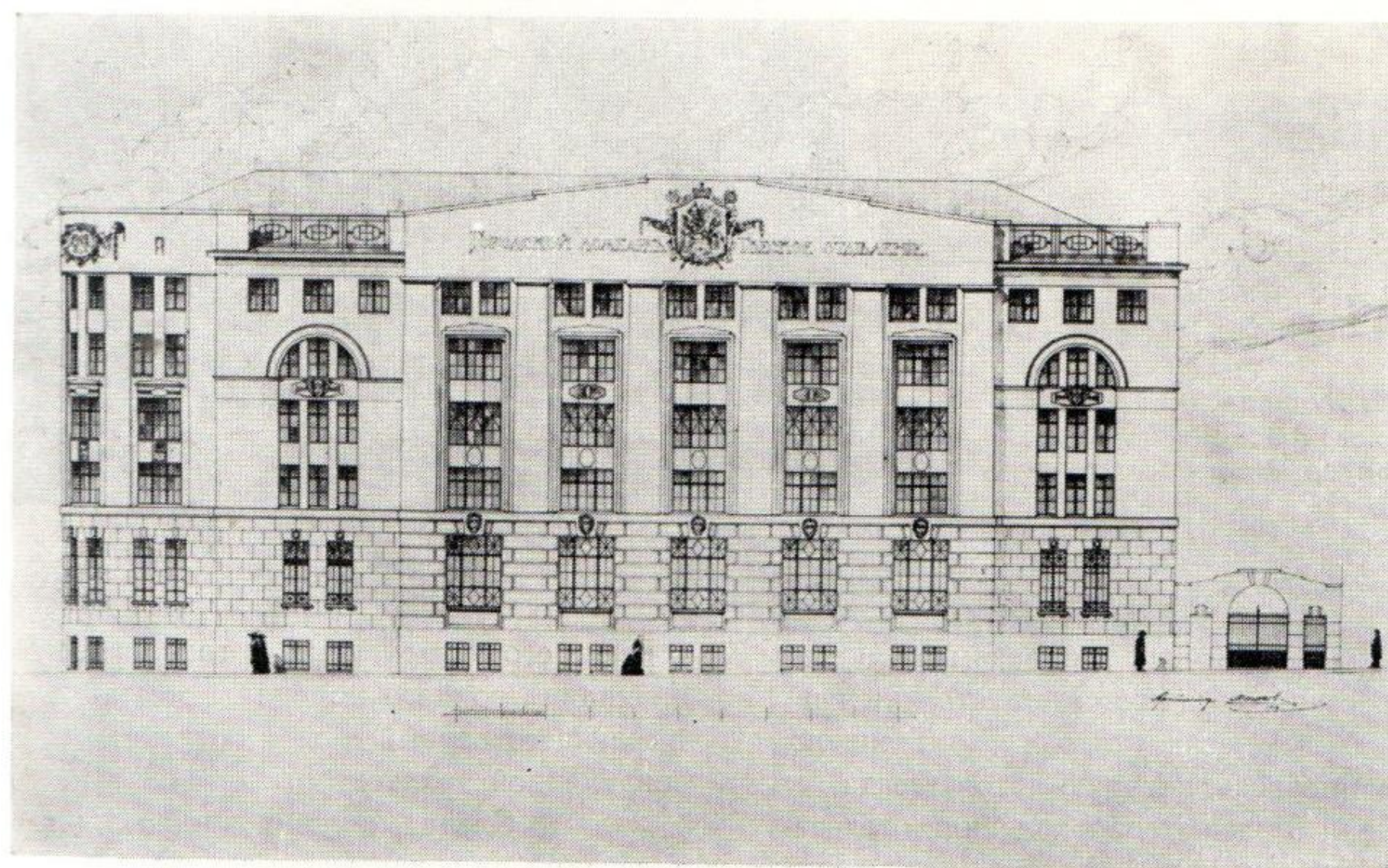
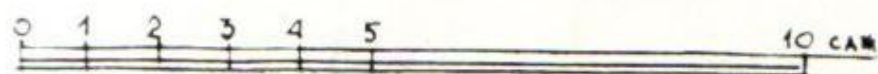
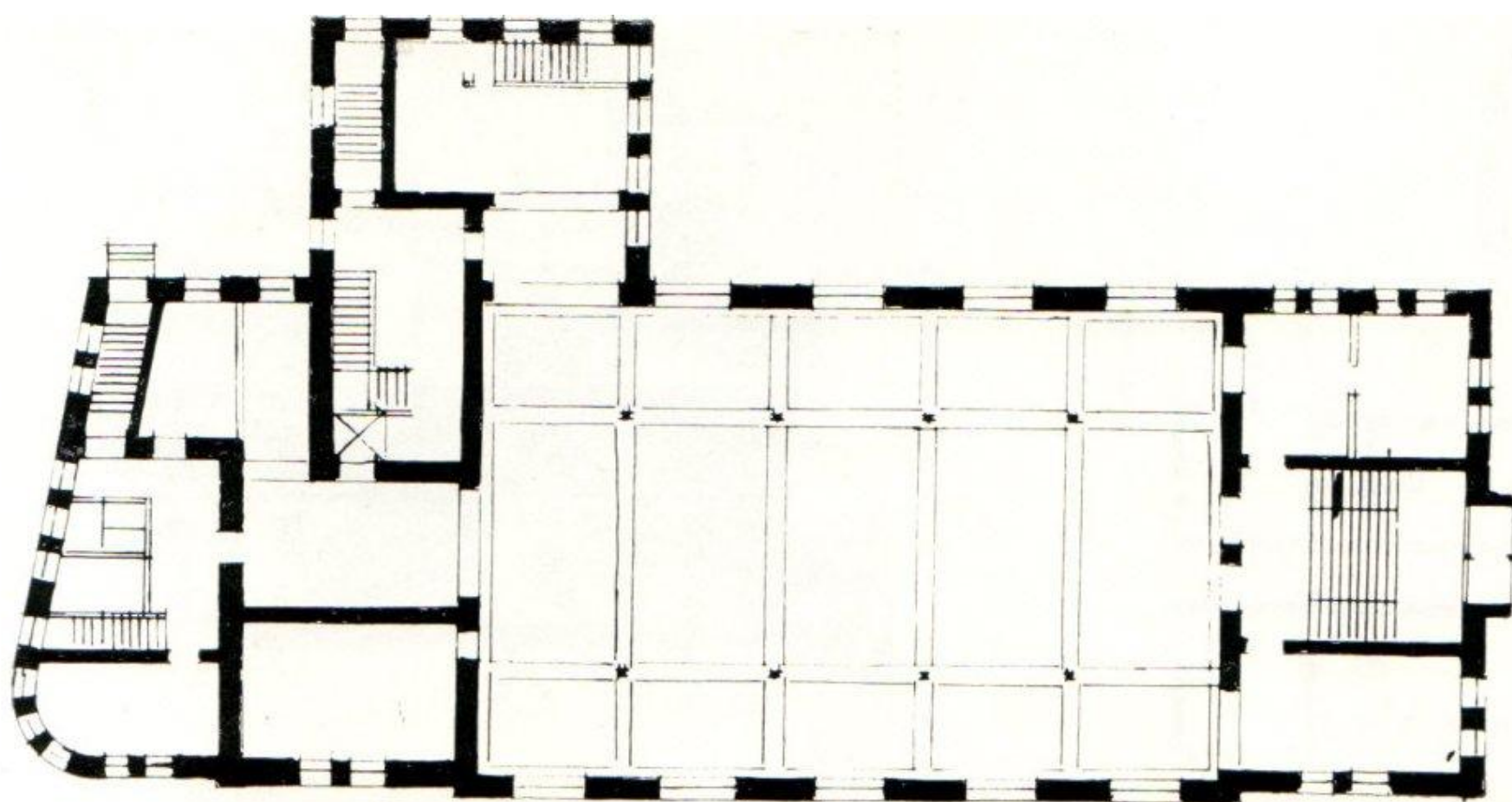
Парадное, но строгое здание на Большой Бронной улице, выдержанное в стиле неоклассицизма начала века, построено с учетом восприятия его с разных точек зрения и в различных ракурсах. Главный фасад с высокой цокольной частью, крупными пилястрами высотой, в четыре этажа, с нарочито упрощенной трактовкой тосканского ордера завершен гладким, без карнизов фронтоном подчеркнуто симметрично. Угловой и боковой фасады, сохраняя основные горизонтальные членения, решены более свободно и живописно без участия ордерных форм с усложненным вертикальным ритмом.

Испытывая влияние передовых идей своего времени, поддерживая лидеров, ведущих борьбу за «новое» искусство, примыкая к самой прогрессивной, передовой части художественной интеллигенции Москвы, Иван Павлович оказался среди защитников нового архитектурного направления, разделяя все революционные, нова-

торские его устремления, в том числе начинания раннего модерна, прокладывающего первый путь к созданию современной архитектуры.

Следуя национально-романтическому течению, он создал одно из наиболее поэтичных и лиричных сооружений московского модерна — известный многоэтажный доходный дом «Сокол», названный так по имени владельца, и несколько других жилых домов в центре города. Ему хотелось в этих сооружениях при полной свободе творческого поиска непременно сохранить глубинную, «генетическую» связь новой архитектуры с истоками, и это ему удалось. Подкупающая выразительность, эмоциональная насыщенность художественного образа, мягкая пластика рожденных богатым воображением автора форм дома «Сокол», несмотря на новизну, органично вытекает из глубин русской архитектуры.

Расположено здание на Кузнецком мосту, в нем долгое время находилось Главное архитектурно-планировочное управление Москвы. Парадный фасад его трактован как единый геометрический цельный объем, в котором сочетаются сложная ритмическая система лопаток и эркеров с горизонтальными членениями, пластич-

●
Бывшее Тверское отделение Ломбарда (ныне музей Пограничных войск) на Большой Бронной улице, 1912 г. Архитектор И. Машков. План, фасад, общий вид

ными по форме балконами и кронштейнами. Сверху композицию венчают декоративное завершение, напоминающее гигантскую волюту, украшенную замысловатыми деталями, майоликовый фриз серо-голубого цвета, разнообразные металлические решетки и живописное панно с мотивами живой природы, выполненное по эскизам художника Н. Сапунова.

Представляют интерес принадлежащие И. Машкову проекты новых жилых структурных элементов городской застройки, первых высотных зданий для бывшей Тверской улицы Москвы, к сожалению, не осуществленные в связи с началом первой мировой войны.

Немало сил было отдано им развитию монументального искусства, в содружестве со скульпторами С. Волнухиным и Н. Андреевым были выполнены памятники первопечатнику Ивану Федоровичу и писателю А. Островскому, которые и сегодня являются одними из лучших в зоне центральных столичных площадей.

Всем произведениям мастера, разным по жанру и времени исполнения, присущи общие черты: строгость, завершенность композиционных решений, вдумчивое отношение к тому, что было сделано предшественниками, теплота, душевность, лиричность художественных образов. Он был верен себе, не изменял своим идеалам и основным творческим принципам в самый, казалось бы, неустойчивый период развития архитектуры. Это объединяет его работы, делает понятным и близким современникам, особенно если учитывать его настойчивые поиски новых возможностей развития нашего искусства и архитектуры.

Активная проектно-строительная практика в сочетании с научно-исследовательской работой помогли ему успешно вести в течение десятилетий ответственные реставрационные работы в Москве и ее окрестностях; это реставрация главных соборов Кремля: Успенского и Архангельского, храма Василия Блаженного, Сухаревой башни, старого здания Университета, здания Румянцевского музея, Новодевичьего и Пафнутьевского-Боровского монастырей. Опыт этот до сих пор уникален, в нем проявилось редкое дарование реставратора и проектировщика одновременно. Вот как об этом говорили на юбилейном заседании Московского археологического общества, обращаясь к Машкову: «Наука и рус-

●
Памятник первопечатнику
Ивану Федорову, 1908 г.
Скульптор С. Волнухин.
Архитектор И. Машков

ское искусство обязаны Вам сохранением и поддержанием весьма многих исторических ценностей большого значения, а собранный Вами или под Вашим руководством исторический материал, хранящийся в Историческом музее, сделает на память о достигнутых Вами результатах неизгладимой в среде будущих работников археологической науки».

Под руководством И. Машкова осуществлено создание архитектурного отдела Московского политехнического музея, который он возглавлял с 1897 по 1933 г., отдаваясь этой работе со свойственной ему увлеченностью, как знаток старой Москвы и человек, активно участвующий в формировании ее нового облика. «Я полагаю,— писал он,— что в задачу музея должно войти основательное ознакомление с древним русским искусством широких народных масс как путем

выставки лучших образцов, так и чтением лекций, объяснений и издания соответствующей популярной литературы».

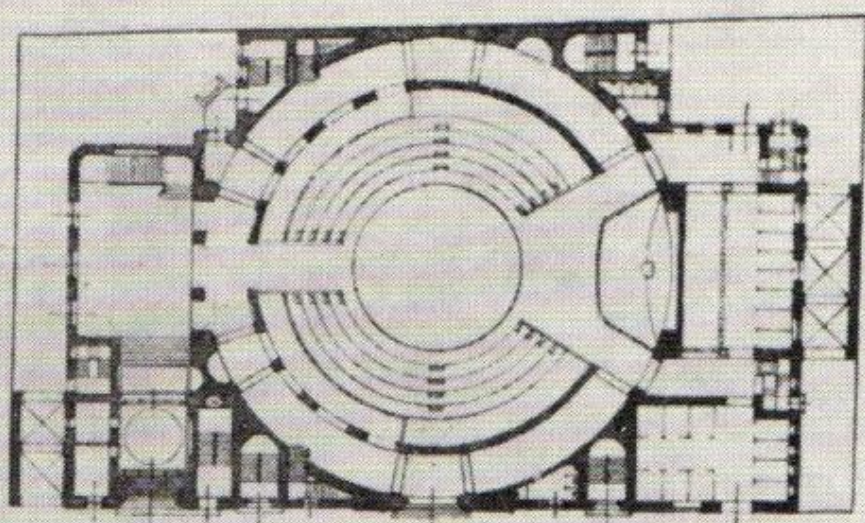
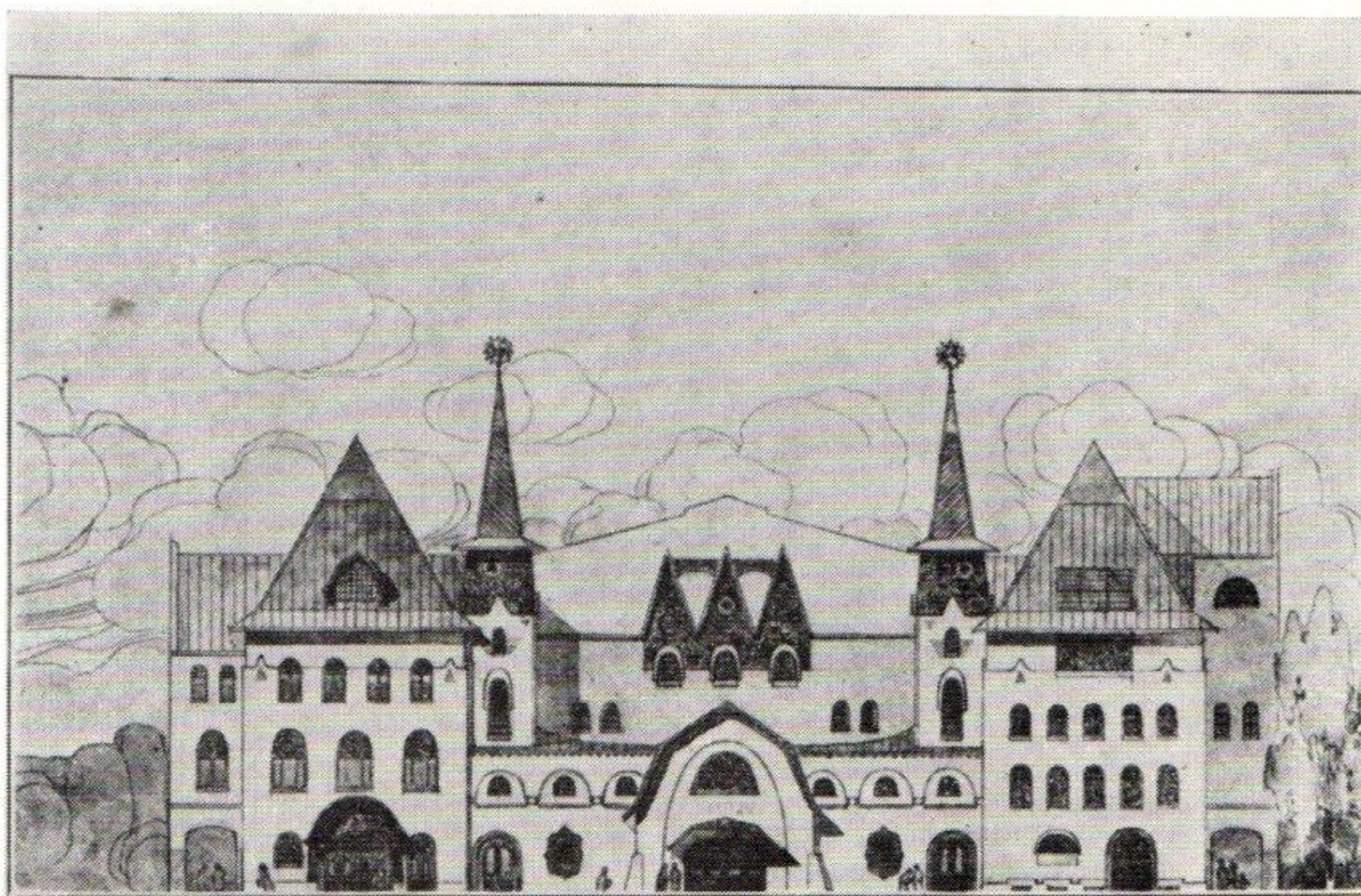
Широка и разнообразна деятельность И. Машкова в общественных архитектурных организациях. Являясь в течение ряда лет (1908—1918 гг.) заместителем председателя Московского архитектурного общества, он выступал как организатор важнейших архитектурных форумов, был ученым секретарем II и V съездов русских зодчих, неизменным членом и руководителем совета жюри почти всех архитектурных конкурсов. Его общественная работа была отмечена на юбилейном заседании МАО, посвященном 40-летию его творчества, когда ему было присвоено звание почетного члена общества. В обращении к юбиляру говорилось: «...Общество уже не может себе представить ни одного из

●
Памятник А. Н. Островскому у Малого театра, 1929 г.
Скульпторы Н. Андреев,
В. Андреев
Архитекторы Ф. Шехтель,
И. Машков

проводимых им более или менее важных дел без Вашего необходимого в них участия».

В первые годы революции, когда старые учреждения заменялись новыми, И. Машков в качестве старшего архитектора отдела проектирования Моссовета выполнял фактически функции главного архитектора Москвы, возглавляя работу по упорядочению ее застройки и составлению первого генерального плана. На этом посту ему приходилось участвовать во всех начинаниях молодой советской архитектуры, в том числе в составлении обязательных постановлений, нормировавших московское строительство, председательствовать или входить в состав совета жюри почти всех проводимых архитектурных конкурсов. Всегда терпеливый, приветливый, стремившийся разрешать вопрос не формально, а по существу, смягчая неиз-

Старое Новодевичье кладбище, 1904 г.
Архитектор И. Машков.

Проект цирка братьев Никитиных, 1910—1911 гг.
Архитектор И. Машков

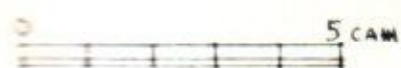
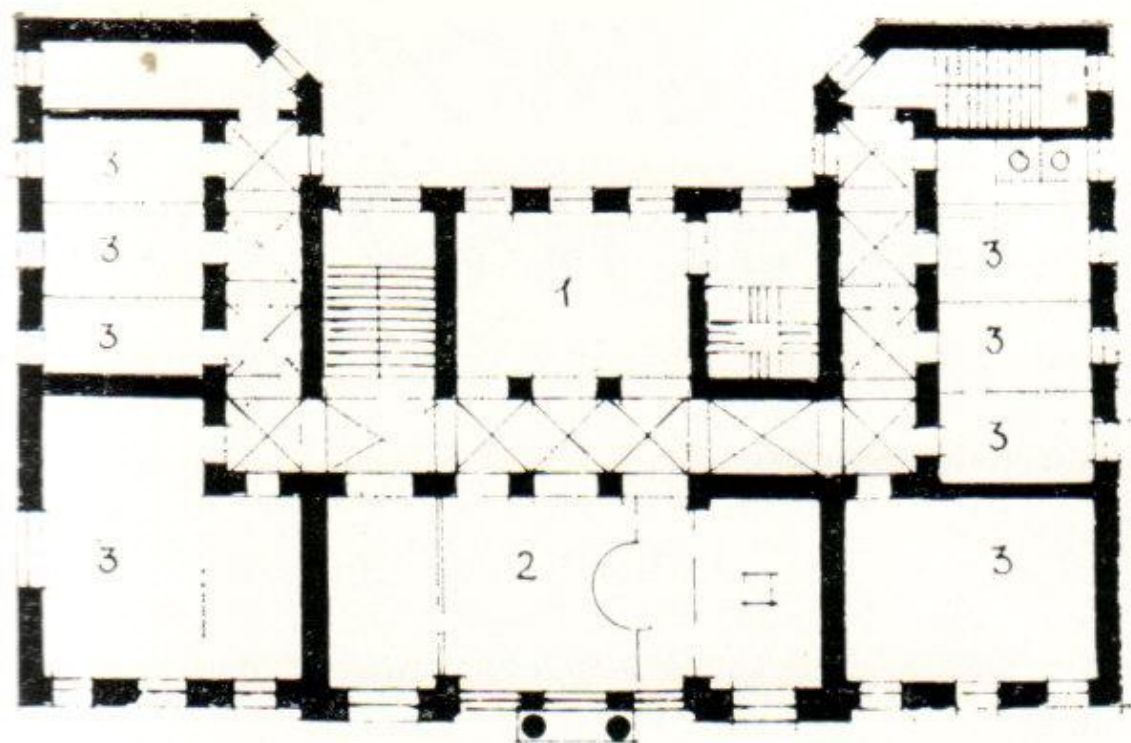
бежные противоречия между старыми нормами и бурной эволюцией архитектурной жизни, он вел постоянно консультации, просмотры и утверждение проектов. Вспоминая об этой важной для столицы работе И. Машкова, С. Е. Чернышов писал: «Не теряя внешнего спокойствия, он был неуступчив в том, что считал неправильным, неуклонно отвергал ошибочные и неверные решения всегда справедливо и обоснованно. Отклоняя неправильное решение, Иван Павлович не ограничивался простым отказом от утверждения какой-либо работы, а проявлял неизменную готовность оказать помощь автору отклоненного проекта в поисках правильного решения». Этим он снижал в архитектурной среде положение самого популярного и уважаемого судьи. Можно сказать уверенно, что не было ни одного вновь построенного, крупного здания в предвоенной Москве, в котором бы И. Машков не принимал участия своими замечаниями и ценными советами.

Весьма высоко ценили архитектурно-технический авторитет его при проведении экспертиз по самым разнообразным вопросам строительства. «Для всего этого недостаточно ни длительного опыта, ни больших знаний, но необходим еще редко встречающийся административный такт, которым так щедро наградила Вас природа» — писали ему в дни юбилея работники Московского городского хозяйства. Недаром в архитектурной среде ценилось его искреннее, товарищеское, отеческое отношение к младшим коллегам. Н. Я. Колли говорил: «Мы, московские архитекторы, в той или иной степени все являемся учениками Ивана Павловича».

Знаменательно, что в самые тяжелые для молодой Советской республики годы под председательством И. Машкова продолжала действовать Комиссия по изучению и охране памятников искусства, проводились ремонт и реставрация в Кремле, здания университета, Китайгородской стены, обследование соборов в Ярославле, Угличе, Звенигороде, Загорске, Новгороде.

Дожив до дня Победы в Великой Отечественной войне, он скончался в конце 1945 г. и был похоронен на Новодевичьем кладбище, созданном в 1904 г. по его проекту. Две мемориальные доски установлены там: одна находится внутри притвора Смоленского собора, в ней рассказывается о реставрационной работе мастера, другая — на могиле Ивана Павловича.

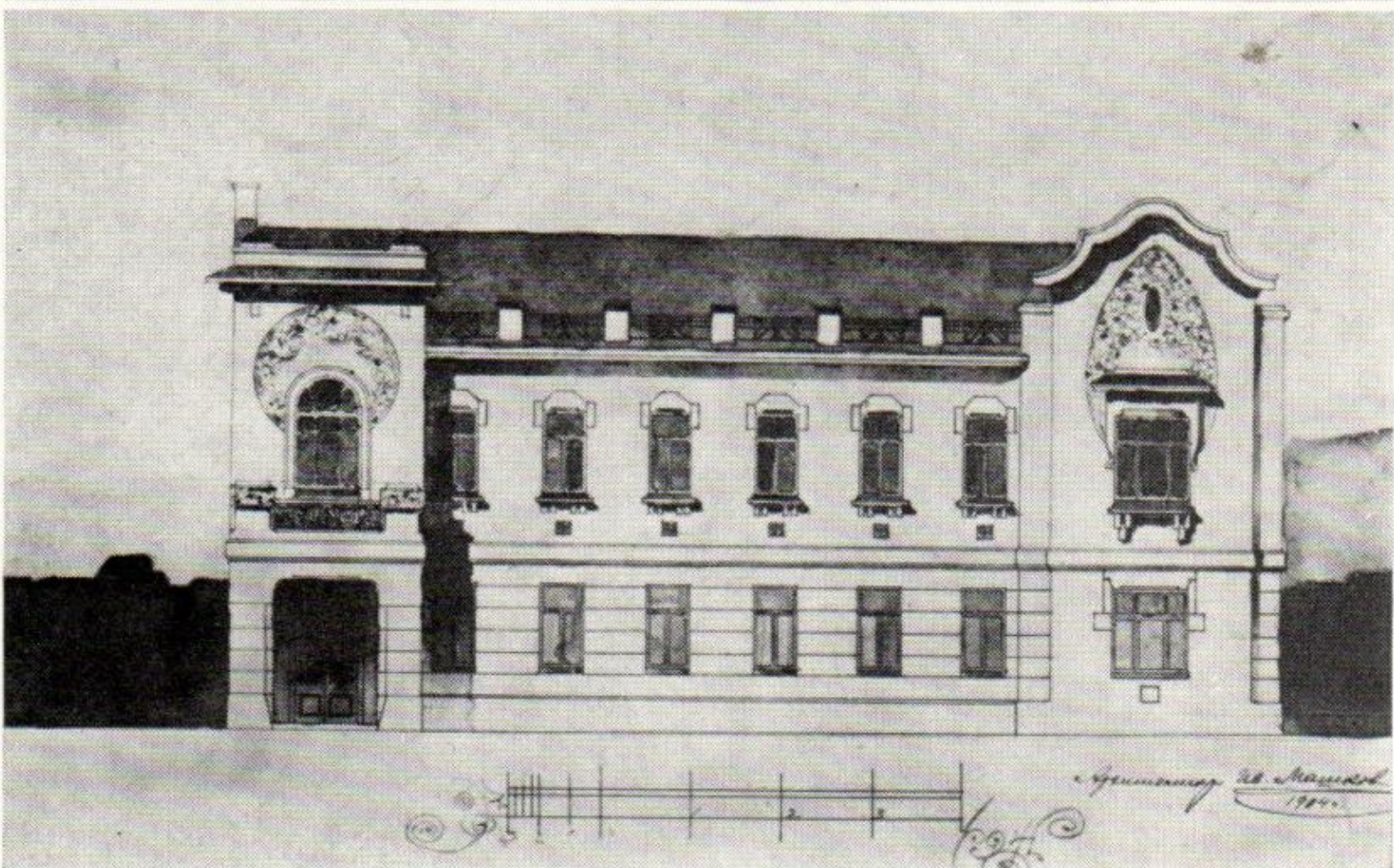
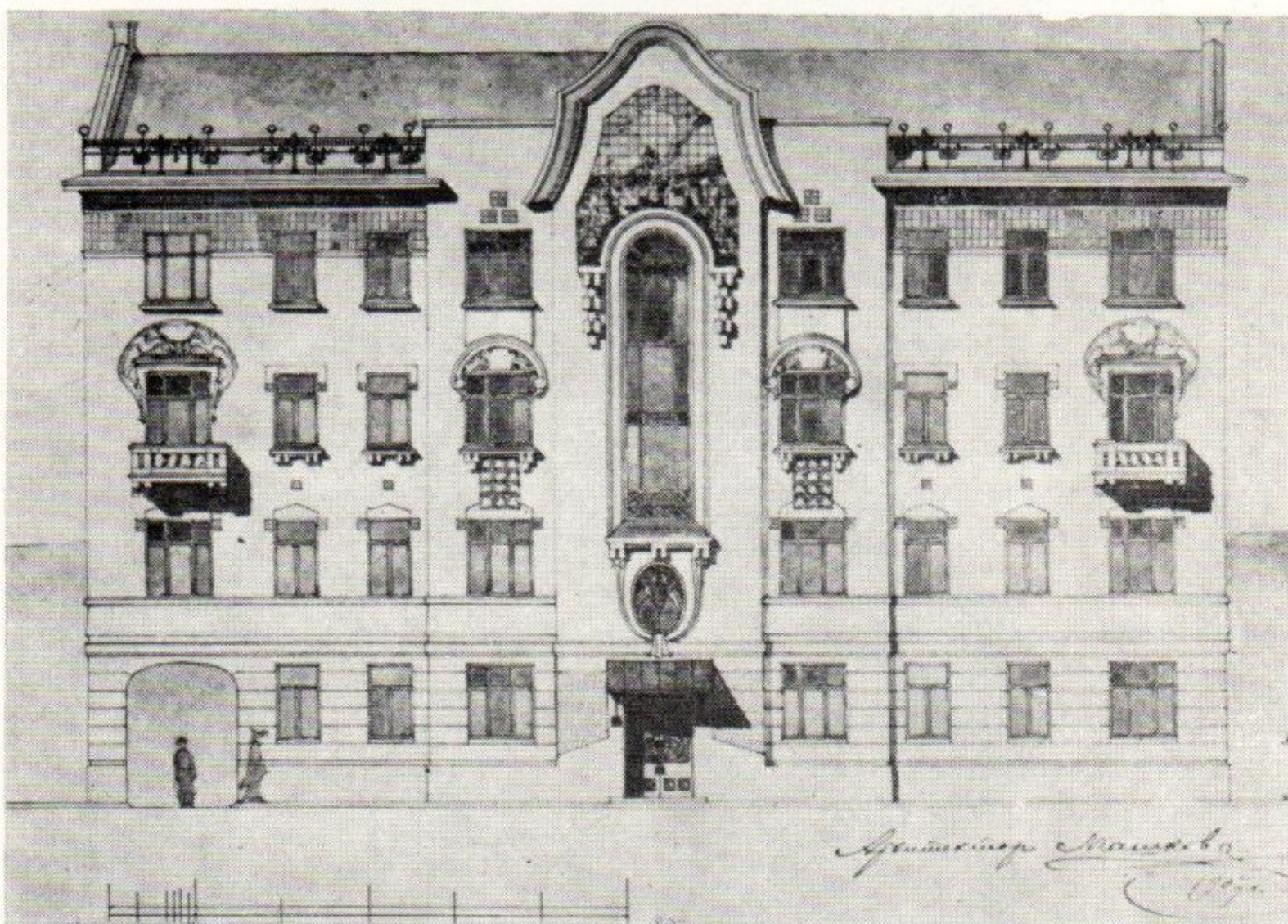
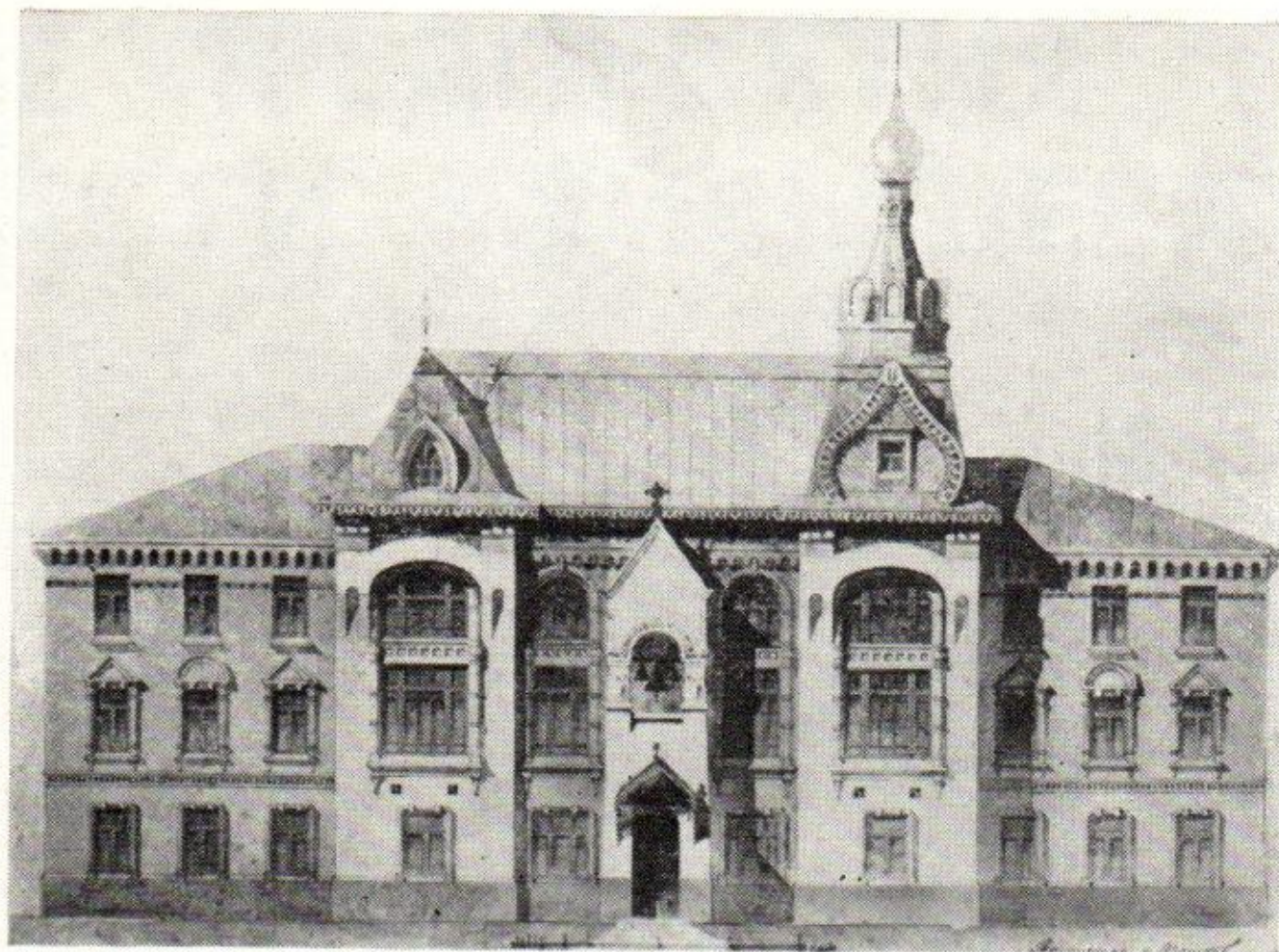
Б. Бранденбург, Я. Татаржинская

●
Богадельня в Безбожном
переулке, 1905 г.
Архитектор И. Машков
План и фасад

●
Жилой дом на улице Стан-
кевича, 1910 г.
Архитектор И. Машков
Фрагмент фасада

●
Жилой дом на Малой
Спасской улице, 1907 г.
Архитектор И. Машков
Фасад

●
Особняк в Сокольниках,
1904 г.
Архитектор И. Машков

Фото П. Климова

ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЧАСТИ КУЙБЫШЕВА

В. Самогоров

95
НАСЛЕДИЕ

История становления и развития города Куйбышева, в прошлом Самары, в значительной степени была историей развития его промышленности. Промышленные предприятия, являясь важнейшими структурообразующими элементами городского плана, активно влияли на формирование планировочной структуры города — размещение жилья, объектов общегородского центра, трассировку транспортных и инженерных коммуникаций.

Процесс освоения городских территорий под промышленные нужды проходил особенно интенсивно в течение второй половины XIX — начале XX в. В 1876 г. в городе возник первый механический завод, ныне Средневожжский станкостроительный, принадлежавший иностранцу Бенке. Сначала завод ограничивался ремонтными работами, но затем перешел к изготовлению земледельческих машин и орудий, даже постройке буксирных пароходов.

Первое место в городе занимали предприятия мукомольной промышленности. В 1879 г. в Засамарской слободе была пущена в эксплуатацию паровая крупчатая мельница купцов Субботиных и Курлиных — в печати и статистике она сокращенно называлась «Товарищество». Это было первое в Самаре мукомольное предприятие, оборудованное вальцовыми станками. Самарская мука славилась своим качеством. В 1882 г. мельница впервые представила свою продукцию на Всероссийскую промышленно-художественную выставку в Москве.

За ними стояли предприятия медопивоваренной промышленности. Крупнейшим из них был Жигулевский пивоваренный завод, основанный в марте 1880 г. А. Ф. Вакао и М. М. Фабер. Благодаря выгодному положению на берегу судоходной реки, быстрому росту края и хорошему качеству своей продукции он завоевал ведущее место во всей Восточной России. Заводские постройки, выполненные в камне, отличались «солидностью и красотой» — по сей день они служат украшением города.

Размещение предприятий на раннем этапе развития промышленного производства было обусловлено природными факторами и прежде всего реками Волгой и Самарой. Это объяснялось стремлением предпринимателей приблизить производство к источникам сырья и воде, а также необходимостью длительного хранения продукции боль-

шого объема на складах у пристаней. Концентрация предприятий по берегам рек и на мысу у их слияния предопределили последующее формирование здесь железнодорожного узла.

К концу XIX в. берег Волги занимали пароходные пристани, склады дров, камня, леса. Выше Полевого спуска возникли лесопильные заводы Наймушина, Грачева, мукомольная мельница Зворыкина, дрожже-винокурный завод Афанасьева. Ниже по течению реки разместились Жигулевский пивоваренный завод, городская электростанция (1898 г.), машиностроительный завод Бенке. У южной оконечности города, на мысу, располагались склады нефти и керосина. В начале 90-х годов были построены Старая и Новая бухты для стоянки и ремонта судов, а также перегрузки хлеба и других грузов. Вдоль правого берега реки Самары размещались городская скотобойня, предприятия по переработке животного сырья, кирпичные заводы. Территория Засамарской слободы, расположенная на левом берегу Самары, превратилась в промышленный район, в который вошли мельницы Шихобалова, лесные пристани и лесопильные заводы Гребенщикова, Курлина, Кунина, бойни, кожевенные заводы, кирпичный завод Шигаева. Еще один промышленный район — «Ветряные мельницы», расположенный к востоку от города, занимали ветряные мельницы, канатный завод Попова, колокольный — Буслаева, шубно-овчинный — Сидорова, пивоваренный — Дунаева, свечной, чугунолитейный и др. Рядом с заводами возникали рабочие поселки.

В 1876 г. П. В. Алабин, занимавший пост городского головы, писал: «Каждый, кто бросит на Самару хоть беглый взгляд, будет поражен ее превращением, неудивительным может быть в Америке, где при другом складе общественной жизни, при совершенно иных условиях, в несколько лет вырастают цветущие города в пустыне, но достойным внимания у нас, где поступательное движение городских поселений идет, вообще, крайне медленно»¹. Через 20 лет после образования в 1850 г. Самарской губернии, Самара превратилась в один из крупнейших городов страны. Быстрый рост города позволил «Самарской газете» не без гордости называть его «Русским Чикаго»².

Ввод в эксплуатацию в 1877 г. железной дороги оказал большое влияние на все последующее развитие го-

рода. С утверждением монополистических отношений в промышленном производстве выгоды поставок сырья в места переработки оказывают все большее значение. Промышленные территории формируются участками вдоль железной дороги, проходящей в береговой полосе реки Самары, и расширяются на прилегающих территориях за счет строительства складских сооружений и вспомогательных производств. Особенно интенсивно осваиваются территории в местах, где железная дорога примыкает к реке. Бурному развитию индустрии города способствовала подготовка России к первой мировой войне. Прогрессируют новые отрасли промышленности — химическая, машиностроительная, строятся электрические станции.

В 1906 г. царь Николай II написал указ о строительстве нескольких заводов на казенные средства. Среди них значился Самарский трубный завод (сейчас завод им. Масленникова), который стал впоследствии одним из крупнейших в России государственных заводов. Строительство велось иностранной фирмой «Мессино» и акционерными обществами «Вассидло», «Шпан» и др. Поставку оборудования осуществляли фирмы «Гарднер», «Франк и К°». Завод был пущен в эксплуатацию в сентябре 1911 г.

Накануне войны в Самаре возникают также завод Главного артиллерийского управления, Гранатный завод, Снарядный и др. По данным краеведа О. С. Струкова, к началу 1914 г. в Самаре насчитывалось 115 ценовых предприятий с численностью работающих 11 100 человек, а к маю 1917 г. общее число рабочих в промышленности города насчитывало 34 000. Уровень концентрации производства к тому времени был достаточно высок. Только на предприятиях Трубочного завода работало в 1917 г. 23 018 человек.

¹ Алабин П. В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Самара, 1877. — С. 27—28.

² «В 1850 году Чикаго, названный так по имени небольшой индейской речки, на которой был заложен город, насчитывал лишь 15 домов и 100 жителей. Но уже в 1875 году этот город, население которого приближалось к миллиону, стал одним из крупнейших в мире центров торговли зерном, скотом, мясом и древесиной. Чикаго переживал промышленный бум». (К. Польшен, Х. Сцепоник. Кто не молчит, тот должен умереть. М.: «Мысль», 1982. — С. 51—57).

Еще в середине XIX в. силуэт города был богат высотными доминантами, которые контрастно сочетались с окружающей застройкой. Их роль выполняли многочисленные культовые сооружения. В конце XIX в. промышленная застройка начинает преобладать над рядовой городской благодаря крупным размерам производственных корпусов. Особенно активно новые промышленные здания участвовали в формировании внешних панорам города со стороны рек Волги и Самары. Наличие в структуре рельефа двух надпойменных террас, простирающихся вдоль берегов рек и гребня водораздела, способствовало построению многоплановой композиции города. Выразительные по прорисовке и построению завершения соборов и колоколен вместе с многочисленными вертикалями заводских труб придавали образной характеристике Самары неповторимую живописность и индивидуальность.

Корпуса пивоваренного завода Вакано и Фабер в сочетании с Кафедральным собором (архитектор Жибер, 1894 г.), а также храмами и колокольнями Иверского женского монастыря играли

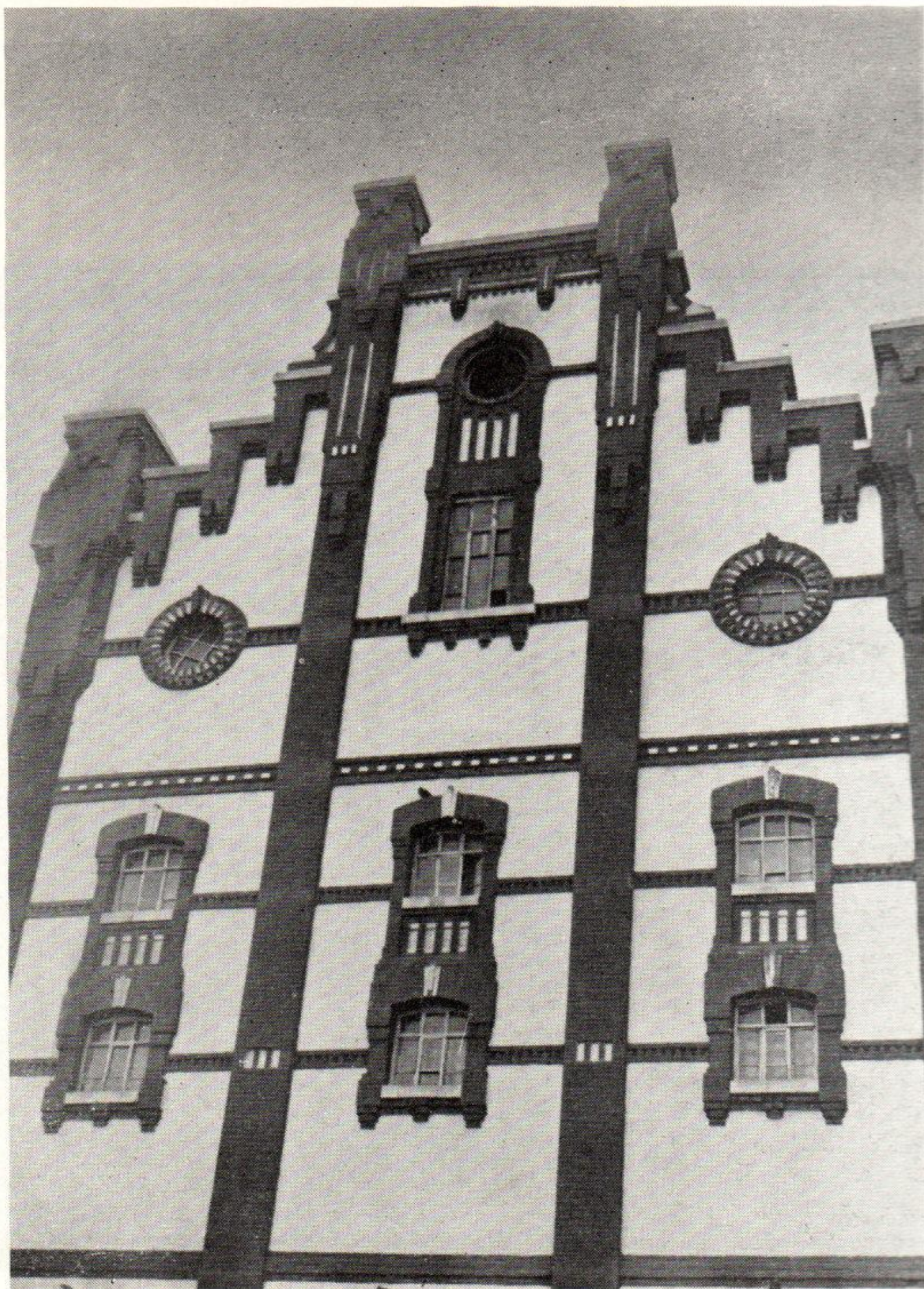

Жигулевский пивоваренный завод. Бывший завод Вакано и Фабер. Фото 1905 г.

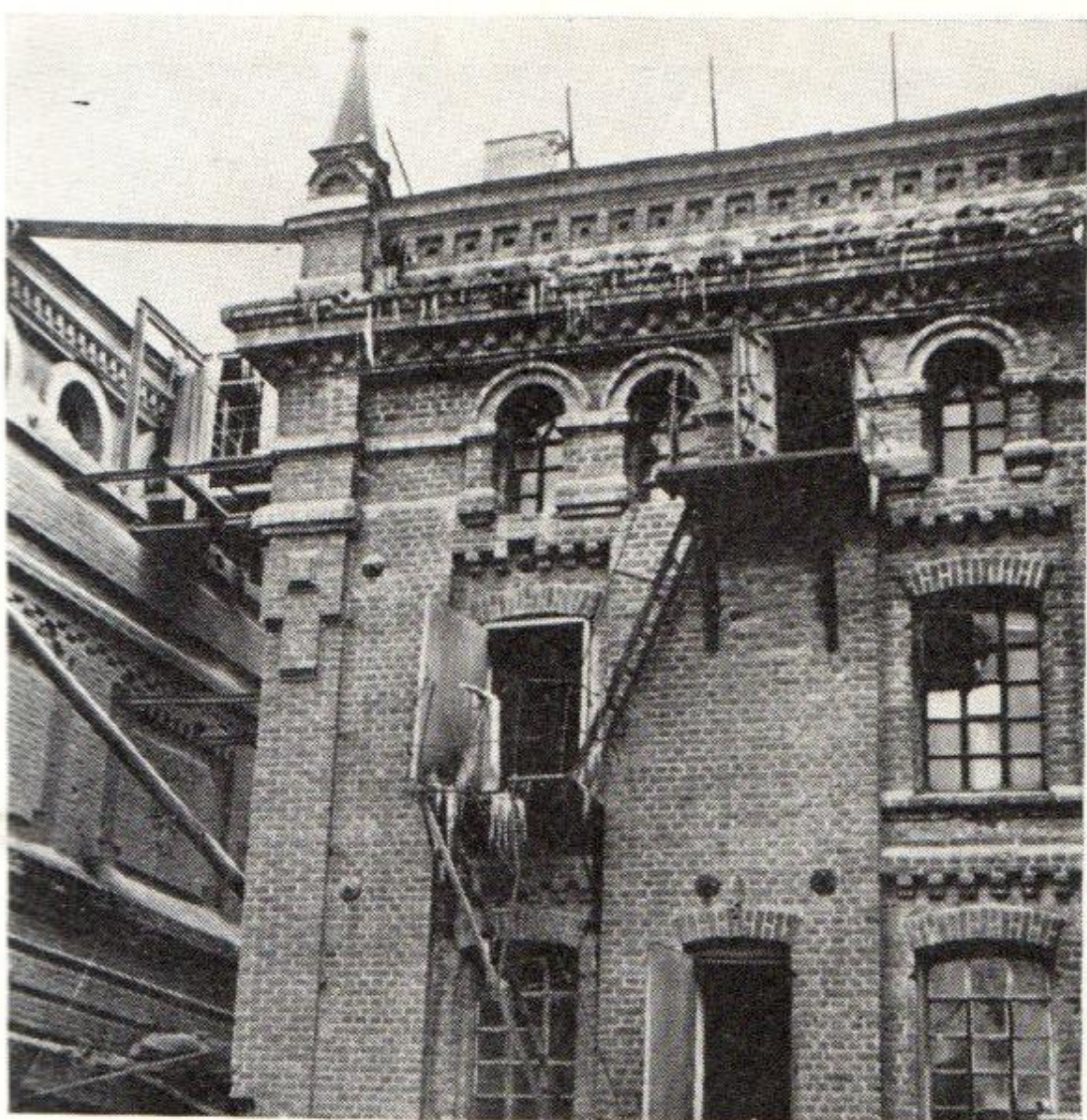

●
Макаронная фабрика.
Бывшая фабрика Кеницер.
Современное состояние

●
Жигулевский пивоваренный
завод. Фрагменты заст-
ройки. Современное
состояние

●
Мукомольный завод. Быв-
шая мельница Соколовых.
Современное состояние

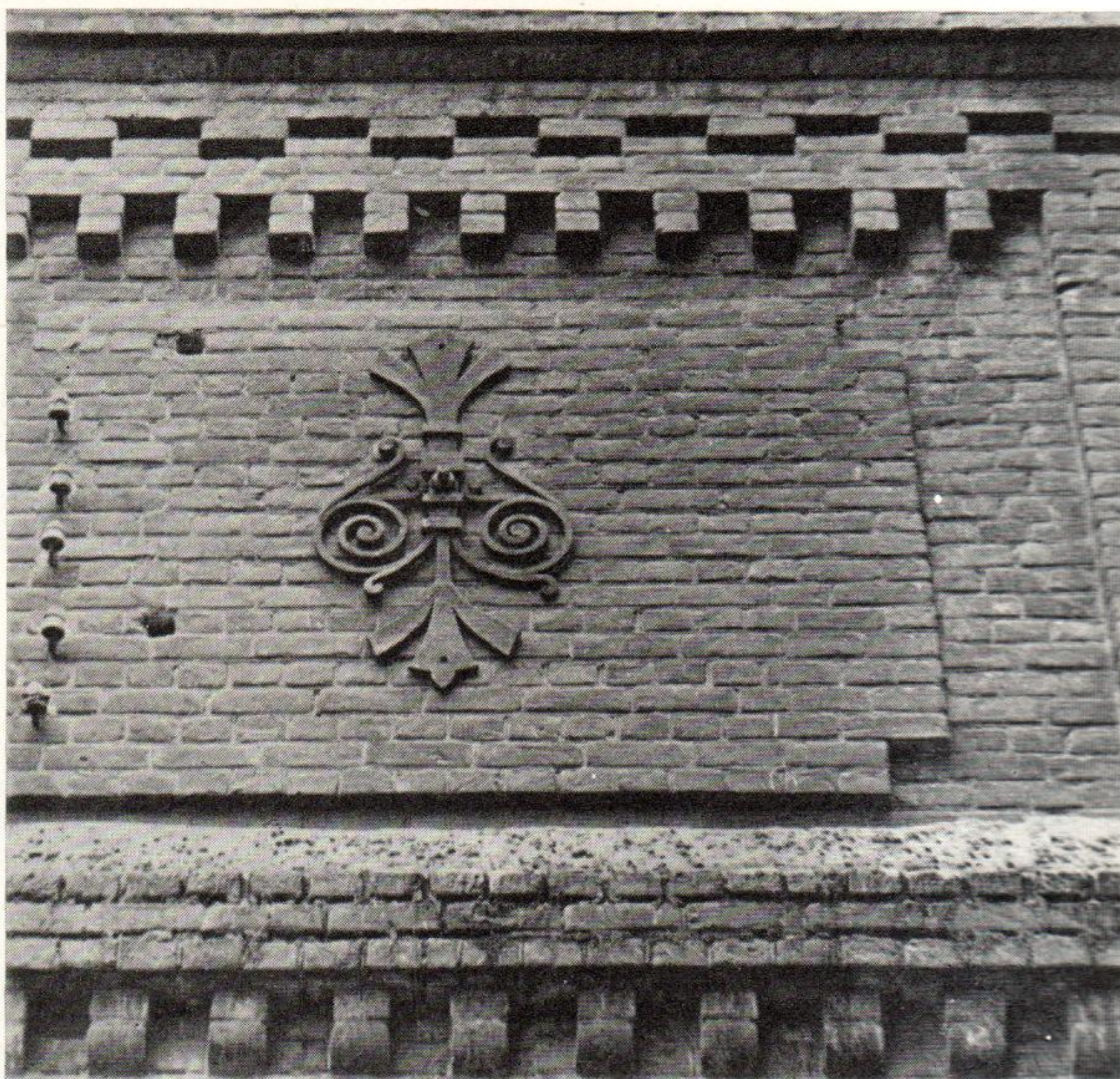
Мукомольный завод. Бывшая мельница Башкирова.
Современное состояние

Мукомольный завод.
Детали фасадов

роль главного акцента в композиции города.

Индустриализация производства в СССР явилась мощным фактором строительства новых и расширения существующих предприятий города. Сегодня Куйбышев — крупнейший промышленный центр Поволжья. Основу градообразующей базы составляет промышленность, которая характеризуется высокой степенью кооперации, специализации, многоотраслевой структурой производства. Ведущей отраслью промышленности является машиностроение — оно определяет производственный профиль города.

В границах исторической части города размещается около 40 промышленных предприятий, большая часть которых основана на рубеже XIX и XX вв. Промышленная застройка является важнейшим элементом планировочной структуры «старого» города, неотъемлемым компонентом его среды. Вместе с ценной исторической застройкой она составляет архитектурно-композиционную основу города. На территории исторической части сохранилось около 150 историко-архи-

тектурных памятников, стоящих под государственной охраной и вновь выявленных к принятию. Более половины составляют памятники промышленной и гражданской архитектуры.

Однако устаревший строительный фонд большинства промышленных предприятий не отвечает современным градостроительным и технологическим требованиям. Давно назрела необходимость совершенствования архитектурно-планировочной организации промышленных объектов исторической части города Куйбышева, многие из которых являются ценнейшими памятниками нашей культуры.

□

Ликеро-водочный завод,
1901 г. Фрагмент здания.
Современное состояние

ЗАВОДЫ УРАЛА

К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПРОШЛОГО

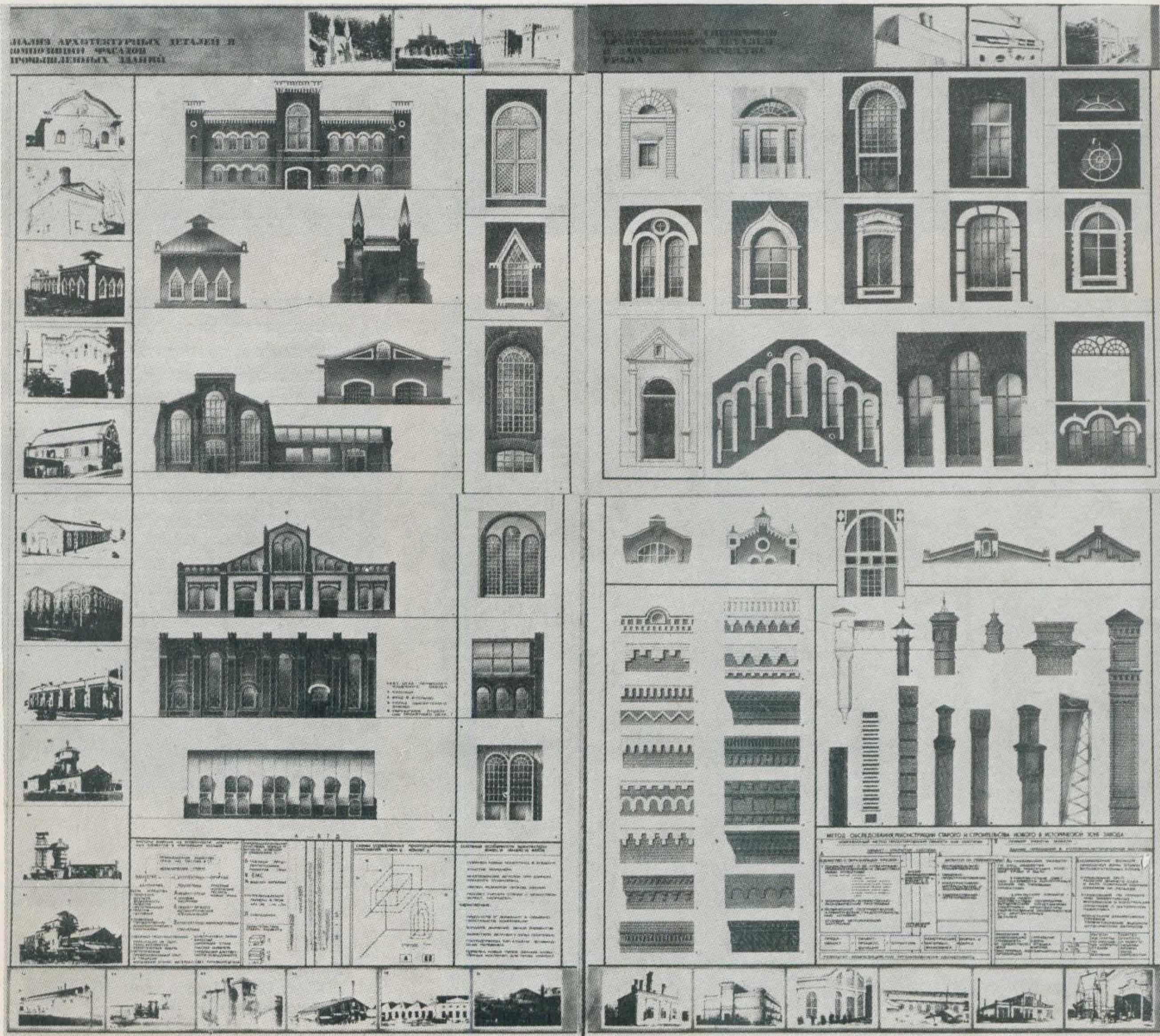
Л. Холодова

Изучение истории промышленного зодчества Урала второй половины XIX — начала XX в., этого сложного и противоречивого периода, представляется важным, ибо он непосредственно предшествует современному этапу развития архитектуры, движимой новыми социальными и экономическими силами, архитектуры социалистического общества. Промышленные объекты этого периода в настоящее время еще либо функционируют, либо сохранили свой внешний облик при изменившейся внутренней технологии, и являются представителями интереснейшего пе-

риода архитектурной науки и практики.

При общем относительно замедленном развитии промышленности Урала технический прогресс происходил и в период второй половины XIX в.: повышалась мощность доменных печей, старинные способы производства железа заменялись мартеновскими, создавались новые типы промышленных зданий, старые здания реконструировались на основе новой энергетики и прогрессивной технологии, создавались целые металлургические комплексы, которые по своему техническому совершенству могли соперничать с са-

мыми передовыми заводами Европы. Горный инженер А. Н. Митинский, обследовавший Урал в 1909 г., писал: «Техника уральских заводов на многих из них высока. Постановка выделки кровельного железа — первая в мире... Превосходно оборудован Лысьвенский завод. Прокатные устройства для рельсового сортового железа Нижне-Саллинского (Нижне-Тагильского округа) и Богословского заводов не уступают любым иностранным. Мартеновские печи, например, Лысьвы, Алапаевска общевропейски современны»¹. Подобные отзывы о состоянии от-

Архитектурные детали в промышленном зодстве Урала второй половины XIX — начала XX в.

Доменный корпус
Северского завода.
1860-е гг.

дельных предприятий Урала на рубеже XIX—XX вв. нередко встречаются в литературе тех лет.

Если в изучаемый период промышленное строительство Юга и частично Центральной России развивается в условиях капиталистической горячки, когда в эти районы заводы целиком переносятся из Европы и Америки, то Урал сохраняет самобытность. Новшества технологии производства и строительства часто рождались как раз на Урале, а новшества, привнесенные извне, перерабатывались с учетом местных условий на основе богатой практики. Рост материально-технической базы русского капитализма способствовал созданию на Урале новых типов зданий и их новых конструктивных систем.

В результате промышленного применения паровых и электрических источников энергии типичная уральская схема генерального плана завода, основанного на последовательной расстановке производственных зданий вдоль рабочих прорезов плотины, коренным образом меняется. Если ранее ориентация цехов была задана направлением движения воды в прорезах плотины, то теперь стало возможным располагать цехи свободно, соотносясь с технологическими потоками и условиями рельефа, рационально формировать заводскую территорию и разбивать ее во всех направлениях.

Введение новой технологии металлургического производства, нового технического оснащения цехов, появление новых видов производств привело к значительному увеличению количества объектов на заводской территории. Это увеличение касается не только основных обрабатывающих

цехов черной металлургии, но и различных вспомогательных зданий и сооружений: электростанций и паровых котельных, газогенераторов, транспортных устройств, открытого оборудования, различных складских сооружений и т. п. Если раньше основные производственные корпуса нуждались в единичных вспомогательных зданиях и сооружениях, не влиявших существенно на композицию генерального плана, то теперь они по общей своей площади приближаются к территории, занимаемой основными цехами. Это повлекло за собой необходимость поиска технологически и архитектурно-композиционно оправданных зон для основных и вспомогательных зданий и сооружений.

Увеличение производственных мощностей цехов потребовало также увеличения и разветвления транспортных связей и устройства железнодорожных путей, что, в свою очередь, вызывало организацию на генеральном плане завода транспортной зоны.

Для основных цехов характерен не только количественный рост, но и существенное увеличение их размеров. Тенденция к блокированию производственных зданий, наметившаяся на Урале еще с начала строительства заводов, получила полное развитие. Производства, связанные единым технологическим потоком, объединялись под одной крышей и достигали теперь площади до 1000 м². Принцип объединения производств в одно здание является одним из наиболее прогрессивных методов формирования заводской территории. Это подтверждается всей историей развития промышленной архитектуры.

Развитие генеральных планов

уральских заводов второй половины XIX — начала XX в. наметило, таким образом, основной принцип планировки промышленных предприятий — зонирование территории и утвердило принцип блокирования производственных зданий.

На рубеже XIX—XX вв. наметились основные принципы проектирования генеральных планов заводов, сохранившиеся и поныне: соблюдение зонирования территории предприятия; обеспечение оптимального размещения на заводской площадке производств, различных по характеру и мощности; создание условий для расширения предприятия; применение прогрессивных видов промышленного транспорта; блокирование производственных зданий; размещение зданий и сооружений с разрывами, обеспечивающими компактность застройки и минимальную протяженность инженерных сетей и дорог.

Многие современные предприятия Урала расположены на территории старых заводов. С целью более успешного решения конкретных задач их реконструкции можно рекомендовать такие меры, как: сохранение системы планировочной взаимосвязи реки, проходящей по территории завода, с производственными зданиями и использованием реки в качестве одной из планировочных осей; организация историко-заповедной зоны, включающей действующие старые цехи; развитие новых цехов на территории, технологически независимой от исторической зоны.

Своеобразие пространственной организации застройки старых уральских заводов во многом определялось характером природного ландшафта. Сохранение и выявление особенностей последнего является одним из основных путей в достижении архитектурно полноценных и типично уральских современных промышленных ансамблей.

Яркие преобразования произошли в объемно-пространственной характеристике промышленных зданий. На смену доменным цехам с печами, заключенными в каменный корпус, пришли цехи с открытым доменным оборудованием, постепенно выделившимся из объема здания. Был создан новый тип доменного цеха. Впервые в истории промышленной архитектуры Урала на рубеже XIX—XX вв. домна выступает в качестве открытого оборудования. Открытые доменные печи в сочетании с крупногабаритным вспо-

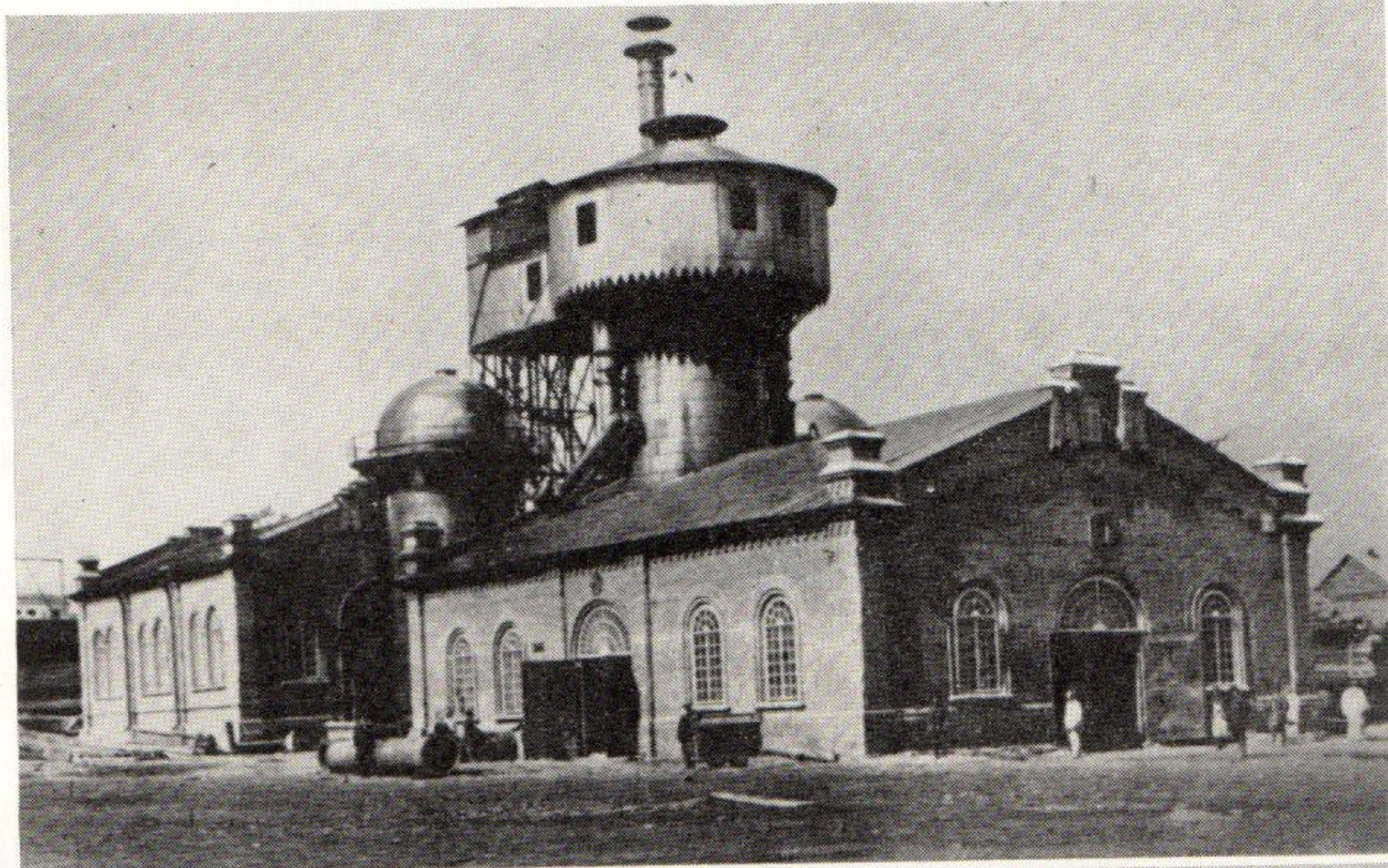
могательным оборудованием становятся самостоятельной архитектурной темой. Основываясь на примерах построек Надеждинского, Пашийского, Златоустовского, Нижне-Туринского, Чусовского и других доменных цехов, можно заключить, что синтез открытого оборудования и строительных объемов, который здесь достигнут, открывает новую фазу в промышленной архитектуре.

Другой яркой особенностью развития промышленной архитектуры периода второй половины XIX — начала XX в. является переход от каменных несущих строительных конструкций к металлическим каркасным зданиям.

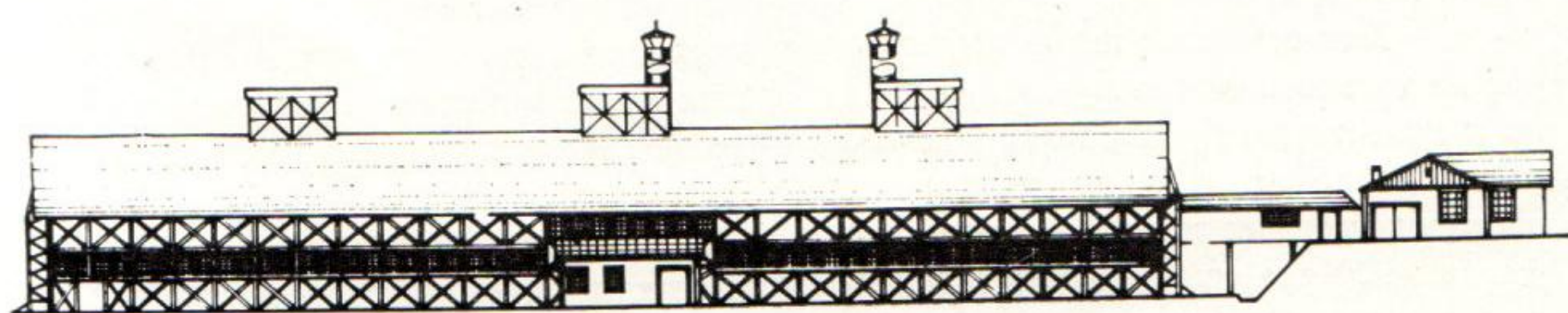
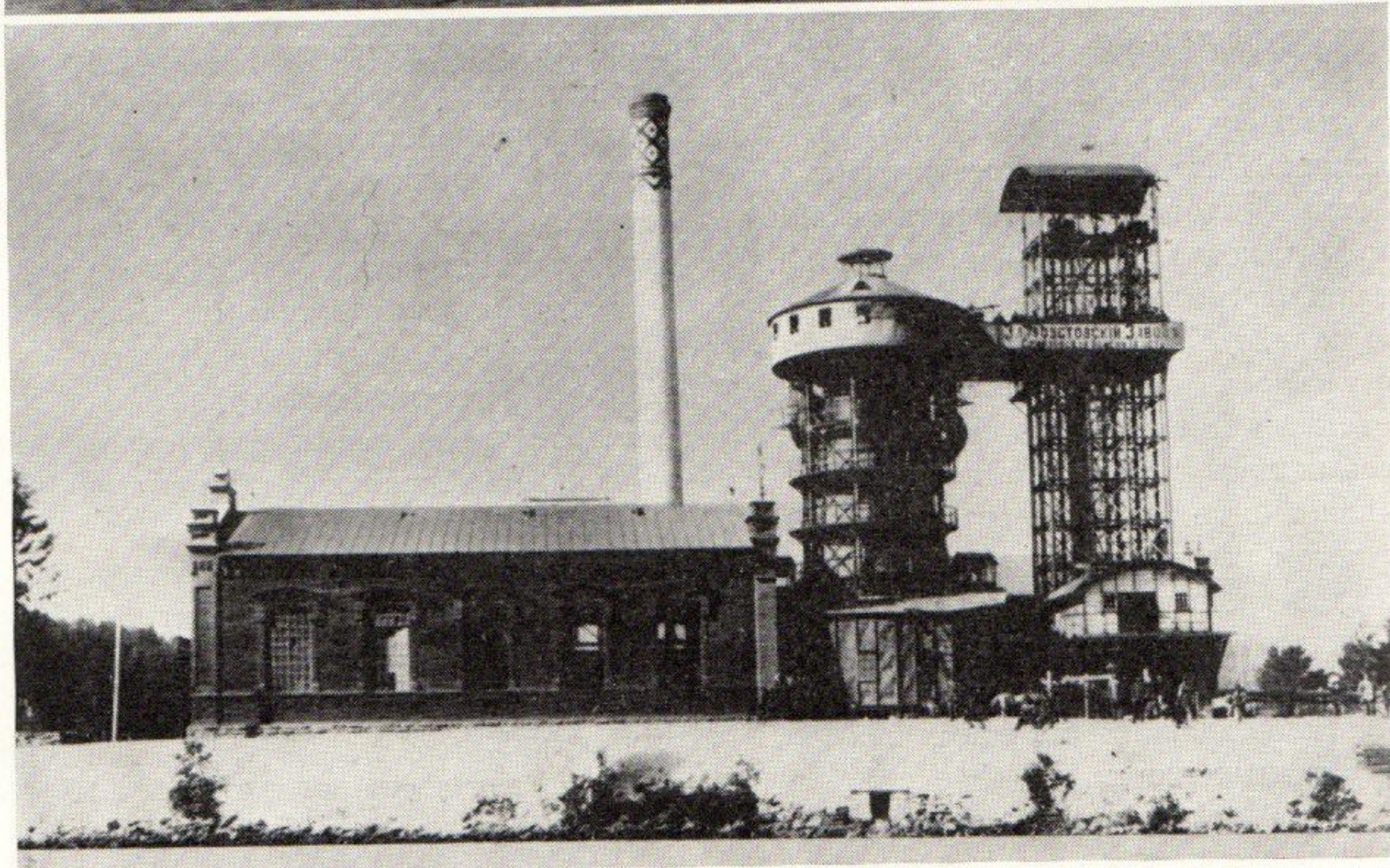
Существенное влияние на строительные конструкции оказало появление прокатного металла. Фермы и колонны, выполненные из кованого металла и чугунного литья, уступили место конструкциям из уголков, двутавров, швеллеров и других прокатных профилей. В течение второй половины XIX в. происходили постепенный переход от шарнирных узлов соединений элементов металлических конструкций к жестким соединениям на фасонках и внедрение уголкового профиля вместо гибких полос и прудков, что сыграло большую роль в получении жестких устойчивых конструкций. Конструктивные схемы уральских промышленных зданий этого периода весьма разнообразны: арочно-стропильные, арочные, балочно-стропильные, рамные.

Широкое применение металлических конструкций привело, в част-

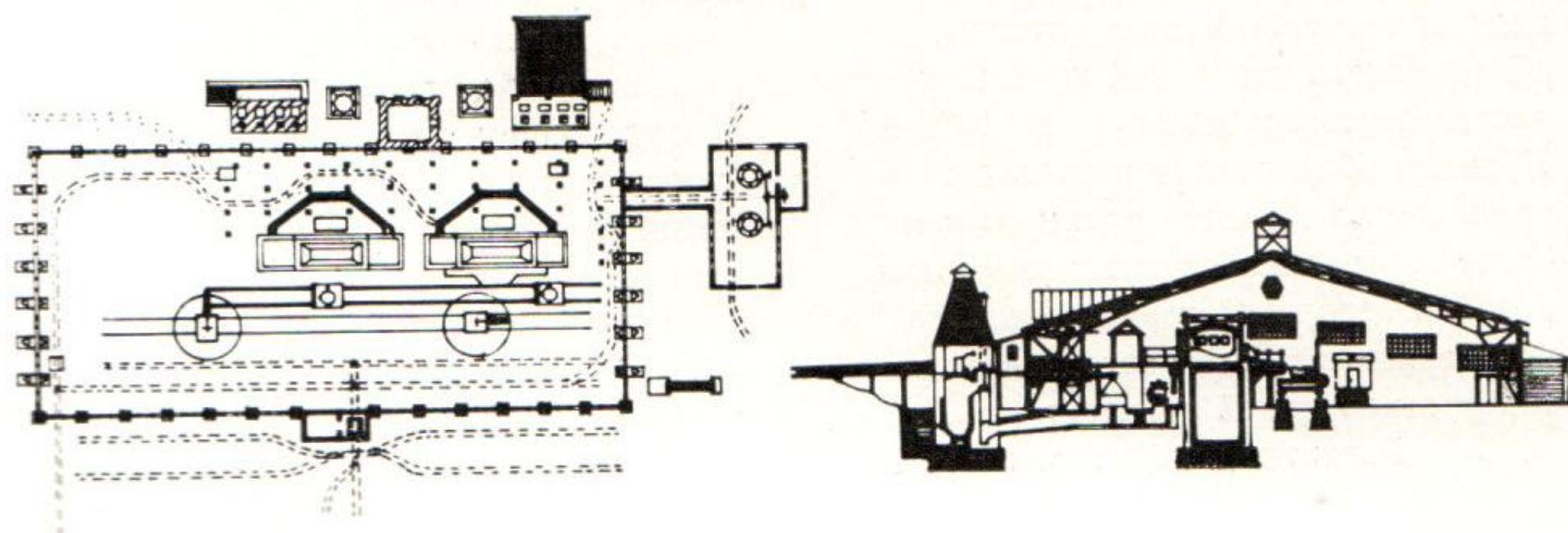
Доменная фабрика Нижне-Туринского завода.
1880-е гг.

Доменная фабрика Златоустовского завода.
1900-е гг.

Мартеновский цех Лысьвенского завода. 1899 г. Конструкции цеха выполнены и смонтированы фирмой «Бари», главным инженером которой был В. Шухов

Рельсопрокатный цех
Нижне-Салдинского завода.
1900 г. Фасад. Разрезы.
План

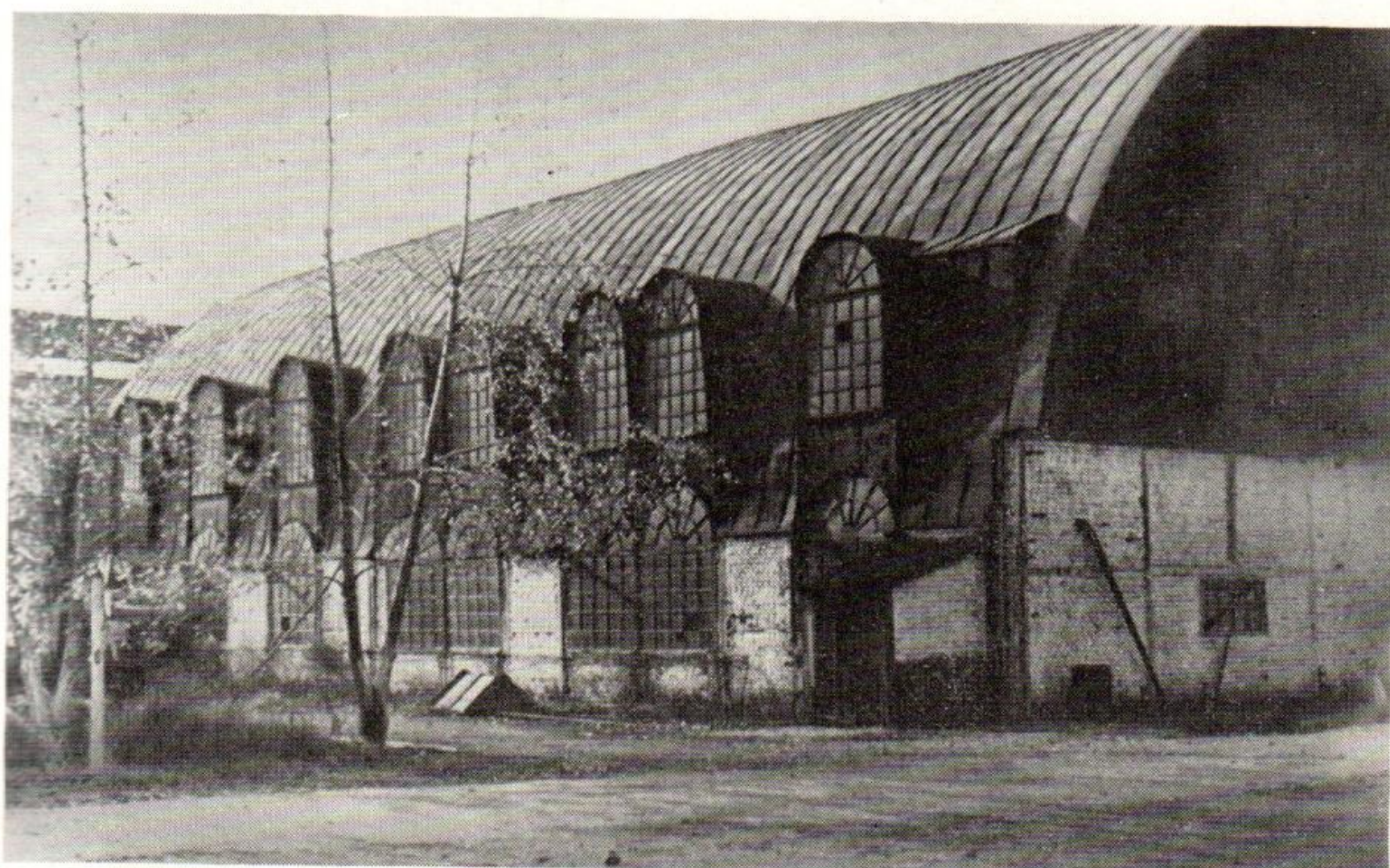
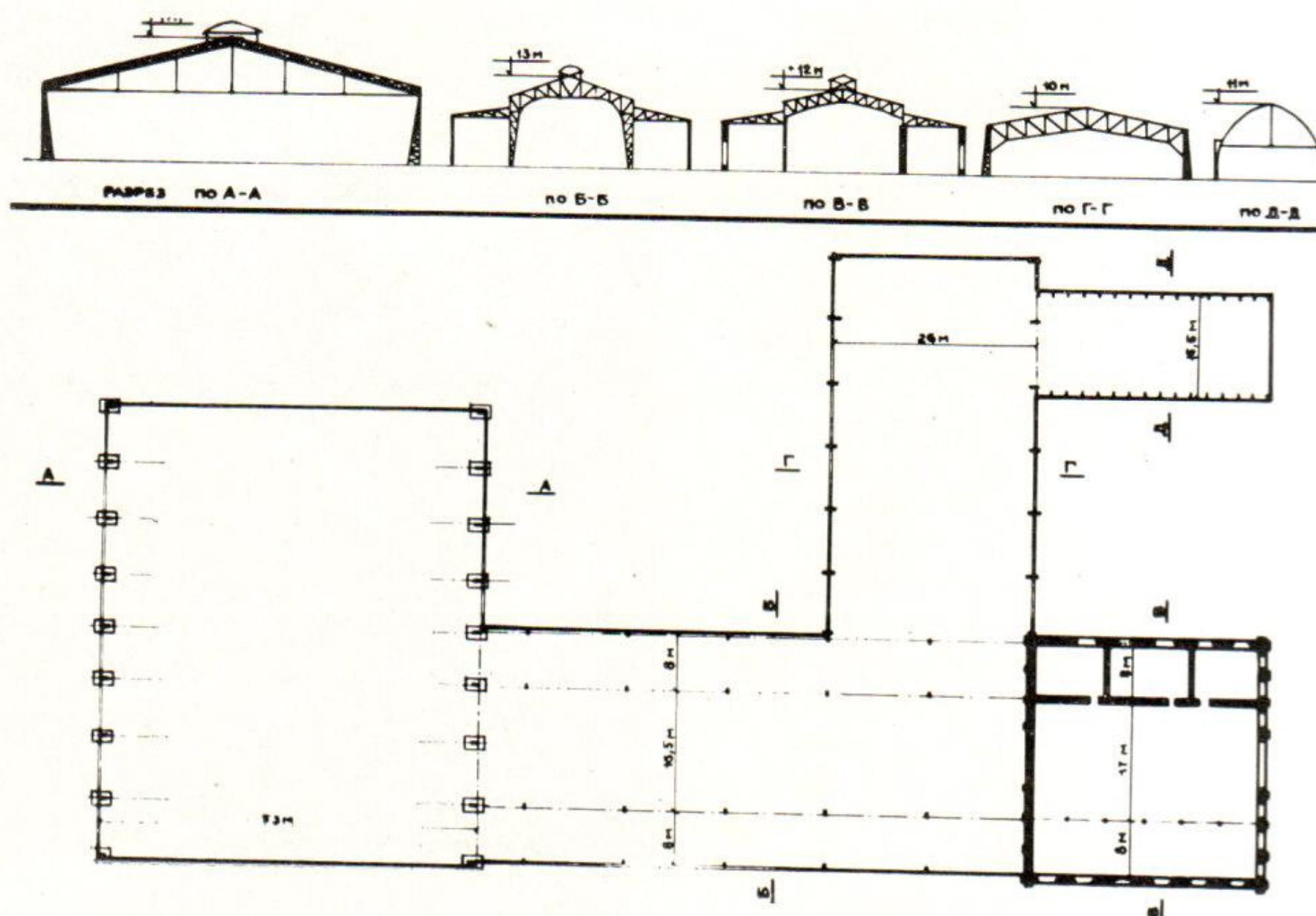
Сортировочный корпус
рельсопрокатной фабрики
Нижне-Салдинского завода.
1912 г.

Пудлингово-прокатная
фабрика Пермского пу-
шечного завода. 1900-е гг.

ности, к сооружению на рубеже XIX—XX вв. большепролетных цехов. Примерами могут служить такие цехи, как мартеновский цех Лысьвенского завода пролетом 37 м, прокатный цех Нижне-Салдинского завода пролетом 54 м. В практику строительства прочно внедрились многопролетные сооружения с верхним фонарным освещением.

Последующая история развития промышленной архитектуры позволяет с уверенностью сказать, что в это время был найден один из прогрессивных методов сооружения промышленных зданий.

В области архитектурно-художественной практики в изучаемый период происходят активные поиски выражения архитектурной композиции новых по конструктивному содержанию промышленных зданий. Общий дух

традиций прекрасных образцов уральского промышленного зодчества периода первой половины XIX в., архитектурная концепция которого разработана выпускниками Петербургской Академии художеств И. И. Свиязовым, А. З. Комаровым, М. П. Малаховым, С. Е. Дудиным, Ф. А. Тележниковым и др., помогал таким архитекторам, как К. Г. Турский, И. В. Федоров, В. Н. Пясецкий, Ю. И. Дютель, С. С. Козлов, А. И. Падучев и др., отыскивать для создания технически новых зданий и сооружений архитектурные композиции, сочетающие в себе экономичность, соответствие утилитарным потребностям и художественную выразительность.

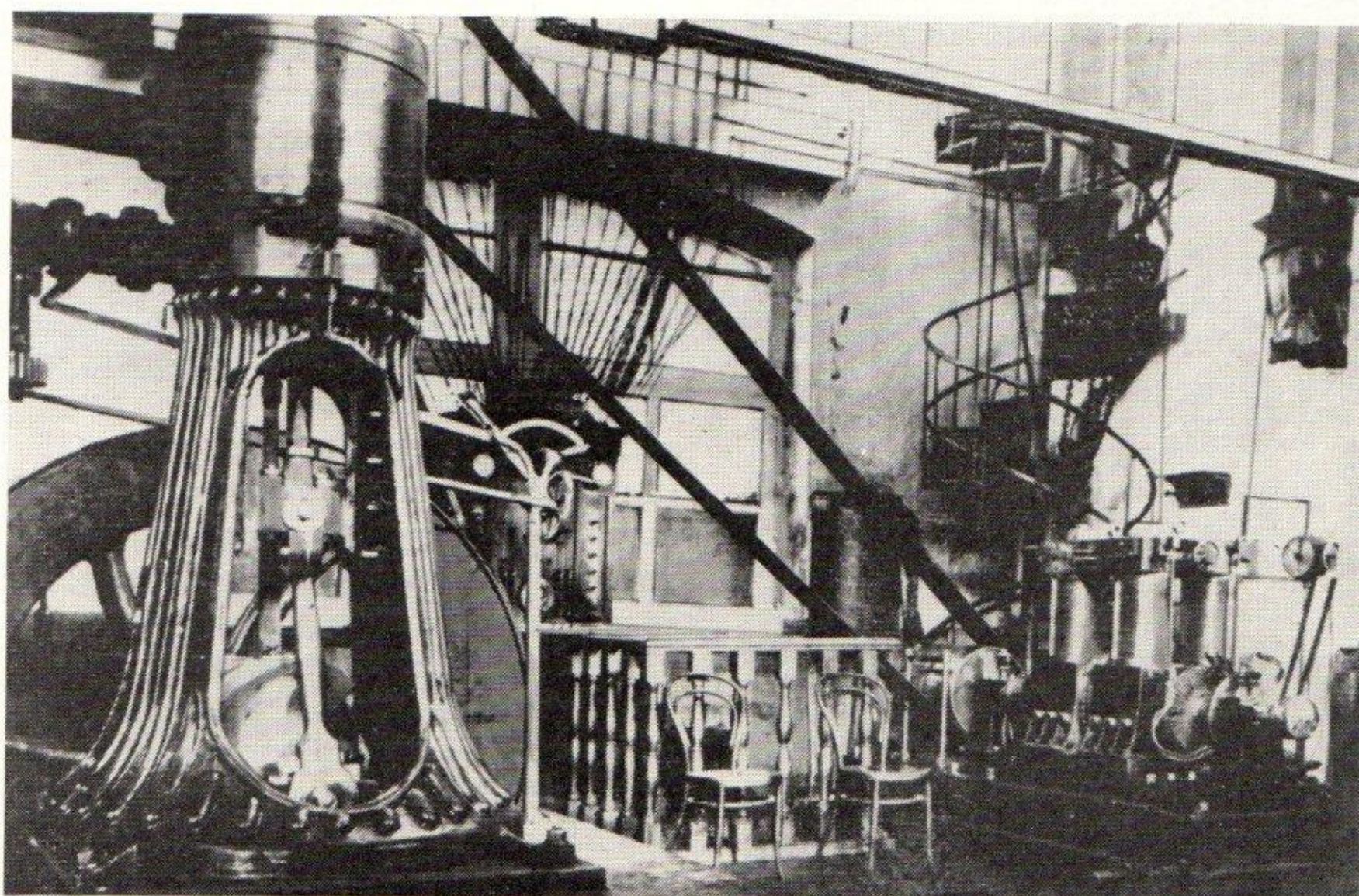
Отвергнутые принципы классического построения архитектурных композиций промышленных зданий сменились поисками новых закономерностей. Господствовавшие в этот период художественные направления в архитектуре (эkleктика, а затем модерн) нашли свое отражение и в промышленных сооружениях Урала. Но наибольшее число новых зданий сооружалось под влиянием стиля модерн, как наиболее революционного, усиленного революционными преобразованиями строительной техники, технологии промышленного производства, применением новых строительных материалов и новой энергетики. Развитие модерна тесно связано с применением новых конструкций и материалов, формированием новой объемно-пространственной композиции сооружений, что

особенно ярко проявилось в промышленном зодчестве.

Приведенные в статье иллюстрации промышленных объектов, выполненных в стиле модерн, подтверждают общеизвестное положение, что модерн — явление сложное, многоплановое, имеющее несколько направлений.

Промышленное зодчество имеет свою специфику. Одна из его особенностей — активное выявление функциональных качеств любого стиля, что обусловлено специфичностью сущностного содержания производственных зданий. Тот факт, что распространение и расцвет русского классицизма на Урале произошли именно в тот период, «когда это направление уже начинало сходиться со сцены в центре России»² (в 30-х годах XIX столетия), объясняется не только тем, что в этот период здесь работали зодчие, воспитанные в традициях русского классицизма и остававшиеся до конца верными ему, но и тем, что практическая разработка этого стиля была ими направлена на поиски функциональных его качеств. Так произошло и с последующей разработкой стиля модерн. В промышленной архитектуре быстро завоевало первенство его рационалистическое направление, хотя отдельные произведения и свидетельствуют о влиянии декоративного и национально-романтического направлений. Достаточно быстро и последовательно сформировался на основе рационалистического направления модерна функционализм, который так естественно и органично вошел в практику промышленной архитектуры еще в 1900-е годы.

Активное влияние на формирование художественных принципов в архитектуре в этот период оказывали всемирные и всероссийские промышленные выставки. Оформление павильо-

● Мартеновская фабрика
Кувшинского завода. 1904 г.

● Интерьер мартеновской
фабрики Кувшинского
завода (монтаж оборудо-
вания)

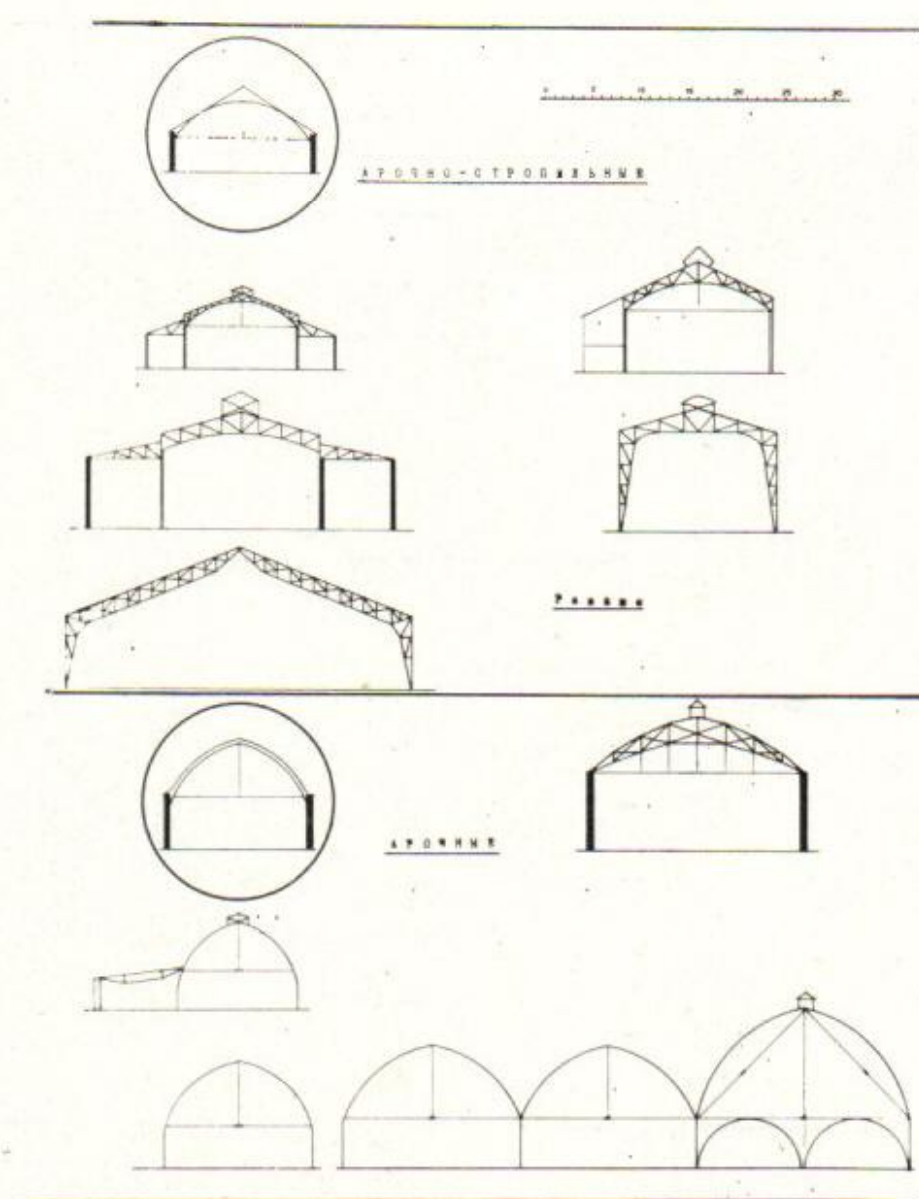
● Интерьер электростанции
Пермского пушечного за-
вода. 1900-е гг.

ков и отдельных стендов выполнялось в соответствии с самыми передовыми воззрениями ведущих художников и архитекторов. Конструктивные решения зданий выставок брались за основу для создания различных заводских сооружений.

В этот период большой вклад в развитие промышленной архитектуры Урала внесли известные инженеры В. Г. Шухов, В. Е. Грум-Гржимайло, А. А. Ауэрбах, А. И. Умов, А. П. Мещерский, Ф. Ф. Штарк, М. Д. Назаров, С. В. Белозоров и др. Применяя остроумные конструктивные решения и новое металлургическое оборудование, они дали толчок развитию уральской промышленности, поставив ряд заводов на один уровень с высокоразвитыми комплексами Европы. Знакомая с передовым опытом заводов Запада и Центральной России, изучая состояние и направление промышленной архитектуры лучших из них, эти инженеры использовали опробованные архитектурные решения, корректируя их для местных уральских условий.

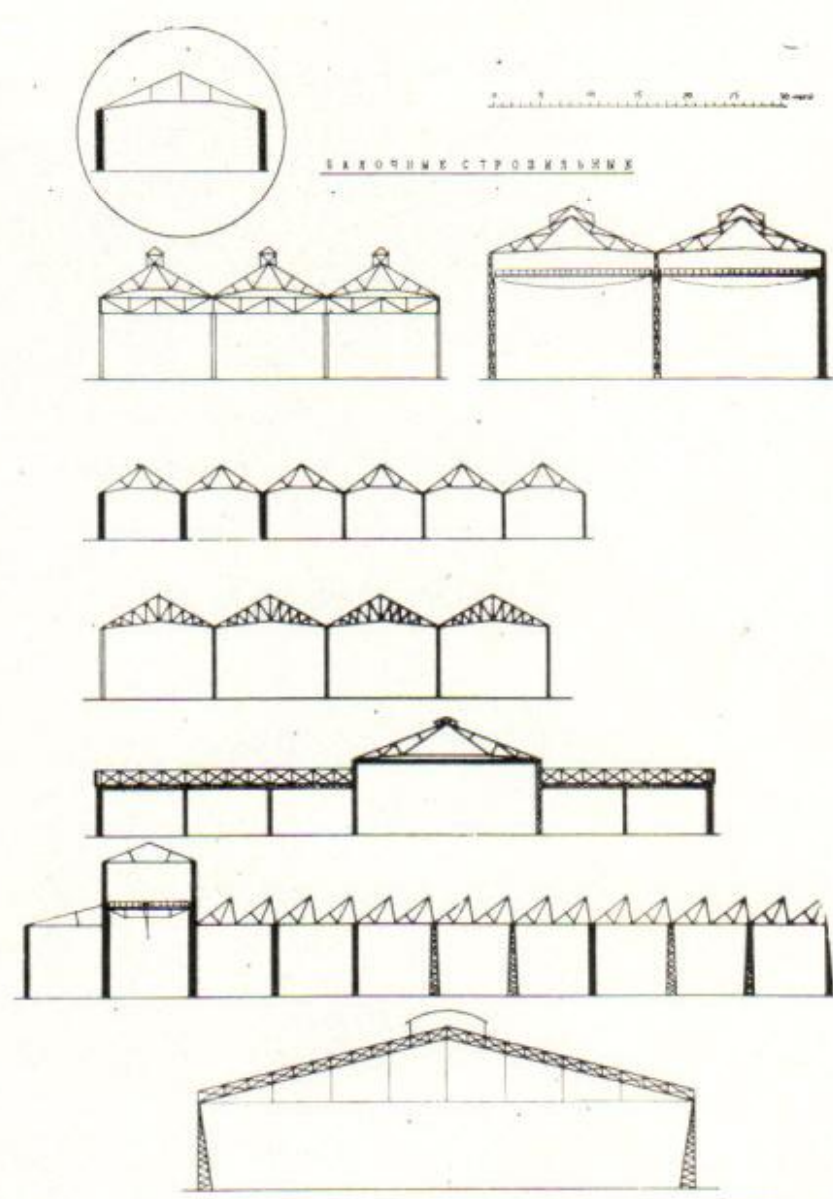
Однако в тех случаях, когда проектирование заводов или цехов было выполнено исключительно силами

Конструктивные схемы уральских промышленных зданий второй половины XIX — начала XX в.

Горный отдел Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде. Стенд уральских заводов графа С. Строгонова

Горный отдел Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде. Стенд сысертских заводов.

горных инженеров без участия архитекторов, можно наблюдать существенные недостатки архитектурно-планировочной композиции и снижение эстетической выразительности отдельных зданий. Опыт развития уральской промышленной архитектуры, породившей немало великолепных образцов промышленного зодчества, показывает, что промышленное строительство не может и не должно развиваться вне архитектуры.

Исследование путей развития промышленной архитектуры капиталистического Урала раскрывает малоизученную страницу истории русского промышленного зодчества. И сохранить в памяти людей этот интереснейший период, представляющий собой самостоятельное явление в архитектурной науке и практике, представляется весьма важным для понимания будущих преобразований. Многие здания и сооружения, а в ряде случаев и целые уральские заводы достойны стать памятниками промышленной архитектуры и строительной техники. Натурные обследования позволили установить, что некоторые из них снабжены современным оборудованием и продолжают действовать почти без изменения их архитектурно-эстетического облика.

Кафедрой архитектуры промышленных сооружений Свердловского архитектурного института на протяжении 15 лет выполняются экспериментальные проекты по реконструкции старых уральских заводов, реставрации отдельных объектов и реновации исто-

ЖИЛИЩА ДЛЯ МИЛЛИОНОВ

С. Суетин

15 августа 1947 г. с карты мира исчезло крупнейшее в истории колониальное государство. Индия, бывшая в течение полутора веков колонией британской империи, была провозглашена ее доминионом. Это было первым крупным завоеванием индийского народа в его многолетней освободительной борьбе. Так 40 с лишним лет назад страна сделала шаг на пути к обретению истинной независимости.

* * *

Архитектурным наследием молодого государства был так называемый колониальный стиль, сложившийся под влиянием классической архитектуры Великобритании. Колониальная архитектура выражала прежде всего сущность господства одной нации над другой, имперскую политику метрополии. Гипертрофированные масштабы зданий этого периода объяснялись постоянным стремлением к материальному воплощению незыблемости власти и нарочитому утверждению европейских архитектурных образцов. В старых индийских городах колониальный стиль бесцеремонно вторгся в историческую застройку, активно узурпируя мелкоадресную сеть улиц и кварталов. Классические колониальные здания в таких крупных городах, как Дели, Калькутта и Бомбей, и сейчас еще представляют собой убедительный образец респектабельности и монументальности с точки зрения европейца. В числе британских архитекторов, работавших в Индии в 1920-х годах, был Г. Николс, в 1940-х годах — А. Шусмит, В. Джордж, Р. Бломфилд. Однако влияние классической традиции постепенно ослабевало, и в конце 1940-х годов она в чистом виде прекратила свое существование в архитектуре Индии¹.

Вступление страны на путь независимости стало началом прогресса в социальной, экономической и культурной жизни, послужило толчком к всеобщему строительному подъему. В строительстве, главным образом жилищном, начали постепенно возрождаться национальные архитектурные традиции, сохраненные несмотря на долгий колониальный гнет. Многие молодые архитекторы пошли на подчеркнутый разрыв с европейскими строительными образцами, которые искусственно насаждались британскими архитекторами и противоречили климатическим требованиям и социальным запросам населения.

Коренной перелом в жилищном строительстве был отмечен главным образом повышением внимания к нуждам людей с низкими и средними доходами. В столице страны, испытывавшей в 1940-х годах мощный приток переселенцев из западной части Пенджаба, строятся поселки Сундернагар, Гольф-Линкс и Джор-Багх, представляющие собой группы жилых домов, связанные транспортными улицами. Каждая группа — сблокированные дома вокруг общего сада.

В гораздо большей степени начало новых концепций в жилищном

строительстве проявилось в 2-этажном жилом доме компании ИМКА в новой части Дели (архитектор Аджой Чоудхари, 1963 г.). В этом здании сделана первая попытка решить климатические проблемы путем сквозного проветривания квартир, устройства затененных дворов, создания системы чередующихся балконов, защищающих от света все крупные оконные и дверные проемы.

Все перечисленное было необходимым средством удовлетворения требований, предъявляемых климатом Индии, который характеризуется сочетанием противоположностей и крайностей: долгое жаркое и сухое лето, короткий период сильных ливней, сухая прохладная зима, значительная разница между дневной и ночной температурами круглый год. В районах пустынь все эти контрасты проявляются еще сильнее.

В объемно-пространственной композиции дома ИМКА не только учтены климатические требования, но и получили выражение художественные традиции народного строительства. Здесь сознательно создана среда, призванная напоминать жителям узкую улицу старого индийского города с ее каскадом террас, драматическими контрастами света и тени. В более широком смысле эта постройка знаменовала собой отказ от типа жилого дома-пластины, который в те годы широко популяризовался приверженцами международного стиля. Чрезвычайно пластичные зигзагообразные фасады дома обеспечивали одновременно изоляцию и общность жильцов, символизировали их единение и коллективизм.

Квартал Уша-Никетан в Дели (архитектор Кульдип Сингх, 1964 г.) состоял из 4-этажных крестообразных в плане сблокированных корпусов. Квартиры были размещены в одном уровне, но террасы и дворы — двухсветные. Лестницы, кухни и санузлы расположены в башнях, примыкающих к основным объемам. Как особое преимущество отмечались террасы и дворы, которые обеспечивали дополнительную бесплатную площадь (около 200 м²) к сравнительно небольшим квартирам. Среди общественных пространств квартала главным стал центральный двор, окруженный домами.

В последнее время в Индии часто употребляется термин «сварадж». Смысл этого труднопереводимого слова — быть самим собой, сохранить свое лицо. В немалой степени это применимо и к сохранению древних строительных традиций, самым емким носителем которых считается здесь, как и повсюду, народное жилище.

Основной тип индийского жилища, сохранившийся в течение долгого исторического пути, и в городских условиях носит черты традиционной сельской архитектуры. Обычно это дом в 1—2 этажа с толстыми каменными или кирпичными стенами и черепичными крышами, с небольшими оконными проемами, с несколькими верандами. Неотъемлемой частью народного дома был и остается замкнутый внутренний двор, в котором проходит большая часть жизни его обитателей, — здесь

работают, отдыхают, готовят и принимают пищу, спят на циновках и матрацах, причем женская часть семьи спит в одном дворе, мужская — в другом. Вход в дом устраивается в глубокой нише «тиннаи», которая защищает от солнца и дождей. В зависимости от состава семей дома имеют некоторые различия, но идея создания в жилище оптимального микроклимата в условиях тропиков сохраняется всегда. Созданию такого микроклимата способствуют даже элементы декора — решетчатые ограждения террас «джали», навесы, козырьки. В сочетании с конструктивными элементами веранд, аркад и лоджий они составляют неповторимый колорит дома.

В таких постройках в Индии обитает около 600 млн. сельских жителей — три четверти населения страны. Большинство из них имеет доход менее 375 рупий в месяц² (около 26 рублей). Имущественное положение или принадлежность к той или иной касте группирует людей в деревнях и поселках. Большая часть повседневной жизни людей вне дома проходит в общих пространствах между зданиями, на улицах, где непрерывной лентой тянутся навесы и ниши «тиннаи».

Вообще говоря, планировке общественных пространств индийские архитекторы вновь стали уделять больше внимания, чем архитектуре отдельных зданий. Для индийского городского контекста именно открытое пространство, а не объемное решение постройки является генератором планировочной структуры. Дворам и улицам возвращается их традиционная роль, которую они некогда играли в древних поселениях, где были средоточием общественной жизни, местом общения и соседских контактов, местом общественного воспитания граждан. В новых поселках незастроенные пространства подверглись четкой классификации по их назначению на общественные и личные. Особый смысл приобретает узкая пешеходная улица «гали», разделенная арками «дарваза» на небольшие отрезки, легко доступные для человеческого восприятия. Часто улица служит границей и точкой соприкосновения различных сословных групп населения, поскольку жилые кварталы в Индии до сих пор заселяются по кастовому, религиозному и имущественному признакам. Так, внутренняя улица в доме ИМКА отделяла друг от друга квартиры для чиновников разных послужных ступеней. Пешеходная улица, как правило, перекрыта частично верхними этажами домов, что создает своеобразный масштабный ритм визуальных перспектив.

Квартал Уша-Никетан, несмотря на свои скромные размеры (всего 32 квартиры), стал прототипом для многих последующих работ архитектора К. Сингха. В микрорайоне Сакет (1972 г.) на 600 квартир он вновь реализовал решения своей концептуальной схемы, создав блоки из четырех взаимопересекающихся зданий вокруг центрального двора. Блоки, в свою очередь, объединяются друг с другом и образуют развитую ковровую застройку

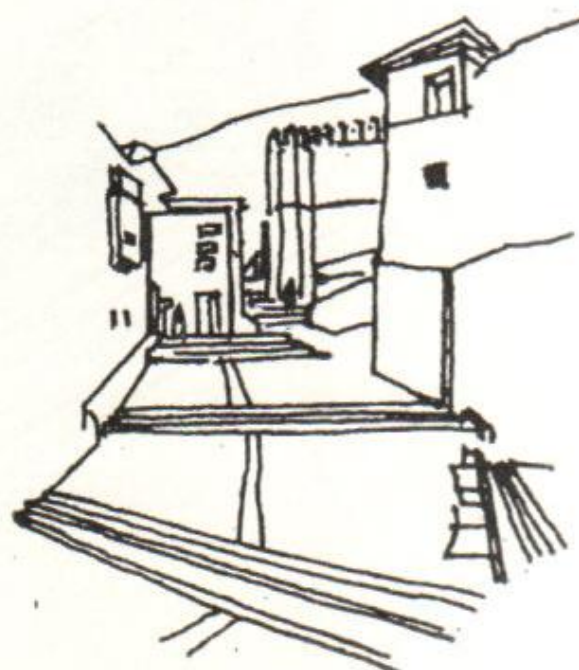
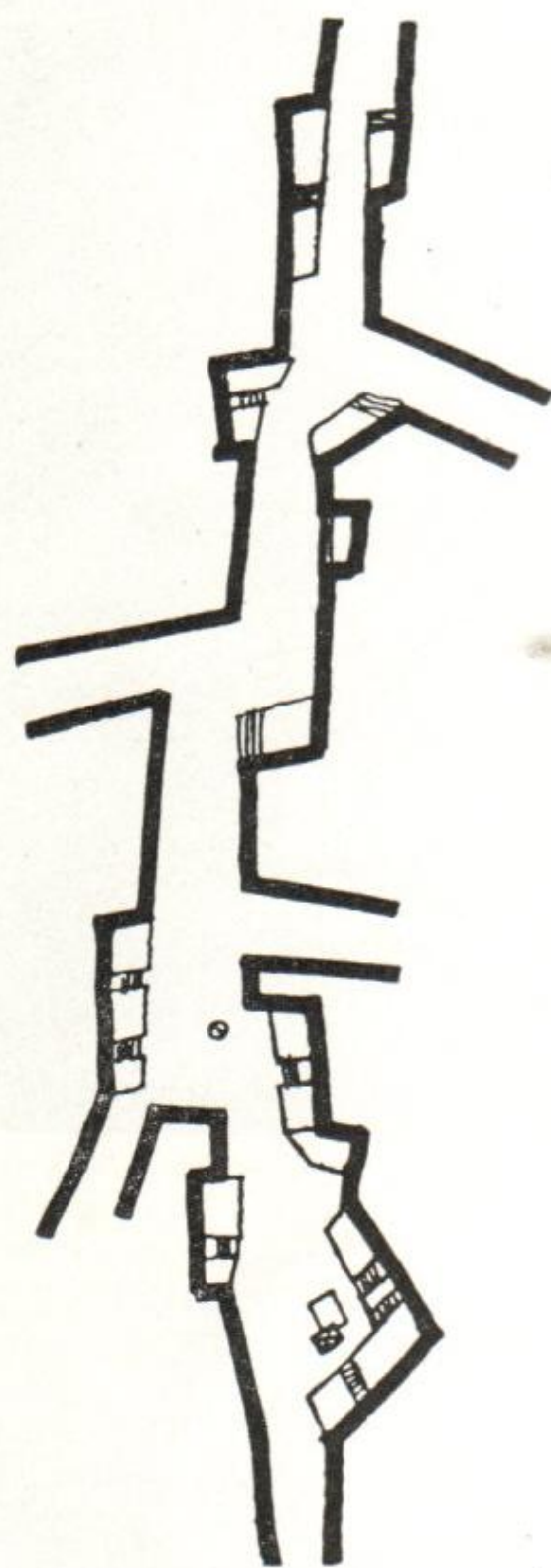
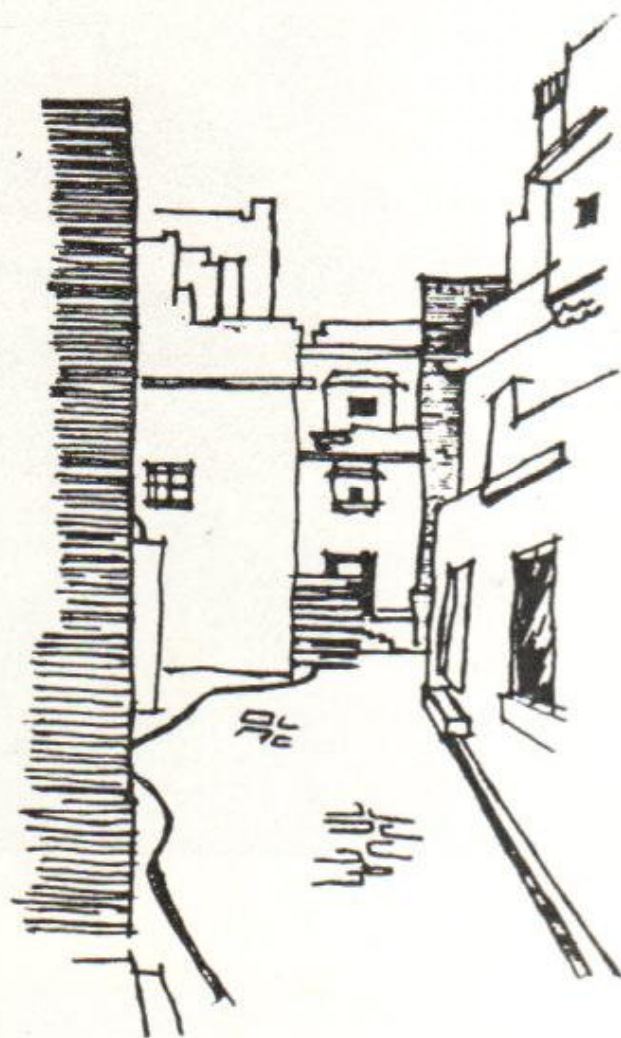

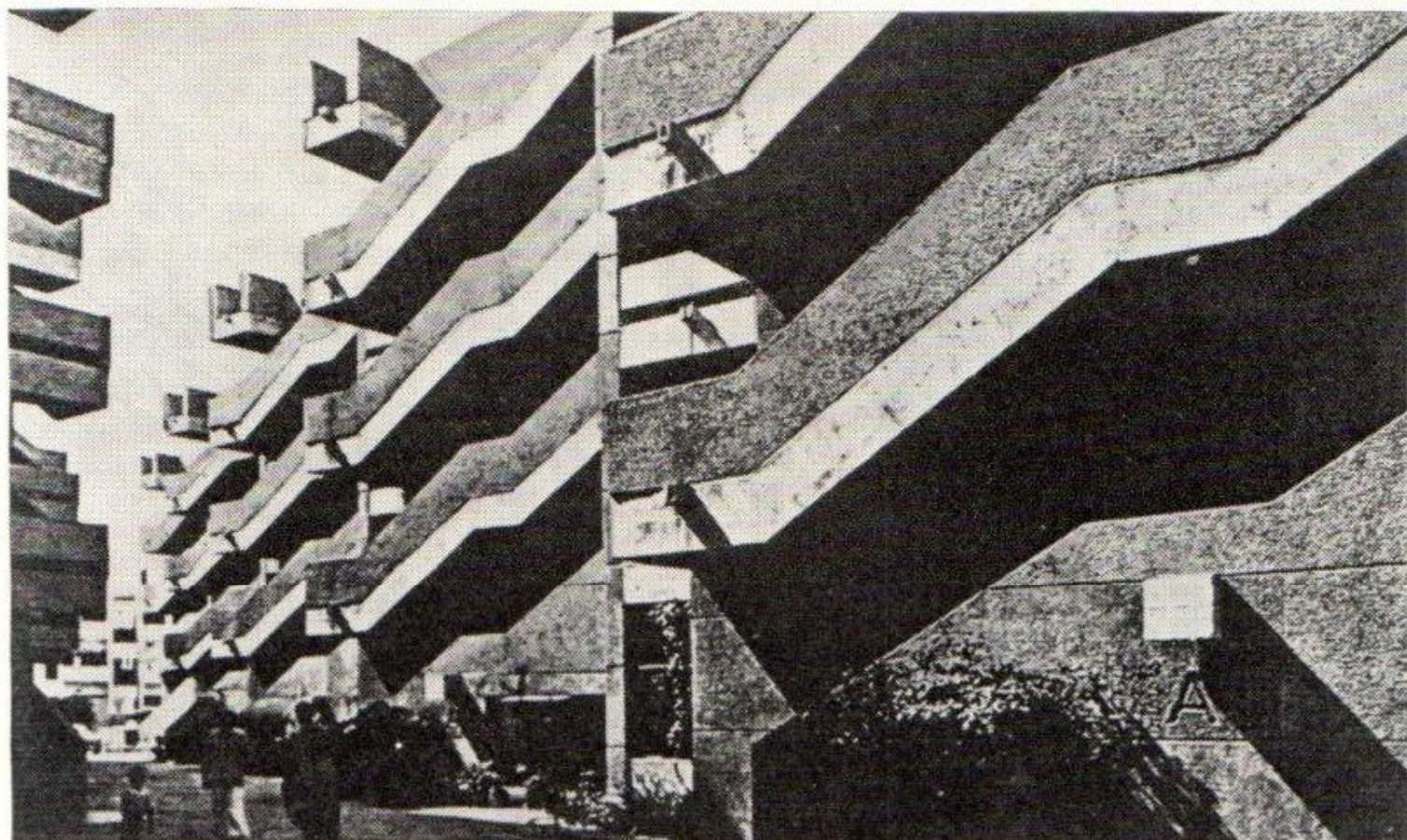
Старые улицы индийских городов
Джайселмер. Форт
Удайпур.

с затененными пешеходными улицами, образованными цепочкой дворов с арками под домами. В дополнение к пешеходным улицам здесь устроены короткие тупиковые проезды между блоками. Однако здесь нет и следа бывшего хаоса индийской деревни. Структура квартала при всей ее живописности подчинена строгому геометрическому порядку. Жилые дома и квартиры, в свою очередь, при всей своей традиционности глубоко современны и комфортабельны в полном смысле слова.

Масштаб и планировочная композиция микрорайона Сакет оказала решающее влияние на последующее жилищное строительство в столице. В 1970-х годах Управление строитель-

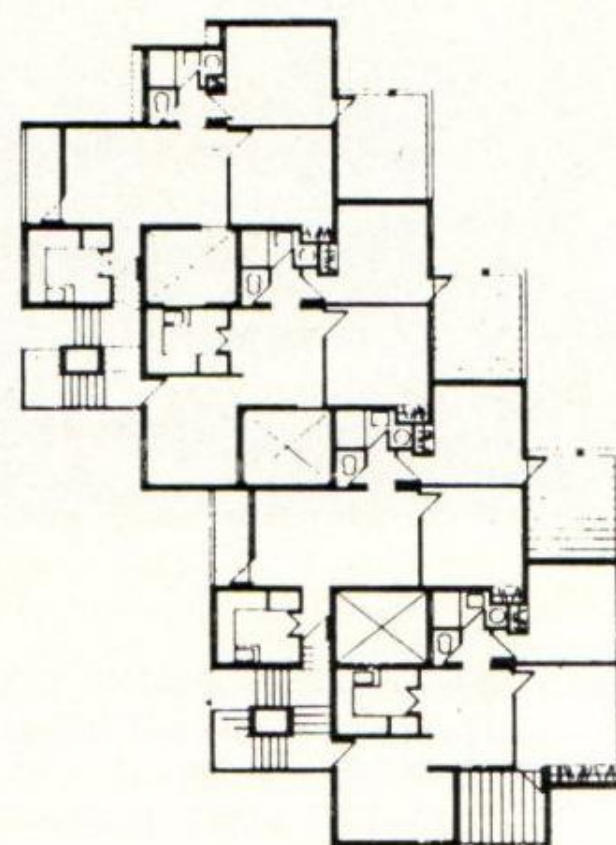
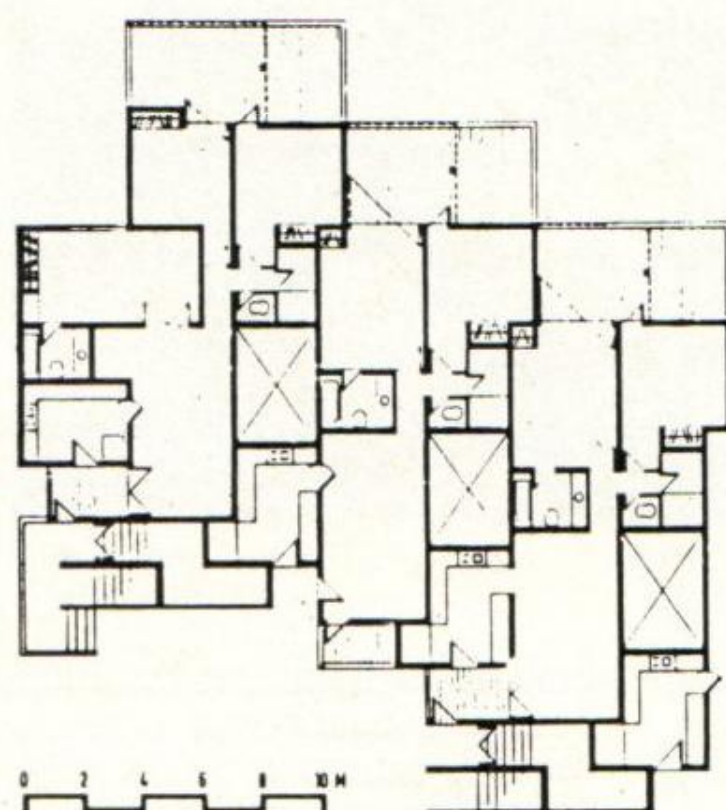
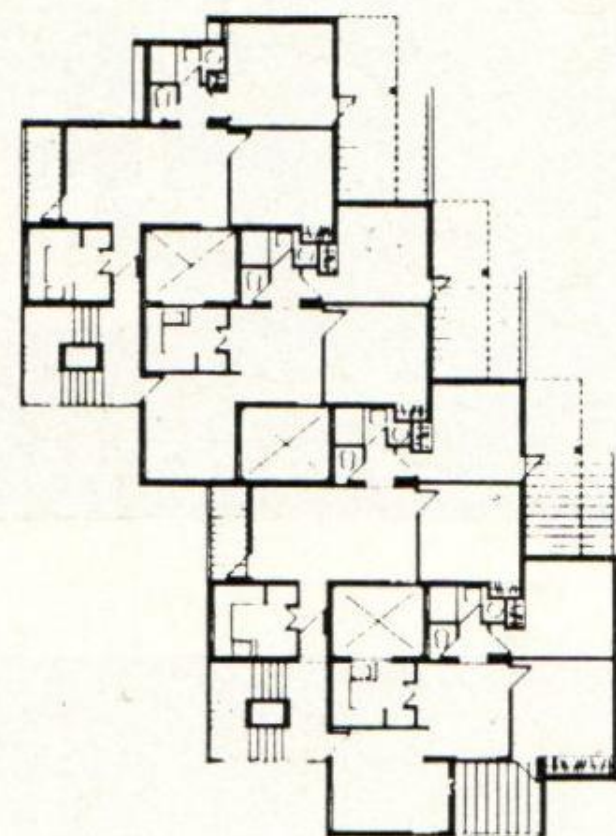
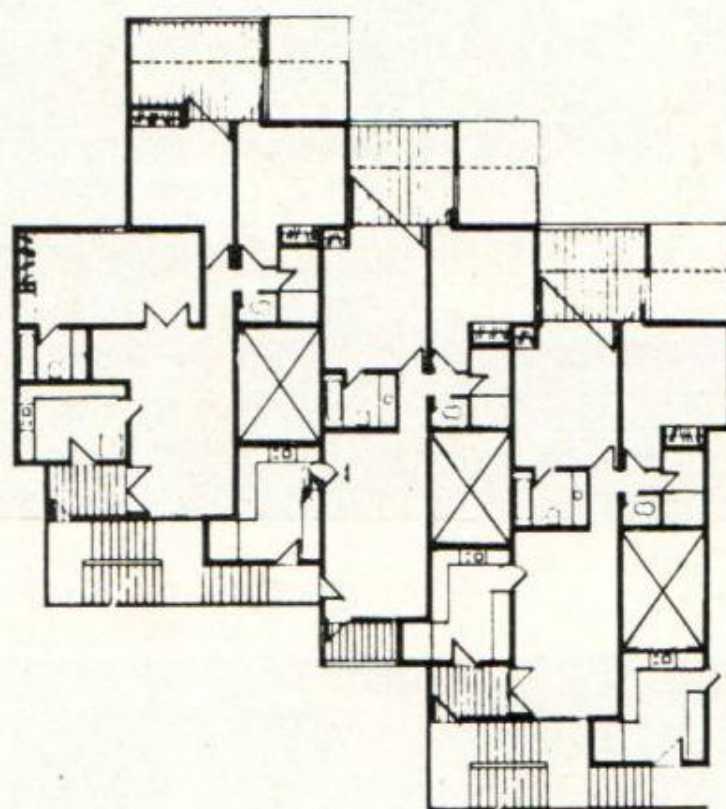
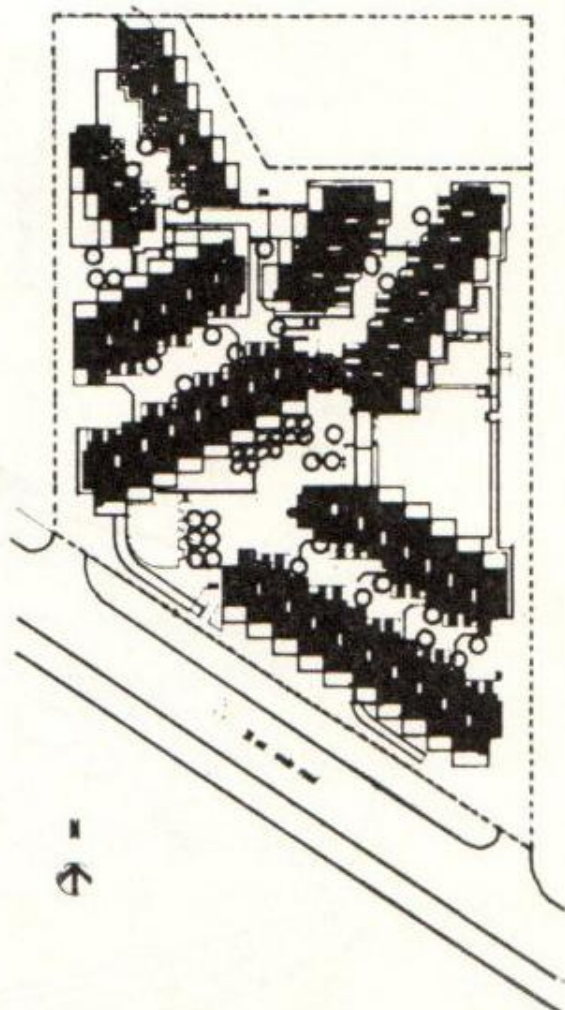
ства Нью-Дели начало широко развивать кооперативное строительство поселков, пайщики для которых подбирались по происхождению или по размеру доходов, поскольку социальные «перегородки» были по-прежнему крепки. Одним из первых районов, построенных по такому принципу, стал поселок Ямуна для правительственных служащих, выходцев с юга страны, составивших тесную социально-культурную группировку (архитекторы Ранджит Сабикхи и Аджой Чоудхари, 1981 г.). Здесь решающее влияние на планировку оказала необходимость обеспечить социальные контакты соседей. Восемь 4-этажных домов поселка Ямуна попарно образуют четыре внут-

ренных улицы, сходящихся к единому фокусу в центре с размещенными в нем учреждениями обслуживания. Квартал характерен высокой плотностью застройки — 125 квартир на 1 га. Здесь 200 трех- и четырехкомнатных квартир средней площадью 90 м². Типовые секции домов решены с открытыми лестницами, большим числом лоджий и крупных террас, используемых как спальни в летнее время года. Ориентация квартир на две стороны обеспечила их сквозное проветривание.

Важная черта поселка — четкая дифференциация пространств. Общественные пространства одно за другим постепенно сокращаются в объеме с переходом от городской улицы к внутренней, а затем к открытым лестницам домов. Не менее четкой иерархии подчинены и внутренние пространства до-

Квартал Ямуна в Нью-Дели.
1981 г.
Архитекторы Р. Сабикхи
и А. Чоудхари
Общий вид, планы этажей,
генплан

мов, в которых они подразделены на переходные, личные и «священные». Переходные — общие комнаты и столовые с балконами. Личные — спальни с террасами, находящиеся в глубине квартиры. К гостиной и столовой примыкает кухня, где не только обрабатывается и готовится пища, но по древней традиции обычно хранится семейная святыня. Священный характер этой комнаты подчеркивается ее особой чистотой: в нее входят без обуви, поэтому обычно кухня лежит в стороне от функциональных «маршрутов» квартиры. Все пространства, от улицы до священной кухни, имеют в поселке свои особые, ярко выраженные черты, но в то же время составляют неразрывную последовательную цепь объемов.

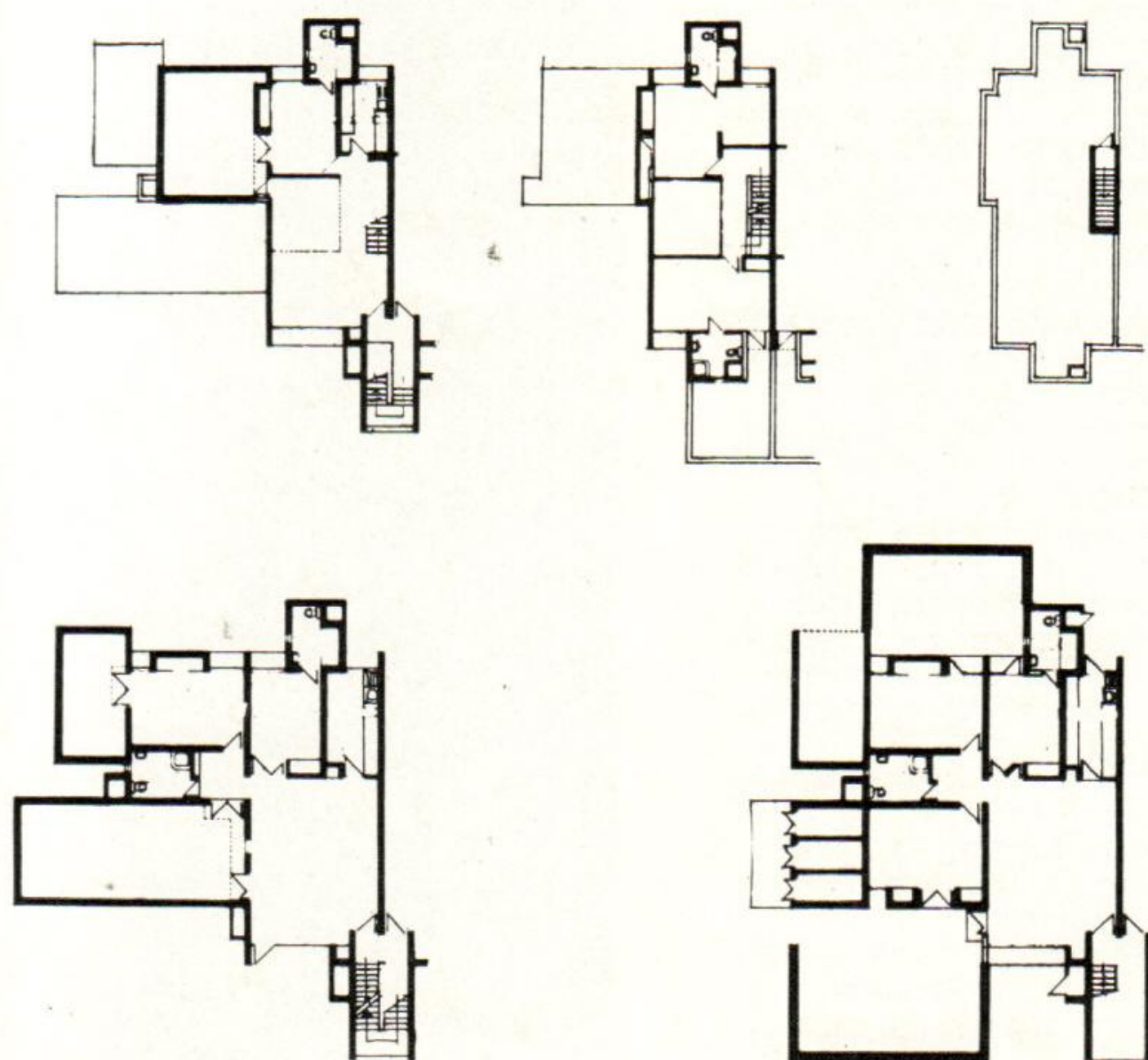
В поселке Ямуна получили

развитие идеи, впервые выраженные в доме ИМКА, где удовлетворению климатических требований сопутствовал переход к сложной пластической разработке фасада. В Ямуне дома ИМКА были как бы плотно сшиты в развитую и хорошо «оркестрованную» квартальную застройку. Отличие Ямуны от кварталов, построенных ранее, заключается в способе наружной отделки зданий. Необработанный кирпич начиная с 1960-х годов вновь популярный материал, защищен здесь штукатуркой с каменной крошкой. Известно, что из-за сравнительно низкого качества материалов и несовершенства строительной технологии большую часть кирпичных стен приходилось впоследствии штукатурить, отчасти лишая здания их архитектурной выразительности. Поэтому многие современ-

ные архитекторы приходят к этому виду облицовки, чтобы предотвратить быстрое разрушение кирпича в неблагоприятных климатических условиях Индии.

Архитектором, эффективнее других использующим терразитовую штукатурку, стал Радж Ревал. Наиболее известная из его работ, олимпийская деревня Азиад в Нью-Дели, предназначенная для участников IX Азиатских игр, была заселена постоянными жителями в 1982 г. Это комплекс на 700 жилищ, из которых 200 — односемейные дома, 500 — квартиры в секционных зданиях. Планировочная схема деревни основана на последовательном ряде пространств, связанных узкими пешеходными улицами, которые разделены арками на легко воспринимаемые глазом отрезки.

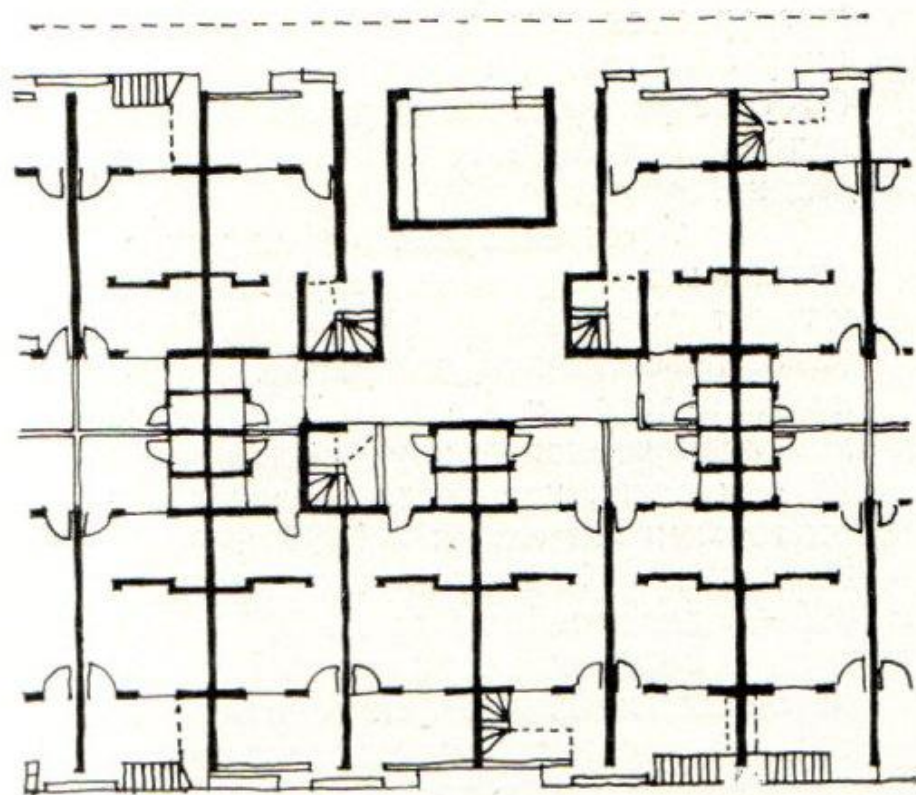
Квартал Шейк-Сарай в Нью-Дели, 1981 г.
Архитектор Р. Ревал
Общий вид, планы этажей
Двор и внутренняя улица «гали»

На этих улицах всегда царит оживление благодаря чередованию жилых домов с лавками и мастерскими. Вообще говоря, кустарная мастерская — частый сосед индийского жилища, она нередко находится во внутреннем дворе дома. В этих мелких мастерских ремонтируют, реставрируют, обновляют, обслуживают все и вся — от обуви до автомобилей. Здесь, рядом с домом, с утра до вечера трудятся люди всех возрастов, вместе с седыми старцами работают их внуки и правнуки.

Проектное решение, осуществленное в деревне Азиад, является естественным продолжением процесса возрождения древних традиций, начатого Раджем Ревалом в поселке Шейк-Сарай (1981 г.). Этот поселок на 500 квартир был спланирован в виде «пучков» зданий и внутренних улиц, в то время как главный принцип планировочной композиции деревни Азиад — осевое построение зданий, попутный «пунктир» дворов, разделенных арками «дарваза» на равные участки. У зданий чрезвычайно пластичные, почти скульптурные фасады, окрашен-

● Проект квартала в г. Индаур
Сблокированные дома
Архитектор Б. Доши.
Мастерская Васту-Шилпа.
Фрагмент плана

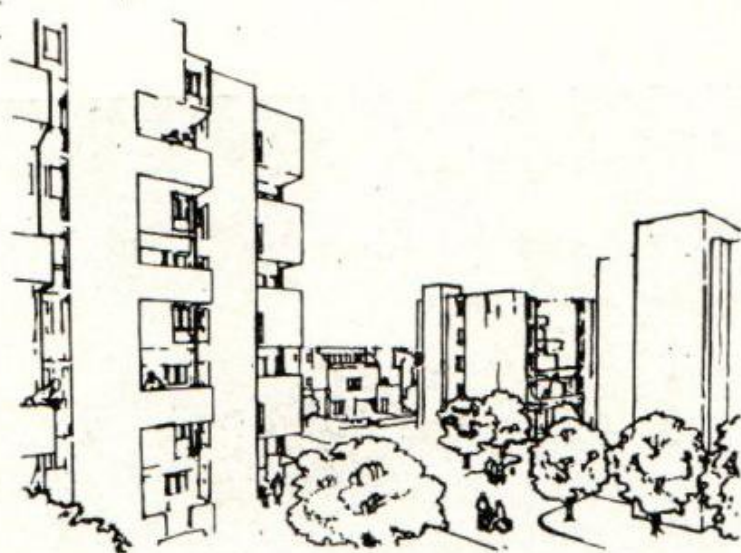
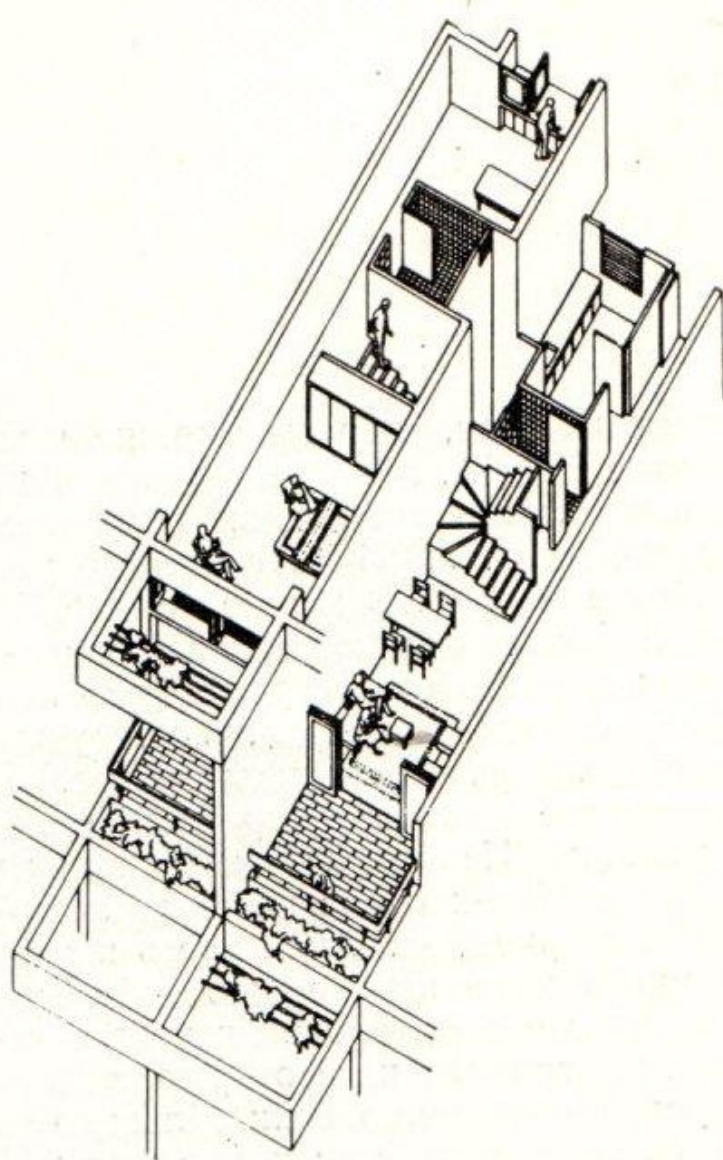
ные в особый желтый цвет, называемый здесь цветом кожи буйвола. Деревня строилась как ряд жилых соседств — «мохалла», которые в старых индийских городах были всегда заселены представителями одной касты.

Достижением Р. Ревала стало не только возрождение проверенных временем строительных форм, но и приспособление их к местным особенностям социальной структуры и городской ткани Нью-Дели. Как подтвердил опрос жителей, деревня заселена теперь людьми, семейные традиции которых уходят корнями в глубокое прошлое, теми, кто ощущает здесь как свою индивидуальность, так и общность с живущими рядом.

Все перечисленные и другие жилые кварталы и поселки в Индии связаны сложной системой взаимных художественных влияний, которые позволяют говорить о формировании единого стиля. Но несмотря на принципы планировки, общие для всей страны, кварталы не похожи друг на друга благодаря отличиям в архитектурных решениях зданий в зависимости от географического и климатического региона. Поиски выражения народных традиций продолжаются. По словам архитектора Р. Сабикхи, то, что сделано — всего лишь упражнения, первые шаги на пути к полному пониманию и оценке национального архитектурного и градостроительного наследия, к более ясному и сильному выражению традиций.

Радж Ревал разрабатывает типовые проекты 2—4-этажных секций, допускающих несколько вариантов блокировки друг с другом. Блокировка в один ряд образует застройку фронта улицы, построение под углом формирует дворы. Применение различных способов блокировки позволяет создавать здания различной формы, состоящие из 4, 8 или 16 секций с внутренними дворами. В домах предусмотрены 3- и 4-комнатные квартиры в одном и двух уровнях с террасами, с гаражами в первом этаже. Пространственная мобильность секций особенно эффективно проявляется в поиске планировочных решений крупных поселков.

Один из архитекторов, работающих в области сельского строительства, Балкришна Доши, предлагает проект сблокированных 1—2-этажных

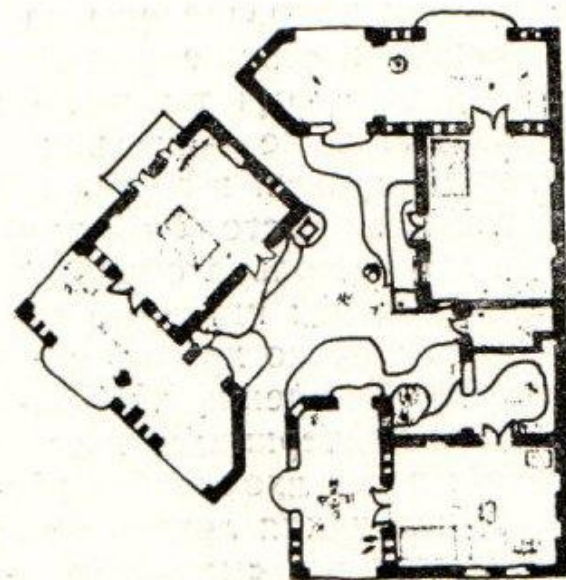

домов с общими внутренними дворами, характерный высокой плотностью застройки. В его проекте воспроизводятся все отличительные черты индийского сельского дома: веранды, открытые лестницы, интимные дворы и т. д. По мнению архитектора, только так можно помочь неимущему населению не только обрести кров, но и жить в достаточно комфортабельных, сообразных нашему времени условиях.

Балкришна Доши предназначает такие дома главным образом для сел и небольших городов. Но если деревню называют душой Индии, то крупные города — ее сердцем. На протяжении всей истории индийской цивилизации города взаимодействовали с сельской местностью, и взаимодействие это всегда было разносторонним — культурным, социальным, экономическим, но в первую очередь оно проявлялось в планировке. Архитектура индийских городов до сих пор сохраняет специфические черты, характерные для сельских мест. Например, центрами общественной жизни в селах и городах Индии были и остаются площади, базары и открытые пространства перед храмами. Элементы среды, характерные для сельской культуры страны, составили органичную основу планировочной структуры городов.

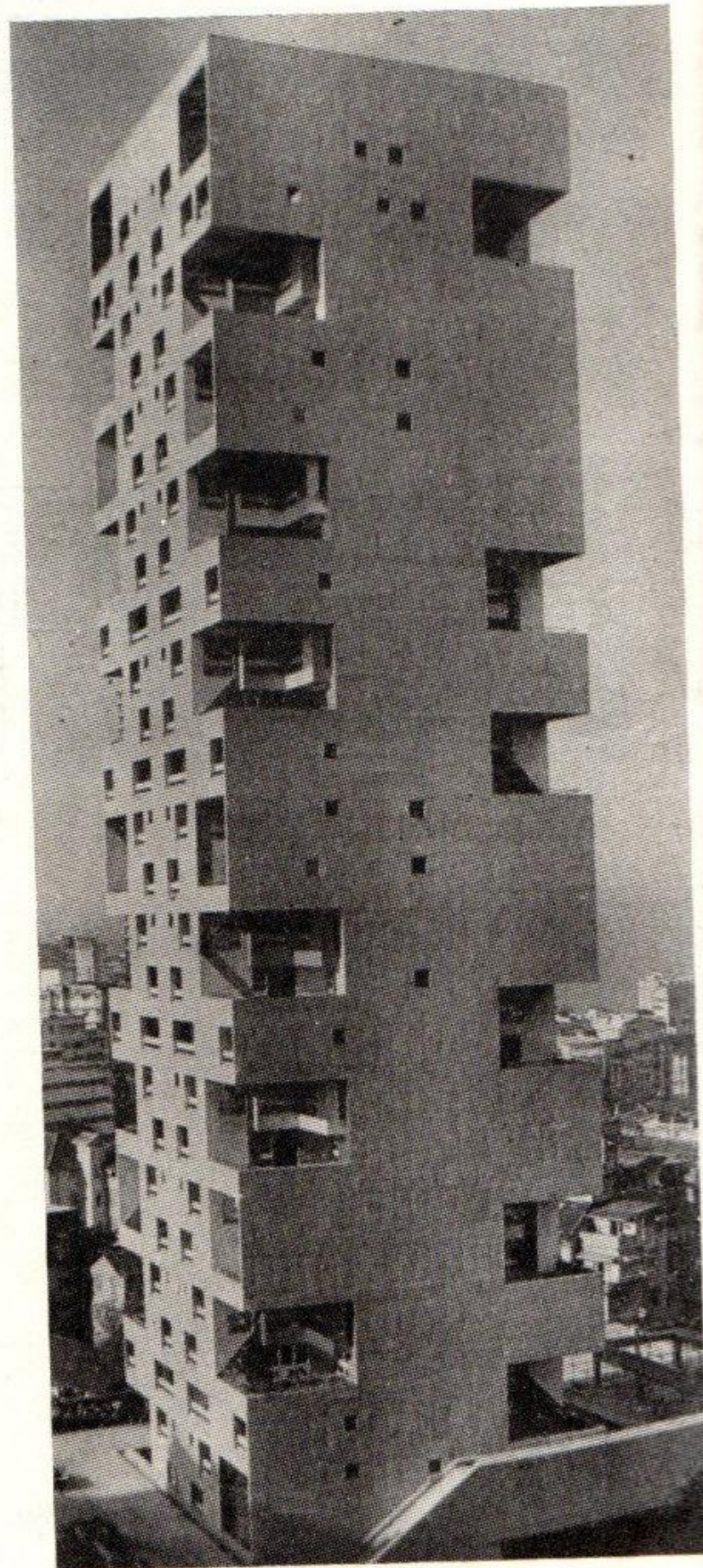
Пример использования объемно-планировочных особенностей сельского жилища в крупном городе — квартал Белapur в Бомбее (архитектор Чарльз Корреа, 1984 г.), состоящий из односемейных 1- и 2-этажных глинобитных домов с наклонными черепичными крышами. Площадь квартала 6 га, в нем 589 жилищ. Здания построены на участках площадью от 45 до 75 м².

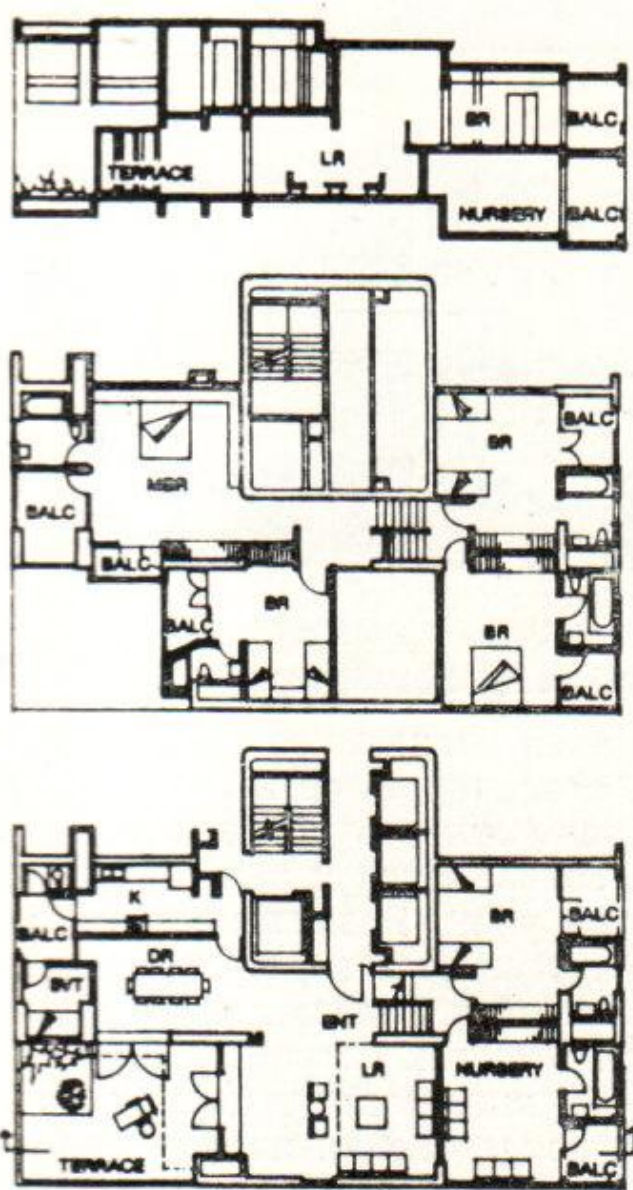
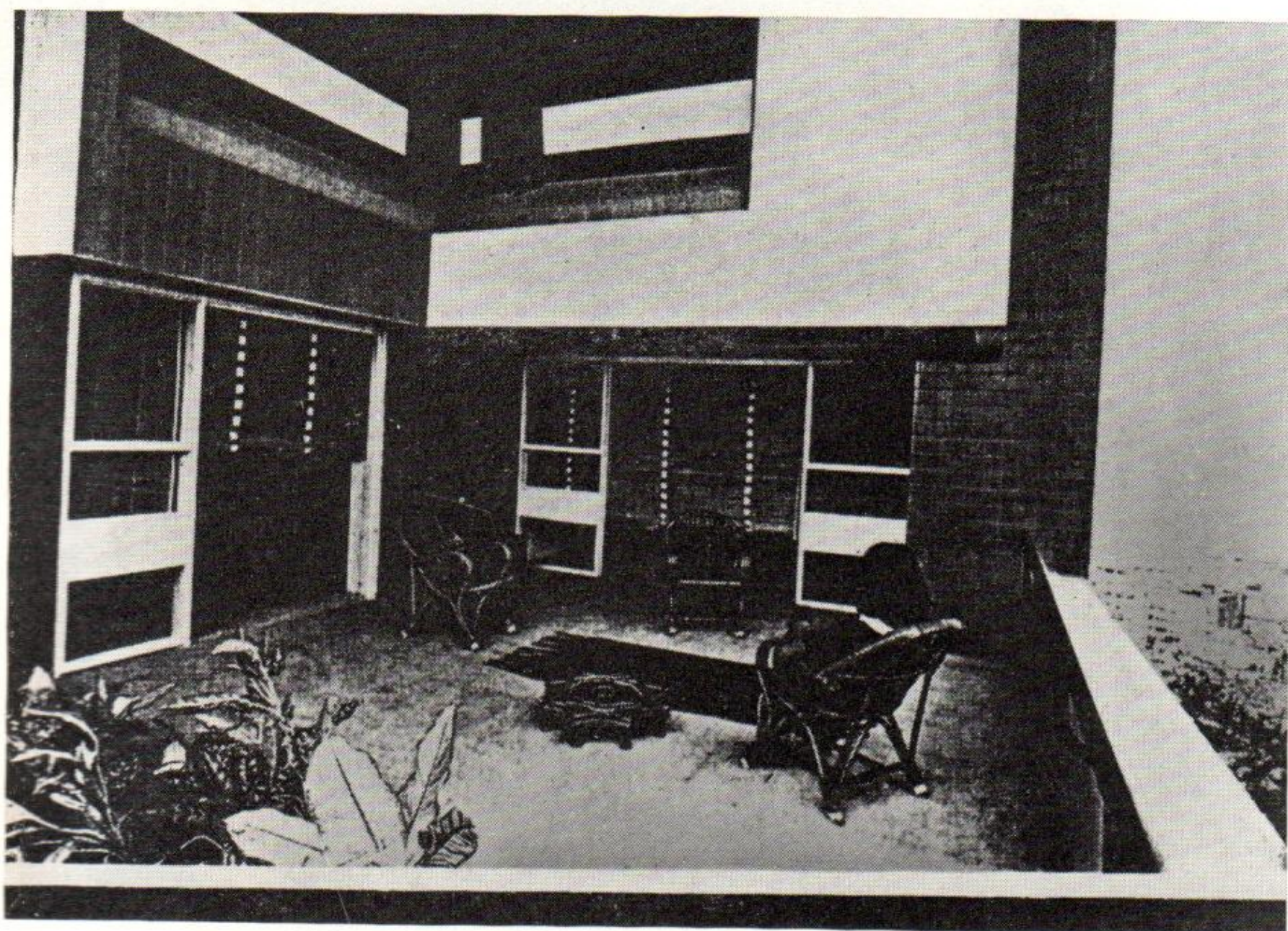
● Квартал Тара в Нью-Дели
4-этажные секционные дома
Архитектор Ч. Корреа
Аксометрия

● Проект квартала Анандграм. 1984 г.
Архитекторы Р. и В. Каматх
Фрагмент плана

● Проект квартала Бадарпур. 1984 г.
Архитекторы А. Ганджу и А. Лалл
Перспектива

Жилой дом «Канчанджунга»
в Бомбее
Архитектор Ч. Корреа
Общий вид, разрез, планы
этажей
Двусветная лоджия

Верхние этажи снабжены открытыми лестницами и террасами. Отдельно стоящие ванные и туалеты соседних домов сблокированы друг с другом. В структуру зданий была заложена возможность их последующего расширения. Группы домов с участками объединились вокруг общих дворов — «майданов», которые быстро наполнились жизнью. Со свойственной индийским деревням предприимчивостью в них появились лавки и магазины.

Город-спутник Бомбея, сооружаемый по проекту Корреа, рассчитан на 1 млн человек. Квартал Белапур составил часть его жилого района. Однако к 1985 г. в новом городе удалось расселить всего лишь 100 тыс. жителей. Поэтому, высоко ценя малоэтажные дома как один из видов самого комфортабельного жилища, Корреа все же не считает их единственным приемлемым сейчас типом расселения и ищущим средством решения жилищной проблемы.

Подтверждением этому может служить 26-этажный дом башенного типа «Канчанджунга», построенный Чарльзом Корреа в центре старого Бомбея. В доме 32 квартиры, от 3-комнатных до 6-комнатных, площадью от 160 до 320 м². Квартиры, размещенные в двух уровнях, имеют двусветные гостиные и террасы, которые, по сути, стали садами, занимающими два этажа, но остающимися в объеме жилой ячейки. Построение квартир небоскреба по принципу односемейного дома, с сохранением всех преимуществ жизни «на земле», по-видимому, высший «пилотаж» архитектора. В то время как в Белапуре Корреа поставил социальный эксперимент, имущественная

ориентация «Канчанджунга» определена более узко: ее квартиры недоступны беднякам.

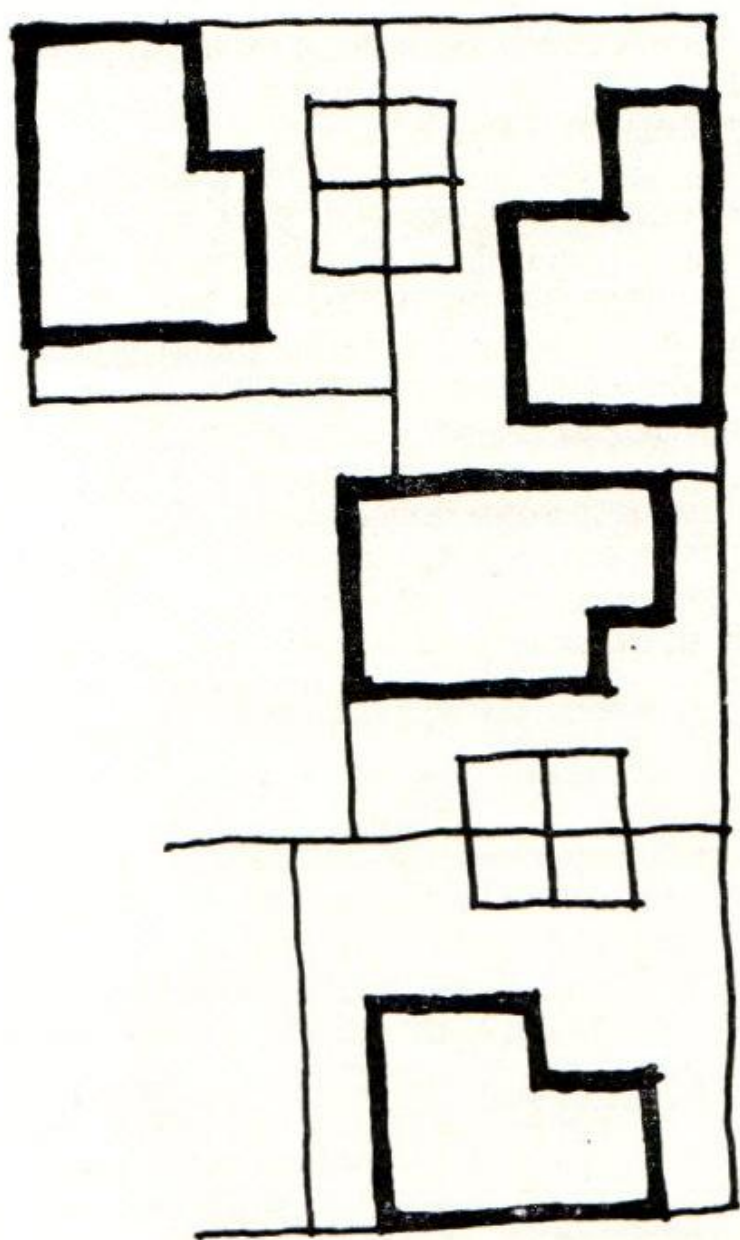
По мнению ряда архитекторов, подобным «Канчанджунге», многоэтажным жилищам принадлежит будущее растущих городов Индии. Тем не менее в столице страны Корреа проектирует и строит квартал Тара, состоящий из 4-этажных секционных зданий. Двухкомнатные квартиры площадью 84 м² и 3-комнатные площадью 130 м² размещены в двух уровнях с шагом поперечных стен 3 м при ширине дома 15 м. Между параллельными зданиями — общественная зона в виде пешеходной улицы, перекрытой перголой.

Несмотря на принципиальные различия в величине и пространственном построении зданий Чарльза Корреа в Бомбее и Дели, их объединяет подход к удовлетворению климатических требований: двусторонняя ориентация квартир для их сквозного проветривания, предотвращение избыточной инсоляции путем устройства лоджий, устройство больших затененных террас и веранд, садов и пергол на крыше предыдущих этажей. Новые постройки Ч. Корреа вновь демонстрируют продолжение поисков национальных форм в архитектуре современного жилища, где традиционные для страны приемы планировки уживаются с такими нововведениями, как широко распространившееся кондиционирование и вентиляция.

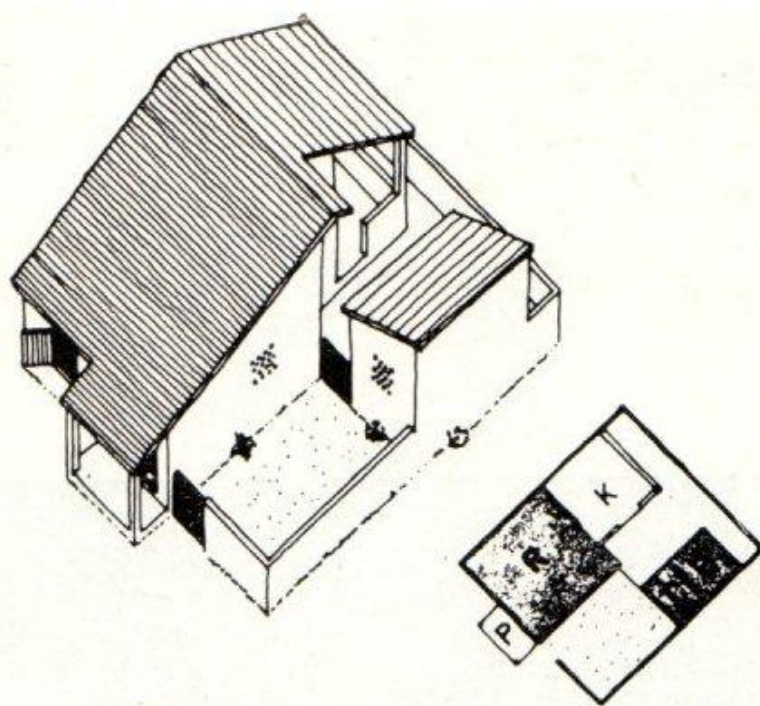
Жизнеспособность строительных традиций наглядно проявилась в Джайпуре, городе на северо-западе Индии, который британские колонизаторы, придя в него, решили сделать просторным и прямолинейным, соответственно своим представлениям о градостроительстве. Однако вскоре рядом с ним сам по себе возник другой город с улицами трехметровой ширины, привычными народными жилищами и множеством мастерских. Переплелось испытанное и новое, прошлое и настоящее.

Мысль об огромной созидательной силе искусства имеет в Индии глубокие корни. Здесь хорошо понимают, что воспитывать любовь к родине нужно через познание ее богатейшей культуры. Стали вновь актуальны слова Э. Л. Вармы, когда-то нашедшего место для строительства Чандигарха и писавшего затем Ле Корбюзье: «У нас существует слово «рам бхароза», что означает глубокую веру в совершенное. Я живу с этой верой и ощущаю радость при виде нового города»³. Сейчас о ценностях культуры все чаще говорят руководители страны, призывая к укреплению национального самосознания народа. В одном из своих выступлений премьер-министр Р. Ганди подчеркнул, что решение этой задачи невозможно без бережного отношения к истории, традициям, культуре.

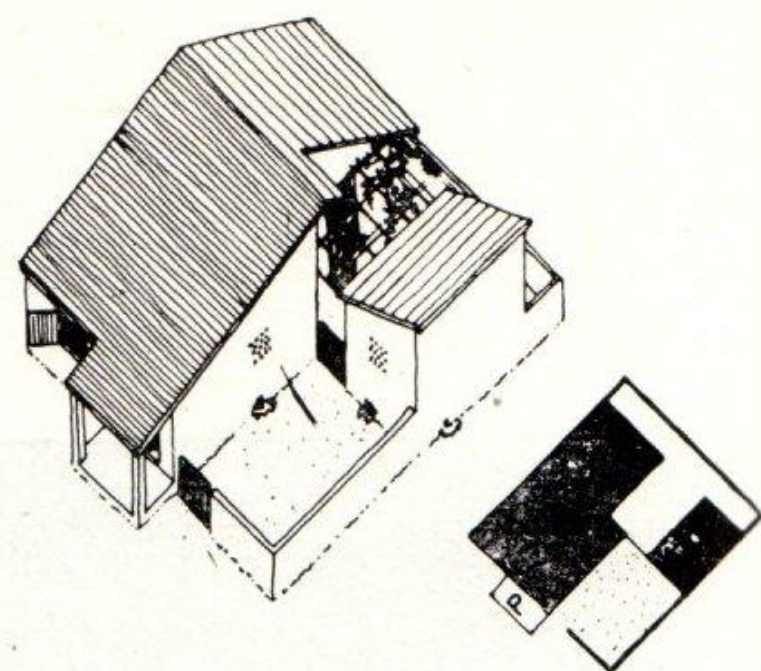
Каждый зодчий — наследник истории своего искусства. Народные традиции могут сдерживать прогресс, но они же способны ускорить его, вызывать новаторские творческие искания. Сейчас идея бережного отношения к

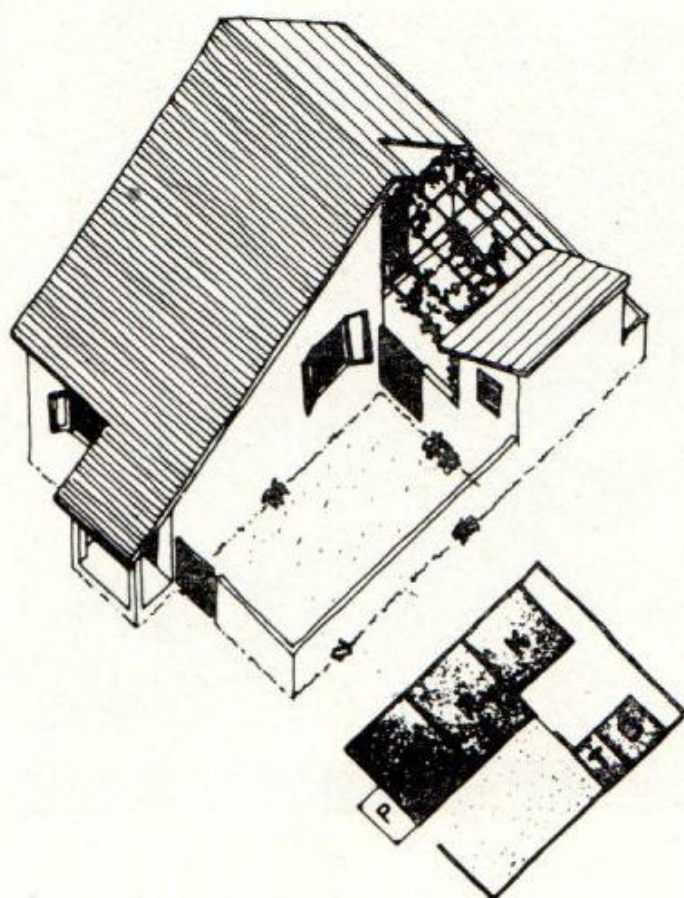
Квартал Белапур в Бомбее.
1984 г.
Архитектор Ч. Корреа
Аксонметрические изображения домов разных типов
Разрез
Общий двор
Схема блокировки участков (рисунки Ч. Корреа)

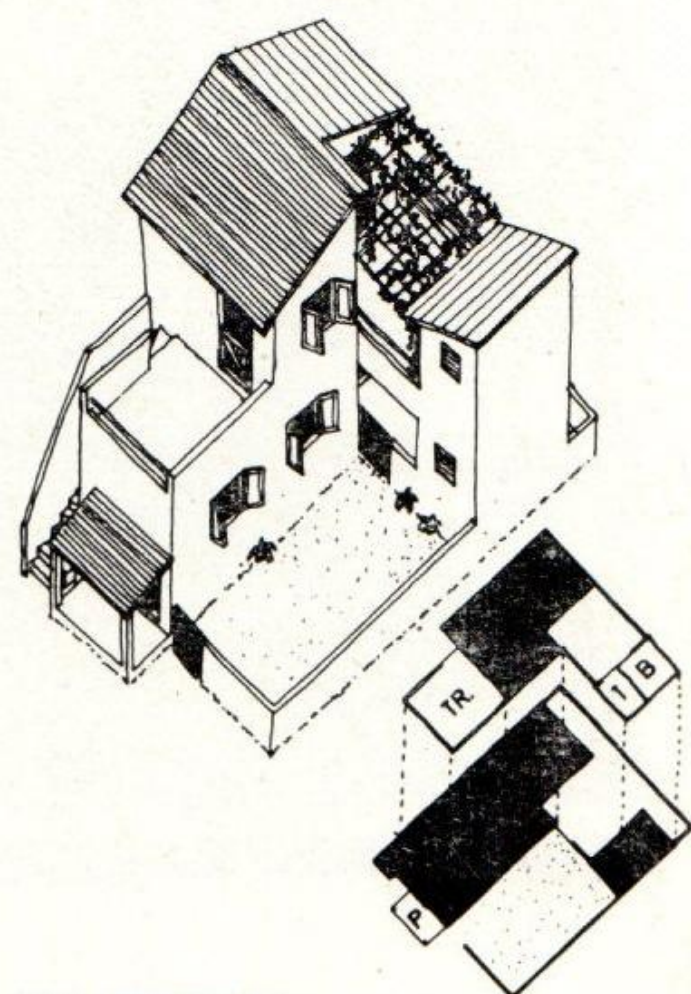
HOUSE TYPE A

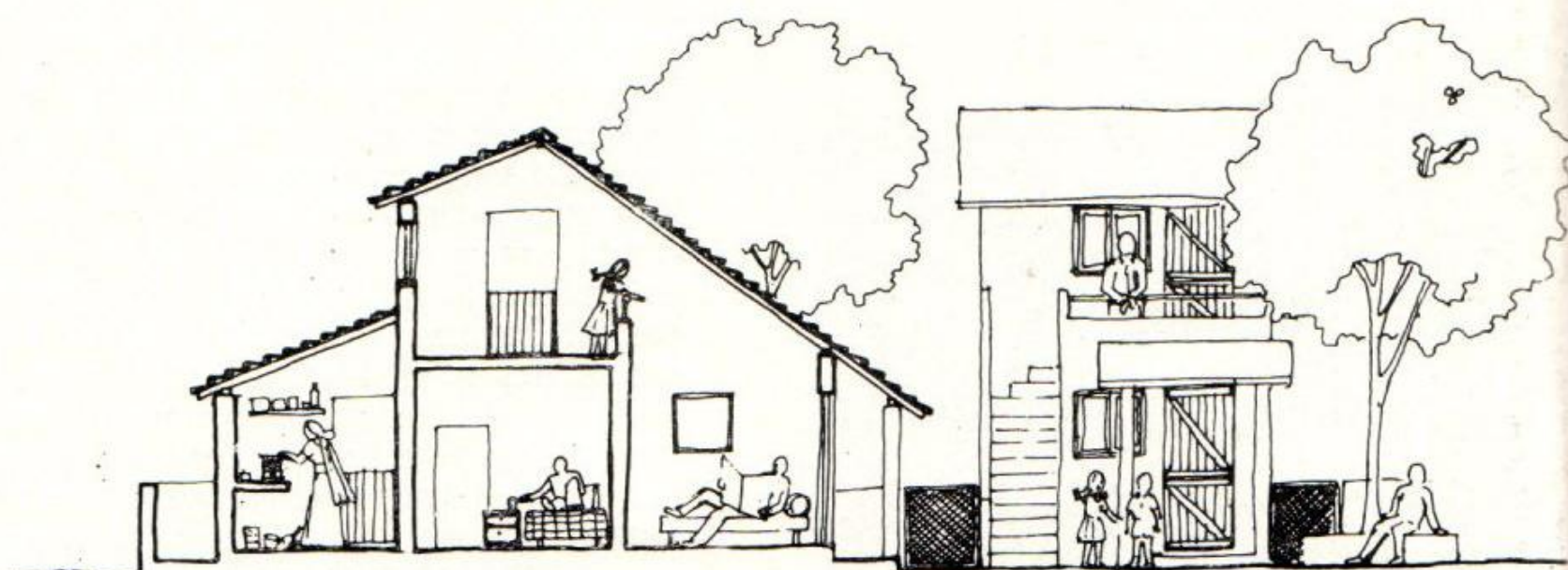
HOUSE TYPE B

HOUSE TYPE B (SPECIAL)

HOUSE TYPE C (SPECIAL)

живым традициям в Индии овладевает умами не только архитекторов, но и широких масс людей. Уважать сделанное ранее, создавая новое в русле современного образа жизни, — одна из главных сторон работы современных архитекторов Индии, возведенная до уровня высокостетического принципа. Ортодоксальному авангардизму здесь противопоставлено постоянство без малейших проявлений национальной замкнутости. Уместно вспомнить, что еще в 1941 г. Зигфрид Гидион определил параметры всей современной архитектуры, казалось бы, исчерпывающе. Он выделил три стадии развития, в числе которых последняя — утверждение «новой монументальности», т. е. создание построек, символизирующих общественную и церемониальную жизнь людей. Но уже в 1954 г. Гидион добавил четвертую стадию — неорегионализм. По-видимому, именно так определяется стиль, который теперь все полнее характеризует основную часть возводимых в Индии зданий.

Два недавних проекта ярко демонстрируют диапазон современных

взглядов на индийское жилище. Первый — конкурсное предложение для кооператива Бадарпур (архитекторы Ашиш Ганджу и Ашок Лалл, 1984 г.). Здания разной высоты с 3-комнатными квартирами в одном уровне и 4-комнатными в двух уровнях призваны удовлетворить широкие потребности и вкусы. Особое внимание обращено на бытовые и эстетические запросы будущих обитателей квартала, людей со средними и высокими доходами. Например, двухъярусные квартиры — символ достатка и престижа, поэтому они занимают целиком многоэтажные дома, которые ассоциируются с небоскребами центра Бомбея, самого европеизированного города страны, законодателя мод для широкого круга людей, стремящихся к более высокому социальному положению. Именно на таких клиентов и рассчитан проект.

Вторая работа — программа переселения 350 семей общины народных художников и ремесленников в новые дома на месте старых в районе Анандграм в Нью-Дели (архитекторы Р. и В. Каматх, 1984 г.). В планиров-

ке улиц и кварталов района учтена сложившаяся социальная организация общины, особенность ее жизненного уклада, возможность роста семей. В целом сохраняется и существующая планировка улиц. Размещение семей в кварталах решалось в результате общих дискуссий и анализа моделей реальных жизненных ситуаций. Поскольку дома должны возводиться силами жильцов, после оценки их возможностей и способностей было решено строить стены из земляных блоков, а покрытия — из каменных, что является традиционным в Раджастане, откуда переселилось в столицу большинство ремесленников общины. Для выходцев из других районов страны предусмотрены дома с купольными покрытиями и черепичными кровлями.

Проекты Бадарпура и Анандграма наглядно свидетельствуют о различии подходов к философии жилища, в котором проявились все контрасты современной Индии, страны, вышедшей в космос и вместе с тем живущей реалиями средневековья. Проект А. Ганджу и А. Лалла адре-

сован тем, кто создает Индию будущего, тогда как работа Р. и В. Каматхов предназначена для тех, кто бережно хранит ее прошлое. Тот факт, что эти люди будут жить по-соседству, еще раз подтверждает, что эта страна — одно из немногих мест на земле, где уживаются, казалось бы, несовместимые стадии человеческого развития. Но даже эти прямо противоположные работы объединены одной яркой чертой — вниманием к древней традиции.

В наши дни возрождение народных традиций становится нормой проектирования, нравственным принципом для большинства индийских архитекторов. У них нет необходимости имитировать старые приемы, потому что прошлое для них остается живым. «Мы в Индии до сих пор делаем кирпич вручную, как было всегда, — говорит архитектор Сатиш Гуджрал. — Мы и кладем его как в незапамятные времена: кирпич на кирпич, как резная работа, складываются стены. Каждый ряд или участок кладки говорят о мастерстве и настроении каменщика, работающего здесь; все вместе превращается в живой организм»⁴.

Нельзя утверждать, что верность традициям проявляется только в жилищном строительстве, так же как нельзя считать ее единственным принципом создания всех новых жилищ. Одновременно строятся здания по другим концепциям. Например, дома для людей с высокими доходами, которые не нуждаются в общественных пространствах «мохалла», так как селятся часто без учета кастового прин-

ципа (в смешанных кварталах) и мало общаются с соседями.

Мы смогли дать лишь неполную картину современного жилищного строительства Индии. Возможно, что большего сделать нельзя, когда строительство жилищ для миллионов людей по-настоящему только набирает силу. Недавно правительство Индии разработало общенациональный план градостроительного развития страны, согласно которому наряду с расширением старых городов к 1990 г. будет создано 2 тысячи новых городов. В них предполагается расселить 23 млн человек. Жилые кварталы этих городов, социально адресованные народу, соединяющие опыт и мудрость многих поколений зодчих, становятся достойной частью национальной культуры Индии.

* * *

Немало подтверждений этому продемонстрировала индийская архитектурная выставка, открывшаяся 10 августа 1987 г. на ВДНХ в Москве и ставшая важной частью фестиваля Индии в СССР. Наряду с необыкновенно разнообразными памятниками зодчества экспозиция показала обновление и расцвет народного строительства в наши дни, своеобразное возрождение национальной архитектуры Индии.

В этом смысле символично само название выставки — Вистара. У этого слова несколько вариантов перевода на русский язык: раскрытие (листьев на деревьях, возможностей, способностей), развертывание (планов,

программ), развитие, расширение. Многозначный термин удивительно точно характеризует широкий диапазон современной строительной деятельности Индии.

Открывая выставку, министр городского развития Индии Мохсина Кидвая признала, что рост жилищного строительства экономически слабых слоев общества пока отстает от роста городского строительства в целом:

— Мы убеждены, что проблема жилищного строительства может быть решена лишь при участии самого народа и при использовании традиционных конструктивных материалов, с которыми люди хорошо знакомы. В то время как администрации штатов будут предоставлять землю и денежные средства, люди должны выражать свои нужды в соответствии с уровнем жизни. Мы исследуем современную технологию и новые конструктивные материалы, особенно те, в которых используются промышленные и сельскохозяйственные отходы. Министерство городского развития и его корпорация жилищного строительства и городского развития приняли на себя обязательства удовлетворять нужды народа Индии.

По случаю открытия выставки в Москве находились ведущие индийские архитекторы, среди них — Б. Доши и Ч. Корреа, по проекту которого была выполнена экспозиция. В Вильнюсе состоялся семинар на тему «Индийский город». Во время встреч с советскими коллегами наметились пути предстоящего сотрудничества в области разработки совместных проектов. Об этом шла речь и на переговорах в государственных организациях.

Уже сейчас Индия и СССР тесно сотрудничают в областях науки и техники. Во время визита индийских архитекторов обсуждалась возможность участия предприятий Индии в гражданском строительстве в СССР, перспективы использования советской технологии для жилищного строительства в Индии, подготовки индийских специалистов в нашей стране.

□

¹ India: end of the classical tradition.— Lotus international, 1982, No. 34, p. 67

² Jean Peyzieu. L'architecture des villages.— Techniques et Architecture, 1985, N 361, p. 152.

³ З. Гидион. Пространство, время, архитектура.— М., Стройиздат, 1984, с. 315

⁴ R. Pietila. Quest for Future Architecture.— Arkkitehti, 1985, No. 1, p. 65

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ЗАСТРОЙКИ ВО ФРАНЦИИ

С. Казаков

Интенсивные методы развития промышленности в нашей стране ставят новые задачи перед большим отрядом советских архитекторов, занятых в области промышленного зодчества. Реконструкция и техническое перевооружение, расширение и модернизация действующих производственных зданий и сооружений предполагают не только перелом в технологическом и техническом направлении, но и существенное повышение качества архитектурной среды предприятий. В этой связи приобретает исключительную значимость не столько с познавательной, сколько с практической точки зрения изучение опыта промышленно развитых стран.

Франция как одна из таких стран накопила ценный опыт в области реконструкции и реабилитации промышленной застройки. Она находится в общем русле тех явлений и течений, которые наблюдаются в промышленно развитых странах Европы и всего мира. Наиболее характерными ее особенностями в последние годы стали: разукрупнение предприятий с переносом наиболее материалоемких и трудоемких процессов в заграничные филиалы; широкое строительство мелких, чаще всего одноэтажных производственных корпусов с использованием инвентарных легких металлических конструкций; включение вновь строящихся предприятий в состав городских промышленных зон с предварительной подготовкой территории (эти зоны для большей благозвучности именуются «парками»); широкая реконструкция и реабилитация промышленной застройки; активное использование выразительных средств архитектуры производственных корпусов для создания «фирменного» образа и рекламы; широкое применение металлических ограждающих конструкций с яркой по-краской локальными цветами.

Известный снобизм к жанру промышленной архитектуры в настоящее время во Франции идет на убыль. Возможно, повлияло изменение конъюнктуры на архитектурном рынке страны, когда число правительственных и муниципальных заказов сократилось, что увеличило безработицу среди архитекторов до 60%. В то же время со стороны промышленных фирм усилилось стремление иметь престижную архитектуру. Возможно, это вызвано приходом в этот жанр «звезд» современной архитектуры, таких, как Р. Пиано, Р. Роджерс, К. Васкони, П. Шеметов и др., что сразу привело к появлению значительных произведений архитектуры в промышленном строительстве. Заметен большой интерес к проблеме со стороны молодых, начинающих архитекторов. Сегодня промышленная архитектура Франции идет вровень с теми достижениями и находками, которыми отмечено общее состояние современной архитектуры этой страны. А в ряде случаев она идет в авангарде новых течений.

Самыми интересными и неожиданными представляются находки архитекторов, работающих во Франции, в возвращении к полноценному функционированию и архитектурному звучанию производственных зданий, утративших свою прежнюю функцию. Здесь замети-

лось три принципиально различных направления. Первое — когда старые промышленные предприятия, не теряя своей прежней специализации, решительно проводят полное или частичное обновление. Во втором случае предприятия меняют свою специализацию и в связи с этим проводят мероприятия по архитектурной реконструкции в соответствии с требованиями нового технологического процесса. И, наконец, третье — реабилитация промышленной застройки, когда вполне крепкие и ставшие архитектурными символами своих районов производственные здания приспособляются под другие, например общественные или жилые.

Особенностью большинства реконструируемых промышленных предприятий является то, что по мере роста и развития городов все они неизбежно оказывались в плотном окружении урбанизированной среды. Это, в свою очередь, повышает ответственность авторов реконструкции как в удовлетворении требований технологии и экологии, так и с точки зрения стилистики творческих поисков. И зачастую только глубокое творческое осмысление всего множества проблем дает желаемый архитектурный эффект.

Заметным явлением в современной французской архитектуре стали работы известного архитектора Клода Васкони по реконструкции завода «Рено» в Париже. Композиция застройки комплекса, задуманная как торжественная анфилада, предполагает замену имеющихся сооружений системой блочно-секционных объемов, нанизанных с двух сторон на ось внутреннего проспекта-двора. В перпендикулярном оси направлении проложена городская магистраль, с одной стороны упирающаяся в крупную городскую площадь, а с другой — пересекающая вновь создаваемый административно-научный центр предприятия с представительной заводской площадью. Завершение намеченной реконструкции может привести к созданию уникального промышленного ансамбля в столице Франции.

Гарантией этому служит не только высокий профессиональный авторитет К. Васкони (в 1979 г. в центре Парижа на месте старого рынка Ле Аль им был построен крупный торговый центр), но и уже осуществленная часть начатой реконструкции. В 1984 г. завершилось строительство первой очереди павильона «57-металл», который можно считать образцом экспрессии и одухотворенности в архитектуре. В комплекс павильона вошли два объекта: административное здание с конторскими помещениями и заводской столовой и первая очередь сборочного корпуса. Остроту архитектурного решения подчеркивает исключительный лаконизм в использовании строительных материалов (лицевой красный кирпич, вороненая сталь и стекло). Нарастающий ритм ступенчатых светоаэрационных фонарей сочетается с глухими гофрированными поверхностями наклонных стен южного фасада и пластичными остекленными поверхностями северного дворового фасада. Тонкость архитектурных деталей отличается особым изяществом

во внутреннем дворе, вход в который венчает арка — один из приемов традиционных остекленных пассажей.

Подобный решительный, «хирургический» подход к проблеме реконструкции производственной застройки исключительно эффективен для создания новой архитектуры, несмотря на его недостаточное распространение в современной практике. Дело в том, что такой подход по плечу лишь выдающимся архитекторам и состоятельным заказчикам. Чаще в практике архитекторов решаются ограниченные задачи, связанные с очередной частичной реконструкцией, со сносом ветхих строений и сооружением на их месте либо на свободных территориях новых производственных объектов.

Примером тому может служить застройка территории старого пивоваренного завода «Кроненбор» в Страсбуре, который существует с 1664 г. Здесь можно увидеть постройки всех архитектурных стилей прошлого, в том числе и новый корпус солодоварни, построенный архитектором Вальтером Збинденом в 1985 г. Работавший над строительством центра им. Жоржа Помпиду в Париже, В. Збинден выиграл конкурс на проект-идею реконструкции старой территории завода (в 60 км от города существует новая территория крупнейшего пивоваренного завода Европы той же фирмы площадью около 100 га). Результаты конкурса еще полностью не опубликованы и отчасти составляют секрет фирмы «Кроненбор», но уже возведенное в рамках реконструкции новое здание солодоварни отличается характерной выразительностью, лаконичностью приемов, архитектурным осмыслением полностью открытого каркаса. Творческий метод, разработанный Р. Пиано и Р. Роджерсом, примененный в конкретных условиях, дал отменный эстетический результат.

При реконструкции токарного завода в городе Ломе под Лионом архитектор Пьер Делегю использовал новые выразительные свойства облицовочных металлических покрытий стен яркой окраски. Старый вход на предприятие, обрамленный двумя кирпичными корпусами с кованой решеткой между ними, отреставрирован и служит как бы исторической визитной карточкой завода. В новой застройке преобладают большие поверхности стен с деталями, оконными и дверными проемами простых геометрических форм.

Гараж в парижском пригороде Сен-Дени построен архитектором Шарлем Девилером в 1984 г. с включением ранее существовавшего здания в тело нового сооружения. Железобетонный каркас со светопрозрачными стенами из стеклоблоков создает впечатление воздушности, а ступенчатое еокрашивание площади этажей позволяет зрительно уменьшить масштаб сооружения с тем, чтобы не противоречить соседней жилой застройке. Графичность рисунка деталей подчеркивается отсутствием цвета, гармоничными пропорциями и сочленениями отдельных частей здания.

Большой выразительный эффект могут дать приемы реконструкции, основанные на максимальном сохранении

Реконструкция завода
«Рено», район Булонь-
Биланкур в Париже (архи-
тектор К. Вискони)

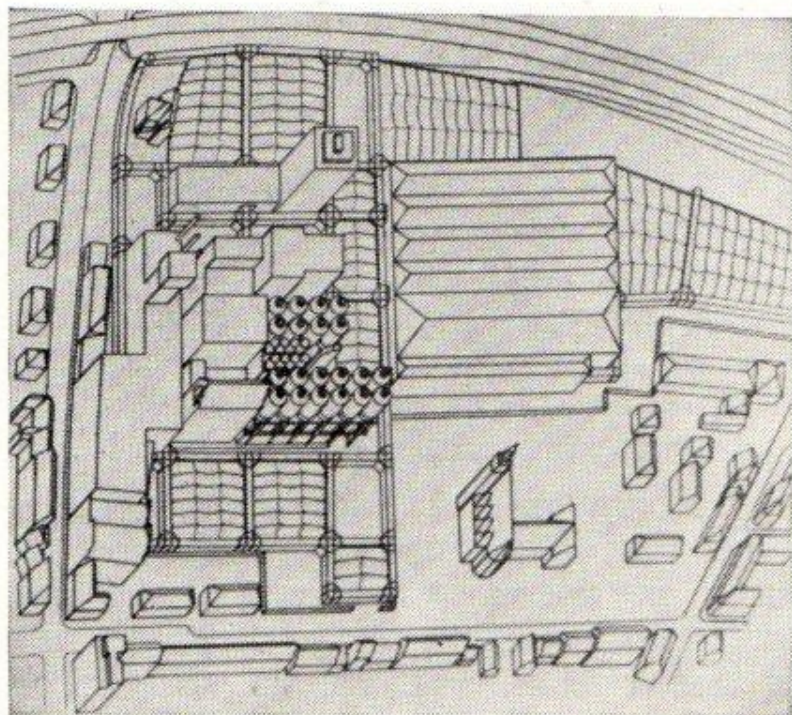
имеющегося фонда зданий с творческим переосмыслением функциональной и конструктивной основы промышленной застройки. Примером тому могут служить реконструктивные мероприятия, проведенные на заводе «Шлюмбергер» в парижском пригороде Монруж. Автор этой работы Ренцо Пиано имеет мировую известность, и эта новая работа уже по праву признана выдающимся явлением в современной архитектуре.

Концепцию пространственного решения всего предприятия определило желание раскрыть заводской двор на оживленную городскую магистраль, которая делит всю территорию по диагонали на две неравные части. В результате сноса с последующим строительством сформировалось выразительное внутризаводское пространство с замыкающей его периметральной застройкой старых корпусов фахверковой конструкции. Центром этого пространства стала административная зона «Форум» в виде улицы с тентовым покрытием, проложенной в искусственном холме. Тело холма составляют помещения административно-общественного назначения, основанием является трехэтажная подземная автостоянка.

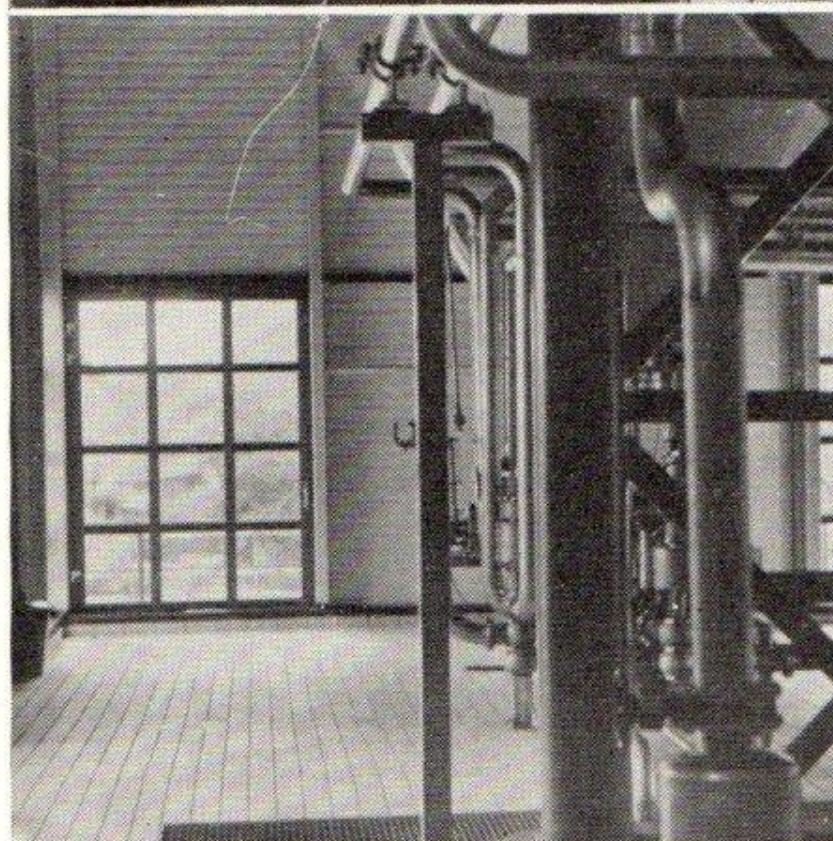
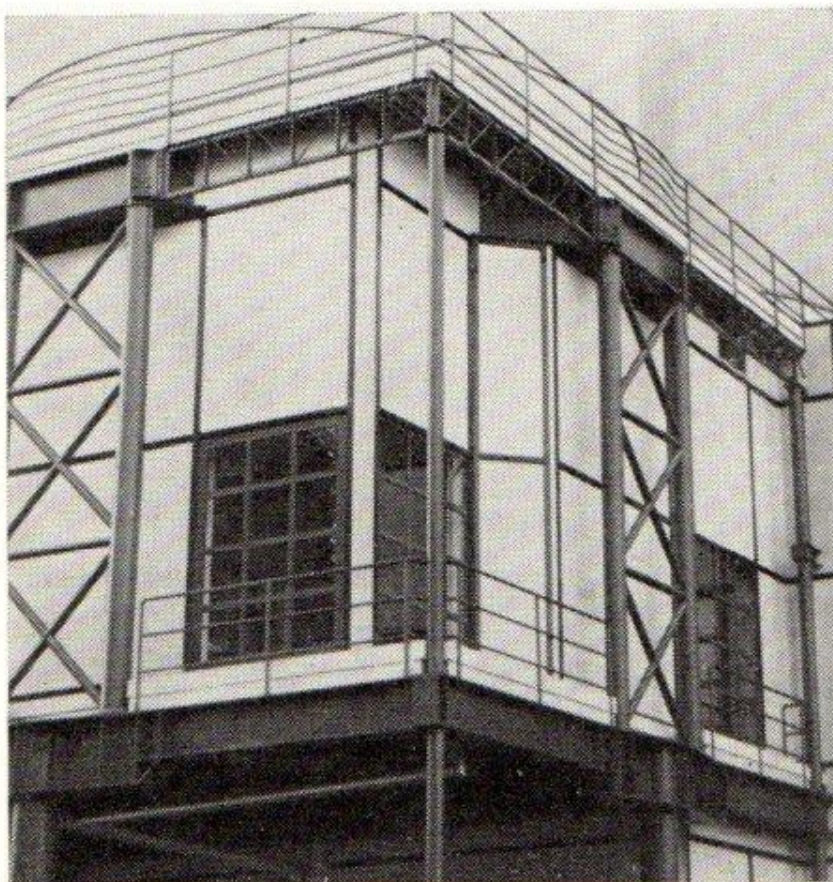
Весь внутренний двор трактуется как заводской парк, рассчитанный на восприятие не только работающими на предприятии, но и живущими по соседству. В состав парка вошли система каскадных водоемов, зеленые насаждения экзотических и простых пород, таких, как лопухи, куга, камыш, дающих в течение года изменяющуюся цветовую палитру. Ландшафтный архитектор А. Шеметов, работавший вместе с Р. Пиано, предложил и реализовал использование объемных свойств крупных деревьев для создания ритмических рядов на фоне монотонных производственных корпусов. Новое архитектурное звучание старых корпусов стало возможно благодаря выявлению выразительных свойств существующей фахверковой структуры, активной новой трактовке технологических и конструктивных узлов в сочетании с яркой открытой покраской. Эта реконструкция убедительно продемонстрировала жизнеспособность разработанного и развиваемого Р. Пиано творческого метода «хай-тек».

Наименее исследованным оказалось приспособление промышленной застройки под новые нужды. Ценность архитектуры и градостроительное положение сделали многие промышленные здания ушедших эпох яркими достопримечательностями французских городов. Прекращение их функционирования позволяет в ряде случаев использовать их в основном под жилье либо общественные здания.

Табачная фабрика в Нанте, построенная в 1865 г., в 1970 г. стала объектом конкурсного муниципального проектирования. Авторский коллектив во главе с архитектором Жилем Эвано реализовал муниципальную программу, превратив фабрику в полноценный жилой комплекс с полной социальной структурой и обновленным архитектурным обликом памятника архитектуры, органично вошедшего в ткань города. В архитектурно-пространственном реше-

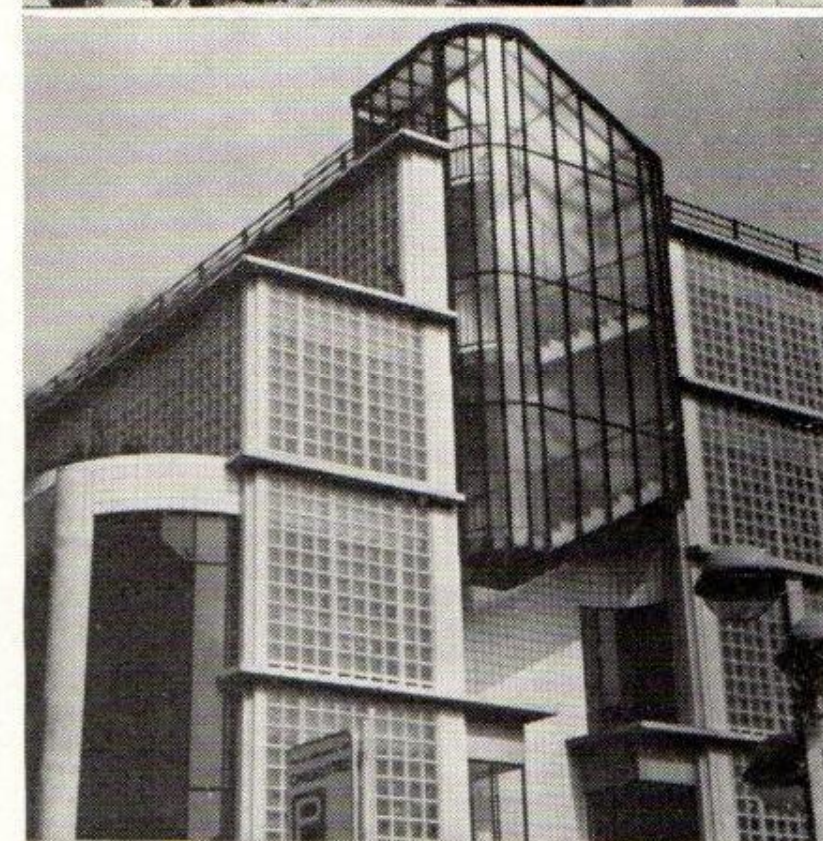
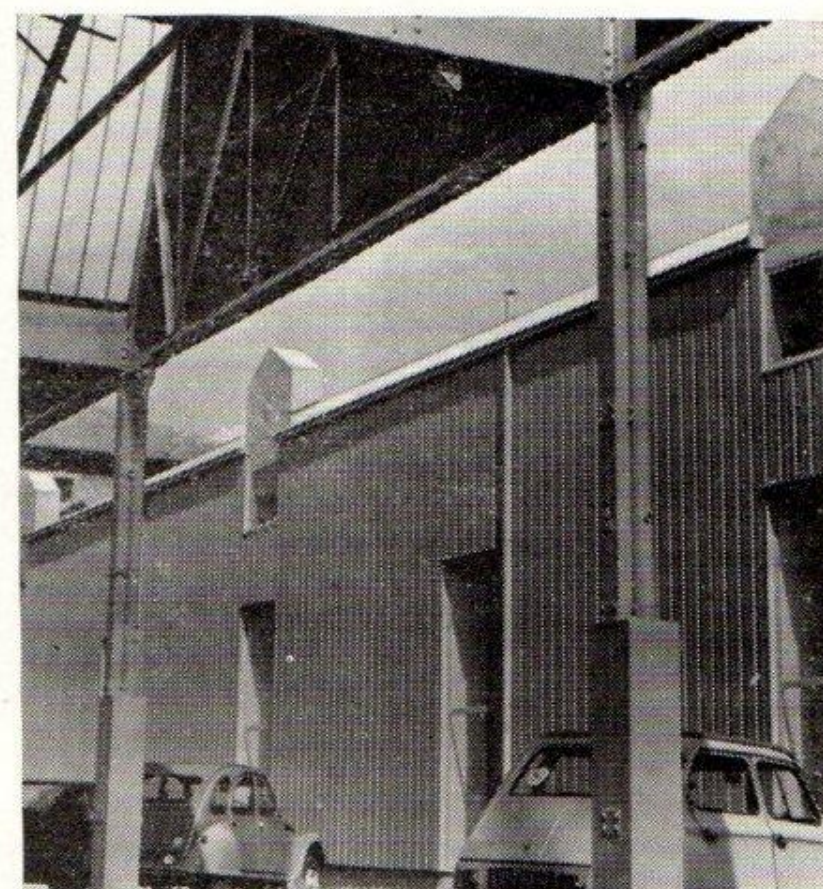

Застройка пивоваренного завода «Кроненбор» в Страсбуре (архитектор В. Збинден)

Токарный завод в Ломе под Лионом (архитектор П. Делегю)

Гараж в Сен-Дени под Парижем (архитектор Ш. Девилер)

нии наряду с тщательно продуманным функционированием отдельных элементов комплекса важным достоинством является создание пешеходной улицы в галереях первых этажей, что позволило связать воедино разрозненные пространства внутренних дворов. Новые архитектурные элементы и детали зданий имеют собственную яркую образность и стилистическую выразительность. Они дополняют, а не подстраиваются под исторические детали.

Большой деликатностью новых архитектурных деталей отличается жилой комплекс в Элбофе близ Руана, размещенный в бывшей прядильной фабрике «Блан э Блан» в 1982 г. Архитекторы Клод Решан и Пьер Робер уделели основное внимание сохранению и новому переосмыслению существующих внутренних пространств, восстановлению качества лицевого кирпича, узлов крепления поперечных тяг и других деталей. Первый этаж, во Франции традиционно нежилой, превращен в систему пассажей, небольших лавочек и магазинов, ресторанов, ателье и т. п. Во дворе с использованием подвала разобранного здания устроен амфитеатр, каркас другого здания превращен в игровой павильон.

Обсуждая экономичность реабилитации, специалисты приходят к выводу, что ее стоимость близка к его затратам на новое строительство. Но историческая ценность и гуманность,

воспитательная и патриотическая роль, органичность и эстетические достоинства новой жизни промышленных зданий столь очевидны, что их нельзя не оценить.

Вот почему многие старые промышленные здания Франции, классифицированные как памятники истории, реабилитируются под общественные сооружения. Среди них наибольшую известность в архитектурных кругах имеет многоэтажное здание ткацкой фабрики в городе Рубо, входящем в границы города Лилля — центра традиционного французского ткачества. Да и само здание воспринимается как символ целого района Франции.

В 1984—1985 гг. проводился открытый конкурс на создание здесь межрайонного архивного центра по проблемам труда и занятости. Лучшим был признан проект архитекторов М. Рубэ, Ж.-Ф. Гальмиша, Р. Тизнадо, Ж.-К. Дэлера и Ж.-Ф. Бонна. По проекту, реализация которого начата в 1987 г., старое здание остается лишь частью нового объема со значительными изменениями образных характеристик. Расчистка заводского двора и разбивка в нем небольшого классического парка станет связкой нового архивного комплекса с коммерческим центром города.

По-иному решил аналогичную задачу архитектор Жак Лоран, работавший над довольно крупным зданием

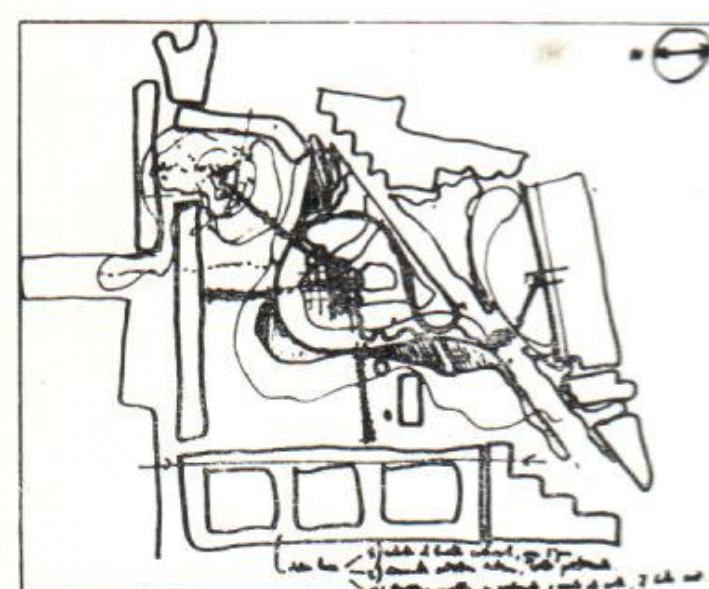
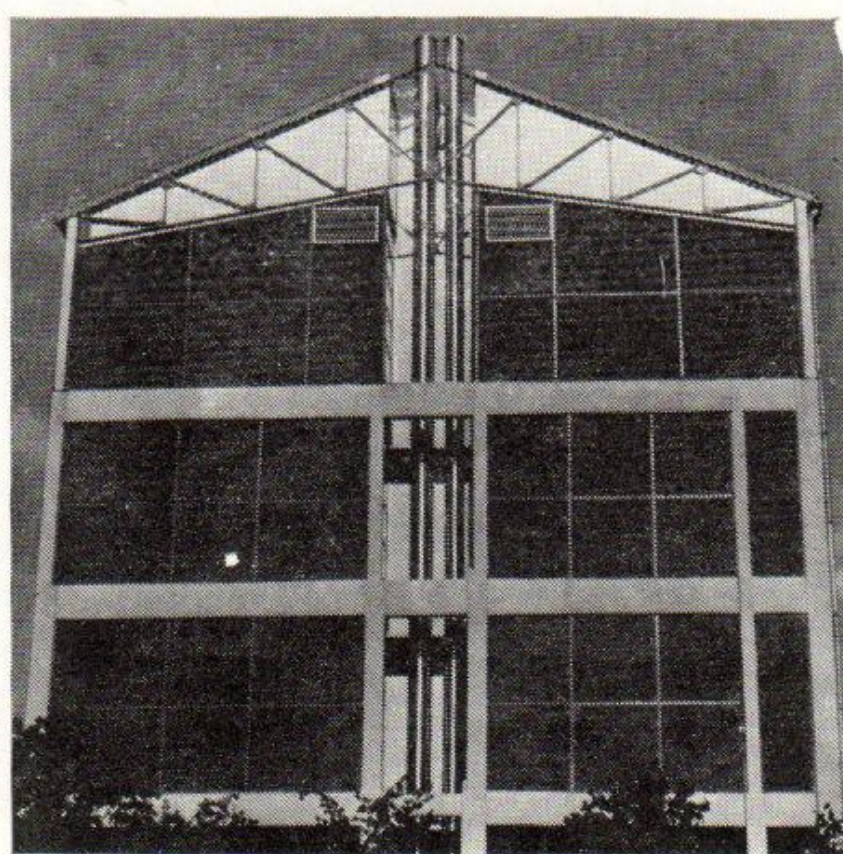
текстильной фабрики в Нанте. Это здание не имело архитектурной значимости, но прочная конструктивная основа и уникальное градостроительное положение на изгибе русла реки Луары подтолкнули автора к новой трактовке образа здания регионального коммерческого и делового центра. Создание внутренних дворишков на эксплуатационной кровле представительских автостоянок позволило сократить глубину конторских помещений и обеспечить необходимую инсоляцию. Вынос корпуса директората на береговую линию с опиранием причальных платформ в русло Луары стало демонстрацией традицион-

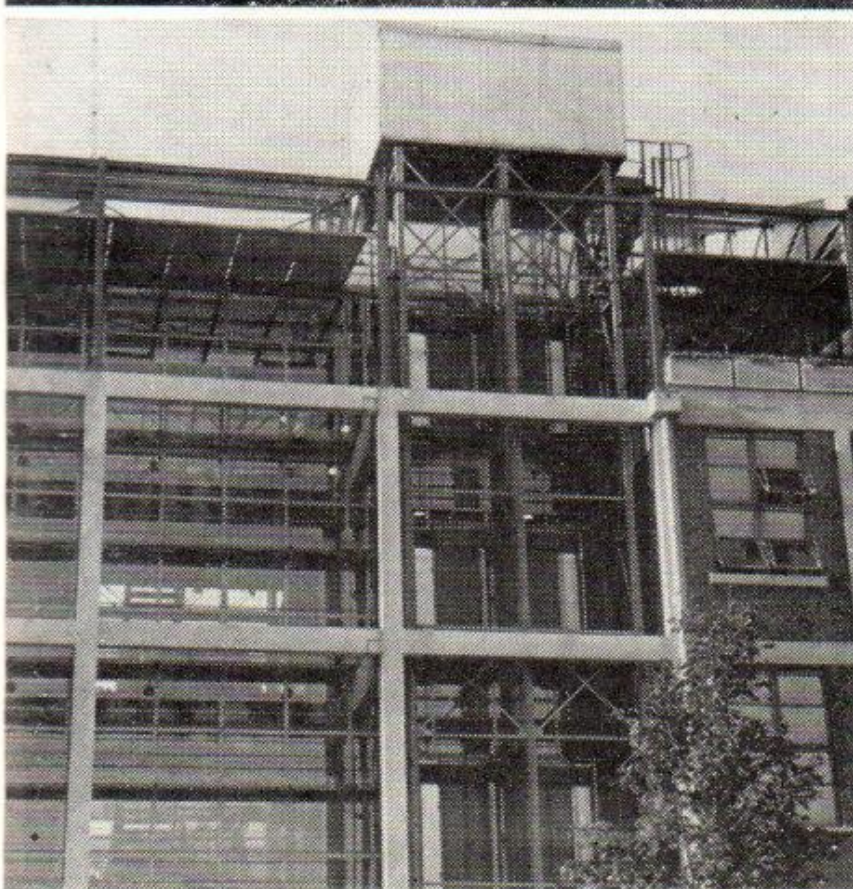
ЗА РУБЕЖОМ

С. Казаков

Реконструкция промышленной застройки во Франции

333

Реконструкция завода
«Шлюмбержер» в Монруже
под Парижем (архитектор
Р. Пиано).

Общий вид после рекон-
струкции

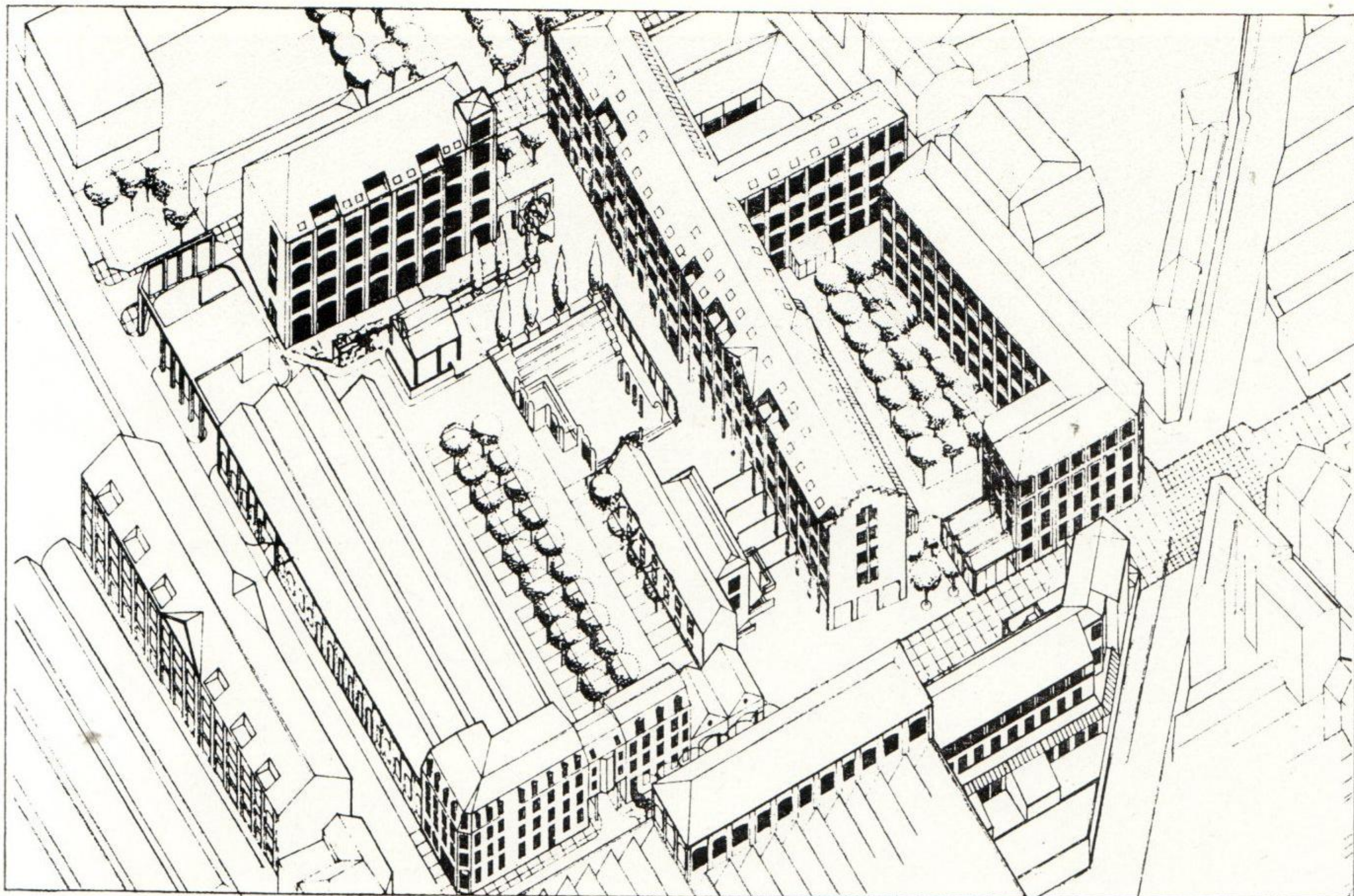
Общий вид администра-
тивной зоны

Производственный корпус
«В»

Торцевой фасад производ-
ственного корпуса

Схема тентового покрытия

Авторская концепция
пространства

● Приспособление пря-
дильной фабрики «Блан
э Блан» в Элбофе близ
Руана под жилой комплекс
(архитекторы К. Решан
и П. Робер)

● Табачная фабрика в Нанте,
преобразованная в жилой
комплекс (архитектор
Ж. Эвано)

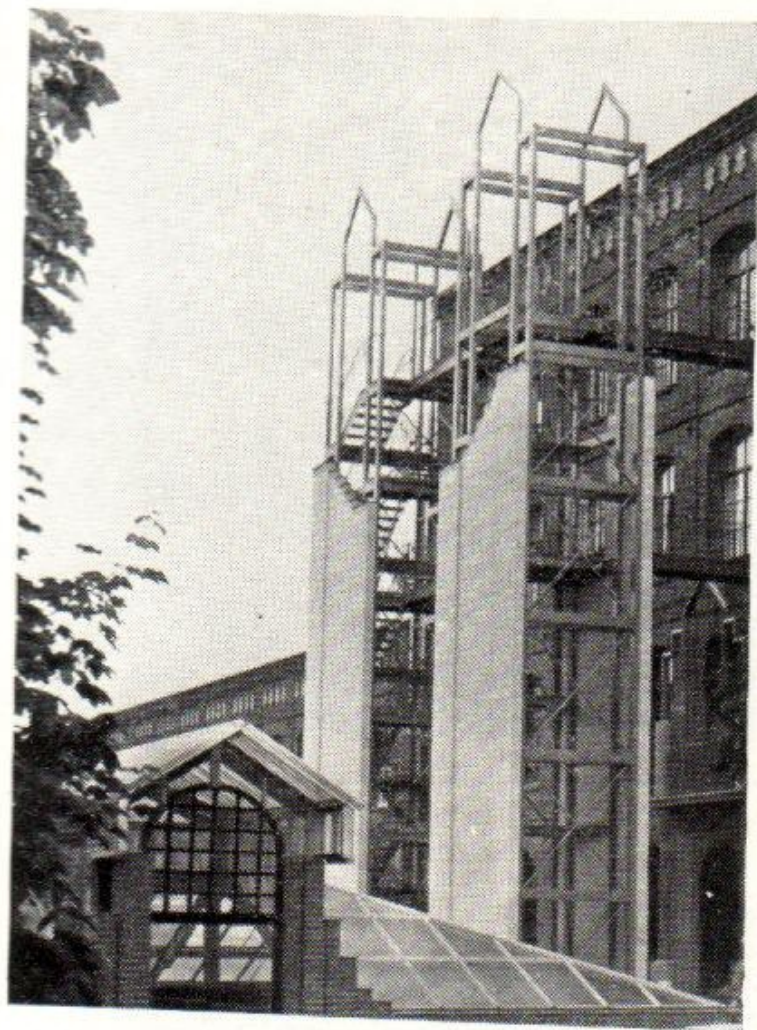
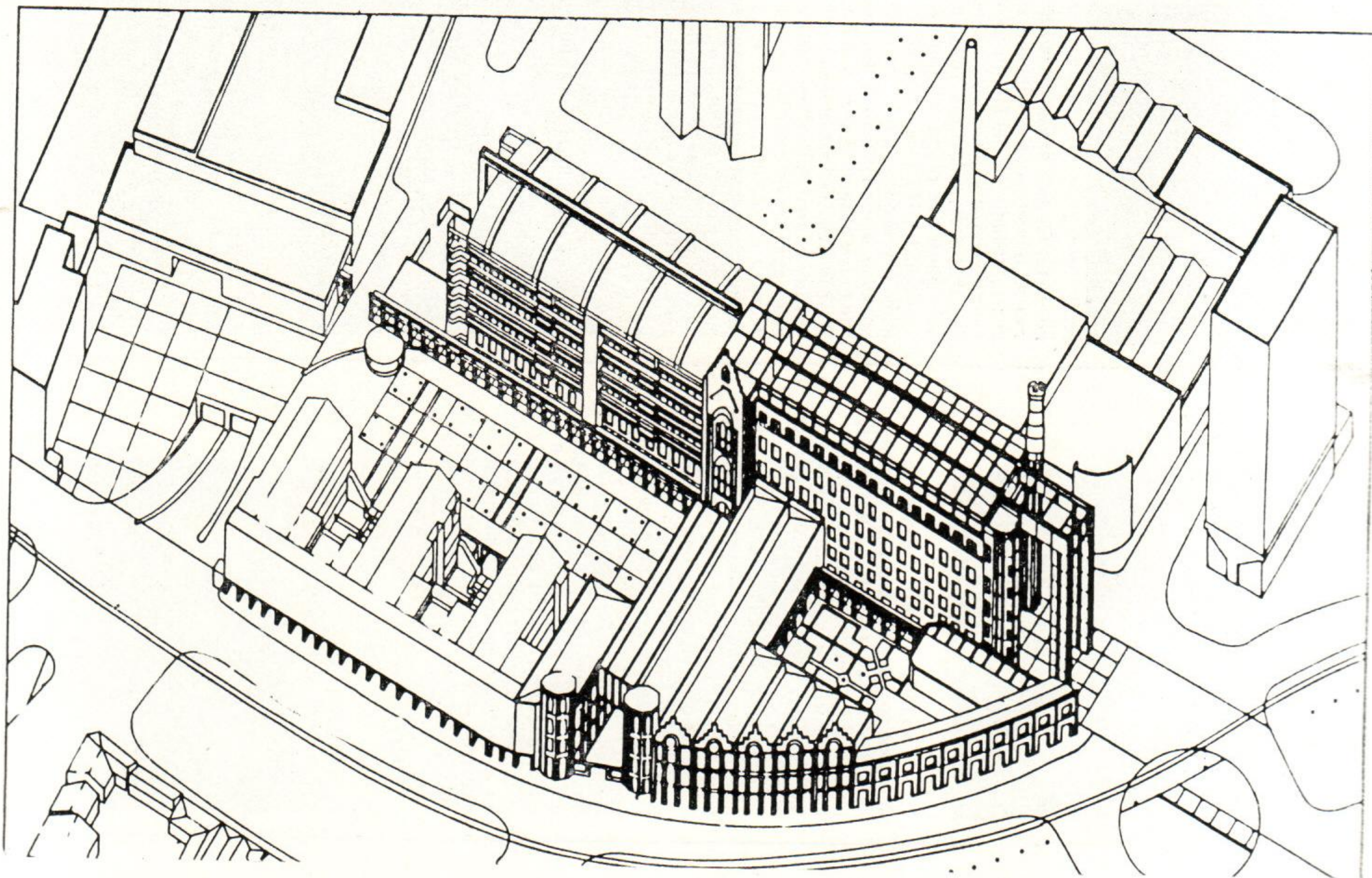

ной престижности заведения. Использо-
вание облицовки из сборных железобе-
тонных деталей с полированными по-
верхностями в различных комбинациях
создает новый стилистический и образ-
ный строй бывшего промышленного
здания.

Здание сыроварни в местечке
Сен-Моклу близ Руана, построенное в
1880 г., не представляет архитектурной
ценности. Но оно вполне отражает со-
стояние техники и строительного искус-
ства того периода. Поэтому решение
административного совета высшей ар-
хитектурной школы Нормандии о при-
способлении сыроварни под учебное

здание школы долго дебатировалось.
Однако результаты проектирования и
реализации в 1983 г. проекта архитек-
торов Поля Мотини и Пьера Дюфло убе-
дительно показали правильность избран-
ного решения. Внутренняя структура
корпуса с анфиладой проектных ателье,
нанизанных на вертикальные лестничные
узлы, создана за счет необходимых
изъятий из хорошо сохранившегося
внутреннего каркаса. Замена конструк-
ций покрытия позволила обеспечить
проектные ателье и лестничные марши
верхним освещением через зенитные
фонари. Именно лестницы сыграли веду-
щую роль в формировании архитектур-

●
Реконструкция сыроварни
близ Руана с размещени-
ем в ней архитектурного
института и местного
архива (архитекторы
П. Мотини и П. Дюфло)

●
Коммерческий центр
в Нанте, размещенный
в реконструированной тек-
стильной фабрике (архи-
тектор Ж. Лоран)

●
Приспособление ткацкой
фабрики под межрайон-
ный архивный центр в
Рубо близ Лилля (архитек-
торы М. Рубэ, Ж.-Ф. Галь-
миш, Р. Тизнадо,
Ж.-К. Дэлэр, Ж.-Ф. Бонн)

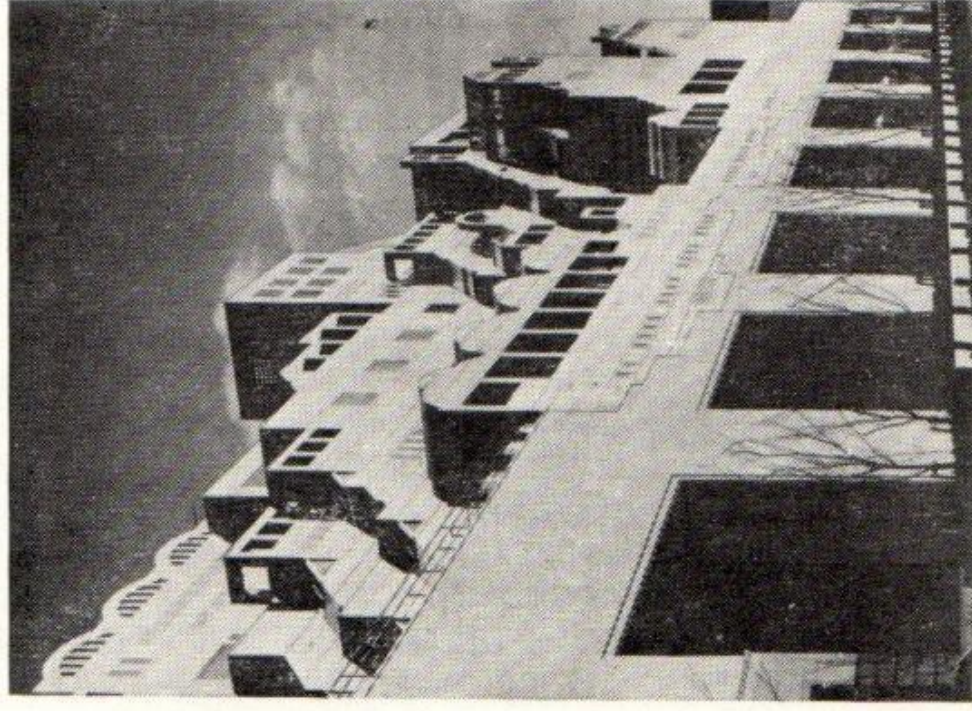
ного облика школы. Две из них окрашены в золотистый цвет и присутствуют в интерьере и в экстерьере, стали визитной карточкой благодаря затейливости, противостоящей сухому лаконизму производственного корпуса. Два пилона фланкируют главный вход. Такое независимое существование двух различных архитектурных тем стало главным художественным приемом, полностью реабилитирующим старое здание в соответствии с новым назначением.

Не все рассмотренные примеры можно назвать образцами мирового класса. Но каждый из них несет печать творческого подхода к сложной проб-

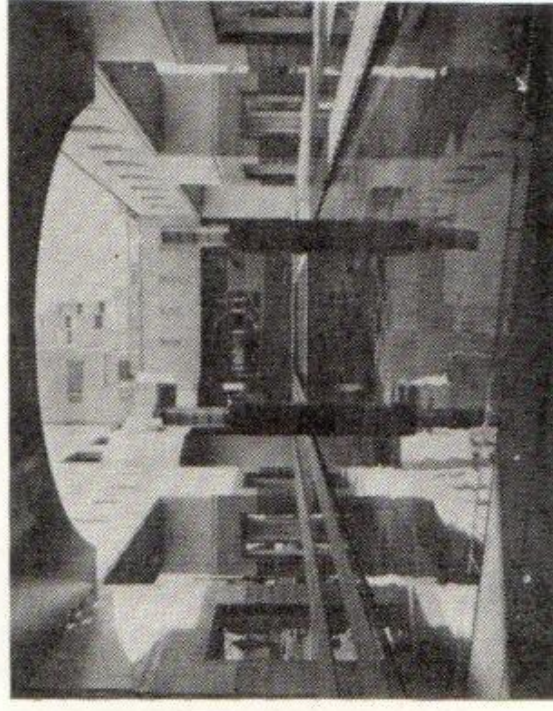
леме реконструкции промышленной застройки, именно такого подхода, которого часто не хватает для полноценного раскрытия выразительных возможностей промышленной архитектуры на новом этапе ее развития. Возможно, знакомство с опытом французских коллег поможет советским архитекторам в создании собственных новых приемов и направлений в осмыслении проблем реконструкции промышленной застройки, поможет сохранять и рационально использовать лучшие исторические образцы промышленного зодчества.

□

ПЯТЬ ПРИНЦИПОВ ХАРЫ
Здание компании Ямато, Токио, Япония
Архитектор Х. Хара и Ателье «Ф»

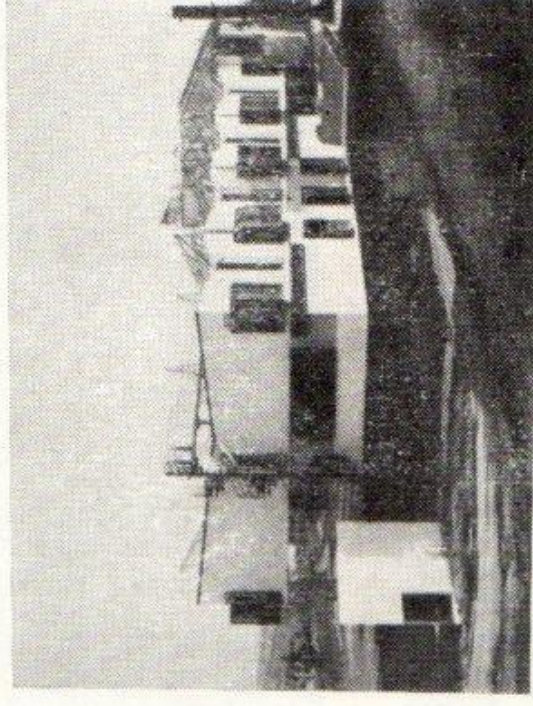

Понять сложную архитектуру этого здания лучше всего помогает сам Хироши Хара, который в своем авторском комментарии отмечает пять основных идей, заложенных в проекте. Первое — это образ «города в здании», достигаемый благодаря слонстой структуре объема. Двенадцать вертикальных слоев различной конфигурации громоздятся друг на друга, складываясь в градоподобный силуэт. Второе — следование традиционному принципу «муджи» («изменчивости»), воплощенному в блестящей облицовке фасада, отражающей все перемены в окружающей среде. Третье — создание предель-

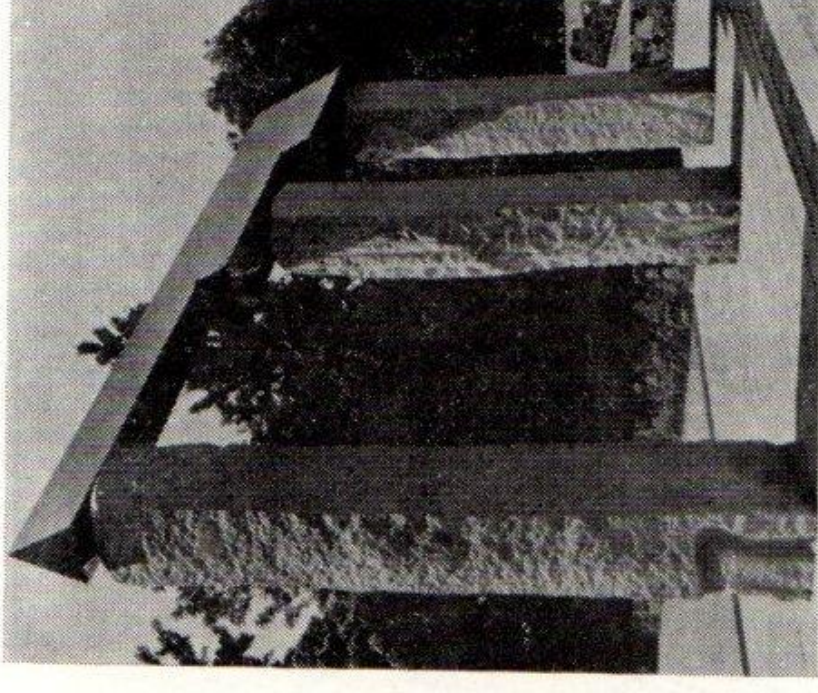

мере смягчить их жесткое разграничение. Вместо одной фасадной плоскости он предлагает многослойное «фасадное пространство», в котором наиболее прозрачный внешний слой почти полностью принадлежит улице и подчинен ее изгибу. Второй слой, прямой, молинейный и испещренный лоджиями, фиксирует грань дома. Но есть еще и третий слой, проявленный в верхних этажах и выходящий на углы здания, который снаружи предвещает внутреннюю, глубинную структуру дома. Его криволинейность определяется логикой здания. Как и другие постройки Сириани, комплекс выполнен из монолитного железобетона с шагом поперечных стен 5,6 м, который архитектор считает наиболее рациональным. Всего в домах на бульваре Сен-Санса 156 квартир и столько же гаражей. Architecture+Urbanism, august 1987

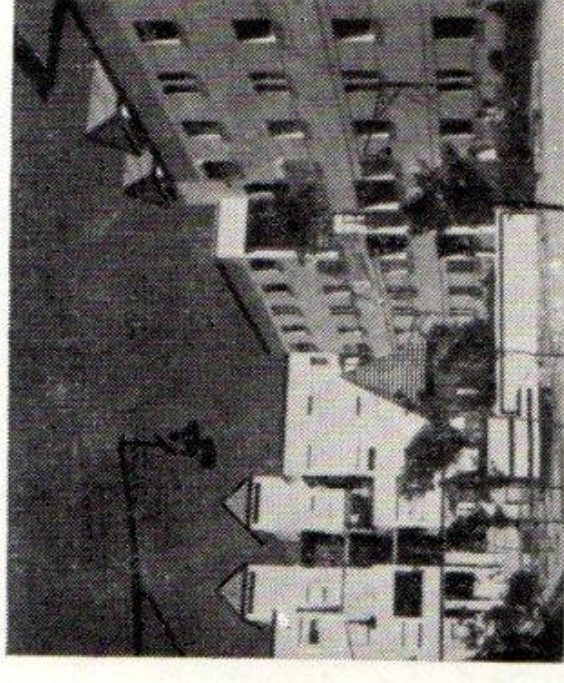
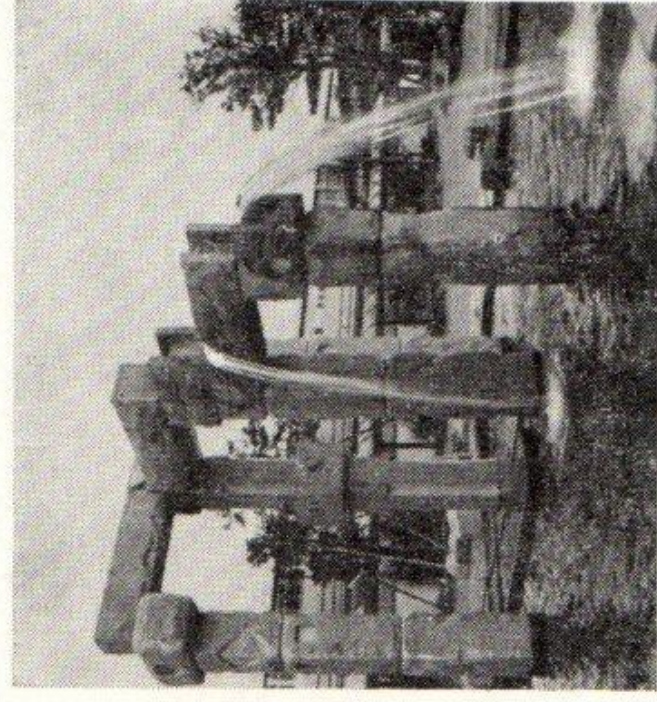
ОСТРАЯ АРХИТЕКТУРА
Гостиница «Монте Сан Савино», Ареццо, Италия
Архитектор М. Бардески

Марко Бардески — профессор кафедры реставрации в Милане, известный своими деликатными работами в области сохранения архитектурного наследия. Не менее известен он и в среде итальянского художественного авангарда как архитектор, график и дизайнер. Обе эти, казалось бы, взаимоисключающие творческие ипостаси не только не противоречат одна другой, но и вполне плодотворно взаимодействуют, как это показывает, например, гостиница в Ареццо. К маленькому, добротного отреставрирован-

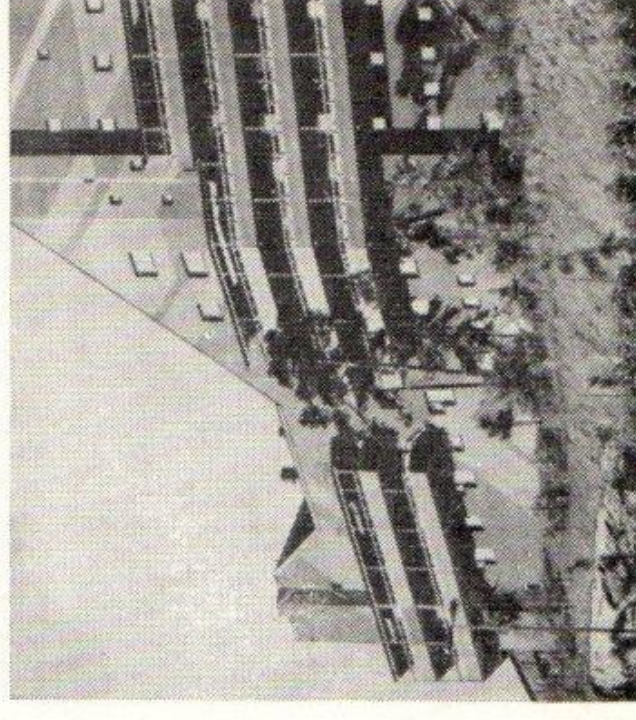

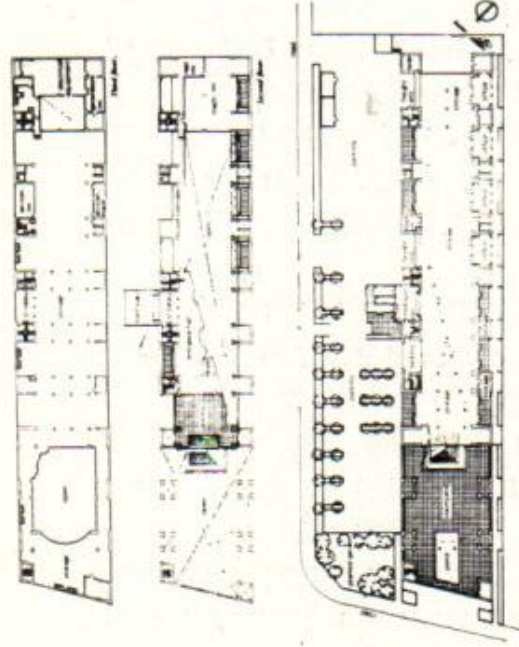
«Наша задача подойти к решению проблем городской среды с позиции художника.., создать некие магнитные поля в современном городе, противопоставив метафизику искусства функционализму, экономическому насилию и примитивному материализму». Так говорит Нобуо Секине, 46-летний руководитель группы японских художников, название которой в буквальном переводе означает «Студия среднего искусства». Специфику этого жанра Секине видит в его принципиальной ориентации на преобразование городской среды. Соответственно перво-степенное значение художник придает организующей роли произведений в пространстве. В своем творчестве «Студия» опирается с одной стороны на национальную духовную традицию, с другой — на поиски художественного авангарда и на новейшие достижения

подхода. Строго прямоугольный квартал из однотипных четырехэтажных белых зданий по типологии целиком соответствует концепции рационализма. И в аскетичной трактовке основных форм без труда угадывается дух «тенденца». Но уже на уровне сред-приятя приметы живой испанской традиции становятся ясно ощутимыми. В этом смысле самым «испанским», и потому самым замечательным эпизодом надо признать узлы входов и лестниц с вполне севильскими спаренными башенками и их наивными керамическими фронтонами, с перголами, задрапированными яркими тканями, с тенистыми лоджиями и забавными накладными эркерами. Здесь утверждается атмосфера соседства и общения, что в конце концов и есть подлинная местная традиция. Technique et architecture, mai 1987

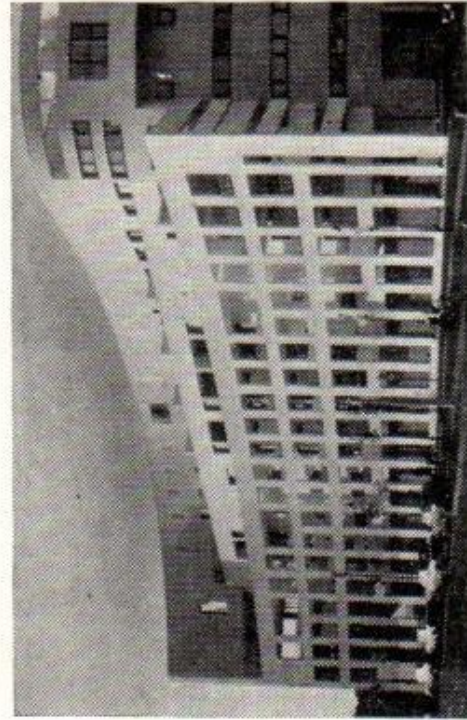
СКРОМНОСТЬ И ДОСТОИНСТВО
Жилой район Мюрстугубергет, Стокгольм, Швеция
Архитектор Р. Эрскин

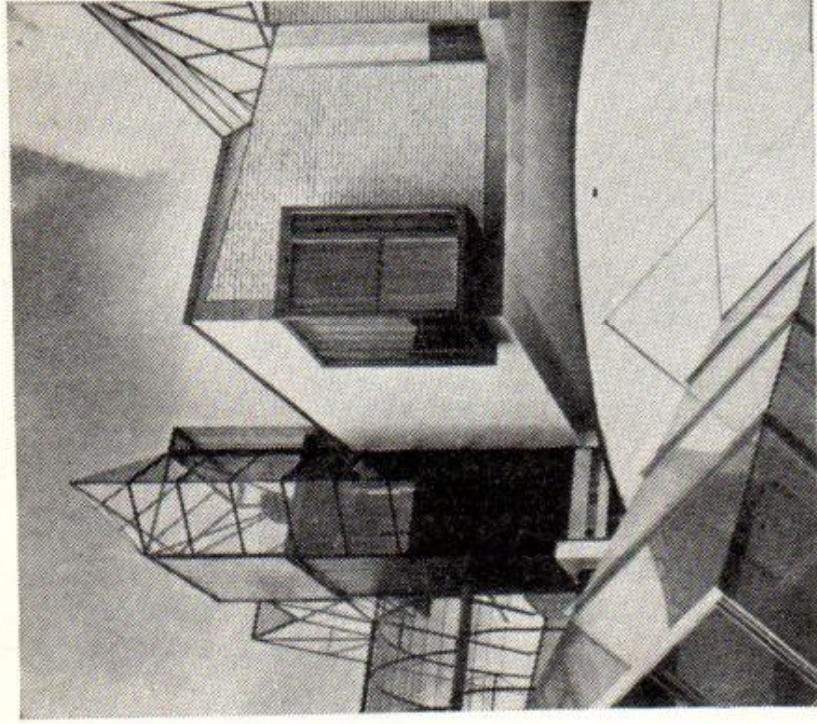

но разнообразного, дифференцированного внутреннего пространства, отличного от однородной среды типичного офиса. Четвертое — последовательное проведение темы «неопределенности», «неявности» пространственных границ интерьеров, что трактуется как соответствие изменчивости во внешнем облике здания. И, наконец, пятое — это «многообразие путей», предполагающее особое качество свободы перемещения в пространстве. Вряд ли эти принципы исчерпывают все архитектурное содержание этого интересного здания, но они ярко демонстрируют метод концептуализации авторского замысла.
Japan Architect, august 1987

ПРОСТРАНСТВО ФАСАДА
Жилой комплекс Лонье,
Марн-ла-Вале, Франция
Архитектор А. Сириани

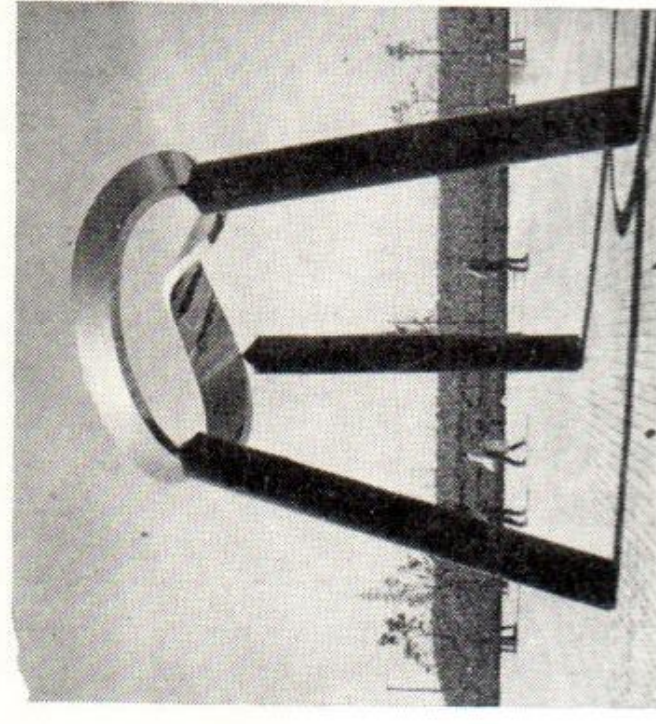

Главная тема новой постройки Анри Сириани — стена. Точнее — тема взаимоотношения внешнего и внутреннего, общественного и частного пространств. Традиционная стена жилого дома определяет границу между этими пространствами резко и однозначно. То, что делает Сириани, можно определить как попытку размыть, или по крайней

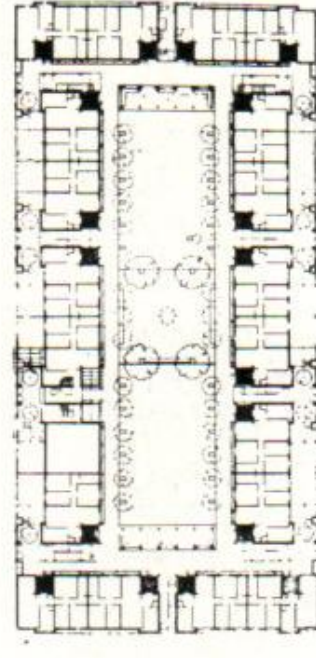
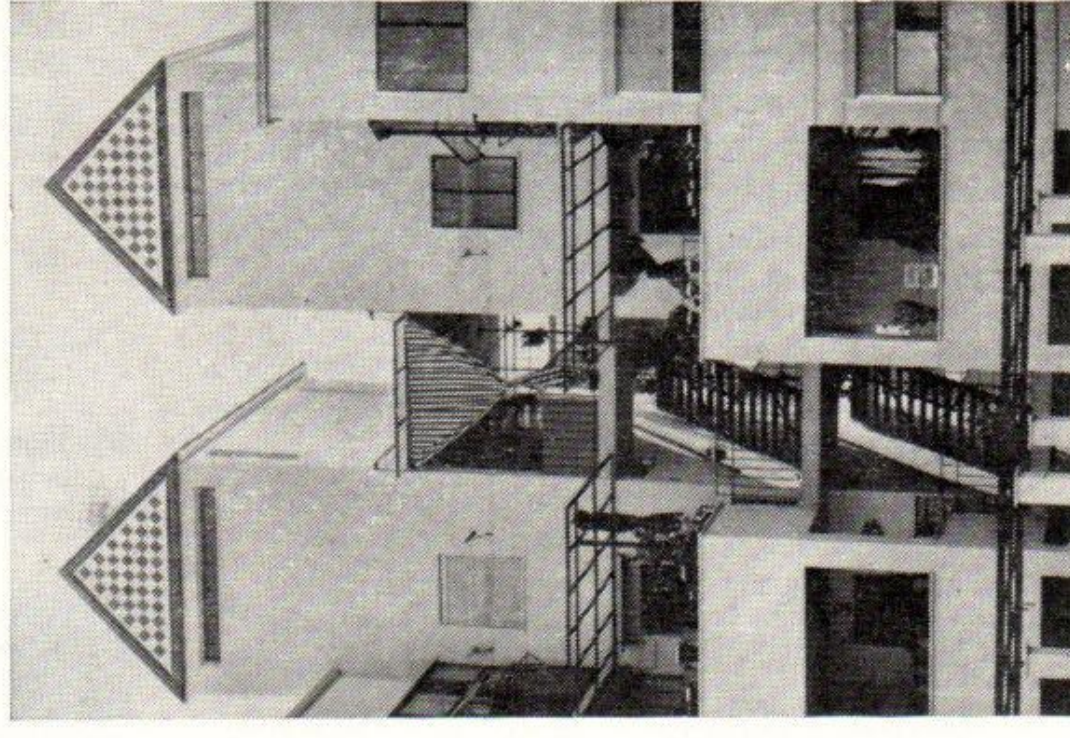
ному старому зданию пристроен новый корпус на 32 места со столовой и помещениями обслуживания. Архитектор, избегая какой бы то ни было стилизации, но сохраняя масштаб и внешне бесхитростный дух провинциального отеля, острой планировкой и еще более острыми (в прямом и переносном смысле) деталями сообщает новому зданию неожиданные качества. Прозрачные пирамиды, цилиндры и призмы, колющие формы стеклянных фонарей и надстроек, вся угловатая пластика дома вносят необычную, таинственно-фантастическую атмосферу в эту скромную гостиницу.
L'Architettura: cronache e storia, luglio 1987

КАМНИ ПАМЯТИ
Искусство в среде города,
Н. Секине,
Инвайронментл Арт Студия,
Япония

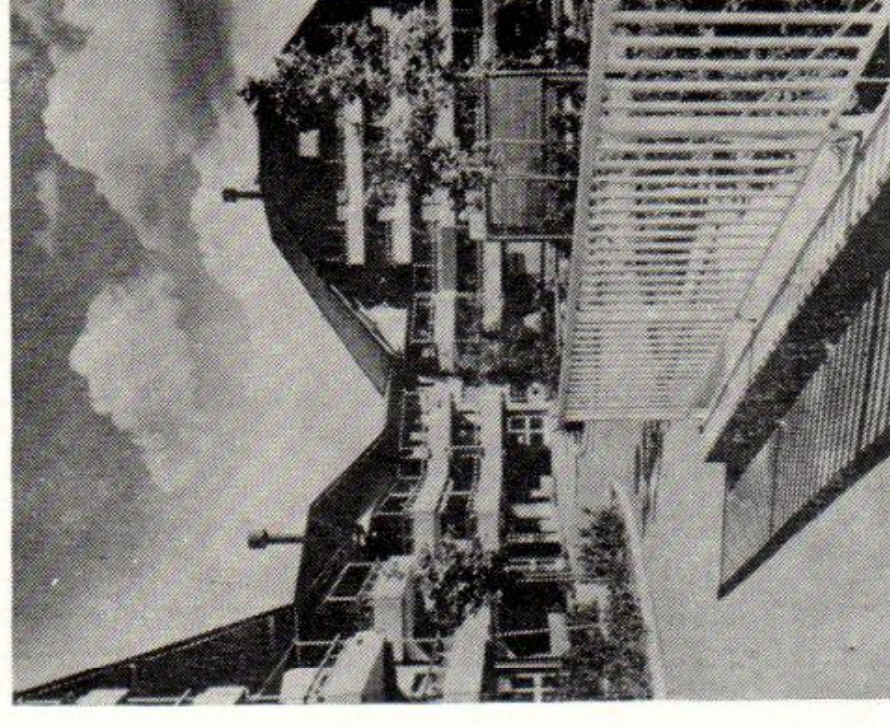
технологии. «Ворота в пейзаж», «Бесконечное кольцо», «Храм воды», как и другие работы «Студии», в самом деле обладают некоей силой, преобразующей как реальное городское пространство, так и пространственное обывденного человеческого сознания.
Process: architecture, No. 74, august 1987

СЕВИЛЬСКИЕ ВАРИАЦИИ
Квартал Пино Монтана, Севилья,
Испания
Архитектор А. Б. Ферьер

Новую испанскую архитектуру критики определяют как «критический» или «аналитический» регионализм. Это направление характеризуется использованием широкого репертуара традиционных местных форм, но «критически переосмысленных» на основе рационалистической методологии в духе Альдо Росси. Квартал в Севилье — один из типичных примеров такого

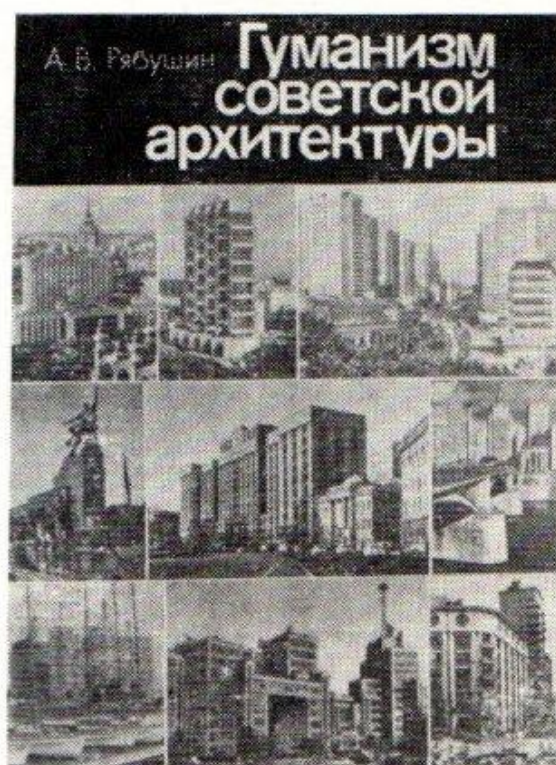
С таким приемом мы уже знакомы: высокий дом-стена по северной границе участка и спрятанное за ним малоэтажное полусельское жилье. Этот тип, изобретенный Ральфом Эрскином, отрабатывался им в Нью-касле, в Хельсинки, а теперь в новой версии возник в пригороде Стокгольма. И вновь подтвердил и свою жизнеспособность, и мастерство автора. Архитектура Эрскина отличается удивительным сочетанием естественной спонтанности, если угодно, эскизности с аб-

солютной выверенностью целого и продуманностью деталей. Отсюда, очевидно, и возникает ощущение правдивости, жизненности и человечности его построек. Все это относится и к району Мюрстугубергет. Пластичная «северная стена» своим всхолмленным кирпичным фасадом — почти глухим, но оживленным рядами галерей и диагональной раскраской — ограждает от шумной магистрали плотные стайки малоэтажных блокированных и террасных домиков, сползающих к берегу озера по скалистым склонам. Прихотливая пульсация внутриквартирных пространств отвечает общему демократическому духу архитектуры Эрскина.
Arkitektur, september 1987

Рубрику ведет Е. Асс

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА АРХИТЕКТОРА

Рябушин А. Гуманизм советской архитектуры. — М.: Стройиздат, 1986. — 376 с., 410 ил.

Подлинная архитектура — искусство, и потому сугубо личностна, как бы ни давили на творчество внешние обстоятельства, экономика, техника, организационные ситуации. Представления о мире, добре и зле, величии и трагизме эпохи всегда преломляются через душу, чувства художника. Воспринимаются образы архитектуры тоже личностно. А потому и писать о ней нужно по-особому, «передавая от сердца к сердцу живой трепет постижения искусства зодчества», — именно такую задачу поставил перед собой автор новой книги о советской архитектуре. Подобных книг у нас не было — во всяком случае в последние десятилетия. Всеобщая история архитектуры и учебники здесь не в счет — вне зависимости от степени полноты их материала, его интерпретации. Стремление «найти путь не только к уму, но и к сердцу читателя, сказать о нашей архитектуре весомо и ярко, как она того заслуживает, и в то же время доходчиво, просто» заявлено буквально в первых строчках. И авторское намерение реализовалось в полной мере. Уже по одному этому новая книга — явление неординарное.

При этом не столь уж важно, все ли ты принимаешь в концепции автора, все ли его позиции разделяешь. Спорного в книге немало. В самом деле, при всем нашем сегодняшнем интересе к истории, традиции, их романтическому переосмыслению в текущем творчестве, правильно ли так уж откровенно «поднимать» архитектуру периода «излишеств» с ее прямолинейными псевдоклассическими упражнениями или предвоенного десятилетия — наши пусть и славные 30-е годы, но тем не менее повернувшие профессиональное сознание в сторону предвзятой помпезности, монументализма. Правда, автор тщательно и, скажем, не без убедительности аргументирует свою точку зрения, но тем не менее вопросы остаются, хотя и ясно, что уже давно необходим пересмотр отношения к тем этапам развития нашей архитектурной истории. В этой связи —

и о названии книги. При всем его лаконизме и емкости вряд ли оно удачно и вообще адекватно содержанию — ведь далеко не все исторические линии архитектуры, анализируемые автором, могут быть отнесены к разряду однозначно гуманистических, и оценки ряда сегодняшних тенденций спорны: автор — человек увлеченный, подчас это оборачивается пристрастностью — при всей научной обстоятельности и аргументированности суждений. Впрочем, это по-своему хорошо — и пристрастность и дискуссионность. Книга не оставляет равнодушным. Волей-неволей приходится размышлять, прояснять или даже заново вырабатывать свою точку зрения на явления, оставшиеся в спешке повседневности за пределами внимания, но тем не менее важные для профессионального сознания. Не есть ли это главное достоинство книги — импульс к раздумью, переоценке и пересмотру устоявшихся представлений, приглашение к соавторству в личном постижении истории и сегодняшнего дня нашей архитектуры.

Примечательна структура книги. Автор идет по хронологии, последовательно рассматривая период за периодом. Но делает это необычным путем. При значительном объеме книги здесь нет утомительно длинных, угнетающих внимание текстов, перегруженных мелкими подробностями, подчас не столь уж и важными для постижения сути творческого процесса. Выбрано и детально разобрано главное, и вслед за сжатым очерком каждого исторического периода следует пять развернутых эссе, посвященных наиболее характерным произведениям или творческим событиям, ярко высвечивающим специфику архитектуры того времени. Жаль только, что современный период не завершён таким же показом пяти лучших объектов, хотя автора можно понять в смысле сложности выделения лучшего, когда еще нет исторической дистанции, дающей хоть какую-то надежду на объективность оценок. В отношении сегодняшнего дня автор выбрал иной путь, завершив общую панораму развития серией теоретических очерков о наиболее характерных гранях сегодняшней творческой проблематики — здесь и проблемы языка архитектуры, и ее национальное своеобразие, и взаимодействие новаторства и традиций, и влияние массового потребителя на направленность творчества. Очерк об идеологических основах нашей архитектуры достойно завершает книгу.

Страстность изложения соседствует с глубиной и документированностью суждений — книга решительно преодолевает унылые штампы наукообразия и сухого доктринерства, подчас еще бытующие в нашей историко-архитектурной науке. Такая книга нужна, особенно сегодня. Знать историю, в первую очередь собственную, поучительно и полезно не только по общеобразовательным и общекультурным соображениям, но и по причинам сугубо творческим. В истории всегда коренятся импульсы дальнейшего развития, а она порядком потускнела в нашем сознании — не без влияния казенных, порой отупляюще скучных текстов. Книга доказывает, что развитие нашей архитектуры — единый процесс, невзирая на крутые повороты ее пути. В прошлом — корни сегодняшней ситуации, взлеты и тупики, сложности, аналогичные многим нынешним и с тем или иным успехом преодолевавшиеся нашими предшественниками.

Все это показано в книге, выстраивающей прочные мосты из прошлого в сегодняшний день нашей профессии. Еще не зная этой книги, мы ждали ее. В пору общей перестройки и напряженного поиска новых путей она объективно необходима.

Вот только полиграфический уровень и качество издания удручают. Ведь это книга о нашей архитектуре. Ее будут читать и смотреть за рубежом. И судить о нас — о нашей истории и современности. И как мы выглядим на этой газетной бумаге с мутными кляксами иллюстраций? Необъяснимо все это, тем более в свете новых требований к пропаганде и контрпропаганде...

Даже оставляя в стороне столь важные вопросы полиграфического качества, книга стала бы настольной для каждого архитектора, не говоря уже о студентах, но непозволительно малый тираж — всего 4900 экземпляров — сделал ее недоступной сразу же после выхода. Вполне своевременно и резонно поставить перед Стройиздатом вопрос о скорейшем переиздании книги — на нужном уровне качества, большим тиражом.

А. Боков

И ПРАКТИКАМ, И СТУДЕНТАМ

Архитектура гражданских и промышленных зданий. Том V. Л. Шубин. Промышленные здания. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Стройиздат, 1986. — 335 с., 372 ил.

Коренные изменения происходят в промышленном строительстве. В ряде отраслей меняются типы зданий в связи с автоматизацией и роботизацией производства. Промышленные комплексы и предприятия оказывают все более актуальное градостроительное и градоформирующее влияние. Это имеет место не только в городах, но в сельских населенных местах в связи с быстрым развитием агроиндустриальных комплексов.

Промышленные здания формируются в результате совместного труда специалистов многих профилей, в том числе архитектора и инженера-строителя. Успех дела во многом зависит от их творческого сотрудничества.

Одной из главных причин отсутствия взаимопонимания между архитектором и строителем является взаимная недостаточная компетент-

ность: архитектора в делах инженерии, инженера-строителя в основах архитектуры. В вузовской программе ПГС есть мизерное количество часов по архитектуре. Но и они не всегда преподаются квалифицированными педагогами. А по некоторым строительным специальностям архитектура как предмет вообще отсутствует.

В такой обстановке чрезвычайно важен выход 3-го издания учебника «Промышленные здания». Он содержит важные научные обобщения по последним архитектурно-типологическим исследованиям и прогрессивной проектно-строительной практике в области промышленных зданий. В ней с достаточной полнотой рассмотрены комплексные функционально-технические основы проектирования промышленных зданий. Значительное внимание уделено вопросам формирования объемно-планировочной структуры разнообразных по характеру и типам промышленных зданий, что является прерогативой архитектора. Особого внимания заслуживает специальная глава, посвященная архитектурно-композиционным решениям промышленных зданий. Нет нужды доказывать, что у многих инженеров-строителей не хватает знаний именно по этим вопросам.

В новом издании автор дополнительно ввел очень важную главу «Промышленные здания с применением легких несущих и ограждающих конструкций». Это направление строительства быстро развивается и в ближайшее время займет ведущее место в промышленной архитектуре.

Чрезвычайно важной и, пожалуй, самой главной, как и в предыдущем издании, является основная концепция автора о том, что «Решение конструктивных элементов, узлов, а также всей конструктивной системы промышленного здания определяется технологическим процессом, для которого здание предназначено, параметрами воздушной среды (по мнению рецензента лучше было бы сказать «условиями труда для человека»), объемно-планировочным решением и отвечающему ему конструктивным замыслом» (с. 166). Таким образом, первичным являются объемно-планировочные решения, вторичным — конструктивные. Весь учебник построен именно на этой правильной авторской концепции. Ни один учебник для инженеров-строителей не давал такую четкую позицию: что первично, что вторично. Это очень важный принципиальный вопрос.

Воспитанные на неправильных концепциях в вузе инженеры-строители считали и продолжают считать, что основа всего — конструкция: если, мол, будет создана конструкция, тем более экономичная, да еще на индустриальной основе, здание из него получится само собой.

Такая ошибочная точка зрения многих инженеров-строителей уже нанесла большой вред строительной практике, особенно архитектуре промышленных зданий.

Приведенная выше цитата учебника заслуживает того, чтобы каждый студент — будущий инженер-строитель или конструктор глубоко осознал ее комплексный смысл и всегда применял в своей работе. Не мешало бы последовать этому и ныне работающим инженерам.

Полагаю, что учебник полезен не только для студентов ПГС, но и для других строительных специальностей.

Он полезен и для студентов архитектурных вузов и факультетов, которые могли бы получить ценные сведения в части функциональных и технических основ проектирования промышленных зданий.

Н. Ким

ТОРГОВЫЕ ЦЕНТРЫ — КАКИМИ ИМ БЫТЬ?

Беддингтон Н. Строительство торговых центров. Пер. с англ. С. Хомутова; Под ред. И. Федосеевой. — М.: Стройиздат, 1986. — 172 с., 133 ил.

За последние десятилетия торговые центры различного назначения, состава и вместимости стали одним из важнейших типов общественных комплексов, основной структуры сети торгового обслуживания городского и сельского населения. Советская архитектурная наука разработала стройную систему центров, дала рекомендации по их размещению структуре и объемно-планировочным решениям, выработала требования к технологическому и инженерному оборудованию, отделке, организации участков.

Но проектировщику-практику необходимо знание современного опыта проектирования и строительства торговых центров не только в нашей стране, но и за рубежом. Нет сомнения, что многие из них подсказаны и прямо обусловлены принципиально отличными от наших социально-экономическими условиями и требованиями, однако их профессионально-техническое содержание может подсказать нетрадиционные пути решения реальных проблем проектирования торговых комплексов.

Именно как анализ и обобщение опыта строительства торговых центров 70—80-х годов за рубежом интересна рецензируемая книга английской исследовательницы Н. Беддингтон. Особый интерес придает раскрытие в книге новой тенденции их размещения, оказавшей влияние на их состав, структуру и архитектурное решение. В предисловии к русскому изданию научный редактор книги, автор концепции торговых центров в советском градостроительстве И. Федосеева пишет: «...в настоящее время все большее значение приобретает создание торговых центров в сложившихся городах». И большая часть приводимых автором примеров демонстрирует эту тенденцию.

Именно задача включения крупного комплекса общественного на-

значения в конкретную городскую ситуацию предопределила сложность конфигурации участков, многоуровневость структуры, стремление к компактности и даже архитектурный облик. Фотографии небольшого торгового центра в Южной Англии сопровождается многозначительная подпись: «Вновь построенная деревня? Нет, торговый центр». Автор книги указывает: «В условиях реконструкции городской застройки торговый центр может полностью использовать характер первоначальных построек, что вдохнет новую жизнь в данный район города», и, отражая новые тенденции в архитектуре, требует «с тактом привязывать новые проекты к местности, а не противопоставлять их окружающей застройке... не нарушить существующий окружающий ансамбль». Исходя из интересов организации торговли, она говорит о важности «сохранить преемственность», а также о переоборудовании существующих зданий в торговые, благодаря чему «исчезнет проблема утраты знакомых черт зданий и пространств».

Книга дает краткую историю развития типа здания, уточняет понятие торгового центра и его основных элементов (в этом отношении удачно включение в книгу «Словаря терминов»), а также дает конкретные рекомендации проектировщикам, иллюстрируя их многочисленными (повторим — новыми для читателя) примерами. Поскольку «качество проекта и планировки торгового центра являются решающим фактором его коммерческого успеха», автор настаивает на тесном сотрудничестве («содружестве») архитектора с заказчиком и специалистами и рекомендует «конкурсное рассмотрение в отношении как экономических, так и объемно-планировочных решений».

Особое внимание автора привлекают средства и способы создания благоприятной психологической, эмоциональной атмосферы в центре, способствующей привлечению покупателя. Эта тема раскрывается на разных уровнях: от методов выкладки товаров «таким образом, чтобы покупатель хотел их купить», до организации вертикальных и горизонтальных коммуникаций, оформления фасадов и расположения самого комплекса.

Главным структурным элементом торгового центра автор справедливо считает его пешеходную зону: «Каким бы ни был тип центра, он будет концентрироваться вокруг молла — естественного наследника торговой улицы». В духе современных градостроительных концепций автор рекомендует шире применять полностью перекрытые пешеходные зоны или крытые галереи на открытых моллах и дает конкретные рекомендации по планировке пешеходных зон, по организации естественного и искусственного освещения, вентиляции, противопожарного оборудования, по установке и характеру малых форм благоустройства и т. п.

В разработке проекта интерьера торгового центра и прежде всего его пешеходной зоны автор обращает внимание на пропорции помещений, удобство ориентации, размещение вывесок и рекламы, а также на важность всего комплекса визуальной информации говорит о необходимости «разработки легко узнаваемого «языка» самого центра», призывает к включению в комплекс озеленения и произведений искусства.

Рекомендации автора, бесспорно, во многом определяются социально-

экономическими условиями ее деятельности — частной собственностью, конкуренцией, рекламой, но профессиональное содержание, творческая направленность интересна и для советских архитекторов. Стоит задуматься над утверждением Н. Беддингтона: «В такой сложной и новой области, как строительство торговых центров, не существует стандартных решений. Каждый проект требует свежей мысли, тщательных и кропотливых исследований и решения единственных в своем

роде и индивидуальных проблем, начиная от общих принципов организации до технических подробностей».

В книге много иллюстраций, но, к сожалению, качество репродукций не позволяет разобрать важные для проектирования детали, что связано и с уменьшением формата книги по сравнению с оригиналом.

Вызывает возражение традиционное в практике переводов на русский язык иностранной литературы (конечно, не только Стройиздата) из-

менение данного автором названия. Книга явно предназначена проектировщику, имела название «Проектирование (для) торговых центров», что лучше и точнее, чем «Строительство торговых центров».

В целом же издательство и редакция провели большую, заслуживающую уважения работу, благодаря которой архитекторы получили полезную и интересную книгу на актуальную тему.

В. Хайт

В АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ СССР

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию изобразительного искусства и повышению его роли в коммунистическом воспитании трудящихся» на Академию художеств СССР возложена координация научных исследований по актуальным проблемам теории и практики советского многонационального изобразительного искусства и синтеза его с архитектурой.

Государственному комитету по архитектуре и градостроительству, Министерству культуры СССР, Министерству высшего и среднего специального образования СССР, Государственному комитету СССР по науке и технике, Академии наук СССР и Академии художеств СССР поручено обеспечить разработку и осуществление комплексной программы научных исследований в области взаимодействия изобразительного искусства и архитектуры.

В связи с этим отделением архитектуры и монументального искусства Академии художеств СССР подготовлен проект указанной выше программы.

Главный принцип, положенный в основу проекта документа — максимальная результативность научных исследований на базе практики совместной работы архитекторов и художников.

Заглавная тема программы научных исследований — перспективный план монументальной пропаганды и методика его разработки. Предлагается определение сути его содержания с точки зрения активного влияния на формирование среды обитания.

Ряд тем научных исследований связан непосредственно с практикой работы архитекторов и художников.

1. Архитектурно-художественная концепция как основа синтеза архитектуры и изобразительного искусства;

2. проблемы синтеза изобразительного искусства и архитектуры в проекте застройки;

3. синтеза изобразительного искусства и архитектуры в современной массовой застройке, в промышленных комплексах, зданиях и сооружениях;

4. в типовом проектировании; наглядная агитация как один из главных элементов формирования облика городов и сел — таков перечень тем, результаты исследования которых должны оказать помощь зодчим, скульпторам и художникам-монументалистам в совместном творческом труде.

Предлагается подготовка к изданию серии альбомов по отдельным объектам, являющихся лучшими примерами синтеза архитектуры и изобразительного искусства.

Известен существенный практический вклад Художественного фонда СССР в формирование художественного облика градостроительных ансамблей, а также отдельных зданий и сооружений. Поэтому особое значение придается научному исследованию, в котором будет рассмотрена творческая направленность художников и архитекторов, работающих в этой организации.

Придавая большое значение ландшафтной архитектуре, авторы проекта программы научных исследований предлагают объектом научных исследований взаимодействие ландшафтной архитектуры с изобразительным искусством.

Ряд исследований планируется посвятить мировой практике в области синтеза изобразительного искусства и архитектуры.

Проблемы совместного труда художников и архитекторов должны найти свое отражение в системе художественного и архитектурного образования. В связи с этим на основе научных исследований предлагается внести коррективы в учебные программы вузов, а также издать специальный учебник.

Предметом исследования предлагаются социальные аспекты влияния синтеза архитектуры и изобразительного искусства на развитие социалистического общества.

В завершенном виде комплексная программа научных исследований в области взаимодействия изобразительного искусства и архитектуры должна стать одним из основных документов, регламентирующих работу научных учреждений страны в области изобразительного искусства и архитектуры. Результаты выполнения исследований, предусмотренных программой, призваны ответить на те проблемные вопросы, которые стоят перед практикой осуществления взаимодействия изобразительного искусства с архитектурой.

А. Георгиевский

ПОЛМЕСЯЦА В ДЕРЕВНЕ

Как часто приходится слышать от коллег резкие слова в адрес того, что пишется об архитектуре:

— Архитектурная критика не играет никакой роли в моей профессиональной жизни. Существует ли она вообще?

И впрямь, большинство архитекторов-практиков не ощущает на своей работе какого бы то ни было влияния критики. Можно утверждать, что жизнь по крайней мере трех поколений советских архитекторов прошла без профессиональной критики. Но чья в этом вина — тех, кто проектирует и строит, или тех, кто об этом пишет?

Чтобы задуматься об этом, а может быть и ответить на подобные вопросы, в ноябре прошлого года в доме творчества «Суханово» собрались участники семинара «Искусство архитектурной критики», организованного комиссией по теории и критике Союза архитекторов СССР. На семинар приехали молодые архитекторы из научных отделений проектных институтов, республиканских институтов искусств и истории, преподаватели вузов, консультанты местных отделений Союза архитекторов.

Работа в целом шла по традиционной для семинаров схеме: лекции и беседы. С лекциями выступили В. Глазычев, А. Раппапорт, В. Мейланд, Е. Асс, М. Астафьева-Длугач, Э. Паскевич, В. Локтев. Участники познакомились с новостройками Москвы, встретились с работниками редакций и профессиональных журналов.

Словом, все было задумано как обычно, но вышло так, что на организации семинара закономерно сказались сложность и неоднозначность положения нашей профессиональной критики, которая не обладает пока ни внятной методологией, ни ясной теорией, ни тем более традициями.

Хотелось, очень хотелось бы отнести некоторые недостатки семинара на отсутствие опыта, ведь подобная встреча устроена впервые. Но, думается, серьезность намерений и важность предмета семинара предполагают самый строгий подход к оценке.

Состав участников был во многом случаен. Как выяснилось, далеко не все приглашенные работают в области архитектурной критики или собираются ею заниматься. К тому же лекции, за редким исключением, на деле не отвечали темам, объявленным в названиях (а судя по темам они выстраивались в логичный и необходимый ряд). Что это — желание шире охватить проблему или сомнение в пользе конкретного разговора? Если причина в последнем обстоятельстве, то это еще раз свидетельствует о неблагоприятии нашей критики и неподготовленности как лекторов, так и «семинаристов». Значит, можно было не боясь показаться банальными построить лекции на преподавании азов критики, поговорить о жанрах, о форме, о стилистике публикаций.

Поговорить... Как раз это удалось далеко не всегда. Обнаружилось неумение вести дискуссию, доказательно спорить и аргументированно защищать свою точку зрения. Разговор часто замыкался на софистике. Правда, утрата культуры полемики — это, увы, общая болезнь, от которой не смогли избавиться «семинаристы» несмотря на то, что обстановка располагала к свободному неформальному общению. Сожалея о том, что семинар не стал школой дискуссии, остается радоваться, что он не сделался и «школой злословия», поскольку критику до сих пор часто отождествляют с осуждением, хотя изначальный смысл слова в переводе с греческого — обсуждение.

Примечательно, что подобных просчетов счастливо избежал другой семинар, проходивший в Суханове в те же дни. Это был семинар Союза архитекторов РСФСР по проблемам малоэтажной застройки для малых городов. Сравнение двух «параллельных» событий напрашивается само собой.

Несмотря на то, что семинар по малым городам продолжался не две недели, а всего лишь четыре дня, или может быть именно поэтому, в нем было больше конкретных дел. В программу входила клаузура, о которой участники были оповещены заранее. В Суханово они приехали с обдуманными предложениями по малоэтажной застройке, которые они реализовали на кальке в один из дней семинара. И этому не помешала ленивая и расслабляющая атмосфера дома творчества в загородной усадьбе. Результаты клаузуры обсудили, поспорили и о проектах, которые уже осуществляют участники семинара в своих городах. Словом, время было потрачено не зря.

Могло ли случиться нечто подобное на семинаре критиков? Несомненно, могло. И дело тут не в принципиальном отличии критики от практики, а всего лишь в организации, в подготовке события.

Участники могли бы привезти на семинар свои статьи, очерки или эссе — опубликованные и неопубликованные. Их можно было бы прочесть и обсудить всем вместе с пользой для авторов и обсуждающих, посвятив этому большую часть времени. Ведь что ни говори семинар — это учеба. Кстати, именно так работают семинары критиков и публицистов, проводимые другими творческими союзами. Вероятно, сейчас, когда архитектурная критика не является необходимым элементом профессиональной жизни, когда она нуждается в развитии едва ли не с нулевой точки, и требуется начало учебы.

Итак, можно ли винить критику за то, что она не стала частью архитектуры? Семинар, к счастью, не свелся к определению меры вины. А что касается его результатов, то не вполне удавшийся опыт — тоже опыт, если из него будут извлечены уроки. Надо надеяться, что они будут извлечены для организации последующих встреч, в том числе для семинара по архитектурной публицистике, который проводит СА РСФСР весной этого года.

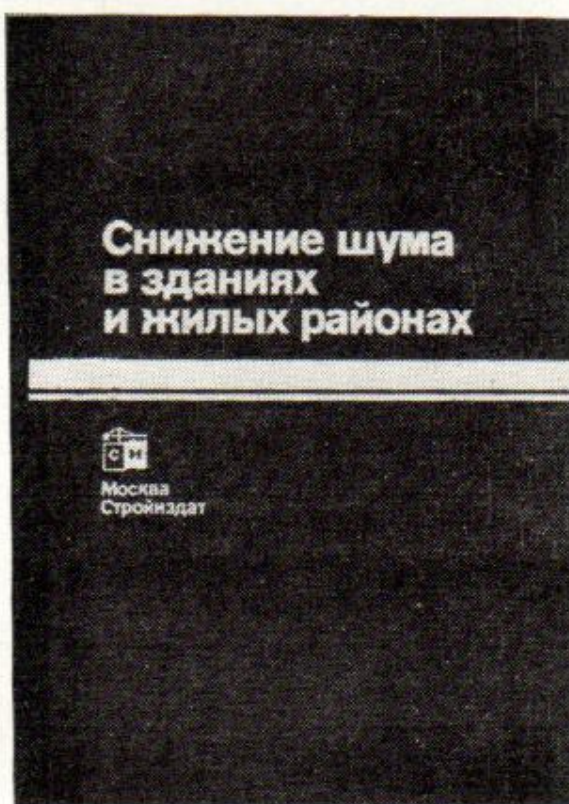
С. Николаев

НОВЫЕ КНИГИ

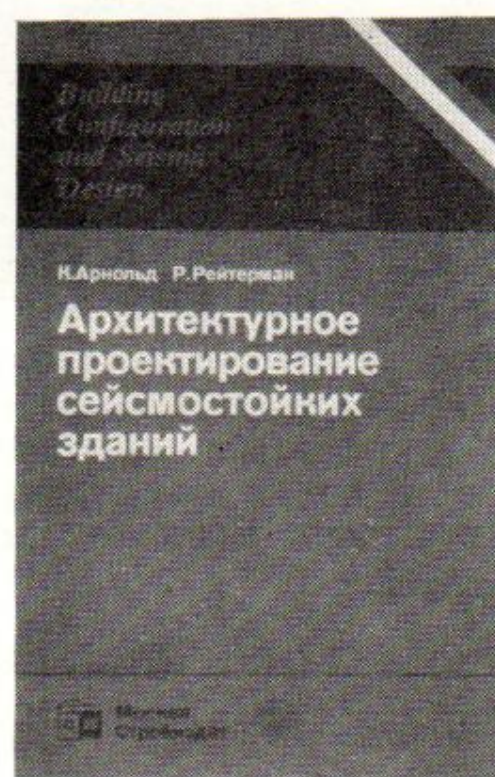
Левит Е. Осталось только на фотографиях. — М.: Планета, 1986. — 351 с., 574 ил.

В книге представлены произведения искусства, которые остались только на фотографиях. В ней говорится о том, что можно разрушить сотни городов, сжечь тысячи книг, можно разгромить музеи, уничтожить или похитить находящиеся в них произведения искусства, но нельзя уничтожить культуру, искусство раскрепощенного народа.

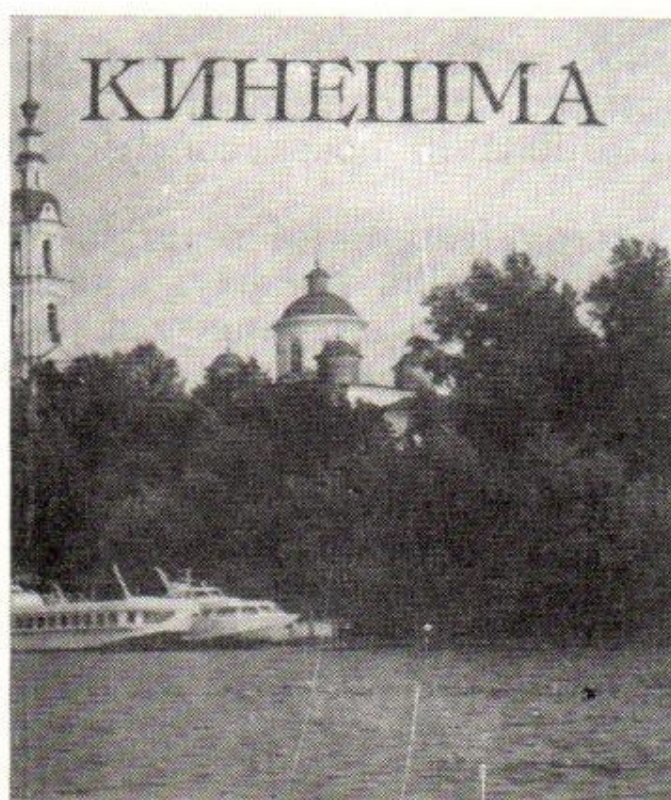
Снижение шума в зданиях и жилых районах / Г. Осипов, Е. Юдин, Г. Хюбнер и др.; Под ред. Г. Осипова, Е. Юдина. — М.: Стройиздат, 1987. — 558 с., 438 ил.

В книге, авторами которой являются специалисты из СССР, ПНР, Зап. Берлина, ФРГ и Японии, освещаются вопросы защиты от шума строительно-акустическими методами в зданиях и на территориях застройки. Приводятся данные о закономерностях распространения шума в зданиях и на территориях застройки, а также способы защиты от шума.

Арнольд К., Рейтерман Р. Архитектурное проектирование сейсмостойких зданий / Пер. с англ. Л. Пудовкиной. Под ред. С. Полякова, Ю. Волкова. — М.: Стройиздат, 1987. — 195 с., 165 ил. — Перевод изд.: Building Configuration and Seismic Design / C. Arnold, R. Reitherman. — New York: John Wiley and Sons. Inc., 1982.

Книга американских специалистов посвящена проектированию зданий, возводимых в сейсмических районах. В ней рассматриваются методы расчета сейсмостойких зданий и детали их конструирования.

Мезенин Я., Щелков А. Кинешма. — М.: Советская Россия, 1987. — 158 с., 48 ил.

В путеводителе рассказывается о старинном русском городе Кинешме. Интересна историческая справка о городе, о достопримечательностях и современных постройках. Книга знакомит читателя с окрестностями Кинешмы.

Creative Problems // Arkhitektura SSSR, No. 2, 1988, p. 16

This selection of articles is on the new directions in industrial architecture. In V. Blokhin's article entitled "Industrial Architecture; Tendencies, Problems, Tasks", the author analyzes the methods of composing the architectural form of the present industrial buildings and making a movable and easily changeable structure of enterprises. Attention is especially paid to the organization of the interior of manufacturing enterprises, i. e. the use of greenery, colours, and components of monumental fine art in them. All these factors promote the growth of labour productivity.

The architectural decisions concerning atomic electric stations of a new generation with reactors of enhanced capacity are considered in the article entitled "Architectural Problems of Atomic Electric Stations". The idea of blocking the main and auxiliary buildings by unified construction and technological modules seems to hold out good prospects. The opinions of specialists on the ways of perfecting the architecture of the building complexes of atomic electric stations are given in the article.

The article entitled "Search in Creative Endeavour" is on the experience gained in architectural construction in Czechoslovakia after the war. The great attention paid to units forming the habitat is a new phenomenon in Czechoslovak architecture.

Project and Its Implementation // Arkhitektura SSSR, No. 2, 1988, p. 36

The material, which is on the Solntse heliocomplex, shows the importance of such industrial units, the creative search in projecting such buildings, and the technological process. The architects tried to create a modern complex while taking account of the national traditions.

The article entitled "Two New Department Stores in Bratislava" is on the specific features of the architecture of such large department stores as Ruzhinov and the House of Clothes. They clearly show the different modern methods used by Czechoslovak architects in erecting public buildings. The stepwise arrangement of spaces, the rich plastic of the facades, and the interpenetration of the exterior and the interior are seen in the Ruzhinov department store, and the calm and smooth volume with a mirror facade as well as the rhythm of eaves, in the House of Clothes.

Creative Laboratory // Arkhitektura SSSR, No. 2, 1981, p. 48

A creative portrait of a Kiev architect who did much to preserve the historic urban environment of Kiev, an ancient city with a great destiny, is given in the article "A. M. Miletsky".

His most important works, including the Square of Glory, the Young Pioneer Palace and the Memory Park, are shown and analyzed. Architects' views on A. Miletsky's works are also presented.

Creative Problems // Arkhitektura SSSR, No. 2, 1988, p. 64

The papers of the scientific and technical conference on the industrialization of civil housing construction (Sverdlovsk, 1987) are expounded in the article "Industrial Means Large Panelled?". Specialists' opinions on the achievements and miscalculations of modern industrial construction and the ways of perfecting it are given in the article.

In E. Nikolaev's article "Flexible Planning: from a Standard House to a Flat by Order", the author analyzes the problems of having many variants in planning flats in modern houses while taking account of the demographic features and the possibilities of the building industry. N. Kordo comments on the article.

Architecture and Technology // Arkhitektura SSSR, No. 2, 1988 p. 82

Yu. Galustyan's article is on the new method of designing buildings made of light metallic structures. The evolution of the role of metal in architecture throughout the historic periods beginning from the fifth century B. C. is considered in it.

The effectiveness of using light metal structures and the great technical opportunities which they offer are shown by taking the example of numerous industrial buildings erected in the Soviet Union recently on the basis of the architectural constructive structure.

Legacy // Arkhitektura SSSR, No. 2, 1988, p. 100

This section carries two articles by V. Samogorov and L. Kholodova on the legacy of industrial architecture in Kuibyshev and the Ural towns. In both articles, the authors emphasize the need to preserve and prolong the life of these extremely valuable cultural monuments and to organically include them in the real urban environment.

Abroad // Arkhitektura SSSR, No. 2, 1988, p. 108

S. Suetin's article "Housing for Millions" is on the development and use of popular traditions in house construction in India.

The planning features of separate housing blocks in Delhi, Bombay, satellite cities and settlements are analyzed, and the Indian architects' original proposals on forming the habitat are considered in the article.

The French architects' works in forming industrial zones in French towns are discussed in S. Kazakov's article "Reconstruction and Rehabilitation of the Industrial Building Arrangement in France". The author gives examples of reconstructing industrial enterprises in Paris, Nantes, Rouen and other cities.

ВЫСТАВКА

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В МАрХИ впервые за многие годы организована выставка работ студентов и преподавателей института, которую можно назвать действительно художественной. Принципиально художественная ориентация выставки привела к целому ряду позитивных результатов. Появился смысловой стержень выставки — тема: «Традиции и современность», который задал принцип выбора работ. Определяющим критерием стало их художественное качество. Подобный критерий открыл множественность жанров экспозиции: фотографии построек и архитектурных проектов, концептуальные проекты, архитектурные фантазии, дипломные и учебные работы разного времени — по рисунку, живописи, основам архитектурного проектирования; станковая живопись, рисунки, скульптура, эскизы декораций и костюмов, макеты архитектурных сооружений, научные публикации.

Художественная ориентация заставила не только подумать о специальных усилиях по созданию образа выставки: оформление фасада здания, пространственные плакаты на улице и в вестибюле, использование скульптуры, цветных тканей, живой зелени; не только о формах подачи материала на мольбертах, скульптурных станках и специальных фонах, но и о формировании целостной выставочной среды — ее пространственных и световых членений, связей жанров, тем и т. п.

Работа с экспонатами велась как с материалом для экспозиционного творчества. Связи между ними создавались не только смысловые, но и ритмические, фактурные, цветовые — таким образом раскрывались многие скрытые художественные достоинства смежных тем.

Выставка открыла людей, пытающихся постичь современный дух поиска, остроты, смятения — людей, у которых до сих пор не было возможностей для показа своих работ (В. Прядихин, Е. Русаков, А. Сулейманов). Она показала работы тех, кто постоянно ищет на основе солидного традиционного профессионализма (И. Мельчаков, О. Максимов, В. Локтев) И наконец, выявила людей, полностью погруженных в прошлое, чуждых духу смятения и поиска.

Выставка в МАрХИ заставила также задуматься о многих проблемах современной вузовской реальности: о засилье технических дисциплин, о невнятности позиций многих кафедр и оторванности их от проектирования, об отсутствии почвы и трибуны для развития живого, творческого духа, так необходимого нам сегодня.

В заключение следует назвать автора художественной концепции выставки — архитектора А. Ермолаева.

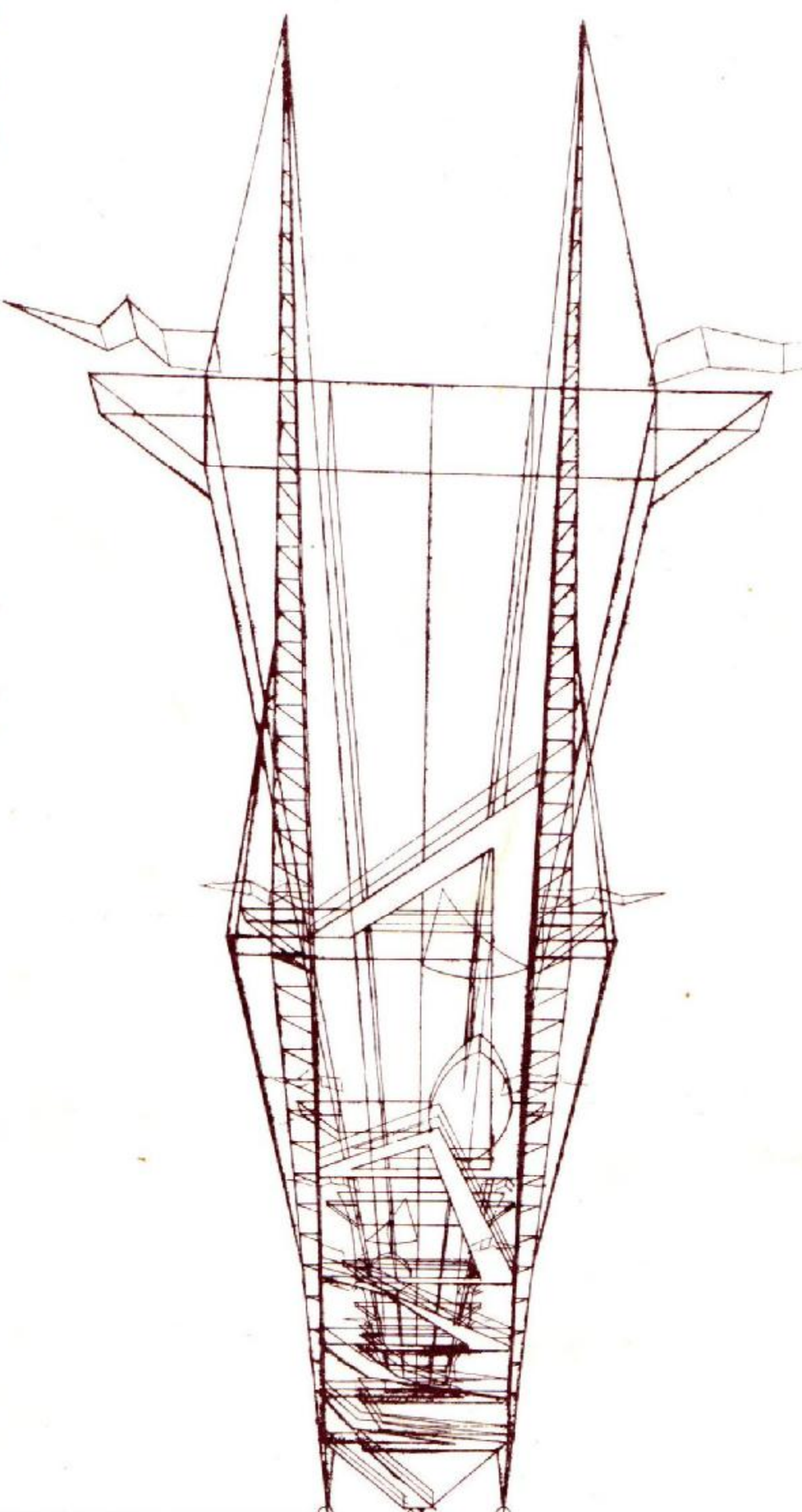
А. Г.

CONTENTS

From the Editor, p. 2
Panorama, p. 4
V. Blokhin. Industrial Architecture: Tendencies and Problems, p. 16
Architecture of Atomic Power Engineering, p. 22
V. Terenin. Four Decades of Creative Work, p. 28
Solntse Heliocomplex, p. 36
Two Department Stores in Bratislava, p. 44
Avraam Miletsky, p. 48
Young Architects of Armenia, p. 58
Industrial Means Large Panelled? p. 64
E. Nikolaev. From a Standard House to a Flat by Order, p. 69
"Is There a Future for Architecture?", p. 74
N. Pavlov. Moscow: Cycles of Pulsation, p. 78
Yu. Galustyan. Architectural Constructive Structures, p. 82
I. P. Mashkov, p. 86
V. Samogorov. Industrial Enterprises of the Historic Part of Kuibyshev, p. 94
L. Kholodova. Ural Factories, p. 100
S. Suetin. Housing for Millions, p. 108

Notes de rédacteur. P. 2
Panorama. P. 4
V. Blochin. Architecture industrielle: problèmes et tendances. P. 16
V. Térénin. 40 ans de création. P. 28
Héliocomplexe "Soleil". P. 36
Deux grands magasins à Bratislava. P. 44
Avraham Miletski. P. 48
Jeunes architectes de l'Arménie. P. 58
Industriel — signifie grands panneaux? P. 64
E. Nikolaev. Du maison Type à l'appartement commandé. P. 69
"Avenir — existe ou non pour l'architecture?" P. 74
N. Pavlov. Cycles de pulsation. P. 78
Yu. Galoustian. Structures constructives et architecturales. P. 82
I. P. Machkov. P. 86
V. Samogorov. Entreprises industrielles de la partie historique de la ville de Kouibyshev. P. 94
L. Kholodova. Les usines de l'Oural. P. 100
S. Suetin. Habitat pour les millions. P. 108

SOMMAIRE

INHALT

Von dem Redakteur. S. 2
Das Panorama. S. 4
W. Blochin. Architektur der Industriegebäude: Tendenzen und Probleme. S. 16
Architektur der Atomenergetik. S. 22
W. Terenin. 40 Jahre des Errichtens. S. 28
Des Heliokomplex "Solnze". S. 36
Zwei Warenhäuser in Bratislava. S. 44

Awraam Milezki. S. 48
Junge Architekten des Armeniens. S. 58
Ob die Industriebauweise Grossplattenbauweise ist? S. 64
E. Nikolaew. Vom Typenhaus — zur Wohnung nach der Bestellung. S. 69
"Ob die Architektur die Zukunft hat? S. 74
N. Pawlow. Moskau: die Pulsierenszyklen. S. 78

Iu. Galustian. Die Architektur-konstruktive Strukturen. S. 82
I. P. Maschkow. S. 86
W. Samogorow. Industriebauwerke des historischen Teiles der Stadt Kuibyschew. S. 94
L. Holodowa. Die Werke von Ural. S. 100
S. Suetin. Die Wohnungen für Millionen. S. 108